

**СЕРГЕЙ
СИНЯКИН**

**ЗЛАЯ ЛАСКА
ЗВЕЗДНОЙ РУКИ**

**ЗЛАЯ ЛАСКА
ЗВЕЗДНОЙ РУКИ**

**СЕРГЕЙ
СИНЯКИН**

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

**СЕРГЕЙ
СИНЯКИН**

**ЗЛАЯ ЛАСКА
ЗВЕЗДНОЙ РУКИ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО **АСТ** • МОСКВА

2002

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
С38

Серия основана в 1997 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник В.Н. Ненов

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.01.2002.
Формат 84×108¹/32. Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,32.
Тираж 10 100 экз. Заказ 538.

Синякин С.Н.

С38 Злая ласка звездной руки: Сб. повестей / С.Н. Синякин. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. — 365, [3] с. — (Звездный лабиринт).

ISBN 5-17-012752-9

Невероятные события в славном городе Бузулуцке продолжаются...

Местный партактив, оказавшись в Иудее две тысячи лет назад, пытается решить мировые проблемы бузулуцкими методами и изменить ход истории. Как вы думаете, что из этого выйдет?

Нечто странное и уму непостижимое произошло вдруг ни с того ни с сего в районном центре Михайловка. Опустилась с неба сфера и закрыла весь город... Что это? Козни нечистой силы, происки спецслужб, а может — долгожданный первый контакт с инопланетной расой? И каково это — испытать на собственной шкуре злую ласку звездной руки?..

Читайте новые повести Сергея Синякина!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© С.Н. Синякин, 2002
© ООО «Издательство АСТ», 2002

ПАРТАКТИВ В ИУДЕЕ

Я — православный коммунист!

Батько Лукашенко

Глава первая,

в которой легионеры мирно сидят и беседуют у ночного костра в ожидании ужина, а рыбаки становятся ловцами человеков

Потрескивали сучья в костре.

Пламя высвечивало лица собравшихся у огня; сизые, медленно тускнеющие угли ало и жарко вспыхивали от порывов знойного ветра, а в темном закопченном медном котле клокотало закипающее варево; запах, впрочем, был довольно неаппетитным, только участник походов мог распознать лезущий в ноздри дух курдючного бараньего сала, которое медленно таяло в распаренной пшенице. Кашевар зачерпнул из котла черпаком, подув на варево, попробовал его и одобрительно заворчал, облизывая пальцы.

Как мало надо человеку для счастья: покой и ожидание позднего ужина, скрашенные вечерними беседами с друзьями и боевыми товарищами. Иной скажет: разве в том счастье? И будет не прав. Разве оно в том, чтобы ловить опасных сикариев на дороге Галилеи? Или в том, чтобы собираться в очередной поход, в котором без труда можно сложить буйную голову за славу своего цезаря? Нет, дорогие читатели, истинное счастье как раз и кроется в непрочных и коротких промежутках между кровавыми бурями. Но к этому обычно воины приходят после множества битв, если, конечно, остаются живыми.

От извилисто вытянувшегося в небесах Млечного пути оторвалась звездочка и покатилась к горизонту, оставляя во тьме ночи светящийся оранжевый след.

— К-корнелий, — сказал бритый легионер, вытягивая ноги, затянутые в кнемиды. — К-караул к-караулом, а жрать все равно х-хочется. С-сходи к рыбакам, п-попроси рыбки.

Один из сидящих у костра легионеров коротко и невесело засмеялся.

— К этим рыбачкам, — сказал он, — в одиночку и подходить страшно. Глазом моргнуть не успеешь, как тебя навсегда успокоят на дне Галилейского моря. Ты этих рыбачков видел? Рожи разбойные, глаза бегают... Таким на дороге купцов шаршить, а не сети из воды тянуть!

Тот, кого называли Корнелием, неторопливо встал, лениво потянулся, почесался и снова сел. Круглое лицо его выражало спокойствие и ленивую уверенность в том, что просьбу товарища выполнять не следует ни в коем разе. Вот приказ, это другое дело, слава Марсу, что бритоголовый в начальники не выбился.

— Да и нет рыбачков-то, — сказал он хрипловато. — Вон их лодки на берегу сохнут. Смылись рыбачки и сети на берегу побросали.

Легионеры, не сговариваясь, посмотрели на берег, где на песке бесформенными темными пятнами чернели две лодки. Рыбаков рядом с лодками и в самом деле не было видно.

— Я же говорил, разбойники! — обрадовался невысокий, плотный и от кривоногости похожий на пресноводного краба старослужащий. — В шайку подались... есть тут такие, все грозятся нас кидарами закидать, есей их Юпитер!

Бритый пожал плечами.

— Д-дорог много, — рассудительно сказал он. — А с-столбы, если п-понадобятся, вкоп-паем...

Корнелий подождал, пока гогот стихнет, и сказал:

— Про разбойников я не слышал, а вот проповедник на озере один ошивался. Худой такой, с рыжей бородкой. Все вещал, что легче верблюду сквозь игольное ушко пролезть, чем богатому на том свете счастье найти.

Легионеры оживленно загомонили, забыв даже о кипящем в котле вареве.

— Вот сказанул, — хохотнул похожий на краба Деменций. — Верблюды в игольное ушко! Он бы еще через это ушко нильских крокодилов протащил. Или Септима Горбатого!

Последняя идея сидящим у костра понравилась так, что над ней смеялись долго и всласть. Высказывались предположения, что Септиму помешало бы пролезть через игольное ушко, и, конечно, это был не горб.

— Ох, к-квириты, — сказал бритоголовый, — н-не к добру мы с-смеемся! С таким с-смехом м-мы точно Ч-черного Вс-садника накличем!

Бритоголового звали Портвинием Циском. Это был старый рубака, который побывал с легионами на всех Понтах и видел то, что большинству и не снилось. Про него так и говорили, что Портвиний Циск живет на понтах. В одном из давних боев отчаянный перс нанес Циску сабельный удар по голове, с тех пор он заикался, но баттаризмом* не страдал. Изъяснялся он четко и ясно, как и подобает римлянину.

Смех смолк. Сидящие у костра делали вид, что ничего особенного сказано не было, но взгляды по сторонам опасно бросали. Сумрак со всех сторон подползал к костру ленивым хищным зверем. В выпуклых глазах этого зверя отражались крупные и яркие южные звезды. Опять стало слышно, как накатывается на песчаный берег волна и потрескивают сучья в костре.

— Смотри — подгорит! — предупредил кашевара Корнелий и вслух подумал: — Не все всадники скоты, есть среди них и порядочные!

Корнелий Бароний в больших битвах не участвовал, но в стычках с разбойниками на дорогах Палестины и Галилеи показал себя отважным и рассудительным воином. Немало иудеев положил, с ессеями и сикариями дрался не раз и успешно, а сам пока отделялся легкими ранениями, с которыми стыдно было к лекарю обращаться — травы нажуеть

* Это у нас головные боли, а у греков и древних римлян — баттаризм. — *Здесь и далее примеч. автора.*

да холстиной рану перетянешь, и все дела. Уже через неделю готов биться во славу Рима и божественного принцепса. Легионеры Корнелия уважали, но его замечания о порядочных всадниках встретили единодушным ропотом. Но Корнелий к тому и вел: уж лучше живых римских всадников обсуждать, чем разговаривать о ночных кошмарах, которые — тьфу! тьфу! тьфу! — могли обескровить весь караул. С Портвиния Циска что взять — второгодок неумелый и к тому же дурак дураком, прости его боги, кум бени вербо!

— Это ты, братила, загнул! — ухмыльнулся Децимий.

Мужик он был хороший и воин добрый, но шрам, рассекающий его лицо, красоты легионеру не добавлял, хоть и говорят, что шрамы мужика украшают.

— Порядочный всадник — это такая же чушь, как этот самый верблюд, которого проповедник через игольное ушко протягивал. Ты на нашего Понтия Пилата посмотри — они все такие и есть! Понту у них, как у цезаря, а как до дела дойдет... — Децимий безнадежно махнул рукой. — Видали мы их в деле! Полные штаны отваги и мужества!

Собравшиеся у костра легионеры одобрительно загомонили. А кому не понравятся прямые и нелицеприятные отзывы о начальстве? С незапамятных времен подчиненные злословят о своих начальниках. Если бы от острого словца начальники дуба давали, некому было бы и руководить, а тем более водить легионы в бой.

— А правду говорят, что Понтий Пилат свой легион в Намибии загубил? — жадно спросил Валерий Гай.

Корнелий только руками всплеснул. Да что с мальчишки взять? Дурак он и есть, самый настоящий дурак. Разве можно такое вслух спрашивать. Пусть даже ночью и у костра — нельзя таким вслух интересоваться. Пришьют государственную измену, распнут стремглав на столбе — на такой жаре долго ли выдержишь? Откуда только такие дерзкие и берутся!

Тем не менее взгляды легионеров обратились к Децимию. Капельки пота выступили на бритом лице легионера. Впрочем, кто знает, может, всему виной была ночная жара? Храброму ли воину бояться доносов?

— А вы, квириты, знаете, кто римский водопровод строил? — попытался отшутиться Децимий. — С одной стороны его строили те, кто на всадников клеветал, а с другой — те, кто эти сплетни слушал! — И Децимий натужно засмеялся, но остальные легионеры смеха не поддержали, а смотрели на Децимия с ожиданием продолжения начатой беседы.

Децимий пожал широкими плечами.

— Мало ли что говорят! — неубедительно сказал он, но сам тон, которым воин произнес это, наглядно показывал, что выдавший виды римлянин знает куда больше, нежели говорит и хочет сказать. — Ну, поговаривают, что из пустыни их всего трое вышло, — неохотно признался Децимий. — Трое из всего легиона. А с ними четверо иудеев и еще какой-то прорицатель непонятной национальности.

Легат Пилата лично знал, а тут даже засомневался. Исхудал всадник, в лохмотьях непотребных, а главное — с евреями, вот уж что уму непостижимо! Понтий и чтоб с иудеями? Неудивительно, братки, что легат его не признал.

Легату этот предсказатель смерть предсказал. Вижу ее, говорит, в твоих глазах. Клянусь Юпитером, будет, говорит, эта смерть быстрой, неожиданной и безболезненной. И накаркал — на второй день легата молнией убило. Или у предсказателя на небесах покровители хорошие были, или сам легат чем-то Юпитера разгневал, только долбануло его, как египтянина какого... Кум бени вербо!

Сидящим у костра было понятно, почему не хочется Децимию что-то говорить во гнев богам. Долбанут молнией или болезнь какую по доброте своей нашьют, отмаливайся потом, бегай с дарами к весталкам, а простят тебя боги или не простят, тут бабушка надвое сказала.

— А Понтий? Говорят, он у принцепса на аудиенции был? Почему принцепс его в Иерусалим прокуратором направил?

— А бык его знает, — снова пожал плечами Децимий. — Может, те самые иудеи, с которыми он из пустыни вышел, Понтию и ворожили. Вроде бы сам принцепс сказал: если ты

* Вот она, фантастика!

в пустыне с евреями общий язык нашел, то, значит, прямой путь тебе в прокураторы Иудеи.

— А иудеев куда? — поинтересовался кашевар, снова ловко пробуя варево из котла. Судя по тому, как он это делал, данное вмешательство в процесс приготовления пищи было последним и окончательным.

Народ у костра с жадным любопытством посмотрел на кашевара. Тот еще раз попробовал варево и удовлетворенно кивнул. Взгляды легионеров снова обратились к Децимию. Не то чтобы людей судьба иудеев интересовала, все ждали, как Децимий выкрутится. Выходит, интересовался он судьбой нынешнего прокуратора Иудеи, раз такие тонкости знает.

— Да мне-то какое дело? — удивился Децимий. — В рабство, наверное, продали в Египет. Или в школы гладиаторские отправили. А прорицатель, говорят, целую кучу банума* всякого нажил, аргентарии в его кримене не переводятся... Ловок, говорят, скотина, объявил недавно, что в Галлии волнения будут, тут эти самые волнения и начались, словно он сам среди галлов недовольство сеял.

— У н-нас т-тоже один г-гаруспик был, — сказал Портвиний Циск. — В-вытащит к-кишки из ч-черного к-козленка, п-палочкой в них поковыряется и все к-как есть р-разложит. Б-без обмана у него в-все п-получалось, в с-самую т-точку он всегда п-попадал. Умный, с-сволота, к-как Аристотель. С-скажет, что Гней С-септимий Абиск в б-бою п-погибнет, з-значит, можешь и не д-дергаться, голову убе-режешь — в с-спину с-стрелу п-получишь!

Все замолчали. С востока встала огромная желтая луна, освещая равнину и пыльную дорогу. Длинные тени бродили по равнине. Разговоры о смерти навевали печаль и тоску.

— Хватит философствовать! — сказал кашевар, ловко подхватывая котел с бурлящим варевом двумя мечами. — Ишь Платоны с Диогенами выискались. Бочки вам не хватает! Давай к столу! Не греки, чтобы головы себе глупыми рассуждениями забивать!

* Разумеется, что наживать можно только имущество. Аргентарии же вообще в переводе не нуждаются.

Отложив споры, легионеры возбужденно и весело загомонили — дух от котла шел сытный и наваристый, тут уж действительно некогда было философствовать: как говорится, в большой фамилии... Дальнейшее поймет без перевода любой служивший в армии или бывший студентом, а то и просто родившийся в многодетной семье. Если и щелкал чем-то существенным по молодости лет, то быстро от этой пагубной привычки излечился.

А вставшая над миром луна заливала призрачным желтым светом окрестности Галилейского моря, выхватывая из тьмы пять фигурок, пылящих по дороге к Иерусалиму. Если в империи все дороги ведут в Рим, то куда они могут вести в Палестине? И будь наш слух, читатель, поострее, мы, несомненно, услышали бы, как один из пылящих по дороге путников говорит товарищу:

— Я тебе, Семен Зеведеевич, так скажу: души людские улавливать — это тебе, понимаешь, не сети в озере мочить! Тут, дружище, иная сеть требуется — информационная, жаль, что нет ее у нас. Ну ничего, обойдемся без средств массовой информации. Будем, как говорится, сеять разумное, доброе, вечное... Научу я вас быть ловцами человеков.

Глава вторая,

которая рассказывает о том, как в город Иерусалим входит караван, и о событиях, происходивших в городе, и повествует о том, как просто вступить в преступныйговор

Караван вошел в город Иерусалим через Навозные ворота. Миновав убогие лачуги ремесленников, караван свернул к Рыночной площади и, не добравшись до нее менее квартала, остановился у постоялого двора. Караван состоял из четырех усталых и оттого равнодушных к окружающему верб-

людов, на которых громоздились тюки с поклажей, и пяти ишаков с сопровождающими караван торговцами и погонщиками. Дорожная охрана из поклоняющихся скарабею кочевников в город въезжать не стала. Получив от хозяина каравана оплату, кочевники хлестнули лошадей и исчезли в дышащей знойным маревом пустыне.

В Иерусалиме стояла жара. Нищие, просящие милостыню у ворот постоянного двора, так же напрасно искали тень, как безуспешно искали ее жирные мухи. От жары мухам не хотелось летать, и они только ползали, тщетно пытаясь укрыться в складках лохмотьев, составляющих одежду нищих.

Зерблюды тут же плюхнулись в пыль около постоянного двора и равнодушно смотрели на мир, пережевывая свою вечную жвачку. Оставив людей охранять товары, караванщики прошли на постоянный двор. Вели они себя довольно бесцеремонно, локтями в толпе работали усердно, но почтение к власти имущим и сильным мира сего сохраняли. Про таких обычно говорят, что жизнь их была и учила не на одной дороге и не в одном городе. Морды у караванщиков были хмурые, сразу было видно, что на дорогах Малой Азии им лучше не попадаться. Купить они у тебя ничего, конечно, не купят, но и с товарами тебя не отпустят.

В харчевне постоянного двора было немногим прохладнее, чем на улице. Караванщики потребовали жареной баранины, зелени, сыра и вина и сели за грубым столом, сбитым из широких толстых досок. Уже этим они отличались от местных жителей, предпочитающих есть сидя, поджав ноги под себя, а тем более от римлян, которые в харчевни подобного сорта заглядывали редко, а если и заглядывали, то немедленно требовали зерблюжьих одеял и подушек.

Хозяин постоянного двора проводил караванщиков, сделавших щедрый заказ, на чистую половину. Нельзя же было вести денежных караванщиков туда, где играли в кости и шумно ссорились нищие и бандиты, представляющие иерусалимскую клоаку*. Он даже распорядился накрыть стол по римскому обычаю полотном.

* отхожее место. Так обычно в древности именовали бандитское дно, которое в наши дни становится «крышей».

— Погонщиков тоже покорми, — сказал старший караванщик, высыпая на стол из кожаного кошелька несколько мелких монет. — От Галгала нормально не жрало!

— Будет сделано, — заверил хозяин постоянного двора. — Не сомневайтесь, мой господин, все будет исполнено в точности.

— И если будет время, подойди к столу, — попросил караванщик. — Я хочу узнать, что творится в городе.

Судя по тому, как торговцы налегали на еду, они не ели значительно раньше Галгала, а не пили еще дольше. Жареный барашек исчезал на глазах, причем и костей от него особенно не оставалось. Вино караванщики пили неразбавленным, но это хозяина постоянного двора не особенно удивляло — мало ли чему можно научиться у персов или кочевников? Хорошему гостю в рот не заглядывают. Пусть пьют вино неразбавленным, если оно так им по вкусу.

Хозяина постоянного двора звали Кидаренок. Имя это ему дали за болезненное пристрастие к головным уборам посетителей. Увидев головной убор, особенно незнакомого фасона, Кидаренок терял осторожность и любыми путями завладевал понравившимся даже в ущерб своему здоровью. Поймав его с похищенным, владельцы головных уборов несколько раз били его, и довольно серьезно. Однажды, когда в харчевне обедал римский корникулярий, блестящий шлем с острым рогом настолько заморозил Кидаренка, что он вообще не уходил от стола римлянина. Посетители харчевни даже принялись биться об заклад — стащит он шлем корникулярия или поостережется. Хозяин постоянного двора не поостерегся и был в очередной раз бит за свои грешные пристрастия, а обидная кличка навсегда прилипла к нему. Иначе как Кидаренком хозяина постоянного двора отныне уже никто не называл. Вначале он обижался, но потом привык и даже отзывался на кличку с той же охотой, как раньше отзывался на имя.

Сейчас он вновь держался поближе к столу и это был явный признак, что головным уборам караванщиков угрожала опасность быть украденными. Кидаренок, не торопясь и в деталях, рассказывал караванщику обстановку в городе.

Жена богатого купца Семаха вновь ждала ребенка, и прорицатели предсказывали купцу рождение двойни. Прокуратор Иудеи Понтий Пилат ввел в город на зимовку оккупационный легион, вывесил на стены знамена и значки с изображением орлов и божественного принцепса. Не признававшие подобных изображений иудеи возмутились и потребовали убрать знамена и значки, но прокуратор грубо отказал им в этом. Тогда первосвященники пожаловались Вителию, а тот, в свою очередь, — цезарю Тиберию. Тиберий наказал всадника Пилата за непочтение к религиозным чувствам местного населения и велел святотатственные для местного населения знаки убрать.

Еще раньше прокуратор затеял построить в Иерусалиме водопровод, чем также возмутил население. Была потасовка, в которой римские легионеры действовали довольно жестоко. Цезарь вновь стал на сторону Вителия и первосвященников. Он наказал прокуратора, поэтому у Понтия Пилата отношения с местным начальством довольно натянутые, и ходят слухи, что скоро его с прокураторства уберут как не обеспечивающего римские интересы, а может, и вообще сошлют в глухую испанскую провинцию.

Караванщик слушал внимательно, время от времени вытирая жирные пальцы о покрывавший стол холст и прикладываясь к чаше с вином. Видно было, что рассказчика он слушает вполуха и напряженно думает о чем-то своем.

На окраине города, докладывал Кидаренок, можно послушать прорицателя. Конечно, не дельфийский оракул*, но порой угадывает все так точно, словно с богом ночью общается. Римская солдатня его побаивается, но вещать не мешает. Недавно волнения в Галлии предсказал, тут эти волнения и начались, словно сам он их галлам заказывал.

Урожай в этом году хорош, а цены на нильского окуня снова поднялись. Хорошие цены держатся на ишаков и волов, а вот на лошадей — заметно упали. Это и к лучшему, ясно ведь, что войны не будет и, следовательно, простому народу не о чем волноваться.

* нечто вроде наших магистров Черной и Белой Магии. Предсказывают иногда, но чаще попадают пальцем в небо.

Уловив рассеянность хозяина каравана, Кидаренок спросил, не ищет ли караванщик какие-либо товары и не нуждается ли в каких-нибудь услугах. Тот ничего не ответил и продолжал расспрашивать о происходящем в городе.

— Я же говорю, предсказатель у нас объявился, — сказал Кидаренок. — Живет близ города, построил себе каменный храм и каждый день выходит прорицать. Недавно волнения в Галлии предсказал, а волнения возьми и начнись...

— Бывает, — неопределенно сказал караванщик. — Предсказателя-то как зовут?

Предсказателя звали Мардуком. По рассказам хозяина постоянного двора, у него вместо ног были блестящие копыта, а одевался этот Мардук так, как никто в Иудее не одевается, да и в Риме, пожалуй, такие одежды никто не носит. Одно слово — халдейский маг.

— Мардук. — Караванщик хозяйски развалился за столом и поковырял в зубах палочкой. Знак был добрым, он означал, что еда и питье караванщику понравились, и Кидаренок вновь задал свой вопрос, не нужно ли купцу что-нибудь из иерусалимских товаров. Спрашивал он из тайной корысти, понимал, что, выступая в торговой сделке посредником, мог иметь неплохой навар.

Караванщик, ковыряя в зубах острой палочкой, оценивающе разглядывал Кидаренка, потом пришел к какому-то выводу и поманил хозяина постоянного двора ближе. Кидаренок услужливо приблизился.

— Бычьи жилы достать можешь? — спросил караванщик.

Кидаренок сразу вспотел. Бычьи жилы шли на изготовление луков и были стратегическим сырьем*. Римские соглядатаи следили за сдачей бычьих жил ежедневно — не успеют быка забить, они уже тут как тут со своими подсчетами. Узнают о сделке, мигом на столб отправят! Не-ет, с этим караванщиком нужно было ухо держать востро, опомниться

* Слава богу, данные устарели, поэтому за нарушение режима секретности и шпионаж в пользу враждебных держав автора уже не привлекут.

не успеешь, как тебя на несправедный суд прокуратора потянут или первосвященники прикажут камнями забить!

— Трус хорошего вина не пьет, — заметил караванщик.

Это Кидаренок и сам знал. Смел тот, кто съел. А если съел, так, значит, и сыт. Трусость толкала его к осторожности, жадность подталкивала к безрассудству.

— Может быть, вам еще и воловьи кишки нужны? — с еле заметным сарказмом спросил он.

Воловьи кишки у римлян шли на катапульты и баллисты, и учет их велся еще более строгим образом, нежели учет бычьих жил. Если за жилы могли просто отправить на столб или крест, то уж за хищение воловьих кишок грозило обязательное распятие стремглав. Хорошего в этом было мало. Но и заработать можно было не только на хлеб и на масло с финиками.

— А ты не глуп, — похвалил караванщик. — Только вот не пойму я, можно с тобой дело иметь или доноса ждать надо?

Кидаренок оскорбленно прижал руки к груди.

— Ты подумай, — посоветовал караванщик. — Я доносов не боюсь, ты уж поверь, знаю, что говорю. Я уеду, а ты, друг, жизнью рискуешь.

— Не знаю, как называть вас, добрый господин, — сказал Кидаренок, все еще делая обиженный вид.

Обиженный или оскорбленный в сделке всегда особую выгоду имеет, обиду и оскорбление всегда загладить хочется, а как сделать это лучше, нежели отсыпав лишнюю горсть монет?

Караванщик, кривя губы, еще раз осмотрел его с ног до головы.

— Зовут меня, — сказал он, — Иоанном Соф-Оном, но ты можешь называть меня Софонием.

— Постараюсь вам помочь, благородный Софоний, — кланяясь, сказал Кидаренок. — Трудное дело, но если уж за дело берусь я, клиенты всегда остаются довольными.

— Щедрым бывает лишь тот, кто получает искомое, — усмехнулся караванщик.

— Вы останетесь довольны моим усердием, — сказал хозяин постоянного двора. — Надеюсь, не меньше, чем я порадоюсь вашей щедрости.

Караванщики поднялись из-за стола, и в это время обнажилась пропажа головных уборов.

— Воров завел? — тяжело глянул Софоний на хозяина постоянного двора.

Кидаренок извинялся долго и косноязычно. Головные уборы караванщиков искали повсюду, даже в котлах посмотрели, но, разумеется, кидары так и не нашлись. Недовольно ругаясь и грозя хозяину, гости покинули харчевню, отправляясь к себе в комнату. Когда караванщики вышли, хозяин постоянного двора вытер со лба холодный пот. Ну и глаз был у этого Софония, тяжелый глаз, властный — еще немного, и Кидаренок сам бы достал из-за пазухи украденные головные уборы, которые словно теплые голубки пригрелись уже у него на груди.

Дождавшись, когда караванщики уйдут, Кидаренок прошел на свою половину, посидел немного, любуясь на свои новые приобретения, потом открыл сундук, доверху набитый самыми разнообразными головными уборами, и, облегченно вздохнув, бросил шапки сверху, мимолетно подумав, что скоро ему придется покупать еще один сундук.

Глава третья,

в которой рассказывается о прорицателе и его предсказаниях, рассуждается о пророчествах вообще

Прорицатель располагался в пирамидальном храме близ Иерусалима. Храм этот походил на гробницу царя Мосола*, и для его строительства были использованы фарерский мрамор и темно-коричневый баальбекский базальт. Строители

* Не путать с иными похожими храмами. Автор в политику не лезет.

храма рассказывали о путаных лабиринтах внутри него; по их словам получалось, что храм этот строили словно бы для быкоподобного Астерия. А уж запасных выходов в храме было как в норе у пустынной лисы — видимо-невидимо. Некоторые говорили, что предсказатель этот явный жулик, иначе зачем бы ему столько запасных выходов? Другие же утверждали, что в наше время и честному человеку нужно всегда иметь запасной выход, а уж предсказателю-то боги велели — мало ли кому станешь неугоден за откровенное предсказание смерти или иных каких несчастий.

Сам прорицатель постоянно жил в тенистом подземелье храма, куда не допускался никто. Ходили слухи, что спит прорицатель в хрустальном гробу, желтый и жуткий, и лишь к полудню члены его начинают наливаясь упругостью и силой, прорицатель открывает глаза и встает со своего ложа. Некоторое время он ходит по своему подземелью задумчиво и тоскливо, поет песни на непонятных языках, а ровно в полдень появляется на терраске храма в странном одеянии, и вместо ступней у него черные лакированные копыта, как у кентавров. С террасы оракул делает правой рукой ритуальные пассы и знаки толпе, а потом начинает говорить вещи столь чудовищные, что разум отказывается в них верить.

Чтобы услышать прорицателя, люди ехали и шли из самых отдаленных мест. Собирались у храма торговцы из Яффы и Газы, скотоводы из Раввы и Дебока, пастухи из Аравии, греки и фракийцы, фригийцы и лидийцы. Даже рассудительные арии и не верящие чужим пророкам египтяне, утверждавшие, что выше их Сфинксов в предсказаниях и нет никого, тоже сюда приходили. Возле храма предсказателя постоянно бил фонтан одежд, языков и наречий.

Коротая время в ожидании предсказателя, два крестьянина из окрестностей Газера неторопливо ели ячменные лепешки, запивая их дешевым кессарийским вином. Одного из крестьян звали Иавелом, другой же носил имя Ламех. Иавел был из рода Хужева, он уже слушал однажды оракула и сейчас, когда глиняный кувшин заметно облегчился, рассказывал бородатому и низкорослому Ламеху:

— ...маленький такой, вроде тебя. И шатает его, как раба, который неразбавленным вином до бровей набрался. Вылазит он, друг Ламех, на эту самую терраску, смотрит на нас и говорит на плохом арамейском. Бедные вы, говорит, дети своего времени! Коров вы пасете и овец, урожаи, говорит, собираете, а того, значит, не знаете, что через тысячу лет в небе будут птицы железные летать и смерть с небес сеять, а по земле колесницы железные поползут и огнем будут плеваться. Разгневаете вы, говорит, бога своего, и саранча зеленая землю захватит. Будет, говорит, коричневая чума властвовать над всем живущим на Земле две тысячи семьдесят пять дней и уничтожит племена сынов Ноевых — в печах будет жечь их подземным пламенем. А еще говорил он, что будут по морям лодки плавать, по воде и под водой, без весел и парусов, и одна только пагуба от них будет... Придет в моря и океаны Титан великий и столкнется с ледяной глыбой, и от этого будет гибель великому множеству людей. Тут свояк мой Аарон не выдержал, виданное ли дело, чтобы ледяные горы в морях плавали? Начал он предсказателя этого оскорблять, в невежестве его уличил, лгуном при всех обозвал. Он ведь грамотный был, наш Аарон, у хасидов одно время учился, в ктиторы его даже прочили. Предсказатель этот, Мардук, снял с головы плоский свой кидар и говорит Аарону. Ты, говорит, голубь, до завтрашнего утра не доживешь. Ты же Аарона видел, у него здоровья на троих хватит и еще детям останется. Встал он, Мардука этого дураком назвал, плюнул и ушел. И что ты, друг Ламех, думаешь? Тем же вечером наш Аарон куриной косточкой подавился! Хлопали мы его, хлопали по спине, да, видно, судьба ему такая выпала.

Родственники от греха Мардуку этому жертвы богатые принесли — пусть, мол, подавится, как наш Аарон куриной косточкой подавился. Да и я, честно тебе, Ламех, скажу, откупные принес. А то еще напустит порчу на весь род до седьмого колена. Уж лучше барана потерять, чем, скажем, дочь там или сына.

А только получается, что быть птицам железным в небе, и кораблям подводным быть, и колесницам огненным на зем-

ле. И Титан с ледяной горой биться будет... И станем мы, друг Ламех, братьями шакалам и другим страусам, как про то сказано было Иовом.

Низенький Ламех недоверчиво слушал, теребя свою бороду. Он пришел из деревушки Шаммы спросить у предсказателя, будет ли засуха в грядущем году, родит ли Милка, дочь Нахорова, сына или вновь понесет от Теваха очередную дочку, добрым ли вызреет вино из нового урожая, ждать ли им нового грабежа от римского цезаря или все обойдется, а главное — нет ли вреда от крещения и водной купели в реке Иордань, которым подвергает всех желающих некий самозванный мессия по имени Иоанн, что называет себя Крестителем, и будет ли утеснение разбойникам, что грабят путников близ Самарры и Яффы. Что жителям его деревни до каких-то железных птиц, лодок да колесниц, если черед их придет через тысячу лет? А с другой стороны, сомневался уже Ламех: что этому предсказателю чаяния жителей деревушки малой, коли мыслит он категориями вечности? Сомневался Ламех, что предсказатель этот сможет ответить правильно на заученные им наизусть вопросы. Но сомнения сомнениями, а доверие, оказанное Ламеху жителями Шаммы, обязывало ко многому. Хотят люди узнать ответы на свои вопросы, так Ламех их предсказателю задаст, что бы это ему ни стоило, даже если для того придется улечься с этим предсказателем в его хрустальном гробу.

Легионеры из римской оккупационной когорты бродили мелкими группами рядом с сумрачным храмом. Собравшееся быдло они не разгоняли, благо сестерции от него ими были получены, но и кучковаться собравшимся не давали. Там, где собираются более трех иудеев, недалеко и до лозунгов, а где появляются лозунги, всегда могут вспыхнуть волнения. А за волнения начальство спросит строго, начальство волнений не любит, начальству надо, чтобы все было хорошо и гладко.

Храм казался безжизненным. По фронтому храма золотилась самоуверенная надпись на латыни, по-арамейски, египетскими иероглифами и еще на одном совершенно уже непо-

нятном языке, и надпись эта, по крайней мере та ее часть, что на понятных языках была, извещала присутствующих, что предсказатель жил, жив и обязательно будет жив в дальнейшем. Последнее утверждение можно было легко проверить, взяв предсказателя на меч или, скажем, приказав толпе побить его камнями. Но использование для надписей неизвестного языка заставляло легионеров осторожничать и к проку относиться с опаской — мало ли что?

Предсказал же он известному пьянице и дебоширу из охранной когорты Луцию Лупинию женитьбу на женщине в красном платье. Женитьба вроде бы и не состоялась — по причине того, что удрученный перспективой семейной жизни Лупиний зверски запил и на третий день беспробудного (сик!) пьянства, попытавшись оправиться со сторожевой башни, не сохранил равновесия и сломал себе шею. (А вы ту самую башню видели? Кто бы уберегся при падении с нее?!) Друзья Лупиния подступили было к предсказателю с претензиями, обвиняя его в лжепророчестве, но Мардук им быстро глотки заткнул, доказав, что Лупиний обручился при падении со смертью, а, как известно, дева эта предпочитает исключительно красные цвета.

Ну, понятное дело, друзья и отступились. Кто же своей шкурой за покойника рисковать будет?

Вообще-то с этим самым Мардуком не все ладно было. Иной раз он появлялся на своей терраске с багровым лицом и нес что-то совсем уж несуразное, словно хлебного дешевого вина для простолюдинов напился. Но ведь никто не видел, чтобы в храм хоть одна амфора была завезена, хоть один пифос! Вот и сейчас — время уже было Мардуку выходить к народу со своими предсказаниями, а его не было. Видать, никак он не мог выбраться из своего хрустального гроба или надирается хлебным вином в лабиринтах храма, а то и еще хлеще — жрет на манер северных варваров сушеные мухоморы.

Но тут толпа оживленно зашевелилась, загудела, стягиваясь на площадку перед террасой. И точно — появился из

тайного хода Мардук. Разрази его Юпитер! Яхве его заведи! Вид у предсказателя действительно был нелеп и смешон. В черном одеянии, похожем на индусское, в нелепом плоском кадире на голове, красномордый, словно выходец из Аида или даже самого Тартара, Мардук удивлял и одновременно пугал присутствующих. Такого на арене зверям покажи, такая паника, квириды, начнется! Одно слово — халдейский маг.

Некоторое время он молча буравил толпу пронзительным злым взглядом, словно пытался узнать, все ли жертвоприношения сделаны, не пожалел ли кто пифоса зерна или приготовленного с вечера барашка. Толпа трепетно ждала его слов, и непохоже было, что кто-то с подношениями поскромничал. Мардук поднял руку, медленно стянул с себя плоский кидар и, скомкав его, выбросил руку вперед.

— *Zdrawstwujcie, dorgie iudei i gimljane!* — произнес он непонятную, но явно ритуальную фразу. — Поклонимся же Богу, вознесем ему молитву и попросим у Бога удачи, как в предсказаниях, так и личных делах!

Толпа заворчала, но привычно опустилась на колени. А что делать? Пророк! Головные уборы были сняты, и Мардук видел сотни бритых и лохматых затылков склонившихся перед ним людей. Ждал народ откровений. Люди не хотят знать своего прошлого, но с отчаянной надеждой они всматриваются в настоящее, которое им открыто, и еще неистовее пытаются заглянуть в будущее, хотя в нем для подавляющего большинства ничего хорошего нет.

Прорицатель постоял в задумчивости, покосился на хмурых римлян из патруля, которые продолжали стоять, с любопытством поглядывая на проповедника, потом опустил руку с зажатым в ней кидаром и негромко сказал:

— Сегодня мы поговорим об Америке. Бедные и несчастные, неграмотные и ничего не знающие люди! Наверное, вы думаете, что Земля наша плоская и похожа на поднос, стоящий на трех китах или черепахах...

Глава четвертая,

в которой рассуждается о форме Земли, рассказывается об истинных первооткрывателях Америки и о кровавых последствиях ее открытия

В харчевне постоянного двора «Приют караванщика» стоял запах кунжутного масла и жареной баранины. Аппетитные запахи эти привлекали бродяг: нет-нет, да заглядывало в двери очередное мохнатое рыло, поводило носом и, заметив римских легионеров, спешно исчезало. Известно дело, с солдатней только свяжись — или сам кого-нибудь порежешь, или тебя зарежут. Только начни, к полуночи все ночлежки и притоны перетрясут, а к утру с десятков воров и грабителей конечностей недосчитаются. И начнутся неизбежные разборки — кто виноват в случившемся, из-за кого римляне взбесились? Хорошо, если у признанного виноватым будет чем откупиться, а то ведь в клоаке нравы простые — мешок на голову, и учишь плавать со связанными руками в ближайшем пруду.

Римляне, обычно избегавшие подобных забегаловок, сегодня заполонили «Приют караванщика», и повара не успевали жарить на вертеле молодых ягнят, а что касается вина — тот тут и вода мало помогала, пифос за пифосом вино уходило в бездонные глотки легионеров.

— Да-а-а, — переговаривались легионеры. — Сегодня Мардук себя превзошел. Новый город — это ладно, бывает, но вот дома чуть ли не в стадию высотой! Это в голову с хорошего бодуна могло только прийти! А подземные колесницы? Которые молниями движутся? Это ж куда у Мардука рассудок должен был деться? Не-ет, кwirиты, нормальный человек до того никогда не додумается! Как он там говорил? Что мы там первыми преступниками будем, коза ностру организуем?

— Ост-тавь, М-мирон! Т-ты л-лучше вс-вспомни, что он о б-бабах рассказывал! В харчевнях, п-понимаешь, б-будут г-голыми т-танцевать! Т-такое и в лупанариях н-не увидишь!

Да разве т-таких п-потом загонишь дома с-сидеть и ш-шерсть п-прясть?

— Чему ты удивляешься, Портвиний? На бабу только цыкни, она тебе в любом виде затанцует! Рабыни, наверное. Из тех, что в наложницы не годятся и для гладиаторских школ не подходят!

— А я т-тебе так с-скажу. Баба на рис-сталище — зрелище отвратительное. Особенно если она с м-мечом или т-трезубцем. Не зря же даже п-плебс п-палец вниз загибает, когда б-бабы дерутся!

Луций Сцений гулко захохотал, размахивая обжаренной бараньей ногой.

— Миром они править будут! Фаллос тонок! Империя вечна, квириды! Да здравствует цезарь!

— Аве! — нестройно откликнулись от столов хриплые голоса.

— Мардук этот никакой не предсказатель, а простой шарлатан, — сказал рассудительный и начитанный Публий Сервет. — Как он там говорил? Земля, говорит, круглая, и Атлантов, значит, никаких нет. А он вниз заглядывал? Если его послушать, то получается, что эта его терра инкогнита на противоположной от нас стороне. Как же там ее жители ходят? Вниз головой?

Легионеры снова дружно захохотали.

А чего не посмеяться над очевидными нелепостями? Мардук далеко, не услышит. А ведь прав наш Публий! Головастый цивис! Круглая Земля! Мардук, квириды, точно хлебного вина перепил! Трезвому до такого ни за что не додуматься.

— Представляете? — Публий Сервет взял вторую баранью ногу и ловко проиллюстрировал свой рассказ. — Идет тамошняя матроночка, а все ее прелести для обозрения открыты. Ха-ха! Вот бы нашего Тулия Мунилу туда! Хорошо бы он там смотрелся, квириды!

У столов захохотали еще громче. Все знали, что Тулию Муниле было что показать.

Неожиданно к столу протиснулся дюжий легионер в шлеме. Другие шлемы сняли, не воевать шли — выпивать, а этот

и на отдыхе был готов, как говорится, к боевым действиям. По внешнему виду было видно, легионеру есть что сказать, а атлетическое сложение воина требовало к нему повышенного внимания.

— Квириды, — сказал воин и выждал, когда вокруг стола затихнут. Бесцеремонно он налил себе в чашу вина из пифоса, стоящего на столе, разумно добавил в него воды, отпил немного, словно испытывая общее терпение. — Не знаю, что там будет через тысячу лет, и подземные колесницы я оставлю на совести этого пьяного дурака, только вот... — Он разорвал наискось тунику, и стоящие у стола легионеры невольно охнули. Рослый легионер был от горла до пупа расписан затейливыми синевато-черными рисунками. Фантастические драконы и змеи соседствовали с фигурками обнаженных женщин, стреляли друг в друга лучники, рубились на мечах гладиаторы, триремы плыли от соска к соску — казалось, что на легионере не было кусочка чистой кожи. На груди, в обрамлении затейливых завитушек, темнела великолепно исполненная голова быка. Бык был как живой, казалось, что глаза его были налиты кровью, а из ноздрей валил дым*.

— Вот это да! — восторженно пробормотал молоденький легионер. — Да ты, похоже, прямо из мастерской Гнея Цирулиса!

— Вот так, — удовлетворенно сказал рослый легионер. — И не смывается ничем пакость эта! Чем я только не терся, квириды, даже известь негашеную испробовал. Неделю в казарме отлеживался, думал уж, что боги меня приберут. А рисуночки даже не побледнели.

Он присел на почтительно освобожденный край скамьи, допил вино из чаши и начал свой рассказ, который и бывалым воинам был в диковину, а уж молодые легионеры, понятное дело, слушали рассказчика разинув рты.

— Зовут меня Помпеем Клодием. Мать меня так назвала в память о триумфах великого Помпея и надеялась, что часть

* Римляне были интеллигентными людьми — все-таки на латыни изъяснялись. Как интеллигенты того времени в отличие современных нам они своей чистой кожи татуировками не портили.

его славы когда-нибудь падет и на меня. Но мне не повезло. Осиротел я рано, отец погиб во время германского похода Тиберия, а все вы знаете, что за жизнь у бедняков на Сицилии. Слезы это, а не жизнь! А подрос я немного, тут, как обычно, вербовщики подкатили. Хочешь увидеть мир и выбрать стезю, достойную мужчины? Вступай в легионы божественного принцепса! Да что я вам, квириды, рассказываю? Вы и сами через это прошли. И оказался я на наших кораблях. Триремой нашей командовал Германик Отон, из того самого семейства, он еще вроде Вителию родственником доводился. Любил он рабов бичом похлестать, вина ему не надо было! Ну, собственно, речь-то не о том.

Сами знаете, служба на триремах не мед. Не можешь — научим, не хочешь — заставим. Соленой водички довелось хлебнуть полной глоткой. На Рейн нам ходить не довелось, а вот с пиратами на море мы повоевали достаточно. Самые отчаянные из персов были. Эти жалости не знали. Кто в живых оставался, их в такие места в рабство продавали, что неизвестно где и находятся. Шрамы вам показывать не буду, но верьте, квириды, на слово — ран было достаточно. Такого, что я пережил, ни в Помпее, ни в Бальбе, ни в Мацелле показывать и представлять не будут. Не раз нам всем приходилось держать волка за уши.

Но главное случилось после того, как Германик посетил Египет и отдал концы в Сирии. В Египте, говорят, Германику в руки попали секретные папирусы тамошних жрецов, а после того, как Германика наместник Сирии кончил, папирусы эти попали к нашему цезарю. А говорилось в тех папирусах о землях, которые лежали за Геркулесовыми Столбами. По папирусам выходило, что земли те очень богаты, а люди, что на этих землях живут, дружелюбны и приветливы. И богаты необычайно. Им золото дрессированные муравьи приносили, так они из этого золота даже лопатки делают, навроде тех, с которыми мадианитяне не расстаются. Ну, цезарь, ясное дело, как речь о золоте зашла, сразу задумался, как ему это золото для нужд Великого Рима отжалеть.

Короче, в путешествие это мы отправились на шести триремах. Воду и продовольствие взяли в испанских провинциях, цезарь про то тамошнему наместнику твердо приказал, не ослушаешься. И пошли мы шестью триремами за Столбы...

— Так за Столбами и воды-то нет, — охнул кто-то из слушателей. — Рассказывают, что вода там липкая и тягучая, как патока. А выход из Столбов охраняют Великие Кракены!

Разрисованный Помпей Клодий в упор посмотрел на сомневающегося.

— Кто там был, квирит, — ты или я? — с кривой усмешкой спросил Помпей. — Нет там никаких кракенов. Змея морского видели, здоровенный такой, вполне мог трирему заглотить вместе со всеми людьми, а кракенов не видел никто. И ледяные горы мы два раза видели, но близко к ним не подплывали. А вода там обычная, как в Адриатике, соленая такая вода и простирается до самой этой терры инкогниты, понял?

Плыли мы туда около двух месяцев. Вода в бурдюках испортилась, солонина зачервивела, и питались мы ячменными лепешками, да слава Юпитеру, над морем рыбы летали. Иной раз столько их на палубу падало, что варили мы суп и тем спасались от голода.

— Это ты, Помпей, загнул! — усомнился под одобрительные выкрики Публий Сервет. — Летающие рыбы! А быков летающих ты там не видел?

Помпей Клодий замолчал, шаря глазами по столу.

— Да ты, Помпей, не обижайся, шутят ребята. Ты рассказывай! Кто-то из легионеров услужливо подлил ему в чашу вина. Помпей с достоинством кивнул, хлебнул неразбавленного ионийского и продолжил:

— Земли там действительно оказались богатыми. И люди там жили приветливые, хотя и краснокожие. Мужики все вот так же разукрашены. — Он снова приоткрыл свою разрисованную грудь. — Это у них знаками доблести считается. А имена они друг другу дают звериные или птичьи. Зоркий Сокол, там, или Храбрый Медведь... Вот и меня уговорили после одного из возлияний Вакху... — Разрисованный Пом-

пей снова отхлебнул неразбавленного вина. — Чуть не помер после того. Все тело горит, словно в муравейнике без сознания полежал...

— А птичье имя тебе какое дали? — снова поддел Публий Сервет. — Быстрый Дятел?

Помпей Клодий побагровел, сгрел обидчика за грудки, посмотрел в его помертвевшие глаза и, как всякий сильный человек, внезапно успокоился.

— Вот и у нас такой был, — сказал он. — Плинием Кнехтом его звали. Малый рослый, но вроде тебя — дурак дураком. Из чужестранцев он был, латынь плоховато знал и чуть что — сразу позорными жестами изъяснялся. С него все наши неприятности и начались. Поначалу-то все хорошо было. Мы этих краснокожих луки делать научили, копья им за меха меняли. Красивые меха, у нас таких до Негропонта*, а может, и дальше не найдешь. Перец их научили сажать да жарить. Все было бы нормально, если бы не этот самый Плиний Кнехт. Сами понимаете, путь туда неблизкий, а баб на корабле не было. Многие греческие обычаи переняли, Помпей легионерам подмигнул, и заявление его те встретили улыбками: мол, знаем мы эти греческие обычаи, сами не раз в дальних походах бывали, прекрасно обходились без гетер! А этот Кнехт, он, квириты, был не от мира сего. Лежит на палубе и ноет — бабу хочу!

А среди тамошних девок очень даже симпатичненькие были, даром что с красной кожей... Вот одна из них этому самому Плинию и приглянулась. И, конечно, не сдержался он, квириты. Но на нашу беду девка эта была дочкой вождя тамошнего племени, и держали ее на черный день в девственницах. Чтобы, значит, когда жрать нечего будет, тамошнему богу в жертву принести. А тут такой конфуз! Да... Ночью они на нас и напали. Из шести трирем от берегов три отчалили. Да и то в каждой триреме раненых хватало. И Плиний этот успел на нашу трирему прыгнуть. Хотели мы его на мачте стремглав распять, глядим, а он еле дышит, и так его Харон приберет. Лишили мы его за дела его имущества. —

* Черное море, между прочим, а не столица Африки!

Помпей порылся в сумке и бросил на стол монету. — Мне вот это досталось...

Легионеры склонились над белой монеткой. Странная была монета, совсем незнакомая. И цезарь на ней изображен не римский — лысый и с азиатской бородкой, и надписи сделаны на незнакомых языках, лишь цифра выбитая на монете была явно арабская. Кто-то попробовал монету на зуб, но тут же сплюнул — не серебро.

— Похоже, что Плиний ваш шпионом был, — сказал Публий Сервет. — Таких монет никто не видел. И сделана искусно. Бородатенький на ней как живой!

— Талисман это его был, — объяснил Помпей, бережно пряча монету. — Теперь моим стал.

— Помер этот Кнехт? — разом спросили несколько голосов.

— Помер, — с неопределенной интонацией сказал Помпей. — Отплыли нас на трех триремах сто шестьдесят человек. Одну трирему в щепки разнесло, когда буря началась. А остальные две до Испании добрались. Вернулись сорок человек.

— А остальные? — с жадной тревогой спросил молодой легионер.

— Солониной-то мы запастись не успели, — просто и исчерпывающе разъяснил разрисованный Помпей. — Да многие в пути от ран померли. У этих краснокожих обычай дурной есть. — Он медленно стянул шлем, и собравшиеся вокруг рассказчика легионеры дружно ахнули. Кудри у Помпея сохранились лишь по бокам головы, теменная часть была без волос и багровостью своей указывала на то, что когда-то была одной сплошной раной.

— Это у них называется «снять скальп», — сказал Помпей. — У кого этих скальпов побольше, тот самым отчаянным бойцом среди этих краснокожих и считается*.

— А золото? — спросил жадно слушавший рассказ молодой легионер. — Действительно им золото муравьи добывают?

* Отступление от истины, которое немедленно заметят историки. На самом деле обычай снимать скальпы в индейские племена пришел от высадившихся европейцев. Не зря же сами индейцы говорили: «Все дурное — от белых!»

— Золото у них есть, — сказал Помпей Клодий. — Много золота. Но откуда оно у них, мы так и не узнали. Может, и муравьи дрессированные приносят. А может, сами копают.

— А как ты здесь-то оказался? — спросил Публий Сервет.

— Так ведь экипажи трирем расформировали, — объяснил Помпей. — По причине больших потерь. Из-за того, видно, и поход наш в тайне решили сохранить. Я вот здесь оказался, а большинство в испанских провинциях службу продолжили. Германик Отон умер, как ему авгуры и предсказывали. У кого теперь карта, на которой путь наших трирем нарисован, уже и сказать трудно.

— Могло быть и хуже, — вздохнул Публий Сервет.

— Могло, — пожал плечами Помпей и заглянул в свою чашу. — Вина не осталось?

Глава пятая,

в которой мы знакомимся с прокуратором Иудеи и узнаем в нем старого знакомого, впрочем, как и в его посетителе

Гроза, пришедшая со Средиземноморья, принесла долгожданное освобождение от царившей в Иерусалиме жары. Хлеставший почву дождь оказался живительным; поблекшая было зелень налилась силой, и кое-где начала пробиваться свежая трава.

В мраморной беседке, овитой ожившим плющом, за небольшим по римским меркам, но роскошным столом в одиночестве сидел прокуратор Иудеи Понтий Пилат. Душа его вздрагивала при каждом ударе грома, сопровождавшемся извилистой молнией, но то был не страх перед природой. Каждый раз, когда Юпитер обрушивал с небес пучки своих стрел, душа прокуратора вздрагивала от тоски и сожаления.

Белоснежный плащ с кровавым подбоем и отделанные золотом доспехи придавали прокуратору величавую мужественность. Бритая голова с высоким лбом и цепкими внимательными глазами указывала на незаурядность этого человека, начавшего беспощадную борьбу с иерусалимской преступностью. Пилат наводнил город доносчиками, не жалея на них денег. Именно это помогло ему схватить в городских притонах кровавого убийцу Даместаса и насильника малолетних Варраву, при имени которого падала в обморок женская половина населения города. Да и от воров он город почистил в достаточной мере. Немало инвалидов на городских рынках могли сказать, что конечность потеряли по приговору прокуратора. Суров был Пилат, не церемонился с теми, кто падал был до чужого имущества.

Как многих других уже пойманных и осужденных преступников, Даместаса и Варраву ждал один пусть жестокий, но справедливый приговор — распятие на кресте и медленная мучительная смерть. И тут уж можно одно было сказать — канису и смерть канисова.

Но не мысли о преступности занимали прокуратора.

Понтий Пилат ждал.

И когда из-за завесы плюща послышалось осторожное покашливание, прокуратор сказал:

— Все-таки пришел? Раз пришел — заходи. Чего под дождем мокнуть?

В беседку вошел караванщик Соф-Он. Был он сегодня одет на зависть многим патрициям. Но и одеяние караванщика не привлекло внимания прокуратора. Он сделал несколько шагов навстречу вошедшему и негромко сказал:

— Nu, zdrowstwuj, Wanja! So swidaniem, dorogoj moj!

Они обнялись. Многие бы не пожалели золота, чтобы посмотреть, как прокуратор Иудеи обнимается с простым караванщиком и, быть может, даже персидским шпионом. Наместнику Вителию это не понравилось бы, тут и сомневаться не приходилось. Стычки из-за акведука, римских знамен, в которых Вителий без раздумий становился на сторону Синедриона, к улучшению отношений между двумя власти-

телями не вели, тем более что Пилат был вынужден подчиняться занимающему более высокую ступень наместнику. Но, слава Юпитеру, шпионов поблизости не было, об этом прокуратор предусмотрительно позаботился заранее. Власть его давала такие возможности.

Гость и хозяин присели за столик. Софоний взял грушу, повертел ее в руке и положил обратно в вазу.

— *Vogato diwesch*, — сказал он.

— Забудь, — сказал, досадливо морщась, Понтий Пилат. — Говори по-латыни. Услышат незнакомый язык, обоих шпионами сочтут. Здесь головы запросто можно лишиться, сам понимаешь — империя!

— Осторожный ты, — усмехнулся Софоний. — Чего ж своему Мардуку язык не укоротишь? Был я сегодня на его проповеди. Он ведь, подлец, совсем с ума спятил — про Нью-Йорк им вещать принялся, про метро тамошнее и стриптизы, резервации индейские позором заклеил. Что ж ты к этим гаданиям спокойно относишься?

Прокуратор насупился. По сурово поджатым губам видно было, что вопрос прокуратору не понравился.

— А ты думаешь, мне здесь сладко живется? — спросил он. — Начальству дай, проверяющим из Рима дай, тайная служба опять же своего требует. На днях конквизитор* приехал военных дезертиров собирать, тоже расходы немалые...

Понтий Пилат посопел.

— Шустрый ты, Ваня, — сказал он. — Вени, види, вици. А мне жить надо. Иерусалим город незнакомый, а у меня, сам понимаешь, после пустыни лишь «макаров» с двумя обоймами остался, и тот прячу от соглядатаев. Увидят — в колдовстве обвинят!

— Так он с тобой доходами делится? — догадался Софоний. — Доишь ты этого Мардука помаленьку? Как же так, Федя, ты ж всегда взятки стерегся.

Федор Борисович Дыряев, бывший подполковник советской милиции, давайте сейчас вспомним его имя и скажем, что это был именно он, тоскливо вздохнул:

* воинская должность в римской армии, типа начальника отдела прокуратуры, который занимался самовольщиками и дезертирами.

— Умный ты! Тут иначе не выживешь. Я с Мардука беру, с меня Вителий берет. Ты думаешь, чего он меня подсаживает? Плачу мало, вот он и хочет заменить меня своим чело-
веком.

Софоний просветленно покивал:

— Вон оно что. — Он налил себе вина, отпил глоток и сморщился. — Как ты эту мочу пьешь?

Порылся в принесенной сумке и достал небольшой пифос с тугой завинчивающейся крышечкой наверху.

— Будешь? Это тебе не кислятина кессарийская, это я у варваров выменял на наконечники для стрел. Не знаю, что это за штука, но слона свалить может. Градусов шестьдесят, ей-богу!

— Лучше уж Юпитером клянись, — мрачно предложил Пилат, осторожно приюхиваясь к содержимому чаши. Запах его удовлетворил, прокуратор опорожнил чашу и расплылся в улыбке. — Да это же... Где ж ты его достал, Вань... уважаемый Софоний?

— Я же тебе уже объяснял, — сказал тот. — У варваров. Чистая самогонка, горит даже!

Они закусили.

— Кстати, — сказал Софоний. — А почему — Мардук? Почему не Онгора, какая разница?

— Большая, — сказал Пилат. — Это тебе не Busuluzk; здесь арийско-ведические боги Египта не прокатят. Контингент, брат, не тот!

— Эх, — сказал Софоний. — Не трави душу. Ночами Дон вспоминаю.

Он покачал головой, прикрыл глаза и не пропел — пробормотал:

По Дону гуляет казак молодой...

Всхлипнул, вытер лицо рукавом. По скулам каменные желваки заходили. Вспомнилась, видно, прокуратору Меловая, песчаные берега, родная беседка в саду и участковый Соловей, исполнявший на лету все желания начальства. Все

мы не ценим достигнутого и жалеем о потерях. Казалось бы, чего еще Федору Борисовичу желать? Ну кто он был при советской власти и демократах? Начальником районной милиции, которого в областном управлении и за человека-то не считали. А в империи он кем стал? Кем он стал при божественном принцепсе? Прокуратором он стал целой области, пальцем пошевелит — и все исполнится. Да что пальцем?.. И это еще раз доказывает, что ежели в человеке живут административные таланты, то они себя в любом времени, при любой общественно-экономической формации проявят. Тому примеров достаточно. Вон Аркадий Голиков, успешно махавший шашкой во время российской гражданской войны, он ведь и в мирное время не потерялся. Известным писателем стал, детвора в нем души не чаяла, приключениями Тимура и его команды зачитывалась. И наоборот, скажем, внук его, Егор Тимурович, — в тяжелые тоталитарные времена партийным журналом заведовал, статьи про успешную поступь социализма печатал. Но и в демократические времена он ведь тоже не потерялся — до таких вершин поднялся, что и сказать-то страшно, а уж шашкой рубал направо и налево похлеще, чем его легендарный дед. И надо сказать, куда более эффективно!

Но все-таки милы были Федору Борисовичу воспоминания о недостижимой и так несчастливо утраченной Родине.

Видя сумрачное настроение приятеля, прокуратор поторопился плеснуть в чаши варварского напитка.

Выпили еще. Настроение постепенно поднялось, и Софоний уже с веселой усмешкой поглядывал на прокуратора.

— Ну ты и вырядился, — сказал он.

— С тоски, — сознался Понтий Пилат. — Булгакова вспомнил. Очень мне тогда его роман «Мастер и Маргарита» нравился. Как там у него? — Прокуратор прикрыл глаза и по памяти процитировал: — «W belom plasche s krowawum podboem, scharkajuschei kawalerijskoj pohodkoj, rannim utrom chetyrnadzatogo chisla wesennego mesvatsa nisana w krytuju kolonnadu...» Ах, мать твою! — выругался он. — Думалось ли, когда я «Мастера»

читал, что сам буду за него в этой колоннаде сидеть и с тобой вот варварскую *satogonku* хлестать?!

Лицо прокуратора побагровело, сразу видно было — расстроился человек, аж давление у него поднялось.

— О многом тогда не думалось, — признал Софоний. — Нечего нам было легионеров на Меловую тащить! Ладно, полкаш, проехали! Ты о других что-нибудь слышал?

— Знаю немного, — нехотя сказал прокуратор. — Ромул Луций при мне. Парнишка шевутной, но это у него скорее возрастное. А так верный, он мне моего Соловья чем-то напоминает. Помнишь участкового? Мастер был, на все руки мастер! Ну, я думаю, у Ромула пройдет все со временем, если на какой-нибудь войне не убьют. Гладышев с нашими денежками вроде в Грецию подался, учится у какого-то скульптора. Ладно, мы тоже теперь не нищие, пусть ему, паразиту, наши общие деньги на пользу пойдут! Говорят, заказы уже получал от римских патрициев. Сам знаешь, этот без мыла в задницу влезет. Он и в Бузулуцке трудился, местным не угнаться. Помнишь его Аллею Цезарей? Тут тоже развернется, дай срок. Может, те скульптуры, что в наше прежнее время со дня Черного понта поднимали, Степочка и вял. Ну, про Онгору ты знаешь, он проричает. И ведь как проричает! Все в точку. А чего ему не проричать, если он в Бузулуцке труды по истории Древнего Рима купил, чуть ли не самого Тита Ливия! Да «Иудейскую войну» Флавия ему в придачу навязали...

Софоний смачно надкусил грушу.

— А о Первом ничего не слышал?

— Ничего, — покачал головой прокуратор. — Как его в школу гладиаторов продали, так я о нем ничего больше не слышал. Убили, наверное. Пал, так сказать, смертью храбрых на ристалище! Нет, я тебе так скажу, э-э-э... Софоний. Задатки у нашего Первого неплохие были. Помнишь, как он в песках на караванщиков повел? Завизжал, кинжал выхватил... Задатки лидера у него, конечно, были. Не каждый на мечи с одним кинжалом пойдет! А вот поди ж ты, сгинул в безвестности. Трудно ему было на арене с более молодыми

бойцами состязаться. И про Плиния Кнехта ничего не слышать. Как в воду канул после отправки на галеры! Ни слуху, понимаешь, ни духу!

— Не в воду, но почти, — мрачно сказал Софоний. — Этот тоже пал смертью храбрых. Погиб при открытии Америки. Я об этом вчера в харчевне узнал. Один легионер рассказывал. У него индейцы скальп сняли.

— А может, это не о Кнехте? — усомнился прокуратор. — Мало ли каких совпадений не бывает! Не верится мне, чтобы с него скальп сняли. Он в пустыне пообтерся, таким бравым легионером стал, что сам с кого хочешь скальп снять может!

— Таких совпадений не бывает, — сказал Софоний. — О нем речь шла. У кого еще мог быть советский юбилейный полтинник с изображением Владимира Ильича? А я этот полтинник вчера сам видел.

— Да, — вздохнул прокуратор. — Редуют наши ряды.

— А про Волкодрано что слышно? — продолжил расспросы Софоний.

— Этот и здесь выбрался. В доверии у первосвященника. Правой рукой у него наш Иван Акимович. В книжниках ходит. Такой правоверный стал: шаббат блюдет, заповеди Моисеевы наизусть выучил, Книга Исход прямо от зубов отскакивает! Истинный ханжа. Одно слово — фарисей!

Помолчали.

Под молчание выпили и закусили фруктами. Где-то вдалеке играли на незнакомом Софонию музыкальном инструменте. Печальные звуки мелодии удачно вплетались в шум дождя.

— Ты-то что здесь делаешь? — поинтересовался прокуратор.

— Бизнес, Fedja, — объяснил Софоний. — Торгуем потихоньку. Финики в Рим продаю, рыбку краснобородку, за нее патриции неплохие деньги платят. Снадобья индийские для похудения и повышения потенции. У меня египетский лакричный корень представители самого принцепса берут.

— А назад чего? — усмешливо скривился прокуратор. — Не с пустыми же руками возвращаешься?

— А это когда как, — развел руками Софоний. — Иногда выгодные предложения бывают.

— А на этот раз какое предложение тебе было? — спросил Понтий Пилат.

Знал он, с кем дело имеет. Краснобородкой Софоний если и торговал, то лишь для отвода глаз. Знал этот торгаш, где и на чем ему заработать!

Караванщик уверенно выдержал пристальный взгляд прокуратора.

— Чего мне от тебя таиться? — прищурился он. — Хорошее мне было предложение. Без труда можно кучу аргентариев заработать.

— Небось опять бычьи жилы потребовались? — спросил прокуратор. — С огнем играешь. На крест ведь угодить можешь. Знаешь же, что это стратегическое сырье!

— Да брось ты! — усмехнулся Софоний и снова налил обоим. — Помощи не прошу, с этим сам справлюсь. А вот если по-настоящему заработать! — Он приглашающе поднял чашу.

Снова выпили.

— Ну? — сдавленно сказал прокуратор, отщипывая с грозди крупную виноградину.

Софоний беспокойно огляделся по сторонам, склонился к прокураторскому уху.

— Баллиста нужна, — сказал он. — Персы у себя небольшую заварушку затеяли. Хорошие деньги дают.

Понтий Пилат едва не подавился виноградиной. Лицо его вновь побагровело.

— Да ты, дружок, с ума сошел, — сказал он. — Да ты знаешь, что за это будет? За это ведь и креста мало будет. Зашьют в баранью шкуру и диким зверям скормят!

Софоний развел руками.

— Да это я так, к слову! — сказал он поспешно. — Я ведь не настаиваю. Просто говорю, заработать можно неплохо.

— Я тебя не слышал, ты мне не говорил, — сказал прокуратор. — Торгуй вон лучше краснобородкой: тебе деньги, а римлянам — удовольствие.

Они посидели еще немного, но разговор не клеился. Тайная сделка, предложенная персами, разъединила товарищей по несчастью. Чего греха таить, хотелось, как говорится, и краснобородку съесть, и...

Молчание угнетало обоих. Тайна, которой они сейчас владели вдвоем, рвалась наружу, чтобы найти необходимую в этих случаях свинью.

Софоний поднялся, низко поклонился прокуратору, криво усмехнулся.

— Пойду я, — сказал он. — Дел невпроворот, да и товары развезти надо. Рад был тебя увидеть.

Он уже выходил из колоннады, когда прокуратор настиг его и жестко ухватил за плечо.

— Слушай, — сказал Понтий Пилат, вильнув взглядом. — Эти твои персы, они чего за баллисту дают?

Глава шестая,

в которой римские легионеры патрулируют окрестности Иерусалима

Нашли молодого!

Ромула Луция отправили в патрулирование по иерусалимским окрестностям, и это существенно испортило ему настроение. Патрулировать в окрестностях города было небезопасно, запросто можно было нарваться на пьяных сикариев, которые с вина дурели так, что порой на мечи с голыми руками лезли. А ведь и кривые еврейские ножи у сикариев тоже имелись, и пользовались этими ножами сикарии с большим искусством. Вообще-то ножи предназначались для того, чтобы холостить ослов или бычков, но разве от того было легче пострадавшему? Римских легионеров не холостили, их резали. Успокаивало Ромула Луция лишь одно — это было последнее дежурство. Прокуратор включил его в инвентари-

зационную комиссию, поставил задачу и устрашительно сунул под нос Ромулу кулак. Дураку бы не понять, следовало сделать все так, чтобы и волки были сыты, и овцы довольны.

Правда, в патруле могло и посчастливиться. Иногда попался ночной дурак с кременой, набитой серебром и даже золотом. Тут уж, как водится, извиняй, купчина, была кремена ваша, а нынче будет наша. Легионеры божественного принцепса тоже пить-есть хотят, нечего с деньгами по ночам гулять, ты же не Моисей, Бог иудейский за тебя не заступится!

Как в легионе поют?

Не ходи, купец, с кременой,
раз гуляет легион...

Сумерки уже легли на кипарисовые и лавровые рощи близ Иерусалима, встала на горизонте огромная медная Селена, заливая все вокруг мерцающим своим светом. Иудеи по ночным дорогам не шастали зазря, готовились к своему шаббату. В этом, конечно, были свои плюсы и свои минусы. С одной стороны, пустынные дороги гарантировали, что все легионеры из патруля доживут до утра и не станут бесполезными для женщин инвалидами, а с другой стороны — скука была такая, что скулы от зевоты и жажды сводило.

Ближе к полуночи все-таки повезло: вышел на патруль лихой человек, по лику — даже и гадать не пришлось — истинный иудей. Его обыскали и нашли персидский кинжал с широким страшным лезвием и тугую кремену, набитую аргентариями. Кинжал говорил сам за себя, а кремена уже исчезла за пазухой старшего, поэтому, естественно, встал вопрос, что делать с задержанным, который назвался Иудой из Кариота. Мнение большинства склонялось к тому, что надо бы, конечно, Иуду этого самого отвести на пост при воротах, чтобы подержать в яме, но лень было тащить иудея, а своими ногами, понятное дело, он идти не желал.

Тут легионер из греков по имени Пантер, который Иуду невзлюбил с первого взгляда, начал кричать, что такого типа отпускать просто нельзя. С такой разбойной мордой по ноч-

ным лесам можно шастать только для лихого дела, а потому Иуду надо отвести в лесок и допросить там с пристрастием, только вот заступы надо взять в ближайшей деревне. Настроение у всех было хорошее, да и деньги задержанного уже пора было поделить, поэтому легионеры на Пантера наорали и предложили ему заняться «допросом» Иуды в одиночку, коль уж у него такая охота в земле копаться. Вон он, Иуда, здоровый какой вымахал, такому придется до утра что надо копать. При этих словах и сам Иуда занервничал, начал всех хватать за руки, кричать, что его призвал сам Яхве и нельзя его убивать, пока он предначертанного не выполнит. Что-то он там говорил непонятное, вроде должен был в городе с каким-то мужиком целоваться, но всем это было по барабану. Какой бы здоровый этот Иуда ни был, а всего-то делов было — ткнуть его в живот мечом да подождать, пока он кровью не истечет. Но опять же — так не бросишь, обязательно пришлось бы могилу копать, поэтому с задержанным иудеем поступили проще — поставили его на дороге, и Пантер под общий хохот придал задержанному такое ускорение, что только пыль у того под ногами закружилась. «И все-таки, — сказал задумчиво и сварливо Пантер, — надо было этого сикария прирезать! От таких одни только беды!» Тут на него все дружно накинулись: мол, грек, он всегда греком и останется, в крови у них одна голая философия и гомерика. Пантер злобно оправдывался, потому что философем себя не считал, а о Гомере только слышал несколько раз, а свитков его и в глаза не видел. Посмеялись над незадачливым иудеем, поржали над Пантером, все начали поглядывать на старшего патрульного — не слишком ли оттянула ему пазуху кримена с общими аргентариями?

Старший по имени Цезиний Метр сел под смоковницей, достал отнятую у задержанного кримену и высыпал перед сгрудившимися легионерами целую кучу кодрантов, денариев и других монет, как с изображениями цезарей разных стран, так и еврейских — без изображений людей и животных. Монет было много, и легионеры тут же вознесли благодарения Аресу, хотя, если по совести, благодарить надо было этого

самого неизвестного им Яхве, который выманил иудея на наглуго ночную прогулку. Да притом еще и с деньгами.

Ночная прохлада стояла над пальмами и кипарисами. Низкая желтая Селена освещала все странным мертвящим светом. В ночном небе металась и попискивали многочисленные летучие мыши, раскинулся Млечный путь и испуганно разлетались в стороны созвездия хитроумных греков. Всей оравой пошли в ближайшую деревишку, нашли винокура и долго стучали к нему, требуя именем божественного цезаря продать им вина и ягнятины. Было уже поздно. Испуганный винокур открывать не желал и грозился ударить жалобой самому прокуратору, поэтому, поразмыслив, от винокура отстали, а вино нашлось у него в сарае, где были вкопаны в землю амфоры. В примыкающем к сараю хлеву неожиданно заблеяли козы. «Не хотел за деньги, — сказал, вызвав общее веселье, Цезиний Метр, — угощай тогда за жалобу!»

За жаренной на вертеле козлятиной и под молодое вино ночь прошла незаметно и была заполнена рассказами бывалых легионеров. Говорили о Черном всаднике, о морском Отшельнике, что подманивал корабли у лихих островов бриттов, кто-то рассказал о карательной экспедиции в страну черных антропофагов, уже под утро посыпались сальные любовные истории, и Индуксен Брабер, нестриженный и бородатый варвар, попавший в легион неведомо как, на ломаной латыни принялся рассказывать о путешествии в страну амазонок. По рассказу его выходило, что амазонки те были бабами красивыми, но с существенным физическим недостатком — у каждой из них была всего одна грудь, пусть пышная и с соском, что твой нос, но одна, клянусь вашим Юпитером! Вторую сиську, если верить Браберу, им еще в раннем детстве отрезали, чтобы не мешала лук натягивать. Похождения Брабера были такими неприличными, что с них всякий римский патриций покрывался бы краской, а под самый конец об этих похождениях вообще можно было рассказать, лишь используя такие выражения, что от них любой пергамент, любой папирус вспыхнул бы ярким стыдливым пламенем. Словом, Брабер народ повеселил достаточно, после него рассказ Де-

цима Руста о том, как некие знакомые ему легионеры в Парфянии ухаживали за армянками да сами потеряли невинность с их хитрыми мужьями, вообще никого не расмешил.

Ведя подобные разговоры, патрульные римляне оказались у храма халдейского мага Мардука. В предутренних сумерках храм выглядел очень таинственно и жутковато. Кто-то вспомнил рассказ иудеев о том, что Мардук любит по ночам превращаться в летучую мышь. В таком виде он летает по близлежащим селениям и ищет пьяных, у которых при нападении выпивает всю кровь. «Брехня! — отреагировал варвар Брабер. — Пусть только попробует присосаться, я ему хобот тут же оторву!»

Решительность варвара вызвала одобрительные смешки. Некоторые легионеры начали высказывать предположения, что бы сосал халдейский маг, если бы иудеев не было, а лишь одни доблестные римские солдаты обитали в окрестностях Иерусалима. Другие же, подогретые вином, предложили пойти в храм, найти там мага в его стеклянном гробу и сделать так, чтобы он не только летать не смог, но и двигался бы с большим трудом. Но в разгар самого веселья из храма вдруг вылетела огромная летучая мышь и сделала несколько планирующих кругов над легионерами. Тут напускное мужество их куда-то ушло, и даже вспоминать этого самого Мардука никому уже не хотелось. Не дай бог услышит, ведь обидеться может! А обиженный маг, если его своевременно не прирезать, много пакостей натворить может. Настроение у патрульных испортилось.

Децим Руст, правда, сделал попытку возродить общее веселье своим рассказом о походе на бриттов, но его глупый гогот никто не поддержал. Нашлись среди легионеров и такие, что уже с надеждой смотрели в быстро светлеющее на востоке утреннее небо, где гасли созвездия, и прикидывали, как они поутру распорядятся Иудиными денежками. Одно было несомненным — потратить их можно было с большим толком к своему удовольствию и восторгу еврейских проституток с бритыми подмышками и промежностями.

А когда совсем рассвело, то легионеры увидели движущийся к городу Иерусалиму табор, во главе которого ехал худой рыжебородый мужчина верхом на осле.

— Ну и процессия! — задумчиво сказал Пантер, почесывая затылок.

— Может, нам сразу их разогнать? Ведь если их прокуратор увидит, чую я, несдобровать нам. Глянь, сколько их, ведь в городе сплошная неразбериха начнется.

— И не мечтай! — пресек шустрого и наглого грека Цезиний Метр. — Забыл, что шаббат у них празднуют? А принцепс сказал, что, мол, порядок порядком, а чужие обряды уважать нужно. Наш прокуратор только-только от неприятностей оправился. Помнишь, как эти ишаки против акведука протестовали? Такие сборища у стен дворца Ирода устраивали, до сих пор вспомнить страшно! Пусть едут. Как говорится, в заднице глупого ишака репей больших неприятностей не доставит. Понял, Пантер?

— Конечно, — нахально осклабился грек. — Насчет репьев ишаку всегда видней!

Цезиний Метр нацелился было урезонить забывшего субординацию грека, но в это время ишак заревел, заскрипели и стали открываться тяжелые ворота, и Цезиний погнал своих легионеров к остановившемуся табору — до смены еще далеко, а следить за порядком Юпитер не станет!

Глава седьмая,

в которой въезжает в город проповедник верхом на осле и грядут великие события

Проповедник въехал в Иерусалим верхом на осле через Навозные ворота. Следом за ним бежала толпа поклонников с пальмовыми ветвями о семи листьях. Иерусалимский плебс, услышав о приезде чудотворца, радостно ревел: осан-

на! — признавая в невысоком рыжеволосом человеке своего жоака и учителя. Известное дело, плебс всегда ликует, встречая кого-то, — дай плебсу хлеба и зрелищ, и можно ни о чем не беспокоиться, но отбери, в свою очередь, у людей что-то одно, хотя бы зрелища, и ты увидишь, как вскипает волна бессмысленного и беспощадного бунта и как вопят оборванцы: «Хлеба и зрелищ! Долой!» При этом они даже не знают, кто должен уйти долой. Но так уж повелось, что, если недород или зрелищности не хватает, кто-то обязательно должен уйти. Правители с бунтовщиками обычно договаривались. Понятное дело, уж если нет хлеба, так пусть будут зрелища!

Иксус Крест сидел на осле с большим достоинством и милостиво принимал приветствия, благодаря плебс короткими кивками. Время от времени он поднимал руку, осеняя толпу знаменем. Рядом с ослом бежали двенадцать дюжих мужчин в коротких туниках и внимательно поглядывали по сторонам. Не иначе как были они телохранителями, что блюли новоявленного мессию от приставаний бродяг из толпы и проявлений совсем уж неумеренного восторга. Был ведь года два назад случай, когда жаждущий чудес народ накинудся на проповедника и оставил его голым, разодрав на мелкие чудотворные части бурнус, виссон и даже набедренную повязку. Особенно доставалось от женщин. Те, если уж нельзя прямо в толпе завести от проповедника ребеночка, старались хоть пояс его получить или прядь волос отрезать. Что за примерами далеко ходить? В прошлом году приезжал один знаменитый прорицатель. Лысым ведь из города уехал! А дочка Ирода Саломея спала и видела, что папашка ей на шестнадцатилетие голову того мужика подарит, который желающих в Иордани купал. И дождалась ведь, зараза, сделал ей папа подарочек!

До празднования Пасхи оставалось еще восемь дней, и проповедник остановился на постоялом дворе «Приют караванщика». Остальные встали табором на базарной площади, поставив шатры и палатки. Запылали костры, жалобно за-

блеяли барашки, и вот уже над площадью поплыли манящие голодных бродяг запахи жареного мяса и свежеспеченных хлебов. А ведь земледельцы плакались, хлеб в этом году не уродился, скотоводы на падеж жаловались. Но ведь есть чем народ порадовать?

Сам проповедник на площадь не пошел, отправился отдыхать в снятую комнату на постоялом дворе. Повсюду за проповедником следовал рослый молодой мужчина с жуликоватыми быстрыми глазами на свирепом лице. На боку у провожатого висел на ремне деревянный ящичек, в котором весело позвякивали монеты. Если бы дежурившие ночью легионеры не отсыпались в казармах да публичных домах, они бы сразу узнали в этом иудее ночного разбойника, у которого они отобрали деньги. Узнали бы и удивились, где он новые суммы взял взамен отобранных.

Комнату для проповедника уже убрали три женщины. Две из них были в годах и при теле, но третья была нежным цветком, который бы сделал честь и букету гарема владыки кочевников. Видно было, что проповедник красавице благоволит, а это благоволение, в свою очередь, вызывает недовольство провожатого проповедника. Только он напрасно рожу свою кривил. Спать Иксус Крест целомудренно лег один.

Отдохнув немного в комнате, Иксус вышел в зал и прошел на чистую половину харчевни. Кидаренок смотрел на него с некоторой настороженностью. Не раз были случаи, когда заезжие проповедники ели и пили что хотели, а вот когда доходило дело до расплаты, то денег у них не оказывалось, и проповедники принимались обещать Кидаренку, что в загробном мире он получит от Яхве втрое больше, нежели потратил. И выкинуть их было проблематично и даже опасно: во-первых, никто не знал, какие взаимоотношения у проповедников с Богом, во-вторых, плебс, как правило, был за них и потому мог сжечь постоялый двор за неучтивое отношение к Божьим слугам, а в-третьих, кто ее знает, может, и впрямь на том свете воздастся втрое против затраченного.

Но этот платил.

И платил полностью.

Попробовав монету на зуб, Кидаренок повеселел и приказал собрать на стол, а сам уже стал приглядываться к головным уборам гостей, но проповедник был битым — заметив взгляд Кидаренка, он сразу же пододвинул свой кидар поближе, а затем, к великому сожалению хозяина постоялого двора, и вовсе сел на него. Видно было, что отсутствием аппетита проповедник не страдает. За еду он взялся, едва только прочитал молитву кадиш о пришествии Царствия Божьего. Быстро он разделался с печеной бараниной, рыбой и лепешками, запил все большим кувшином вина и рассеянно взялся за печенье и сушеные фрукты.

И в это время в зал вошли выпавшиеся караванщики. Софоний сел за стол и зычно потребовал к столу хозяина харчевни. Проповедник поднял на голос взгляд, увидел караванщика, побледнел и едва не выронил очередное печенье. Видно было, что Иксус Софония знал хорошо, даже слишком хорошо.

Софоний обвел взглядом харчевню и тоже заметил проповедника. Бороду караванщика квадратно прорезала непонятная улыбка, он коротко кивнул проповеднику и склонился к печенному боку барашка. Могуч и живописен был караванщик, и ел он, как самум, — все сметал на своем пути, и даже костей за ним не оставалось.

А у Иксуса явно испортился аппетит. Он поковырялся в финиках, брезгливо съел пару персиков и при этом все поглядывал на караванщика с опасливой осторожностью, словно боялся, что караванщик у него блюдо с фруктами отберет. Да, похоже, что эти двое друг друга знали и уже встречались на пыльных дорогах Малой Азии. Кидаренок понял, что эта неожиданная встреча еще будет иметь свое продолжение. Не один день на свете пожил, многое в жизни повидал, а сообразительностью его Бог не обделил, как и всякого достойного иудея.

Наконец Крест встал и, даже не поинтересовавшись у хозяина городскими новостями, что само по себе уже было верхом неучтивости, отправился в свои покои. Расстроен он был, сильно расстроен.

. На выходе проповедник столкнулся с караванщиком.

— Ну, здравствуй, Митрофан Николаевич, — не глядя на проповедника, сказал караванщик. — Дал Бог свидеться! Живой, значит? А мы тебя в мыслях уже похоронили!

— Здравствуй, Ваня, — в сторону сказал проповедник. — Вижу по твоему виду, что удача тебе улыбается, мой друг. А я, выходит, живой. Рано вы меня хоронить вздумали! Да оно и к лучшему, говорят, кого при жизни покойником объявляют, потом очень долго живет!

— Потолковать надо, — выдохнул Софоний. — Или ты уже здесь прижился, Митрофан Николаевич? Занят-то чем? Построение Царствия Божьего в отдельно взятой стране проповедуешь?

— Не томи душу, — вздохнул проповедник. — Я, понимаешь, Дон ночами вижу... Про остальных что-нибудь знаешь?

Караванщик благообразно огладил бороду.

— Я же тебе говорю, что надо потолковать, — буркнул он. — Вечером у Мардука в его мавзолее встретимся. Приходи обязательно, если хочешь старых друзей увидеть. Знаешь, где Мардук проповедует и прорицает?

— Найду, — сказал Иксус. — Уж кто-кто, а проповедник проповедника...

С тем и разошлись, степенно и вежливо кивнув друг другу.

Кидаренок проводил их любознательным взглядом. Не ошибся он, знали друг друга его постояльцы. Очень хорошо знали! Вот только не знал он, где и когда это знакомство случилось. А если бы и узнал, никогда не поверил бы. Или разум свой не сохранил.

Ближе к обеду братия, окружавшая Иксуса, засобиралась.

— Куда собрались? — удивился тот.

— Да мы ненадолго, учитель, — смущенно сказал Симон, отводя глаза в сторону. — Тут рядышком какой-то Мардук про-

рочествует. Вот решили сбегать да послушать. Сам говорил, что врага надо знать. А этот, говорят, из халдейских магов... Про будущее рассказывает, и, говорят, очень занятно!

— Да я вам сам про будущее рассказать могу, — обиженно сказал Иксус. — Кому интересно, тот может остаться.

Лица большинства учеников стали как у той мартышки, которая решала, к кому ей примкнуть — к красивым или к умным. А с другой стороны, Иксуса они все не один раз слушали и послушают еще, куда он денется, а про Мардука в Иерусалиме такое рассказывали!

Один Иоанн сразу же полез за пергаментом и письменными принадлежностями. Это растрогало Иксуса. Слабым движением руки он отпустил остальных. С радостными лицами ученики разбежались. Только Иоанн сидел в комнате Иксуса с напряженным лицом и, казалось, был готов на духовный подвиг.

— Один ты мне верный, — обиженно сказал он, вздыхая. — Ну, садись, я тебе про Будущее расскажу. А то у вас уже здесь все перепуталось: сам читал, как вы себе Будущее представляете: у вас там последний землешапец имеет не меньше двух рабов. Дерзкие и умные все, словно греки. А Будущее... — Он прикрыл глаза, словно вглядывался в непостижимые бездны пространства и времени.

Иоанн терпеливо ждал.

Его учитель задумчиво посапывал.

— Как тебе это рассказать? — открыл он на мгновение глаза. — Как, если ты о *jadernoj bombe* понятия не имеешь, про *samolet s tankom* и слышать не слышал, а государства будущего еще и не образовались даже, вон варвары в Германии до сих пор еще в звериных шкурах ходят?! А ведь половину Европы в свое время захватят, миру условия диктовать начнут! Это сейчас пока они в шкурах ходят...

Но ведь будет все, будет, Иоанн! И люди по небу будут летать и города уничтожать, словно Ангелы небесные. И зеленая саранча по миру пройдет со «шмайссеррами»... Тайна все это еще, тайна за семью печатями. Пока еще те печати сни-

мут... Как города јапонские, словно Содом и Гоморру, в один миг с лица земли сотрут. Упала с неба звездочка, и все — третьей части живых как не было на Земле...

Да, брат, а потом tanki пустят, с великой броней, а за ней саранча железная с закатанными рукавами... И править будет зверь настоящий, он для иудеев специальные печки придумает, чтобы сжигать их вместе с потомством их, как сор...

«Это надо запомнить, — лихорадочно думал Иоанн. — Семь Ангелов небесных... печати сорвут... Стало быть, печатей тоже семь будет! И звезда Полярная, вот что еще не забыть — про звезду! Покатится с небес... И про то, что третью часть живущих... Ага! Саранча с броней железной...»

— Но найдется великий вождь, — вдруг с пафосом сказал проповедник. — Будет он строить Царствие Небесное на Земле. Погонит он жадных да богатых. Народ станет править, Иоанн. Твердой рукой. Вождь этот скажет, что достойны жить люди в стенах мраморных да ясписных, а отхожие места быть из чистого золота. Жаль, недолго будет жить. А на смену ему придет другой. Размечет он железную саранчу сильной рукой. Возвестит вечный мир, а верных последователей своих назначит наместниками своими на Земле. Станут люди жить в счастья и осененные его мудростью. И станет главным труд, а серп и молот в мозолистых руках станут эмблемой всего человечества! Так будет, Иоанн, ты мне верь, я знаю, сам в наместниках не один год еще ходить буду. Думаешь, умру я и все? Как бы не так, мне еще в будущем возродиться придется, чтобы учить людей правильной жизни и вести их в светлое будущее! Буду я читать труды мудрых классиков, и однажды сказано будет, что надлежит мне пророчествовать о народах и царях и племенах многих.

«Умрет и воскреснет, — лихорадочно записывал Иоанн. — И будет наместником Бога среди людей. Возьмет книги у Ангелов и проглотит их, и будут книги те ему сладки, как мед. Здорово! Но про отхожие места из чистого золота равви, конечно, загнул. Где ж столько золота найти? И все-

таки хоть помочиться в таком отхожем месте — и умирать не жалко...»

Он посмотрел на Иксуса.

Тот возлежал с задумчивым и строгим лицом.

— Много бед еще впереди у человечества, — сказал Иксус. — Кометы, например, с метеоритами. Кометы, значит, хвостатые такие, а метеориты — как звезды падающие... Яды, опять же, всякие изобретут, в море такую гадость выльешь — и нет рыбы! Да что море, земля и та отравленной станет, помню, был я однажды на Norilskom nikelwom combine... Ты даже представить себе не можешь такого ekologitscheskogo bezobrazia... Многие тогда восплачут и возрыдают...

Подумав еще немного, он безнадежно махнул рукой и сказал:

— Ладно, иди, Иоанн, я тебе потом все расскажу — и про Маркса с Лениным, и про войны мировые, и про светлое будущее... Трудно сразу все высказать, без конспекта, понимаешь. Надо все сначала на папирусе или на пергаменте изложить, тогда и получится цельное откровение. А так, что я тебе кусками...

Иоанн торопливо поднялся, поклонился Иксусу и пошел прочь, пытаясь не расплескать полученные знания, как-то сохранить их в памяти.

«Звезды с хвостами, — думал он. — Ударит хвостом о землю, и Ангел чашу с ядом выплеснет в моря да океаны. И город, в который ничто нечистое не войдет. Потому как его наместники охраняют. С серпом и молотом в руках».

Пергамент уже почти тлел в его нетерпеливо дрожащих пальцах.

— Иоанн, — позвал его уже от порога Иксус. — А этот... Мардук... Он сейчас где обретается?

Иоанн объяснил.

Проповедник подумал и махнул рукой.

— Блаженны званые, — непонятно сказал он.

Глава восьмая,

в которой списывается баллиста и рождается хитроумная лазейка для всяких хозяйственников

АКТ О СПИСАНИИ БАЛЛИСТЫ

Мы, нижеподписавшаяся комиссия, в ходе инвентаризации вооружения Иерусалимского гарнизона составили настоящий акт о том, что баллиста, инвентарный номер в/9, в результате боевого использования и хранения пришла в непригодность по следующим причинам:

1. Площадка баллисты рассохлась и пошла трещинами, что создает угрозу личному составу, закрепленному за ней приказом прокуратора.

2. Оси баллисты треснули и не держат колес, в результате чего данное орудие стало непригодно для дальнейшей транспортировки его волами к осаждаемому объекту и установки на боевое дежурство.

3. Ложка баллисты, служащая для метания боевого заряда, треснула в основании и имеет значительные обломы по краям, что препятствует метанию боевого заряда в соответствии с расчетной траекторией и снижает меткость при попадании.

4. Метательные канаты баллисты, изготовленные из воловьих кишок, поражены цепенем и плохо служат приведению баллисты в боевое положение; более того, вследствие своей трухлявости они могут в любое время создать угрозу для лиц, осуществляющих из баллисты боевую стрельбу.

5. Поворотный механизм, на который накручиваются воловьих кишки, вследствие частых стрельб и неправильного хранения пришел в негодность, и шпеньки в гнездах не держатся. Данный факт также препятствует приведению баллисты в боевое положение.

На основании изложенного комиссия считает дальнейшее хранение баллисты, инвентарный номер в/9, и нахождение ее на вооружении Иерусалимского гарнизона не-

целесообразным. Вследствие этого указанная баллиста, являясь секретным оружием, подлежит списанию и уничтожению путем ее разборки на части со сжиганием последних на специально разведенном костре в присутствии руководства и комиссии.

Старослужащий Квинт Легий с актом согласился сразу и поставил под ним по причине неграмотности жирный крест. А собственно, чего кочевряжиться, если ты неграмотен? Сказано, что баллиста пришла в негодность, значит, так оно и есть. Все равно не тебе из нее стрелять. А положи руку на сердце, стал бы ты стрелять из неисправной баллисты или катапульты? То-то и оно! Себе дороже!

Молодой и нахальный Вермутий Клит подписывать акт категорически отказался.

— Как это не пригодна для стрельбы? — удивился он. — Мы ее месяц назад на озеро вывозили рыбу глушить. Нормальная была баллиста, с первого выстрела мы, правда, две иудейские лодки в щепки расфигачили, а потом приладились — глушеную форель полтора месяца ели: и вареную, и жареную, и вяленую, будь она неладна. И все было нормально, никаким цепенем и не пахло, обломки скалы метала так, что никаким Бриареем* не угнаться.

А узнав, что баллисту уже сожгли, прямо заявил:

— Кто-то криму аргентариями набьет, а я липовый акт подписывать буду? Не, братцы, никто меня к этому не принудит. Потом разнохают, кого на крест? Меня, меня на крест отправят. А вот вам! — И Вермутий сделал жест, которым цинично отрекался от самой возможности быть причастным к каким-либо злоупотреблениям, а тем более к самой возможности попасть на крест.

Ромул Луций некоторое время словесно уламывал непокорного, потом пригрозил лично отвести его к прокуратору, да не просто так, а с ликторами. Прокуратора Вермутий Клит видел всего два раза, да и то издалека, ликторов он боялся даже больше, чем корникулярия, поэтому сама возможность

* Сторукие великаны. Мифический образ.

предстать перед грозными очами всадника с ликторами за спиной так потрясла непокорного воина, что он, не раздумывая уже, начертал под актом сразу два жирных креста.

— Знаем мы этих всадников! — сказал он. — Тут хоть горшком о камень, хоть камнем о горшок, но плохо будет только горшку!

Акт о списании баллисты направили на утверждение прокуратору. Ознакомившись с ним, прокуратор приказал привести к себе лукавого инвентаризатора. Ликторы, как обычно, не разобрались, явились в лагерь и увели потрясенного Ромула Луция, заломив ему руки за спину, во дворец Ирода.

Узнав от легионеров об аресте главного инвентаризатора, Вермутий Клит запаниковал и принялся прилаживать меч среди камней, чтобы, бросившись на него грудью*, избавить себя от дальнейшего бесчестья. Старые воины долго уговаривали Вермутия повременить с роковым решением, объясняя ему, что зарезаться никогда не поздно, а вот ожить после этого практически невозможно, а если и оживешь, то толку от того не будет, с бывшими покойниками служить никто не желает, будет тогда у Вермутия один путь — в пустынный легион, чтобы гоняться по пескам за антропофагами, пока они наконец тебя где-нибудь не подловят и не сожрут. Вермутию было двадцать пять лет, жизнь ему еще не надоела, и он решил подождать. В конце концов, торопиться действительно было некуда, а вот в ожидании определенная выгода все-таки была.

А Ромула Луция в это время допрашивал сам прокуратор.

— Ты что, вообще офонарел? — опасливо оглянувшись по сторонам, спросил Понтий Пилат. — Жить надоело? Ты кому эту филькину грамоту показывал? За такое списание нас всех сей секунд повяжут — и на крест, понимаешь ты это, дурачина?! С кем ты, придурок, этот пергамент согласовывал?

— Соф-Ону показывал, — растерянно признался Ромул Луций. — Тот меня даже похвалил. Ты, говорит, новые го-

* обычный способ самоубийства у римских воинов.

ризонты римской бюрократии открываешь. С тебя, сказал, отныне все римские хозяйственники пример брать будут!

— Софоний глупого не скажет, — вслух подумал прокуратор. — Он в свое время в потребкооперации столько списал, Римскую империю купить можно было бы или заново отстроить! Ладно, — внезапно решился он и, подойдя к низкому мраморному столу, утвердил акт. — Смотри! — сказал он. — Если что не так пойдет, я с тебя первого шкуру спущу! Ты меня понял?

«Ну вот, — уныло подумал Ромул Луций. — Прав был Клит: что камнем об горшок, что горшком по камню, хреново будет только горшку!»

— Держи! — сказал прокуратор и швырнул Ромулу Луцию туго набитую кримену. — Это тебе за труды и молчание.

Кланяясь и пятась задом, счастливый и радостный Ромул Луций покинул прокуратора.

В лагерь он шагал весело и уверенно.

«Это другое дело, — светлея душой, подумал он. — Не надо с нас шкуры снимать, ты нас материально заинтересуй!»

В лагере его встретил взволнованный и угрюмый Вермутий Клит.

— Живой? — кинулся он к Луцию и принялся его щупать. — Ну, слава Юпитеру! А я думал, тебя за катапульту загребли. Ну, думаю, откувыркались. Испугался, веришь, — на меч кидаться думал. Спасибо квиритам, отговорили. Веришь, децим, я уже прикидываю — все, конец нам пришел. Ликторам только волю дай, загрызут не хуже волчицы, что Ромула с Ремом выкармливала. Хорошо, если нас сразу на крест, а если в шкуры козлов зашьют да на арену к диким зверям выпустят? А тут ты идешь. Веселый и здоровенький. Ну что? Обошлось, значит?

И тут Ромул Луций сделал достойный ход, позволивший успокоить Вермутия и сделать его в полной мере своим соучастником. Он достал кримену, полученную от прокуратора, развязал ее и показал опешившему Вермутию аргентарии.

— Вот, — сказал он. — Награда за честную работу. Как будем делить: поровну или по справедливости?

Вермутий Клит радостно блеснул глазами.

— Дождешься от тебя справедливости, — проворчал он. — Дели поровну.

Денег было много. По крайней мере и Ромул Луций, и Вермутий Клит такое количество монет разного достоинства видели впервые.

— Да тут не только погулять хватит, — удовлетворенно сказал Клит. — На эти деньги и землицы прикупить можно будет.

— Да что тебе с той землей делать? — спросил Ромул Луций. — Ты трать себе помаленьку, все равно однажды в бою голову сложишь. А мертвому, сам знаешь, землю бесплатно выделяют.

— Ты дели, — нетерпеливо сказал Вермутий. — И считай лучше, думаешь, я не видел, что ты себе две монеты подряд бросил?

— Так у них и достоинство соответствующее было! — возразил Ромул. — И вообще, будь я жуликом, я эти деньги втихую заныкал бы и нипочем бы тебе их даже не показал.

— Ты дели, дели! — снова сказал Вермутий Клит. — Я тут давеча бегал туда, где, по твоим словам, баллисту сожгли. Так там даже пепла нет! Это как же такую дуру без пепла сжечь можно было?

«Вот ведь козел! — зло подумал Ромул Луций. — Пепел он, видите ли, искать вздумал! Надо бы тебя действительно в шкуру зашить да на арену выпустить! Так ведь такой вонючкой и звери побрезгают!»

Но это Ромул Луций лишь подумал, потому что вслух он сказал совсем другое.

— Был там пепел, — сказал он. — Только его ветром раздуло. Ты что, не помнишь, какие последнее время ветры дули?

— Как же, — весело сказал Вермутий, сгребая свою долю. — Хорошие были ветры, баллисту вообще могло в пустыню Негев унести.

И подельники, откинувшись на спины, принялись мечтать, как они потратят свои деньги. Ромул Луций решил прове-

сти время с греческой гетерочкой. Та, хоть и брала много, прикид имела вполне товарный, да и в постели она... гм-м... отменно, говорят, на флейте играла.

Мечты Вермутия Клита были туманными и несбыточными. Кто же плебею позволит землю рядом с дворцом цезаря покупать? А узнай цезарь, что Вермутий Клит мечтает познакомиться с его дочерью, бравый легионер вообще бы не дожид до рассвета. Но то ли цезарь о мечтах Вермутия Клита никогда не узнал, то ли дочери у него не было, только угроз с его стороны в адрес легионера не было, тем более что до покупки земли дело так и не дошло. Да и не могло дойти — все до последней лепты в тот же вечер Вермутий Клит и Ромул Луций пропили в харчевне постоянного двора «Приют караванщика».

Соблазнительной греческой гетерочке и неведомой дочери цезаря только и осталось, что облизнуться.

Как и полагается, весь вечер пили за славу и мощь римского оружия.

Глава девятая,

*в которой друзья хоть и не все, но встречаются вновь,
а также рассказывается о неприятном открытии Иксуса
Креста*

Бог уже щедрой рукой зассивал звездами чернозем небес, когда Иксус тайно покинул постоянный двор и ушел из города. С вечера пришлось попросить немного денег у казначея. Кариотянин хмуро выслушал шитую белыми нитками историю, рассказанную учителем, но отсыпал некоторую сумму серебром и медью. Для выпивки с гетерой это было слишком мало, для раздачи милостыни — слишком много, но, как говорится, поступайте с людьми так, как хотели бы, чтобы и они поступали с вами.

Жаркая душная ночь бродила у стен Иерусалима. Каждый куст лавра казался затаившимся в засаде разбойником, а кипарисы были похожи на лохматых чудовищ, мечтающих закусить запоздалым путником.

В бархатной тишине трещали цикады.

Поначалу проповедник заблудился и вышел к Голгофе. На лобном месте пахло мерзко тленной плотью и разложением, а в земле под лучами луны белели высохшие черепа и кости. Вид этого мрачного места вообще почти отбил охоту у Иисуса бродить по темным окрестностям, тем более что некоторое время спустя на него напал разбойник с лицом, завязанным белой повязкой. Разбойник приставил нож к горлу, хрипло требуя деньги, но потом всмотрелся в бледное от ужаса лицо жертвы и, глухо сказав: «Простите, равви!», ушел, оставив Иисуса Креста в приятном недоумении. Иисус проверил деньги, они не только были в наличии до последнего кодранта, до самой истертой лепты, но сумма еще и увеличилась, не иначе усовестившийся разбойник добавил к подношениям казначея немного своих. По пропорциям телесным разбойник немного напоминал кариотянина, но тот, конечно, никак не мог бродить по ночам вокруг Иерусалима и грабить путников. Никто из ячейки на это не был способен. Что и говорить, а событие с Иисусом случилось не рядовое. Иисус уже предвкушал, как наутро он скажет казначею, что, мол, мало дал ты денег учителю, да Бог увидел недостойность твою и оделил учителя трижды против выданного тобою. Но тут темным пауком из тьмы выполз дворец Мардука, перед входом в который горели мрачные голубоватые факелы. В отполированном базальте ступеней отражались любопытствующие с вселенского безделья звезды.

Иисус боязливо ступил на ступени и дрогнувшим голосом спросил темноту:

— Есть тут кто?

Ответом было молчание.

Проповедник приблизился к хмурому и неосвещенному проему входа, который напомнил ему пасть Левиафана.

— Есть тут кто? — снова спросил он.

И тут из тьмы к нему выплыла белая тень, более похожая на привидение, нежели на человека. Проповедник испуганно ойкнул и ощутил слабость сразу во всех членах.

— Чего орешь? — хмуро спросило привидение. — Идем, раз пришел...

Иксус Крест, опасливо оглядываясь по сторонам, последовал за своим таинственным и загадочным провожатым. Они шли по коридору, слабо освещенному голубыми факелами. Впереди них и позади них слышалось эхо шагов, и от этого казалось, что вокруг много людей.

— Откуда огонь? — спросил Иксус, любознательно приглядываясь к факелам. — Чаду нет, и горят странно...

Привидение, не оборачиваясь, пожало плечами.

— Тут поблизости месторождение газа оказалось, — глухо сказала оно. — Грех было не воспользоваться... Да и людей впечатляет...

Путаный гулкий лабиринт коридора окончился хорошо освещенным залом, в центре которого стоял роскошно накрытый стол, за которым сидел Софоний и о чем-то разговаривал с полным мужчиной в белом плаще с алым подбоем. Мужчина сидел спиной ко входу и с ленивым интересом слушал караванщика. Иксус видел лишь мощный бритый и в складках затылок. Лица сидящего человека ему не было видно.

Привидение подошло к столу и оказалось хмурым озабоченным мужчиной с небольшой пегой бородкой. Из-под надвинутой на лоб фуражки на присутствующих смотрели внимательные жуликоватые глаза, по которым в хозяине дворца можно было узнать экстрасенса Онгору, сменившего в одночасье прежних богов. Да полно, богов ли? Все-таки экстрасенсы скорее уповают на нечистую силу, чем на помощь Бога и Ангелов. Онгора кисло морщился. Видно было, что неожиданное сборище в его обители прорицателю не особо нравилось.

Мужчина в белом плаще медленно повернулся, и Иксус обомлел.

Да кто бы не узнал в бритом круглолицем и по-имперски суровом военачальнике беспощадного прокуратора Иудеи? При более внимательном рассмотрении в беспощадном прокураторе проповедник узнал...

— Федор Борисович! Дорогой мой! — Иксус радостно развел руки и кинулся на прокуратора, словно собирался сдаться ему в плен. Прокуратор с еле заметной брезгливостью отстранился, взял проповедника за худые плечи и, делая вид, что всматривается в лицо собеседника, негромко сказал:

— Ну, здравствуй, здравствуй, Митрофан Николаич! Со свиданьем, как говорится!

— Прошу к столу! — пригласил бородатый Софоний. — Чем, значит, богаты, тем, значит, рады.

— А где... — Иксус растерянно огляделся.

— Отказался, сучок, — сообщил Софоний. — Никогда ему, стервецу, не верил. И не зря! Я, говорит, Тору изучаю. Я, говорит, с гегельянцами и материалистами никаких дел иметь не хочу. Законы Моисеевы в жизнь претворяет, гаденыш!

Митрофан Николаевич Пригода с жадностью всматривался в лица вновь обретенных товарищей. Надежда теплилась в его душе. Вспомнились скитания по пустыне. Бывшему партийному работнику хотелось верить, что в этих скитаниях он был не из худших. Впрочем, почему бывшему? Партийная принадлежность, она, понимаете ли, неизменная. Люди и в лагерях себя членами партии считали. А тут хоть и в прошлом, но на свободе ведь! А из рядов первых секретарей людей вообще только повышение или смерть исключает.

— А этот... Ромул Луций? — напрягая память, поинтересовался Пригода.

— Молод он еще на таких совещаниях присутствовать, — сурово и рассудительно сказал прокуратор. — Не по чину. А остальные... Кого уж нет, а кто, как говорится, далече.

Все сели за стол.

Проповедник оглядел стол и восторженно покрутил головой.

— Богато живешь! — сказал он Мардуку.

— Я же не отшельник, чтобы акридами сушеными* питаться! — буркнул тот, поднимая чашу. — Да и Софония благодари, он ради встречи расстарался.

— Разбавленное? — осторожно поднял Иксус до краев наполненную чашу.

— Здесь чужих нет, — сказал Мардук. — Чего же вино портить?

Выпили без тоста.

Вино оказалось превосходным, а барашек хорошо пропеченным, хотя и изрядно подостывшим. Иксус вдруг ощутил, что он проголодался. То ли блуждания близ Голгофы его раззадорили или внезапное нападение разбойника с завязанной мордой подействовало, но ребрышки барашка он глодал усердно, не забывая время от времени приложиться к чаше с вином. Остальные с легкими ироничными усмешками наблюдали за проповедником.

— Оголодал ты, Митрофан Николаич, — сказал прокуратор. — Ну, рассказывай, где тебя носило. Где был, что видел?

Иксус отставил чашу.

По лицу было видно, что воспоминания ему удовольствия не доставляют. Что хорошего могут найти в своих воспоминаниях осколки кувшина?

— Чего ж тут рассказывать? — вздохнул он, с сожалением поглядывая на блюдо с бараниной. — Попал в гладиаторскую школу, бежал, разумеется... Ну какой из меня гладиатор?! В первом же бою закололи бы... Полмесяца в песках скитался, потом меня бедуины поймали, в Египет отвезли да в рабство продали. Там сначала на скотном дворе работал, потом в храме у тамошних жрецов... — Он пожал плечами и снова потянулся за куском баранины. — Нахватался у них малость, а тут купцы приплыли. Я и смотался... Теперь вот хожу, — он криво усмехнулся, — проповедую...

Прокуратор покачал бритой головой.

* сушенная саранча у жителей Малой Азии — как у нас сушенная вобла. Выдавали бы там пайки, без сушеных акрид не обошлись бы!

— Я и смотрю, — сказал он. — Нахвтался ты, Николаич, нетленных истин, учениками обзавелся... В город вчера как триумфатор въехал...

Иксус скромно потупился.

— Похоже, ему эта жизнь нравится, — мрачно сказал Софоний.

Иксус поднял голову.

— Ты мне покажи того, кому эта жизнь понравится, — сказал он. — Я, братцы, три года каждую грозу на улицу выбегал, все ждал, когда молния ударит. Ночью проснусь, зубами скриплю, спасу нет, как обратно на Дон хочется... Бузулуцк, понимаешь, ночами снился...

Тяжело вздохнув, Иксус мрачно посмотрел на Софония.

— Жизнь эта нравится, — передразнил он купца. — А ты, дружок, рабом когда-нибудь был? А тебя пороли за кусок украденного с голодухи хлебушка? Ты вот там купцом был и здесь купцом пристроился. А здесь первых секретарей нет, вот и пошел в проповедники, чтобы будущее, понимаешь, приблизить.

— Брешешь ты все, — тяжело сказал Софоний. — Ничего ты приближать не хотел. Тебе бездельничать хотелось. Вот и пошел в проповедники, чтобы языком молоть. Ты и в Бузулуцк вернуться хочешь, чтобы опять свое место в райкоме партии занять.

— Да хватит вам! — хмуро уронил прокуратор. — Не для того мы здесь собрались, чтобы друг другу на больные мозоли наступать. Верно я говорю, Мардук?

Лжехалдей пожал плечами:

— Мне лично и здесь хорошо. А обратно все равно не попасть. Приспосабливаться надо, товарищи, приспособляться к реалиям местной жизни. Да, прошлое. Зато здесь партийного диктата нет. Говорю что хочу. Анекдоты из нашей прежней жизни в местные притчи перекладываю.

— Прорицаешь, — с сарказмом свернул Софоний.

— Прорицаю! — живо повернулся к нему Мардук. — Здесь это законом не запрещено! Каждый крутится как может! Надо трезво смотреть на реалии!

— Конечно, — иронично протянул Софоний. — Купил в книжном магазине «Историю Рима», так что ж тебе с ней не приспособиться к этим самым реалиям!

— А тебе кто мешал? — остро и недобро глянул на него Мардук. — В вашем магазине эти книги два года пылились, никто в них и заглянуть не хотел. А книга, как говорили мудрые люди, она есть источник знаний. — Он самодовольно оглядел тускло освещенный факелами зал, роскошный стол и добавил: — Она, дорогой товарищ, не только источник знаний, она еще и источник изобилия.

Прокуратор махнул рукой.

— Ладно, — сказал он. — Что с этим делать будем? — Он указал на проповедника.

— А что со мной делать? — Иксус даже жевать перестал. — Не надо со мной ничего делать. У вас свои заботы, у меня свои.

Прокуратор грустно усмехнулся.

— Ничего ты не понял, — хмуро сказал он. — Ты себе здесь какое имя взял?

— Иксус, — сказал проповедник и пояснил: — По-гречески значит неизвестный.

— Крестился? — в упор спросил прокуратор. Не ответить ему было невозможно. Опыт, большой жизненный опыт помогал прокуратору и не такие орешки раскалывать.

— Естественно, — смущенно сказал Иксус. — На реке Иордань. Потому меня Крестом и прозвали.

— Все правильно, — сказал прокуратор и через плечо спросил Мардука: — Ну, сможешь ему предсказать дальнейшую судьбу?

— А чего ее предсказывать? — удивился тот, хрустя твердой сочной грушей. — Повесят его на Голгофе меж двух разбойников. Как говорится, «и к злодеям прирчен».

— Вы мне это бросьте! — сказал с достоинством Иксус и нервно отхлебнул из чаши вино. — Это шантаж. Что значит — «и к злодеям прирчен»? Кто меня в злодеи запишет?

Прокуратор хмуро улыбнулся.

— А ты сам прикинь, — посоветовал он. — Иксус Крестос... крещен Иоанном на реке Иордань... в город Иеруса-

лим прибыл накануне Пасхи... Может, скажешь, что среди твоих учеников и Иуды нет?

Видно было, как Иксус Крест побледнел.

— Есть, — быстро и нервно усмехаясь, признался он. — Целых два... Так это что же выходит? Выходит, что я — это Он? Черт! Вот вляпался! Получается, значит, что Он — это я. — Проповедник снова торопливо отхлебнул из чаши.

— Дошло, — удовлетворенно сказал бородатый Софоний.

— А Волкодрало в книжники подался, — продолжал торопливо прикидывать Иксус. — Он меня всегда не любил, значит, и здесь я от него какой-нибудь подянки ждать должен. — Он помолчал, прикидывая что-то в уме, потом неожиданно возопил: — Что ж это получается, выходит, мне и жить-то осталось совсем ничего?

— Проняло, — снова прокомментировал Софоний.

— Я же и имя себе понезаметнее взял, — с рыдающими нотками причитал Иксус. — Мне много ли надо — на опреснок и баранинку да на хорошего вина кувшин! Никого не трогал, людям по возможности помогал... За что на крест-то?!

Мардук злорадно улыбнулся.

— С умом проповедовать надо было, — сказал он. — А тебя куда занесло? Гордыня, брат, она самый тяжкий грех. Ты зачем построение Царствия Небесного в отдельно взятой стране проповедовал?

Видно было, что аппетит первоначальный у Иксуса пропал. Проповедник поднял глаза и тоскливо оглядел товарищей по несчастью.

Товарищи эти смотрели на него со скучающим интересом, и Иксус понял, что им его распять на кресте — что скворчонку в поле червячка склевать. И склюют, не задумываясь, склюют во имя собственного благополучия и спокойствия. Слишком хорошо Иксус их знал, не один год с ними в партбюро персоналки провинившихся партийцев рассматривал. Схарчат, бисовы дети, и не поморщатся...

— Вот беда-то! — токующим глухарем закружился он на скамье. — Вот уж беда так беда! Выручать меня надо, братцы. По глупости ведь, по незнанию я в это самое влез по самое не

хочу... Что молчишь-то, Федор Борисыч? Иуда, он ведь из твоих осведомителей будет, что ж ты — со своим собственным сексотом не справишься, рот ему заткнуть не сумеешь? Ну, что ты молчишь, Феденька? Что ты жилы из меня тянешь?

Прокуратор смущенно кашлянул.

— Ты, Николаич, не обижайся, — сказал он, отводя взгляд в сторону, — но тут, понимаешь, такое дело... Тут мы, дорогой мой человек, высокой политики касаемся. И Иуду ты мне напрасно приписываешь, не мой это человек, совсем не мой. Первосвященник его на тебя нацелил. — Он неожиданно взъярился. — А не хрена было себя царем Иудейским именовать! Ишь партийные гены разыграли! Не сориентировался ты, Митрофан Николаич, в текущем моменте, а теперь ответственность на товарищей взвалить пытаешься!

Проповедник широко открытыми глазами посмотрел на багроволицего прокуратора.

— Значит, ты меня, Феденька, на крест отправишь? — слегка дрожащим голосом спросил он. — Во имя общественного блага и спокойствия товарищем пожертвуешь, дружбу нашу многолетнюю растопчешь?

Софоний почесал бороду.

— Кидаешься ты словами, Николаич, — укоризненно сказал он. — Дружба, товарищество... Где ж оно было, когда ты меня на бюро за растрату песочил? Что-то не заметил я тогда товарищеской дружбы и взаимопомощи...

Он осекся, заметив, что за ними с явным злорадством наблюдает бывший экстрасенс, переквалифицировавшийся в халдеи. И такой живой интерес блестел в жуликоватых глазах Мардука, что Софоний опомнился и неуклюже закончил:

— А вообще-то, Борисыч, негоже с ним так поступать. Как говорится, конечно, он — сукин сын. Но нельзя же забывать, что он все-таки наш сукин сын! Кадры беречь надо, не зря же было однажды вождем мудро подмечено, что кадры решают все!

Прокуратор залпом выпил чашу вина и нервно заходил по пустому гулкому залу.

— Тебе хорошо рассуждать, — хмуро и язвительно сказал он, остановившись перед караванщиком. — Ты сегодня здесь, а завтра сел на верблюда — и только ветер тебя видел да пески безжизненные. А мне с людьми жить. Я людьми руковожу, и ты только заметь, где я ими руковожу — на оккупированной территории я ими руковожу! Ты ведь иудеев знаешь, они без мыла в жопу залезут. Наговорят Вителию, тот, в свою очередь, принцепсу донесет, меня ведь в два счета в глухую британскую или испанскую провинцию дослуживать отправят или вообще к черту на кулички — в Парфянию* загонят!

— Все к Дону ближе, — мечтательно сказал Софоний.

Прокуратор сел.

— Ладно, — все так же хмуро и отрешенно сказал он. — Обещать ничего не буду, но помогу по мере сил и возможностей.

Он посмотрел на проповедника. Иксус с обреченным видом покачивался на скамье. Взгляд прокуратора смягчился, и в нем проскользила еле заметная жалость.

— Ну, что ты скис, Николаич? — грубовато спросил прокуратор. — Не распяли ведь еще! Может, все оно еще и обойдется.

Некоторое время собравшиеся в храме молчали.

— Мужики, — сказал хозяин подземелий, и все обернулись к Мардуку. — А хотите музыку послушать? — сказал тот с внешне-запной и оттого подозрительной душевной щедростью. — У меня ведь, когда нас сюда закинуло, магнитофон японский в кармане был. И две кассеты Розенбаума...

— А питание ты откуда берешь? — подозрительно спросил Софоний, цепко взглядываясь в лицо лжехалдея. — Или батарейки совершенно случайно у тебя в кармане завалялись?

Мардук беззаботно махнул рукой.

— Главное, что голова со мной оказалась, — беспечно сказал он. — Батарейки я сам сделал из цинка, графита и лимонной кислоты. Минут на двадцать хватает. Так будем мы слушать Розенбаума или по домам расходиться станем?

* Территория современной Армении. Римляне служить там желанием не горели. И не зря!

— А идите вы со своим Розенбаумом, — с тоскливым отчаянием сказал Иксус. — Тут того и гляди завтра повесят, может быть даже, стремглав. А они Розенбаумом достают... Эх, — горько выдохнул проповедник. — Правильно царь Соломон говорил: человек одинок и другого нет. Каждый, выходит, в одиночку умирает...

Но когда из динамиков магнитофона, поставленного на стол, послышался хрипловатый и душевный голос барда, вышедшего:

А на окне наличники,
Гуляй и пой станичники...

Иксус подпер щеку ладонью, и такие глаза у него при этом были, что смотреть в них присутствующим не хотелось.

Верно сказано было: кто находится между живыми, тому еще есть надежда, так как и псу живому лучше, ежели мертвому льву.

И еще — кто хранит уста свои и язык свой, тот хранит от бед душу свою.

Глава десятая,

в которой оказывается, что Пасха — это праздник, но не для всех, выясняется, что отрекаются даже любя; злодейство замышляют первосвященники, а страдают, как всегда, их рабы

Женщин к праздничному столу не допустили.

Известное дело, у женщины всегда на уме, что у пьяного мужика на языке. А тут все-таки была последняя вечеря, и нельзя было, чтобы превратили ее в блуд. Тем более что готовились к празднику загодя. На столе стояли пасхальные блюда; горькие травы, опресноки, в чашах — густой взвар из

груш и яблок, смешанных с орехами и фигами, не забыт был и званый харотсетх*, а уж печеный барашек был подан к столу не один. О вине и говорить не приходилось, все-таки не последний кусок доедали, чтобы разбавленным уксусом жажду за праздничным столом утолять. Не за поску трудились! Ведь как оно было — кто по доброте сердечной Сына Божьего кормил, а кто, по зависти и далекоидущим замыслам, будущего царя Иудейского прикармливал.

Иксус был грустен, почти меланхоличен. Выпуклыми печальными глазами он обводил стол, поглаживал бородку, то и дело останавливаясь взглядом на обоих Иудах, и загадочно говорил:

— Истинно говорю вам, один из едящих со мною нынче же предаст меня!

— Да что ты такое говоришь, равви?! — укоризненно сказал кариотянин. — Никто тебя предавать не собирается.

— Ухо отрублю, ежели такой подлец сыщется! — мрачно пообещал плечистый и статный Кифа.

— Один из ныне едящих со мною предаст меня! — продолжал тосковать Иксус, испытующим взглядом сверля обоих Иуд.

— Блажит равви! — развязно сказал Иуда из Кариота, пожимая плечами и тайно делая красноречивый жест. — Мнительным стал, своим уже не доверяет!

В ногах у учителя уселся недоверчивый и все проверяющий эмпирическим путем Фома Дидим, мрачно сообщил, отщипывая виноградины от грозди:

— Там переодетых римлян полно, словно не в Гефсиманском саду сидим, а у Аппиевой дороги. К чему бы это?

— Может быть, у них свои гулянья, — заметил старший Иоанн, тот, который был из Воанергесов. — Ну, римляне, ну, оккупанты. Что ж им теперь, из-за этого и выпить в свободное время нельзя? В казармах небось начальство гоняет, вот и переделались в цивилку, чтобы на природе, так сказать, вдали от чужих глаз вмазать. Глупо ведь разбавленным ви-

* праздничный пирог.

ном давиться. Ведь в жизни как все бывает? Закон обязывает, а душа требует своего.

— Дурость! — кратко подтвердил Фома, прикладываясь прямо к кувшину. — Вино портить — значит душу губить.

Красные капли густо усеяли его черную бороду.

— И откуда только обычай такой глупый взялся? — сказал Фома.

— Из-за рабов, — авторитетно сказал Симон по прозвищу Кифа. — Неразбавленное вино они рабам дают. Потому как если народ не поить, то обязательно бунты начнутся. А рабов-то у них ого-го сколько! Вот для себя нормального вина и не остается, приходится римлянам разбавленным про-бавляться или вообще поску уксусную пить!

— Так пили бы хорошее сами, — усомнился Фома, выпятив задумчиво толстые крупные губы. — А рабам бы разбав-ленное давали.

Симон бросил на него короткий взгляд и хмыкнул.

— Вот тут-то самые бунты и начались бы, — сказал он. — Знаешь ли ты трезвый бунт, бессмысленный и беспощад-ный?

В середине стола поднялся Иксус. В руке он держал чашу с вином.

— Слова! — слышались возгласы со всех сторон. — Скажи слово, Крест!

Иксус поднял чашу. Лицо его было бледно и меланхо-лично-спокойно. Рыжая бородка и рыжие же давно уже не стриженные волосы, соединенные с пронзительным взгля-дом, придавали проповеднику фанатичный вид. Отхлебнув из чаши, Иксус окинул взглядом присутствующих за столом. Устроившие стол сидели справа, допущенные к столу сидели слева от учителя.

— Товарищи! — сказал Иксус, оглядывая присутствую-щих за столом. — За отчетный период наша организация по-трудилась неплохо. Созданы первички в Пергаме, Смирне, Эфесе, Филадельфии и ряде других городов. В ряды органи-зации влились новые верующие в светлое будущее человече-ства. Многие наши товарищи зарекомендовали себя как пла-

менные трибуны, интернационалисты, добивающиеся подлинного равенства как в социальном, так и в политическом смысле этого, понимаешь, слова. Многие из вас помнят, каким к нам пришел Матфей. Неграмотный, забитый пастух, вот кем он был. А теперь это закаленный пропагандист, овладевший методами диалектики и материализма, и мы, я не боюсь вслух сказать это, направляем его на самые тяжелые участки идеологического фронта. А Левий Матвей? Ведь мытарь, пробы ставить некуда было, у ребенка последнее отберет и в закрома Ирода Агриппы снесет. А сейчас? Сейчас это грозный боец, на счету которого уже шесть мытарей и три беглых колона, что промышляли грабежом и разбоями в отношении бедных самаритян и других жителей многострадальных Иудеи и Галилеи.

Не могу не сказать доброго слова о Петре. Если дом начинается с фундамента, то Петр есть краеугольный камень нашего дома. Тронь его — и дом рухнет. Но нет, товарищи, той силы, которая могла бы пошевелить Петра. Если уж он в социальную справедливость и всеобщее равенство уверовал, то уверовал навсегда. И никаким ортодоксам эту его веру не поколебать. На крест он, конечно, не пойдет и отречется даже в случае нужды, а потребуют того обстоятельства, Петр и трижды отречется, но отречение это, товарищи, будет мнимым, чтобы усыпить бдительность нашего общего врага и с новым задором и рвением взяться за дело.

Он оглядел товарищей, сидящих под смоковницей.

— Иуда, — сказал он с некоторой печалью. — У нас их, как вы все видите, сразу двое. Один — боевой товарищ, второй — порченный, словно плод высохшей смоковницы. К сожалению, кто из них есть кто, рассудит время.

— Да ладно тебе, равви, — сказал кариотянин, приближаясь к Иксусу с чашей. — Что ты заладил свое — порченный... предаст... Дай я тебя поцелую!

Иуда обнял проповедника и неловко ткнулся ему в ухо сухими губами.

— Эх, равви, — пробормотал он негромко. — Нет среди нас виноватых, жизнь просто такая сволочная!

Проповедник все понял. Он сразу обмяк и покорно, словно теленок, которого ведут на бойню, устался на набегающих врагов. Первым к нему подскочил раб первосвященника Малх, больно схватил проповедника за локоть, но тут же взвыл от боли — стоявший рядом Симон ловко отхватил ему ухо мечом.

— Петя, — печально и укоризненно покачал головой Крест. — Раб-то в чем виноват? Забыл, чьи интересы мы должны защищать? Вспомни, что я тебе о классовой борьбе рассказывал!

Малх, держась левой рукой за голову, прыгал вокруг Иксуса и причитал:

— Сотвори чудо, равви! Сотвори чудо!

— Пусть сотворит чудо тот, кому ты несправедливо служишь, — хмуро заметил Иксус. — Беги к нему в дом, может, книжник заставит прирасти к глупой голове отрубленное ухо?

Малх понял, что чудес не будет, и, как всякий обиженный, немедленно возжелал мести:

— Хватайте его! Се царь Иудейский!

Иксуса окружили переодетые римляне. Многие на ходу доставали из-под плащей короткие испанские мечи. Симон прикинул силы и незаметно сбросил свой меч в лавровые заросли.

— Не надо только руки ломать, — сказал с достоинством Иксус. — Ведь не слуги Сауловы, не из mentowki, чтобы на невинного человека набрасываться. Скажите, куда идти, — сам отдамся в руки несправедного вашего закона!

Дюжий бритый детина в мятой хламиде — по облику видно, что римский легионер, на оккупированной территории таких сытых жителей не бывает — подозрительно спросил у Симона, уже выкинувшего меч:

— Не ты ли слуга царю Иудейскому?

Симон смалодушничал.

— Знать его не знаю. Гуляя по саду, столкнулся я с этой подозрительной компанией.

Иксус сплюнул.

— Верно я говорил — не пропоет петух, а ты уже трижды предашь меня! Эх, Петр!

— А что Петр? — нервно и по-арамейски отозвался тот. — У нас за объявление себя царем знаешь что бывает?

Крест грустно оглядел своих сподвижников. Все смущенно отворачивались, Иксусу в глаза смотреть никто не спешил. В разговоры со слугами первосвященника, а тем более с римскими легионерами товарищи проповедника вступать тоже не решались. Волк овце всегда глотку перегрызет, чего ж бляеть напрасно?

Иксус понял, что помощи ему ждать неоткуда, и опустил голову.

— Ваша взяла! — хмуро сказал он. — Чего уж там... Ведите!

Вокруг него сгрудились легионеры и служители. Один из них уже записывал на пергаменте проступки Креста и его сподвижников.

— Хорош базарить!* — рявкнул один из гуляющих. Судя по голосу, он занимал чин не менее корникулярия. — В узилище выделываться будешь! Отметь, — приказал он. — При аресте оказывал сопротивление, речами своими пытался возбудить пьяную толпу и подстрекал ее к бунту!

Иксуса повели.

Иуда придвинул к себе кувшин с вином.

— Вот беда, — сказал он. — И поцеловать никого нельзя без особой опаски!

А над Гефсиманским садом летали сумасшедшие нетопыри и попискивали негромко. Кто бы вслушивался в этот писк! Но найдись такой, чтобы вслушался, непременно показалось бы ему:

— На крест! На крест! На крест!

Фома Дидим оглядел всех присутствующих белым бешеным глазом:

— Продали учителя? Чего молчите, человека на крест, может быть, повели, а вы о новом Исходе думаете?

* Да не галдите, сам знаю, что римляне так не говорили. Дается приблизительный перевод, близкий нам по звучанию.

Иуда поставил на стол две корзинки.

Одна корзинка была со смоквами весьма хорошими, каковы бывают смоквы ранние, а другая корзинка — со смоквами весьма худыми, которых по негодности и есть нельзя. Сунул рукою в одну из корзинок, да ошибся.

— Вот ужас-то, — сказал он, осознав ошибку. — Благохоты, никому верить нельзя!

А над Гефсиманским садом сгущались южные сумерки, тянуло свежим ветром с моря, пахло печеной бараниной, вином, кровью, имперским злым насилием, и еще доносился странный и непонятный для иудеев и римлян запах. Социализмом пахло, религиозным социализмом с человеческим лицом. А чего еще можно было ожидать от первого секретаря райкома партии, хлебнувшего шипучего вина горбачевской перестройки? Смешение материализма и веры в Бога порой дает поразительный результат.

Привычные понятия меняют свой прежний смысл. Арестованного националиста объявляют интернационалистом, демократа — казнокрадом, обжору — алкоголиком, коммуниста — индивидуалистом, истинного последователя древнегреческих философов объявляют предтечами ницшеанства, гегелизма, марксизма и ленинизма. Господи, сколько терминов существует! Слава богу, ни один из них не соответствует случайно сложившемуся положению вещей, это обычный терминизм, а никак не постижение сущности.

Найдутся люди, которые упрекнут автора в несправедливости оценок. Заранее соглашаясь, тем не менее автор вправе заметить, что человек может позволить себе определенную несправедливость в суждениях и оценках действительности. Эта маленькая субъективная несправедливость несколько смягчает несправедливость действительности, что окружает самого человека.

Глава одиннадцатая,

в ней рассуждается об искусстве, о художниках и времени, в котором они творили, а также говорится о еще одной встрече, на которые оказалась столь богатой Малая Азия

Нет, все же поговорка о том, что художник должен жить впроголодь, не верна в корне. В этом Степан Николаевич Гладышев убедился в первые же дни своего пребывания в школе Филарета Афинского.

Скульптором Филарет был посредственным.

Все личности, которых он ваял, были удивительно похожи друг на друга, а еще больше походили на самого Филарета. Это сейчас мы древних греков и римлян представляем себе атлетами навроде Геракла. Филарет бицепсами похвастаться не мог, да и красотой не особо блистал. Был он низкого роста, совершенно сед, небольшое морщинистое лицо его постоянно имело кислое выражение, словно завтракать каждое утро Филарет начинал с недозрелого зеленого лимона, а потом весь день после этого лимона не мог прийти в себя.

Но у Филарета были связи, и это решало все.

Все в мире неизменно. Если внимательнее вглядываться в прошлое, можно сразу отметить, что во все времена в почете и на вершине славы находились бездарности и серые в творческом отношении люди, в то время как истинные таланты жили впроголодь и получали признание только по-смертно.

Древняя Греция и не менее древний Рим приятными исключениями из общего правила не были. Такой бесталаный ваятель, как Филарет, находился на вершине славы, имел на обед все, что желал, хотя и не мог этим достаточно насладиться по причине застарелой язвы, а талантливый до гениальности Степан Гладышев, взявший себе творческий псевдоним Агафон Критский, вынужден был перебиваться на дармовых апельсинах и финиках, а обедал он обычно лепеш-

ками, которые разламывал на куски и макал в дешевое оливковое масло. Попробуйте сами — и вы поймете, что в таких условиях трудно изваять что-то безусловно и бесспорно талантливое. Трудно проявить себя, если внешние причины этому препятствуют.

Но Агафон Критский верил, что со временем его имя станет достойным встать в один ряд с Фидием и другими греческими талантами, поэтому от Филарета он не уходил.

Как уже говорилось, у Филарета были связи. А связи во все времена имели решающее значение. Тот, кто обладал связями, всегда мог получить выгодный творческий заказ и, следовательно, добавить в свой рацион к апельсинам и финикам жареную баранину, тушенную по-македонски рыбу и даже дичь.

Поэтому, когда Филарет предложил ученику отправиться в Малую Азию, Агафон приуныл. Не о том он мечтал в Художественной школе имени Сурикова, тем более совсем об ином мечталось ему на спокойных песчаных берегах тихого Дона. Толку было в этой поездке! Агафон уже знал, что в тамошних краях запрещается изображать человека, а это означало, что особых заработков в Малой Азии не предвиделось. Деньги поступают от кого? От заказчиков они поступают, от клиентов. А если нельзя изображать сильных мира сего, а тем паче обнаженную натуру, то какой дурак станет платить деньги?

— Зато впечатлений наберешься! — утешал ученика Филарет. — А это для творчества самое главное. Ну что толку от того, что ты за деньги будешь ваять героев и богатеев? Ты, Агафон, должен проникнуться духом природы, должен изучить, какая красота и где ценится, разобраться, почему ценится. Вот я в свое время в Египте...

Лукавил Филарет.

В Египте он был десятка два лет назад, но не по своей воле. А рабу, понятное дело, не до искусств. И если бы не выкупил его толстый перс, Филарет и сейчас бы занимался в Египте тяжелым физическим трудом, быть может, даже строил с остальными рабами какую-нибудь пирамиду.

Поэтому Агафон и упрявился.

Переубедил его молодой грек с быстрыми глазами и размашистыми стремительными движениями. Звали грека Хирон, и был он родом из Микен и, как все микенцы, по мере сил и возможностей занимался астрологией и омономастикой.

— Езжай, — коротко сказал он. — Мессию увидишь.

Тут у Агафона и открылись глаза.

Боже мой! Малая Азия! Времена римской оккупации. Нерон уже с девицами небось вовсю хороводится, лиры из рук не выпускает. С лавровым венком на кудрявой голове по кипарисовым рощам бегает, в состязаниях кифаристов участие принимает!

Вкупе все это значило, что близ Иерусалима объявился тот, чьи заповеди лягут в основу христианства, тот, чье имя будет прославлено в веках как имя Сына Божьего. Нет, Агафон всегда знал, что не просто так родился на свет, а тем паче оказался заброшенным в далекое прошлое. Теперь он понимал знаки Судьбы. Ему, Агафону Критскому, предстояло отлить в бронзе или в мраморе высечь истинный лик голгофского страдальца:

Разве не для этого живет художник? Разве не для того он страдает и мучается, пробавляясь финиками, апельсинами да лепешками с оливковым маслом? Каждый художник мечтает оставить свой след в искусстве, и такой след, чтобы любому было видно, кто тут шел. Агафон Критский начал собираться к отъезду. А чего ему было собираться? Пара хламид, один виссон, резцы с молотком да лепешек в дорогу с пифосом оливкового масла взять.

По невежеству своему Агафон даже не представлял, что Нерон родился через четыре года после казни на Голгофе, а потому с лирой бегать никак не мог. Но в целом Агафон был прав, в ближайшее время в Малой Азии стоило побывать. Исторические реалии этого требовали.

Дорога в Малую Азию известна каждому умному греку, к каковым Агафон Критский себя уже, безусловно, относил. Дорога была простая — торговым кораблем до Лидии, там на другой торговый корабль перебраться, что везет товары в

Яффу, вот тебе уже и Палестина, а оттуда до Иерусалима рукой подать. Главное, на морских разбойников по дороге не нарваться.

Филарет неожиданно расщедрился — выдал ученику в дорогу пять серебряных дирхемов, из тех, на которых человеческий лик не изображен. Знал ведь, куда ученика своего направляет!

Дорога была трудной.

Из Малой Азии выводили легион. Легион направляли в Галлию, и, быть может, именно поэтому легионеры были бесцеремонны, а порою просто грубы. В порту Лидии они устроили драку с местной босотой. Не то что они что-то не поделили с портовыми грузчиками, просто развлечься захотелось. Грузчики были сплошь греками, поэтому били в основном за внешность, досталось и Агафону, вид у него был гречески жуликоватым. Сидя на земле и сплевывая кровь, Агафон только благодарил Афины Палладу, что не убили его до смерти, а зуб... Что зуб, если душу могли запросто вынуть!

Зато от Лидии до Иоппии и оттуда до Иерусалима путь был безоблачным и спокойным.

Войдя в город через Навозные ворота вместе с толпой красильщиков, Агафон сразу же поинтересовался приличным постоялым двором. Серебряные дирхемы гарантировали спокойный отдых.

Хозяин постоялого двора встретил скульптора с некоторой настороженностью, но, увидев, как Агафон расплачивается за обед, прибавил в приветливости, и если раньше утверждал, что свободной комнаты для одного у него нет, сейчас эту комнату нашел. И все было бы хорошо, только после окончания обеда Агафон заметил, что хозяин постоялого двора недоверчиво оглядывает его, шарит глазами по скамье, но причин беспокойства хозяина понять не мог, пока тот не осведомился, почему уважаемый гость не носит хоть какого-нибудь головного убора, который спасал бы его, несомненно, умную и достойную голову от дневного жара. Агафон пожал плечами и шмыгнул носом. Греки головных уборов не признавали, из всех головных уборов они носили облучи,

которые назывались «стефане» и надевались на лоб, смыкаясь на затылке с другим обручем, который охватывал заднюю часть головы и потому назывался уже «сфендоне». Да и эти обручи носили не все греки, а только те, которые были приближены к царю. Правда, были еще фессалийцы и македоняне, которые носили каузии или петасы — широкополые войлочные шляпы, но истинный грек, к каковым Агафон относил себя, с простолюдинов или инородцев пример брать не станет. Услышав ответ гостя, хозяин постоянного двора горестно поцокал языком, жалея греков вообще и своего гостя в частности.

Агафон закусил, чем Зевс послал, вытянул ноги в башмаках, изготовленных искусными сикионскими мастерами. Башмаками своими Агафон очень гордился. Красивая, ловко обтягивающая ногу обувь всегда является признаком благовоспитанности и материальной обеспеченности, а хорошо и умело сшитые крепидисы ноги нашего путешественника облегалли более чем ловко.

Бородатый караванщик, вышедший в зал, некоторое время стоял в недоумении и удивленно вглядывался в закончившего трапезу скульптора. Недовольный проявлением столь явного внимания к своей персоне Агафон уже хотел цыкнуть на дерзко глазевшего перса, но, взглянув на караванщика более внимательно, узнал его и едва не подавился воздухом. Агафон Критский съезжился, стараясь казаться незаметнее, по-птичьи завертел черной круглой головкой по сторонам в поисках какой-нибудь защиты и, не найдя таковой, резко снялся с места и попытался шмыгнуть мимо торжествующе ухмыляющегося караванщика.

— Грек, значит? — Караванщик довольно ловко ухватил скульптора за шиворот. Только подбитые гвоздями крепидисы Агафона мелькнули в воздухе.

— Пустите! — сдавленно сказал Агафон, с ужасом глядя в красное лицо караванщика. — Обознались вы. Грек-то я грек, но не тот, о ком вы думаете! Скульптор Агафон я... С острова Крит, значит...

— Скульптор? — Караванщик, продолжая удерживать собеседника на весу, удовлетворенно усмехнулся. — С острова Крит, говоришь? Обознался я, говоришь?

— Обознались, — подтвердил Агафон. — Спутали вы меня с кем-то! Меня все время с кем-то путают! Вот в лидийском порту зуб по ошибке выбили! Отпустите меня!

Караванщик раздвинул в тяжелой ухмылке бороду.

Перепуганный Агафон закрыл глаза и к своему изумлению вдруг услышал уже совсем было забытую им русскую речь.

— Я тебя, Степан Николаевич, спутать ни с кем не могу. Мне твоя Аллея Цезарей иной раз по ночам снилась... Закрою глаза и вижу белые бюсты! Что ж ты тогда от нас смылся? И денежки с собой прихватил, скотина! Оставил нас без единой лепты!

Скульптор Агафон обвис в крепких руках караванщика.

— Иван Семенович! — задохнулся он. — Ну, виноват! Гермес попутал!

— Сказал бы я, кто тебя попутал! — гневно сплюнул Софоний. — Нет, не ждал я такой встречи. Надеялся, что встретимся, но что вот здесь и вот так!..

Он поставил скульптора на каменный пол. С такой силой поставил, что одновременно звякнули зубы и крепидесы Агафона.

— Мы чуть с голода не сдохли! — буркнул он.

— Так ведь не сд... э-э-э... Все живы, здоровы! — попытался улыбнуться его собеседник. — Ты не представляешь, Иван Семенович, как я рад тебя видеть! Там ведь, в Греции, греки одни, поговорить толком не с кем... Соскучился я по всем вам! Ты мне скажи, что-нибудь про остальных слышал?

Посетители, заметив, что ссора грека и караванщика дальнейшего развития не получила, вновь вернулись к столам. В углу начали громко биться об заклад, споря, набьет ли караванщик морду греку или так все миром и завершится. Видно было, что спор нарочито ведется на повышенных тонах: таким нехитрым способом спорщики надеялись побудить караванщика к более активным действиям.

— Ишь... грек! — уже более спокойно сказал Софоний. — Ладно, пошли за стол. Ставь два кувшина вина... Только филадельфийского не бери, у них в прошлом году урожай винограда неудачным был, а в этом вообще лоза не удалась!

Агафон Критский замялся лишь на секунду.

Видно было, что жадность и скаредность в нем боролись со страхом перед караванщиком. Победил, разумеется, страх. Кидаренок услужливо принес кувшины, с завистью поглядывая на новый головной убор караванщика. Заметив его взгляд, Софоний показал хозяину постоянного двора кулак, снял шапку, свернул ее и сунул за пазуху. Кидаренок скорбно вздохнул.

Бывшие товарищи выпили вина.

— Сам-то ты как? — спросил Софоний, тяжело разглядывая собеседника. — Картины малюешь или другим делом занялся?

— Иван Семеныч, — всплеснул руками Агафон Критский. — Да какие здесь картины? Барельефы еще, может быть... Не пишут здесь картин, больше скульптурами балуются. Вот и я пристроился... Есть там такой... Филаретом зовут. Я тебе честно скажу, редкая бездарность. Но связи! — Агафон выразительно почмокал. — Да что мы обо мне, — неискренне спохватился он. — Ты мне про мужиков расскажи. Кто где? Чем заняты? Не бедствуют?

— Не бедствуют, — сказал Софоний. — Хотя ты, Степа, и пытался нас по миру пустить... Зевс тебе судья! Только ты учти, не все такие гуманисты вроде меня. Другие могут к тебе совсем по-иному отнестись. А кое-кто при хороших постах много тебе неприятностей доставить может. Вон Федор Борисыч — он и здесь прокуратором устроился. Ходит, понимаешь, в белом плаще с алым подбоем, в Мастера и Маргариту играет... Да и Иван Акимович неплохо в местном Синедрионе пристроился. Такой стал, лишний раз через губу не плюнет... Взятки, говорят, такие берет, что в Кремле позавидовали бы! Да и Мардук, Онгора который, он здесь халдейским магом заделался, я тебе скажу, здесь тоже не-

плохо устроился. Оракулом работает, в авторитете у местного населения.

— А Первый наш как? — поинтересовался Агафон, торопливо прильнув к чаше с вином. Видно было, что рассказ Софония ему не слишком понравился. — У него все хорошо?

Софоний хмыкнул и налил себе вина.

— Вот у него как раз все и плохо, — сказал он. — В узилище наш Митрофан Николаевич. На Пасху его взяли. Теперь суда ждет. Но я думаю, ничего хорошего ему не светит. Тут ведь колоний усиленного режима нет, тут запросто — либо на крест, либо в рабы продадут. Да что я тебе лекции читаю? Ты и сам все не хуже меня знаешь! Евангелие-то почитывал? Про тебя ведь говорили, что ты там, — Софоний сделал рукой неопределенный, но понятный обоим жест, — к баптистам заглядывал.

Агафон Критский помолчал, обдумывая услышанное.

Сейчас он был совсем прежним учителем рисования бузулукской средней школы, только беретика на нем не было. Да, большая потеря для хозяина постоянного двора, уж такого экзотичного головного убора Кидаренок ни за что бы не упустил.

— А за что его в узилище? — осторожно поинтересовался Агафон. — Украл чего или... — он порозовел личиком, — не дай Зевс, за прелюбодеяния его?

— Голодной куме... — вздохнул Софоний. — Тут такое дело... царем Иудейским он себя объявлял... Построение Царствия Божьего в отдельно взятой Иудее проповедовал!

— Это... Он что, с ума сошел? Да за такое даже у нас, в Греции, не помилуют. Поступят, как с Прометеем, если не хуже!

Софоний вздохнул.

— У нас в Греции... Быстро ты, Степан, греком заделался! Не знаю, как у вас с Прометеем поступали, может, все это вранье чистое, мало ли греки мифов придумали! Это ведь как орла надо было выдрессировать, чтоб он каждое утро говеться прилетал! А вот Митрофану Николаичу полной чашей отмерено будет. Тем более историю вспомни и сам прикинь, кого на Голгофе распяли!

— Да ты что?! — ахнул Агафон. — Ты думаешь, что наш Николаич — это он? Ни фига себе! Может, ошибка какая? Все-таки ты его не один год знал, он у тебя, что говорится, с руки харчился. Нет, Иван Семеныч, не может этого быть! Ты сам прикинь, ну какой из него Сын Божий!

— Все мы в какой-то мере Его дети, — философски вздохнул Софоний. — Мы тут у нашего Онгоры собирались. Прокуратор и подтвердил, долго к нашему Николаичу подбирались. Говорят, Волкодрало на него обиделся. А он сейчас книжник, он в местный Синедрион двери ногой открывает.

— Дела-а, — протянул Агафон, покачивая маленькой черной головкой с выразительными жульническими глазами, и нахмурил чело. — А молодняк наш как? Эти... как их... Ромул с Кнехтом?

Софоний отщипнул от кисти виноградину.

— Ромул здесь. Его прокуратор пригрел. Да и мне, признаться, жалко салажонка. Пропадет он без нас в этом мире. Как Плиний Кнехт пропал. Пал, понимаешь, смертью храбрых при открытии Америки.

— Так ее вроде еще не открыли? — удивился Агафон. — Колумб-то еще не скоро родится. Ты что, хочешь сказать, римляне еще до испанцев в Новый Свет плавали?

— Мало мы еще знаем о нашей истории, — вздохнул Софоний. — Мы о будущем теперь больше знаем. Вот ты живешь, греком прикинулся, а какой ты, на хрен, грек? На что надеешься? Думаешь, Зевс тебе с талантом и заказами пособит? Думаешь, что своего Филарета переплунешь?

Он невольно повысил голос. Посетители харчевни опять стали поглядывать на странную парочку. А действительно, что общего могло быть у пронырливого грека и настырного перса? Противоестествен был их союз, не отвечал он требованиям времени, даже наоборот — противоречил им. Но богатым людям в рот не заглядывают, богатые люди — они сами по себе, жуешь с ними рядом и радуйся. Правда, остроносенький грек особо богатым не выглядел.

— Я тебе так скажу, — вздохнул Агафон. — На Зевса надейся, а сам не плошай. А что касается Филарета... Зна-

ешь, Семеныч, плох тот рядовой воин, который не мечтает стать полководцем. Но Митрофана Николаича жалко!

— Сам виноват, — мрачно заметил Софоний. — Сам ведь православный, крестили его папа с мамой, мог бы предполагать, чем его проповеди закончатся!

Еще немного оба посидели в молчании. Агафон Критский все вздыхал, поглядывая на сидящего рядом караванщика. Видно было, что хочется Агафону о чем-то спросить собеседника, да не решался он никак задать свой вопрос.

— Пойду я, — сказал караванщик, вставая из-за стола. — Ты, э-э-э... Агафон... имей в виду. Я-то тебя простил, а вот другие... За них я не ответчик. А власть у них сейчас немаленькая. Если что, висеть тебе рядом с нашим Николаевичем рядышком. Голгофа, она, брат, шутить не любит.

Глава двенадцатая,

в которой объясняются некоторые аспекты иудейской жизни времен римской оккупации и появляется книжник Анна, в котором нетрудно узнать Ивана Акимовича Волкодрало

Во времена, о которых говорится в нашем рассказе, иудеи по своей жизни и философским взглядам, которыми они смотрели на эту жизнь, делились на ессеев, саддукеев и фарисеев. Нет, были еще, конечно, и хлеборобы с землепашцами, но не о них речь.

Ессеи претендовали на особую святость, поэтому во всем, кроме ненависти к оккупантам, проявляли умеренность и постоянно боролись с обуревающими их страстями.

Супружество им было тягостным, а вот детей, особенно чужих, ессеи учить очень любили. Чужих детей воспитывать всегда легче своих, им ты знаешь, что можно сказать. В крайнем случае взял щенка за ухо, и тому сразу все стало до боли ясным.

Вместе с тем ессеи презирали богатство и, вступая в общину, передавали ей свое имущество.

Были у ессеев и странности. Одной из них было презрительное отношение к маслу, поэтому если кого из них и помазали, то истинный ессей немедленно умывался и вытирался досуха. При этом надо учесть, что ессеи носили постоянно белые одежды. Ясно, что масло и белые одежды несовместимы. Если кто-нибудь и сомневается в этом, пусть наденет белый фрак на тракториста, занимающегося ремонтом своей машины, и посмотрит, что из этого получится. Могу поспорить, что я выиграю наш с ним спор, а еще более вероятно, что, узнав об условиях пари, мой визави откажется от дальнейшего спора.

Живут ессеи общинами, и это понятно — ведь община именно тот коллектив, который в соответствии с его направленностью может доверенное новым членом имущество приумножить или пропить в самые кратчайшие сроки.

Поскольку каждый ессей ничего не имеет в отдельности от общины, то к товарищам по общине они относятся как к старым знакомым, даже если до того его никогда не видели. А почему? Потому что помазком, скажем, для бритья легче пользоваться, если ты человека знаешь и надеешься, что чешотки или фурункулеза тебе от него не передастся. Да и харчеваться у старого знакомого несравненно легче: знаешь, что ничем неординарным не накормят.

В каждом городе у ессея всегда готов и стол, и угол для жилья, поэтому настоящий ессей ничего с собой в дорогу не берет, кроме оружия. Понятное дело, чем-то в дороге питаться необходимо, да и имущество общины желательно постоянно приумножать.

Друг другу они ничего не продают и друг у друга ничего не покупают, поэтому два ессея, волею случая торгующих пирожками на промтоварном рынке, могут даже умереть с голоду, если у них не окажется конкурентов, у которых можно спокойно поесть, не нарушая нравственных общинных установок. Сами у себя они ничего не возьмут, ведь у общины воровать нельзя, а платить деньги за свои же пирожки им

будет жалко. А отнять у незнакомого человека закон и окружающие не позволяют.

Молятся ессеи преимущественно коллективно — утром они у Бога просят, а вечером его благодарят. Благодарят они Его искренне, даже если Бог их утренним просьбам не внял или легкомысленно пропустил эти просьбы мимо ушей.

В спорах они ведут себя крайне пристойно, как и при богослужениях, — никто не орет, не размахивает руками, каждый говорит по очереди, используя для своих речей все богатство иврита.

Самостоятельности ессеям не проявляет, но если старший приказал резать какого-нибудь купца, будьте уверены, приказ этот будет выполнен неукоснительно и в кратчайшие сроки.

Где бы он ни появился, ессеи стараются распространять мир, даже если ему приходится применить для того силу или ненормативную лексику. Клятв ессеи не принимают и не клянутся, а тех, кого все-таки тянет на клятвы, почитают за скота. Поэтому на простое слово ессея можно положиться крепче, чем на торжественную и цветистую клятву кочевника. Там, где кочевник обязательно нарушит клятву и обманет, ессеи будут стоять до конца, чтобы клятвы этой не давать.

Поэтому надо сказать, что ессеи есть улучшенный вариант современного еврея. И это тоже понятно, ведь присоединиться к ессеям — это еще не значит получить передник, топорик и белое облачение. Приходится еще жить весь испытательный срок по заветам общины. Неудивительно, что это тяжелое испытание не всякий выдерживает. А после этого срока в течение двух последующих лет настоящие ессеи всякими обидными штучками и высказываниями испытывают самообладание и дух кандидата. Если во время этого тяжелого испытания топорик и передник тебе не понадобятся, а белое одеяние не придется застирывать — ты тоже самый настоящий ессеи. После этого достаточно освободиться от принадлежащего тебе имущества, плохо относиться к супружеству и пообещать, что не станешь пытаться встать вровень с Богом и священниками, не будешь по собственному почи-

ну причинять зла людям, говорить правду, разоблачать лжецов, ничего не открывать врагам, но не иметь тайн от близких, а главное — чтить имена Ангелов, — и ты уже человек, который по праву владеет топориком, а тем более — ходит в белых одеждах.

Но все-таки вступить в ессеи легче, чем выйти из них. Исключенные из ессеев часто умирают голодной смертью — ведь они не могут принять пищу от несобрата. Если вы видите лежащего на земле человека, который отворачивается от лепешек с бараниной и стонет, что умирает от голода, то знайте — это лежит исключенный из братства ессеев, а вокруг него толпятся искушающие его фарисеи.

А уж как они чтут субботу!

Они даже не испражняются в этот день! Мучаются, конечно, но ведь — шаббат!

Вообще-то есть у них лопатка — для того чтобы своевременно прятать от Бога то, что ему видеть не надо. Но если ты взялся соблюдать заповеди, соблюдай их, подлец, до конца. С лопаткой ведь каждый сможет, но без нее блюсти внутреннюю чистоту и Божий порядок значительно труднее.

Если мы внимательно рассмотрим все нравственные установки ессеев, то обязательно придем к выводу, что каждый русский есть далеким потомком этих странных людей, ведь современное нам российское общество живет по ессеиским принципам, коротко сформулированным одним русским политиком второй половины двадцатого века: мы всегда хотим как лучше, а получается у нас как всегда.

Что касается саддукеев, то люди, входящие в эту секту, относятся к общественной верхушке. Потому саддукеи и утверждают, что воля человека свободна, что он сам выбирает сторону в борьбе между Добром и Злом. Отрицают они и загробное бытие с воздаянием там по заслугам. Неудивительно, что саддукеи ненавидят и боятся ессеев: кому понравится, что нажитое тобой имущество пустят однажды на распыл, разделив между многими? Вот они и требуют строгого соблюдения священных законов, не допуская никаких устных дополнений. Поэтому любой проповедник, дерзнувший

дополнить раз и навсегда установленные догматы, рискует закончить свою жизнь под градом камней.

Если только его живьем не закопают в землю.

Третья секта — фарисеи — не зря обрела статус приспособленцев и лицемеров. Они ставят все происходящее в зависимость от Бога, а души людей, по их мнению, бессмертны, только вот души добрых после смерти переселяются в другие тела, а души злых обречены на вечные муки. Фарисеи выступают за чистоту иудаизма и против контактов с чужеземцами. Вместе с тем фарисеи за скрупулезное соблюдение всех норм поведения, что всегда граничило с ханжеством. А поскольку сами они обычно являются людьми зажиточными, то стоило ли удивляться, что, отрицая контакты с чужеземцами и язычниками, с римлянами они эти контакты поддерживают, и именно потому проповедника, заговорившего о Царствии Небесном в отдельно взятой Иудее, они приговорили к смертной казни?

Что с них, с фарисеев, возьмешь?

Тем более что по невежеству своему эти дети начального века, включая первосвященников, и не знают, что они на самом деле творят. Все, кроме одного человека, имя которому было — книжник Анна.

Про книжника Анну любой бы сказал, что это настоящий фарисей. Фарисейство его проявлялось во всем — в том, как он трактовал законы, изложенные в священных книгах, в том, как он чтит субботу, а главное — в требованиях соблюдать нравственные установки и законы, хотя всем было известно, что сам книжник их частенько нарушал.

Кто приготовил харотсех с мясом черного барашка?

Кто скандально прославился тем, что окрестился троеперственно при входе в храм, хотя делать этого было никак нельзя никому, а уж тем более такому человеку, как книжник? Знал ведь, что нет такого жеста!

Злые языки даже договаривались до того, что по субботним дням книжник занимается блудом. Блудом? В шаббат? За одно это книжника можно было вывести за крепостную стену и побить камнями у Навозных ворот. Если ты этим

делом в субботу занимаешься, делай это тайно, чтобы других не соблазнять. Нет, бить надо было таких камнями, и крепко бить!

Но этому препятствовали два обстоятельства.

Во-первых, не пойман и, как говорится, — не вор.

А во-вторых, не у каждого в заступниках ходил сам Каиафа.

Про любого, у кого в заступниках ходил Каиафа, можно было сказать, что этот человек ходит в любимчиках Иеговы вроде патриарха Иакова. Счастье, как известно, не в здоровье, а в вольной борьбе.

Каиафа сидел высоко и смотрел далеко. Не последним человеком был в Синедрионе.

Но тут еще надо было внимательно посмотреть, кто и кому покровительствовал. Дело в том, что сам Каиафа был зятем Анны. Тут надо сказать, что Иван Акимович Волкодрано был человеком, умудренным жизнью, а в Иерусалиме он появился аккурат, когда помер первосвященник Ханан сын Сифа. Деньги у Ивана Акимовича после разбойных пустынных странствий были, а пыль в глаза пускать он умел не хуже любого самума, что ж удивительного в том, что уже через год Иван Акимович занял место рядом с вдовой первосвященника, а еще через год пользовался авторитетом покойного, как своим.

Думал ли Иван Акимович, что тяготивший когда-то пятый пункт государственной анкеты принесет ему когда-нибудь покой? Ни в коем случае! Этот самый пятый пункт казался ему похожим на родимое пятно — в целом не беспокоит, но и особой красоты к внешности не добавляет. Разного рода кампании, вроде образования автономной области с центром в Биробиджане или борьбы с космополитами, Иван Акимович пережил без особого труда, чему немало способствовала окружавшая его ленивая и равнодушная сельская глубинка, а вот сейчас, оказавшись в далеком прошлом, Иван Акимович купил накладные пейсы, а рассудительность и острый ум не покидали его никогда.

С авторитетом заслуженного предшественника Ивану Акимовичу протолкнуть на вождеденный пост зятя было срав-

нительно простым делом. Каиафа понимал, кому и чем он обязан, а потому всегда шел навстречу всем начинаниям тества, тем более что тесть показал себя человеком разумным и рассудительным, а Талмуд и другие священные книги мог цитировать наизусть. Хорошей памятью он с детства отличался, а тут еще к тому и обстоятельства подталкивали.

Поэтому когда Иван Акимович узнал в проповеднике своего бывшего первого секретаря, участь Ивана Митрофановича Пригоды была решена. Нет, мстительность была несвойственна бывшему председателю исполкома Бузулуцкого района. И мелко мстить Пригоде он, конечно, не собирался, хотя и были у него на то самые веские основания.

Негодование прокуратора он воспринял удивительно равнодушно.

— Садись, — кивнул Анна. — Будь попроще, и люди к тебе потянутся.

— Ваня, опомнись! — простонал прокуратор. — Ты с ума сошел? Как у тебя только мысль такая появилась — Ивана Митрофановича на кресте распять? Или ты не православный?

— Садись, я сказал, — вздохнул книжник. — Забодал ты меня своими вопросами. Ну, во-первых, настоящий еврей и православие несовместимы. А во-вторых, ты сам спокойно подумай: не можем мы его не распять!

— Как это? — привстал Понтий Пилат. — Ты думай, что говоришь, Ваня!

— Я-то думаю, — рассудительно сказал книжник. — А вот ты, Федя, этой работой себя не очень-то утруждаешь. Я, конечно, понимаю, по большому счету ты и там был, и здесь обретаешься при военных чинах. Но ведь голова человеку дана не только для того, чтобы фуражку носить!

— Да какие уж тут фуражки! — только и вымолвил прокуратор, вытирая пот с выбритого загорелого черепа.

— В том-то и дело, дорогой ты мой, — назидательно сказал книжник. — Вот ты финтишь, все пытаешься выгородить нашего страдальца, орешь на каждом углу «Се человек!». Да я и сам понимаю, какой он человек, наш Иван Митрофано-

вич. Потому-то и на крест он должен в обязательном порядке попасть.

— За что? — быком вскинулся прокуратор.

— Да не за что, а почему! — сухо отрезал книжник. — Ты здраво прикинь, что получится, если мы его не распнем! Ты же не зятек мой, тебе ведь растолковывать не надо, это для него я целую сказку придумал, как первосвященники из-за проповедей нашего первого секретаря насиженных мест и прежнего дохода лишатся. А дело-то куда серьезнее! Ты что, друг ситный, хочешь человечество христианства лишить?

Прокуратор снова вытер пот. Что-то похожее на тонкую мысль мелькнуло в ясных глазах прокуратора, и он весь обратился во внимание.

Глава тринадцатая,

в которой арестованного пытаются всячески подбодрить

Думаете, сладко сидеть в камере?

Ошибаетесь, люди добрые. Если считаете, что со спокойной душой отсидите десяток суток в камере смертников, вы глубоко ошибаетесь. Не верите? Ваше дело. Но проверить все это очень несложно. Достаточно запереть за собой окованную железом дверь, сесть на тюремную шконку, печально осмотреть парашу и сказать себе: «Здесь я буду жить долгие тридцать лет. Дайте цветной телевизор или, на худой конец, собеседника!»

А не дадут.

Вот тогда-то и повернется к тебе черное лицо тюремного досуга. Но у нас ведь еще все достаточно цивилизованно, адвокаты приходят, порой прокуроры в камеры заходят, здоровьем подследственных интересуются. Свидания с родственниками дают. А что говорить о римских, а тем более иудейских тюрьмах, да еще на заре цивилизации? Грязь, вонь и

крысы шныряют. Об адвокатах только мечтать приходится, а вот прокуроров да прокураторов, как всегда, на всех хватает.

Камера, в которую посадили Иксуса Креста, была обычной для того времени — маленькая вонючая каморка. Рядом имелось еще несколько таких же тесных каморок. У дверей одной из них толпились женщины. В этой камере сидел Варрава, и каждой женщине хотелось хоть глазком взглянуть на сексуального маньяка. Купцы да ремесленники так были увлечены своей работой, что на своих законных половинок ночное внимание обращали лишь изредка. Разумеется, женщин это не устраивало. Поэтому охотниц посмотреть на легендарного разбойника, который ради женщин жертвовал интересами своей основной работы, не убывало.

В камеру, где сидел Иксус Крест, лишь изредка заглядывали из любопытства.

— Это все Ванька Волкодрало, — стонал Иксус в своем узилище. — Ну, Иван Акимыч! Это он мне простить не может, что я его одно время в Егланский район не отпустил! Вот и мстит, сволочь!

Сев в углу, он бессильно прижал к груди охапку соломы. Да за что на крест?! Ну, жил, ну, проповедовал светлые истины! Жить ведь надо было! А что он умел? Средняя школа, первым секретарем ВЛКСМ потрудился немного, потом с возрастом в райком выдвинули. Сначала, конечно, в инструкторах походил, потом идеологией рулить доверили. Что он знал, кроме диалектического материализма? Нет, ну Ванька, сволочь первостатейная! Подсидел-таки! И где? Где подсидел-то? Ну нельзя же так. Совесть надо иметь. Ведь в одинаковом же положении, вроде как в тылу у рабовладельцев... Тут, понимаешь, партизанский отряд создавать надо, за справедливость биться, а этот подлец Волкодрало вроде как в полицаи записался! В таких вот бедах человек проверяется, а не на берегу Бузулуцка в День советской торговли!

Скрипнула решетка. На пол камеры легла большая угловатая тень. Иксус испуганно забился в угол, но, взглядевшись, с облегчением вздохнул. Слава богу, это был прокуратор Иудеи Понтий Пилат. Да какой, к черту, Понтий! Родной человек это

был. Во всей Иудее роднее его сейчас не нашлось бы. Потому как стоял на пороге хмурый и озабоченный Федор Борисович Дыряев, бывший милицейский начальник Бузулуцкого района, волею случая облеченный властью и здесь. Бритая голова его потно поблескивала.

— Феденька! — Митрофан Николаевич Пригода подбежал к Дыряеву, как к спасителю своему. И плевать ему было, что вошел этот спаситель в роскошном гимасии с орнаментом по подолу и не менее роскошном плаще. — Молить за тебя стану! Не погуби, Борисыч! Наветы все! Происки Волкодрано! Он, он, сволочь, народ против меня восстановил! Он местных подуськивает!

Понтий Пилат с видимой брезгливостью отстранился. Боялся, что затравленный и насмерть перепуганный узник измажет грязными руками его белоснежный гимасий.

— Ты, Митрофан Николаевич, успокойся, — сказал он, встав посреди узилища и с заметной опаской поглядывая на дверь. — Сделаю все, что могу. Но и ты меня должен понять, мне здесь тоже несладко. Настучат на меня Вителию, и прости-прощай Малая Азия, пошлют в Намибию когортой командовать. Чем я тогда тебе помогу?

— Что же делать, Феденька? — всплеснул руками Иксус.

— Раньше надо было думать! — мрачно сказал Пилат, раскачиваясь с пятки на носок и заложив руки за спину. — Ишь... Царь Иудейский! Нельзя же так! Думать надо было! Не в пустыне отшельником жил, люди же кругом были! Гордыня тебя обуяла, Митрофан Николаевич!

Душно стало в узилище.

Иксус печально поник головой, потом торопливо встал с колен и приблизился к прокуратору.

— Врут, Феденька! — лихорадочно зашептал он, срываясь на крик. — Не было этого... Никогда я себя царем не называл! Ты же знаешь, я старый партиец, с семьдесят первого в партии... Мне ли поддерживать идею самодержавия! Сам знаешь, мы с тобой понятия демократического централизма с молоком матери всосали!

Он схватился за пухлую руку прокуратора, пальцы которой были унижены драгоценными перстнями.

— Веришь?

Прокуратор шумно и недовольно вздохнул.

Суетливость товарища заметно раздражала прокуратора. Да и само товарищество, надо прямо сказать, тяготило.

— А свидетелей куда девать? — хмуро спросил он. — И этот... Иуда, он, брат, тебя по полной программе закладывает! Чешет, как по Евангелию!

— Феденька, выручай! — задрожал нижней челюстью бывший первый секретарь, а ныне самозванец. — Не дай пропасть за чужую зависть! Сволочь он, сволочь, он из общей кассы лепты воровал, ночью на дорогах путников грабил, а я его, подлеца, жалел все, не знал, чем мне эта жалость обернется!

Пилат махнул рукой.

— Сказал же, что чем могу, помогу! — Он обвел глазами камеру и нерешительно добавил: — Но ты особо не надейся, Митрофан. Сам знаешь, надейся на худшее, чтобы лучшее было как подарок.

Пригода отшатнулся. Взгляд его с душевной болью устремился на прокуратора. Затравленным зверьком смотрел на прокуратора старый партийный товарищ.

— На крест пошлешь? — дрогнувшим голосом спросил он. — Товарища по партии, друга, можно сказать, со спокойной душой на крест отправишь? И сердцем не дрогнешь? Не дрогнешь, Феденька? И жилка никакая не забьется?

Прокуратор тяжело вздохнул:

— Эх, Митрофан! Да ты пойми, человек всегда раб обстоятельств. Не я тебя на крест отправляю, обстоятельства толкают! Я же тоже только человек! Согрешил малость, схимичил с Софонием, списали баллисту новую, а эти, из Синедриона, пронюхали... Шантажируют теперь, гады! — Он с яростью взглянул на зарешеченное окно. — Боком им, сукам, этот шантаж обойдется! А ты, Митя, главное, не теряйся, честь партийную блюди. Ты ведь, Митрофан Николаевич, гордость должен испытывать! Ведь не каждый день,

понимаешь, человек за свои убеждения на крест идет! Уж если выпадет, ты, Николаевич, гордо держись! Ты Александра Ульянова вспоминай, народовольцев, понимаешь, помни! Кибальчича, там, Желябова, Веру Засулич! Ты ведь, Митя, первый, с тебя коммунизм начинается! Кодекс Строителя помнишь?

Пригода бессильно сел на солому.

— Не раскусил я вас раньше, — с крепнувшей ненавистью прошептал он с каменного пола. — Знать бы раньше! Ах кабы знать!

Прокуратор надменно улыбнулся.

— Ты о чем, Митрофан Николаевич? — дернул щекой он. — Что бы ты сделал? Ну, разобрали бы нас на парткомиссии, может быть, по строгому выговору в личную карточку внесли. Ведь и без партии люди живут, и совсем даже неплохо. Да и партия последнее время свои позиции сдавать начала, кто знает, как там все за время нашего отсутствия обернулось! Нет, Митрофан Николаевич, недостойно ты себя ведешь, не по убеждениям!

— Ты себя больно по убеждениям ведешь! — запальчиво выкрикнул бывший первый секретарь. Лицо его от негодования покрылось красными пятнами. — Шкуру свою бережешь, а товарищей на крест посылаешь!

— Тише, Митя, тише! — замахал руками прокуратор, с явным испугом оглядываясь на дверь. — Ты про товарищество-то слишком громко не ори! Ну, снимут меня, тебе-то от этого легче не станет! Кто тебя тогда отмазывать будет? И потом, ты, Митрофан Николаевич, не прав. Я тоже этот рабовладельческий строй ненавижу. Но я же не ору об этом на каждом углу. Я этот строй, Митя, потихонечку изнутри разлагаю. Ты Ленина с Марксом читал? Империи, они, брат, не сразу рушатся, тут великое терпение необходимо. А ты все решил разом, с налету, как комсомолец какой! Энтузиазм, дружище, он в дело нужен — Магнитки строить, БАМы прокладывать... И на Волкодрано ты зря грешишь. Иван Акимович, если хочешь знать, в Егланский район не очень и рвался. Район-то отстающий был!

Товарищи по партии и несчастью тоскливо замолчали.

— Ты ведь сам им о светлом будущем рассказывал, — сказал через некоторое время Пилат. — Интернационализм, братство, равенство проповедовал... Ловко ты подметил, что легче верблюду в игольное ушко пролезть, чем богатому в коммунизм проползти! Молодец! У меня бы мозгов не хватило! Но ты сам понимаешь, прогресс, Митрофан Николаевич, без жертв не бывает. Вся история, понимаешь, на крови замешена. А ты, можно сказать, краеугольный камень. Ежели по совести, ты ведь, Митя, фигурой мирового значения становишься, если через страдания пройдешь. Сам посуди, кто ты сейчас? Рядовой проповедник, таких в Малой Азии как фиников. А на крест взойдешь? На тебя же вся европейская культура равняться будет!

Митрофан Николаевич, он же Иксус, страдальчески сморщился и забегал мелкими шажками по узилищу.

— Да не надо мне первых ролей! — замотал он головой. — Ты же, Федя, знаешь, я наверх никогда не рвался. Меня же в обком приглашали, третьего секретаря давали, а я отказался.

— Ну ты сравнил! — обиделся прокуратор. — Третий, понимаешь, секретарь и фигура мирового значения! Я о чем тебе толкую, может, и обойдется все, попробую тебя спасти, есть у меня кое-что для размена подходящее. А не получится, так что ж... Ладно, Митрофан, — оборвал себя Понтий Пилат и машинально посмотрел на запястье левой руки, понял, что оплошал, и нервно закончил: — Ты отдыхай, Митя, отдыхай, у тебя впереди еще трудные дни.

Иксус остался один. Беспokoйно и тоскливо было у него на душе. Прокуратору легко было пускаться в философские рассуждения, ему шкурой собственной рисковать не приходилось, рисковал в этой ситуации лишь сам Иксус. И не чем-нибудь, жизнью собственной рисковал. Кто же знал, что так обернется? И странное дело, лютой ненавистью сейчас Митрофан Николаевич Пригода почему-то ненавидел своего преподавателя научного атеизма в Высшей партшколе: учил бы хорошо, не вляпался бы бывший первый секретарь Бузулукского райкома партии в такую неприглядную историю. Кое-

что Митрофану Николаевичу сейчас припоминалось, но воспоминания вызывали лишь гнев и тоску.

Как там было сказано — «и к злодеям причтен»?

Глава четырнадцатая,

в которой Иксус Крест размышляет о превратностях судьбы, а судьба привычно играет человеком

Вот уж истинно — судьба играет человеком!

Думал ли когда-нибудь Митрофан Николаевич Пригода, всю активную жизнь проработавший на руководящих постах различного ранга, что конец своей жизни он будет встречать на вонючей соломе в странной и непривычной для партийного руководителя одежде, слушая, как в соседнем узилище половой разбойник Варрава охотно уделяет внимание экзальтированным купеческим женам? И мысль ему эта в голову не приходила! Руководители ранга Митрофана Николаевича жизнь свою заканчивали обычно в кругу семьи и близких, да и помирали они не на кресте, а в уютной постели, и не от жажды, соединенной с голодом и утратой сил, а от инфаркта или инсульта, явившегося следствием какого-нибудь большого совещания, на котором этот руководитель попался на зуб еще более высокому по рангу начальнику — каждому известно, как у нас могут критиковать более низких по рангу чиновников, требуя от них еще большей самокритики. Чаще всего начальники критику вышестоящих чинов переживают довольно удачно, но вот неумная самокритика с трибун обычно приводит к летальному исходу. Главное в жизни руководителя — везение, помноженное на случайность и подхалимаж. Невезучим, а также не склонным к приукрашиванию действительности и деловых качеств начальников в руководителях делать нечего. Разве что в далеком прошлом им могла светить незнакомая звезда удачи.

Но и в далеком прошлом Митрофану Николаевичу Пригоде не повезло.

Простой разбойник пил местную самогонку, булькал кувшинами с вином, валял в своей камере дамочек и вообще прожигал последние часы своей жизни, а вот Митрофан Николаевич, который всю жизнь радел за наступление общечеловеческих ценностей, даже этого себе не мог позволить. А ведь не зря говорят, что излишества не только укорачивают жизнь, они ведь и делают ее полнее и приятнее!

С надеждами Иван Митрофанович, который последние годы жизни именовал себя Иксусом, расстался под утро. Размышления были тягостны, но к утру стало ясно, что надеяться проповедник возможности построения Царства Божьего в отдельно взятом государстве мог только на себя. Бывшие друзья стали в окружавшем Пригоду прошлом заклетыми его врагами. Было немного обидно, но Пригода их не осуждал. Ясное дело, своя рубаха всегда ближе к телу.

Обидно было, что все его предали.

Предали местные, которые около него кормились и в рот ему заглядывали. Но этих Митрофан Николаевич еще как-то понимал, темные они были люди, к тому же из отсталых сельскохозяйственных районов, где овец можно было по пальцам пересчитать, да и пшеницы выращивали мало, больше на ячмень налегали. А вот то, что от него отступились товарищи по несчастью, попавшие в этот мир волею судьбы, это Митрофана Николаевича крепко обижало.

Дыряев ладно, это служака, их во все времена хватало. Дорвался до прокураторства, самодурствовать начал, местное руководство податями обложил. Тут еще посмотреть надо, в чью пользу эти самые подати собираются! Рим далеко, а прокуратор голодным не ходит, вон какие перстни камнями у него на руках горят! Ему, конечно, жалко с достатком расставаться, живет он здесь получше, чем когда-то в будущем жил.

О сопляках, которые в римское воинство вступили, Пригода тоже не вспоминал. Чести много — шпану разную вспоминать. Да и помочь они ему, Пригоде, ничем не могли, а Иксусу Кресту и вообще бы не захотели.

Не вспоминал Митрофан Николаевич и учителя Гладышева. От этого тоже помощи ждать было глупо. Ждет, небось дрожит от ожидания, боится пропустить час, когда первого секретаря на крест поведут. Еще бы! Можно сказать, своими глазами. Этот, наверное, уже и глыбу мраморную приготовил, к славе готовится — кто, кроме него, такое событие смог бы увековечить? Только не иудеи, эти изображений человеческих не признают, да и способностей к скульптурным работам не проявляют.

Не надеялся он и на прорицателя Мардука, чьи арабско-ведические боги жили в пирамиде в достатке, а потому плевать они хотели на разных бродячих проповедников, которых собираются отправить на крест.

Больше всего Митрофан Николаевич надеялся на помощь бывшего руководителя райпотребсоюза, который и в условиях древности умудрился устроиться по купеческому делу. Этот помочь мог, этот и на подкуп мог бы деньги найти, и на выкуп, но захочет ли он помочь? Конечно, в Бузулуцке он за Пригодой как за каменной стеной жил, как сыр в масле катался, так ведь то в Бузулуцке! Здесь Софоний от бродячего проповедника ничем не зависел, поэтому можно было только надеяться, что добрые дела и добрые поступки Софонием не забываются.

А вот при воспоминании об Иване Акимовиче Волкодрано в жилах у Митрофана Николаевича сама собой вскипала кровь, скулы сводило от ненависти, а нехорошие слова сами собой крутились во рту, обжигая язык. Слов у Митрофана Николаевича не было, только эмоции.

Вот кого сам Митрофан Николаевич Пригода с удовольствием и удовлетворением распял бы на кресте, да что там на кресте, таких негодяев, по мнению бывшего первого секретаря, нужно было засовывать в мешки и топить в отхожих местах в назидание всем другим перевертышам.

Думалось ли вчерашнему руководителю, что растит он гадюку на собственной груди? Пятнадцать лет, пятнадцать лет они с Волкодрано жили душа в душу, совместно отбиваясь от инструкторов Царицынского обкома партии, проверяющих всякого ранга и званий, от соседей, которые завидовали их друж-

ному тандему. А сколько было выпито водки на берегах Дона? А совместные поездки в дома отдыха и санатории? И вот этот негодяй растоптал все святое, что было когда-то между ними. И вовремя, подлец, предал — теперь Иксусу Кресту предстояло пойти на крест, а Иван Акимович, этот старый негодяй и книжник, рядящийся в тогу первосвященника, закончит свою жизнь в покое и среди домочадцев и, быть может, оставит после себя папирусы с мемуарами, которые так и озаглавит — «Он был моим другом, но истина оказалась дороже!».

Вот эта сама возможность волкодраловских мемуаров сводила Иксуса с ума и заставляла его дрожать от бешенства.

Иксус встал и принялся мерить свое узилище шагами, хотя и знал наизусть, что в длину оно было шесть шагов, а в ширину только пять.

Из соседней камеры послышался шепот.

— А чего он ходит? — тихонько спрашивала женщина. — И ходит, и ходит...

— Потому что лежать не с кем! — отвечал ей грубый голос разбойника.

В соседней камере тоненько засмеялись, потом слышались звуки поцелуев, а потом Иксус даже покраснел — доносящиеся из камеры Варравы звуки явственно говорили о занятиях узника и его гостьи, спутать эти звуки с чем-то другим было просто нельзя.

Тут дверь в камеру Иксуса со скрипом открылась, и в камеру заглянула молодая, но тщательно выбритая голова.

— Митрофан Николаич, не спишь? — по-русски поинтересовалась голова. Дверь приоткрылась шире, и цепкая рука поставила у стены греческий пифос и положила рядом тряпицу, в которую было что-то завернуто. — Я тут тебе вина принес, чтоб настроеньице малость поправить!

Ромул Луций исчез.

Некоторое время Иксус, сидя на соломе, тоскливо смотрел на запертую дверь, потом встал, прошелся по камере и присел на корточки перед неожиданными подношениями.

В кувшине было вино.

В тряпицу были завернуты куски ягнятины, переложенные ячменными лепешками.

— Ишь ты, — покачал головой Иксус и задумчиво подергал бородку. — Я его и за человека не считал, а поди ж ты...

Он выпил несколько добрых глотков вина, съел лепешку с бараниной и малость повеселел, уже без прежнего раздражения прислушиваясь к тому, что происходит в соседней камере.

В соседней камере прерывисто дышали.

— А чего это он молчит? — тихо спросила женщина.

— Вино пьет, — объяснил грубый мужской голос. — А потом песни петь станет!

— А песни-то зачем? — удивилась женщина.

— Для поднятия духа, — щелкнул ее ласково по носу невидимый Иксусу узник. — Это же проповедник, милушка, а для проповедника петь псалмы — первейшее дело. Вы, матрона, собирайте свои тряпочки и выметайтесь. Мне тоже с Богом поговорить надо, чую я, это дело добром не кончится. Никогда себя ближе к смерти не чувствовал!

Иксус позавидовал разбойнику, который и в темнице был более свободен, чем он в свое время в кресле первого секретаря. А позавидовав, снова с жадностью припал к кувшину. Верно говорили римляне, что истина в вине. Через полчаса настроение у Митрофана Николаевича значительно улучшилось, скажи ему кто-нибудь, что пора на Голгофу, узник бы, не задумываясь, сказал: «А пошли!»

Не зря же говорится, что на миру и смерть красна.

Глава пятнадцатая,

*в которой решается судьба Иксуса Креста, а также
размышляется о роли личности в истории*

Снаружи стояла жара, а в мавзолее у колдуна и прорицателя Мардука было прохладно. Ну, газом немного пахло, с этим недостатком было легко примириться. Зато голубоватые факелы освещали каменные внутренности мавзолея. Стол

гостеприимный хозяин накрыл, причем накрыл он его по вкусам самого дорогого гостя, каковым, без сомнения, являлся прокуратор Иудеи Понтий Пилат, в прежней жизни — милицейский начальник Федор Борисович Дыряев, который восседал на неудобной твердой скамье с достоинством римского всадника — по-хозяйски. Впрочем, милицейским чинам это тоже свойственно, они в любом месте, кроме кабинета своего непосредственного начальника, чувствуют себя как дома.

— Юпитер возьми, как я устал! — покачивая бритой загорелой и оттого похожей на череп головой, сказал прокуратор. — Второй раз пытаюсь доработать до пенсии и чувствую, что мне это вряд ли удастся. В Бузулуцке совсем уж было собрался, так нет, эти римляне как снег на голову свалились. Думал, в Иудее порулю немного и в благословенные Альпы подамся. И климат там неплохой, и народ приветливый! Но разве что-нибудь задуманное получается? Теперь этого идиота принесло, думай, что с ним делать. Ну, вещал бы где-нибудь в пустыне, где эти проповеди всерьез бы не приняли! Или выбрал бы племя и принялся бы его по пескам водить. Как раз бы ему до конца жизни хватило. Нет, приперся в Иерусалим, фарисеев разозлил, саддукеев обидел, ессеев напрасно обнадежил!

Колдун и пророк Мардук развлекался, метко кидая абрикосовые и персиковые косточки в череп быка-примигениуса, который он случайно нашел в пустыне и приволок в жилище. Косточки звонко отлетали в стороны от полированного песками крепкого лба.

Услышав патетические восклицания прокуратора, колдун отвлекся.

— А мне плевать! — заявил он. — Драхмы с сестерциями капают, газа хватает, вино со жратвой корзинами приносят... Прокрутимся!

— А вот сдам тебя Синедриону, — злорадно пробормотал прокуратор. — Посмотрим тогда, как ты под камнями крутиться станешь!

— Не сдашь, — беззаботно махнул рукой колдун. — Тебе, Федор Борисович, тоже живые сестерции нужны! Ты же золотого тельца закалывать не станешь!

Уязвленный прокуратор хотел что-то сказать, но в разговор вмешался караванщик Софоний.

Оставив обычное спокойствие, караванщик взволнованно жестикулировал.

— Надо вопрос решать в принципе, — сказал он. — С одной стороны, негоже товарища в беде бросать. Не по-казачьему это дело выходит. А с другой — у нас философская проблема вырисовывается. Кто мы такие, чтобы человечество христианства лишать? И как отсутствие христианства повлияет на судьбу мира? Шутка ли, мужики, треть людей на Земле нашему товарищу поклоняться станут! Треть, прикиньте! Да и мусульманам не у кого будет своего Иссу содрать. А это уже больше чем две трети! Нет, книжник прав, тут треба в корень проблемы смотреть. Нет Митрофана Николаевича на кресте, вся человеческая история изменится. Крестовых походов не будет, Варфоломеевская ночь спокойно пройдет, но это еще половина беды, с этим смириться можно. Так ведь шире смотреть надо. Кампанелла свой «Город Солнца» не придумает, Маркс с Энгельсом «Манифест коммунистической партии» не напишут, революции не произойдет!

— А вот это, может, и к лучшему, — развязно сказал Мардук, наливая себе вина из тонкогорлого пифоса. — Тридцать седьмого года не будет, в гражданскую моего дедушку буденновец не зарубит!

— Молчи, ренегат! — Скулы на лице прокуратора окаменели. — Знаем мы твоего дедушку, он в зеленых был, Царицынскую мануфактуру с атаманом Кудряшом грабил!* Его, если хочешь знать, все равно бы зарубили — не красные, так белые. Мотался твой дедушка, как навоз в проруби, все выгоду искал!

Софоний встал.

* Ошибся прокуратор. Дед халдейского мага Мардука не с атаманом Кудряшом мануфактуру грабил, а после атамана, когда ее власти Царицына заново отстроили.

— Да не о том вы, казачки, гугорите, — с досадой сказал он. — Белые, красные, зеленые... Тут речь идет о том, что с нашим Первым делать. В беде бросать — подлое дело, от креста спасать — чревато историческими неприятностями. Вот об чем думать надо, казачки! А вы опять политические споры затеваете!

— Тебе-то какая беда, станут французы друг друга резать или к согласию придут, — усмехнулся Мардук. — В твоём казачьем роду сроду ни одного француза не было!

Смуглое загорелое лицо караванщика смущенно потемнело.

— По батяне — да, — сказал он. — А вот с материнской стороны, тут такое дело, если бы Варфоломеевской ночи не случилось, не пришлось бы гасконскому дворянину де Фолту в Россию перебираться да с нашей прапрабабкой амуры плести. Вы вот что подумайте: не случись всех этих пертурбаций навроде всеобщего крещения, может, наши предки и не встретились бы никогда, отцы и деды бы не родились, а через них и мы на свет не появились бы. Вот об чем думать надо, казачки! Вот об чем надо мыслю напрягать!

Присутствующие подавленно замолчали.

Колдун и прорицатель Мардук, еще не забывший, что когда-то раньше он был магом Онгорой, а еще раньше — простым советским гражданином Андреем Васильевичем Ухvatкиным, прошелся по залу и склонился, присоединяя тоненькие проводки магнитофона к самодельной батарее. И вот уже под каменными сводами послышался голос незабвенного Розенбаума:

Под ольхой задремал есаул молоденький,
Преклонил голову к доброму седлу.
Не буди казака, ваше благородие,
Он в окне видит дом, мамку да ветлу.

— Бред! — сказал прокуратор, подпирая сильной полной рукой не менее полную щеку. — Спектакль, и я в нем римлянина играю! Проснуться бы, мужики!

— Проснешься, — мрачно пообещал Софоний. — Откроешь глаза, а гроза снова принесла со Средиземного моря прохладу, в беседке твой верный стукач Афраний со свежей информацией отирается, Вителий очередной приказ прислал...

А песня все набирала обороты. Умел этот негодяй, пионерский бард Розенбаум, дергать чувствительные казачьи струнки, умел и дергал за них, подлец!

Не буди, атаман, есаула верного,
Он от смерти тебя спас в лихом бою
Да еще сотню раз сбережет, наверное,
Не буди, атаман, ты судьбу свою...

— Выключи! — неожиданно зло потребовал прокуратор и даже хлопнул ладонью по столу. — Выключи, и так уже всю душу наизнанку вывернуло!

Мардук пожал плечами и тронул белый сенсор магнитофона. Под каменными сводами воцарилась мрачная гнетущая тишина.

— Уж лучше бы мы все тогда в пустыне полегли, — сказал прокуратор. — Когда на караван кинулись. Хоть не среди ковыля да полыни, а все-таки с честью б легли!

— И то верно, — сказал Мардук, хмуро посмотрев на край стола, за которым сиротливо съежился Гладышев. — Картишки раскидывали вместе, а выигрыш один сгреб!

— Ладно, — с напускным равнодушием сказал прокуратор. — Учиться человек мечтал! Он ведь эти деньги не пропил, по шалманам не раскружил — в Грецию человек подался, новым Фидием себя возомнил.

Новоявленный Фидий попытался возразить, но прокуратор его остановил, подняв вверх руку.

— Дикси, — сказал он. — А то ведь ребята и осерчать могут. Сиди, Степа, и помалкивай в тряпочку. Или как тут в Иудее говорят, смотри в хвост ишака.

— Так что делать будем? — упрямо продолжал брать быка за рога Софоний. — Надо все-таки определяться, сдаем мы нашего Митрофана Николаевича или все-таки попытаемся его спасти от местного народного гнева?

— С историей не поспоришь, — задумчиво пощипывал бородку колдун и прорицатель Мардук. — Сам говоришь, нельзя историю менять. Это ведь что тогда получится? Крещения на Руси не случится, манифеста коммунистического не будет, революции тоже не будет... А что будет?

— Да кто ее знает? — с душевной легкостью признался Софоний. — Главное, мы скорее всего исчезнем. И таким образом парадокс будет устранен.

— Ты погоди, погоди, — сказал задумчиво Мардук. — Если мы все исчезнем, значит, и распинать некого будет? Кого иудеи тогда на крест пошлют, если нашего Митрофана Николаевича не будет?

— Свято место пусто не бывает, — брякнул Гладышев.

— Вот и я говорю, — упрямо продолжал развивать свою мысль Мардук. — Если с нашим исчезновением ничего в этом мире не изменится, то зачем же нам исчезать?

— Но тогда придется нашего Николаича распинать, — исподлобья глянул прокуратор. — Иначе ведь не получится. Или одним жертвовать, или всеми.

— А как в святой книге говорилось? — почесал подбородок Мардук.

— По книге — распяли, — неохотно принялся вспоминать прокуратор. — Помню, римский воин еще его под ребро копьем кольнул, чтобы не мучился. Во-от. Повисел он на кресте и начал кричать, мол, лама, лама, лама самахвани! Отца небесного стал призывать, значит. Потом его ученики украли и в пещере спрятали. Приходят, нет никого, только тряпки окровавленные лежат. А на третий день он им и объявился. Ухожу, говорит, обратно на небо, а вы тут до второго пришествия мучайтесь!*

— Интересный сценарий, — задумчиво пробормотал хозяин мавзолея. — А главное, придумывать ничего не надо!

— Ну, ну? — поощрил раздумья жулика прокуратор. — Я вижу, у тебя уже план созрел? Давай делись мыслями с народом!

* Упрощенное повествование, но и из него видно, что почитывал начальник бузулуцкой милиции Библию, почитывал, хоть и в рядах партии состоял!

Мардук принялся суетливо наливать в чаши густое фалернское вино.

— Какие там мысли, — сказал он. — Наметки одни.

Выпили, разумеется, за отсутствующих. Включая книжника Анну. Все-таки, как образно заметил однажды по подобному случаю один американский президент, был книжник, конечно, сукин сын, но ведь их сукин сын, куда скитальцам времени от него было деться?

— Нет, — хмуро сказал Софоний. — Интересная штука все-таки жизнь. Гоношишься, прикидываешь, свое урвать стремишься, а где-то уже все взвешено, измерено и определено. Прямо менел, текел, фарес! А ведь в конечном счете во всем случившемся мы сами и виноваты. Не засуетились бы тогда, не побежали на Меловую, так ничего бы и не случилось. Митрофан Николаевич так бы и секретарствовал, Феденька на пенсию ушел бы, Семен бы детишек учил разумному, доброму, вечному, а в свободное время аллеи Бузулуцка украшал. И предательства никакого не было бы, не проявилось бы подлое нутро Волкодрало!

— Ты говори, да не заговаривайся, — хмуро шевельнул пальцами с перстнями прокуратор. — На пенсию он меня уже отправил. Да мне только пальцем шевельнуть...

— Верю, Феденька, верю! — вскричал караванщик. — Только ты сам недавно говорил, что одна у тебя заветная мечта!

Прокуратор, апоплексически сопя и массируя затылок, прошелся по залу.

— Сидим, как упыри! — ненавистно сказал он. — Надо же, до чего все дошло — на улице вместе показаться не смеем! Сразу в заговорщики запишут, скажут, тайный комплот плести затеяли.

Остановившись перед хозяином мавзолея, прокуратор властно кивнул:

— Давай, Мардук, или как там тебя по-нашему, выкладывай. Что надумал.

И, ни к кому особо не обращаясь, посетовал:

— У жулика голова завсегда иначе работает. Потому и планы такие дерзкие, что они от стереотипов и обыденности уходят.

Глава шестнадцатая,

в которой продолжается наше повествование

Вот так порой и бывает — пойдешь по шерсть, а вернешься стриженным.

В соседней камере продолжал догуливать свои денечки разбойник Варрава, и надо сказать, что так аппетитно он их догуливал, что Иксус ему завидовать начинал. Сразу было видно, что бандит своего ремесла не опозорит. Ореол героичности витал вокруг Варравы, и ореол этот отнюдь не казался краденым. Поэтому к нему и липли женщины, буквально из камеры не вылезали. Женщины, вино, опий, жареная баранина, бананы и финики — голова кружилась от запахов и происходящего.

А около камеры Иксуса только ученики его толпились и жаловались, что не стало учителя — и сразу подношения закончились, хорошо еще у Иуды деревянный его ящик отняли, там тридцать денег серебром оказалось, видно, столько он за предательство и получил. Ученики слаженно пели молитвы, но песнями сыт не будешь, а тем более пьян. А хотелось, хотелось выпить, чтобы грустные мысли хотя бы на время отогнать.

Один раз приходил книжник Анна, пытался поговорить, но Иксус к нему как повернулся спиной, так и просидел весь визит неприятеля, сгорбленными плечами выказывая тому неприязнь и недоумение.

— Ну и глупо! — сказал книжник. — Это ведь история уже, большая история, а ты косоротишься. Я ведь не о тебе, я о мире думаю!

Вот ведь как бывает, о мире человек думает, потому и ломает бездумно и беспощадно единичную человеческую судьбу. Лучше бы эти благодетели думали о людях, быть может, тогда бы и судьба мира куда более счастливо выглядела.

Приходил прокуратор.

Этот не обнадеживал, рубил с римской прямоотой.

На милосердие суда надеяться не приходилось.

Торговцы рыбой и хлебами были недовольны, что Иксус в свое время накормил толпу голодных и тем лишил их уже подсчитанной прибыли. «Не было этого! — возопил Иксус. — Не было! Легенды проклятые!» — и совсем забыл, что этой легендой совсем недавно гордился. «Гильдия лекарей, — невозмутимо продолжал прокуратор, — недовольна методами лечения, которые применял Иксус в Галилее». «Феденька, да случайно у меня коробка со шприцем и ампулами бициллина оказалась! — простонал узник. — Жене хотел укол сделать, приболела она у меня!» И общество богатых землевладельцев выступило заодно с обществом охраны животных: не понравилось им, как обвиняемый обошелся со свиным стадом в Гергесе. Валютчики недовольны изгнанием из храма, требуют привлечь обидчика за нанесение побоев бичом. Священники недовольны, требуют наказать за незаконное присвоение обвиняемым звания царя Иудейского. А это обвинение уже куда как серьезно, тут уже плетью не отделаешься, все-таки к бунту подстрекал! «Федя! — задохнулся в камере Иксус. — Да я же иносказательно, я же предупреждал их, что царствие мое не от мира сего!» «Думать надо было, что говоришь, — хмуро сказал прокуратор. — Восстановил людей. Вчера в Синедрионе говорю, праздники все-таки, давайте по обычаю одного узника помилуем? На помилование они сразу согласились. Я уж думал, выгорело наше дело. Не Варраву же им миловать! И что ты, Митрофан Николаевич, думаешь? Именно Варраву они и амнистировали, а тебя, стало быть, — к ногтю! Вот ведь, брат, как бывает!»

Вот и получалось, что разбойник по соседству гулял, не гибель свою неизбежную, а скорое освобождение отмечая. Знал бы о том, с ума бы от радости сошел! Иксус с ревливой ненавистью прислушался к происходящему в узилище разбойника. Звуки, доносящиеся оттуда, не оставляли никаких сомнений в происходящем.

Иксус вскочил и снова забегал по камере.

«За что?» — этот извечный вопрос русского интеллигента терзал измученную душу бывшего первого секретаря. В принципе вся наша жизнь состоит из вопросов. Начав с любо-

пытствующего «почему», рано или поздно мы задаем вопрос «зачем», который с течением жизни становится все более приземленным «а оно мне надо?». И вот когда ты начинаешь ясно понимать, что тебе ничего не надо, наступает наказание за разочарование, и вот уже ты потрясенно вопишь, глядя в небеса: «За что, Господи? За что?» А просто так, как говорили герои известного советского мультфильма. За твое разочарование жизнью.

Какую фантастическую жизнь дано было прожить Митрофану Николаевичу Пригоде — от рядового и в общем-то безвестного секретаря райкома партии захолустного района провинциальной области до бродячего проповедника, которого предстояло узнать всему миру. Другой бы надулся от гордости, голову вконец потерял, а Митрофану Николаевичу почему-то все это совершенно не нравилось.

О технике распятия он ничего не знал, только не без оснований полагал, что это будет больно.

Пока Митрофан Николаевич Пригода от отчаяния выцарапывал на каменной стенке нецензурные русские слова в адрес Синедриона, римского цезаря и непосредственно тех, кого он считал виновниками своих несчастий, в убежище халдея Мардука заседал штаб его спасения. На этот раз приглашен был жаждущий казни книжник Анна, чтобы по возможности четко разъяснил свою позицию товарищам. И не пойти было нельзя — прокуратор обеспечил явку с участием легионеров, которые приказы выполняли не задумываясь. Одно слово — римские отморозки! Таким только моргни, они любого на крест, словно бабочку, пришпилят и встанут рядом с чувством выполненного долга.

— Не вижу выхода, — сухо сказал книжник. — В конце концов, он сам себя загнал в этот тупик. Оказаться в подходящем месте, в самое нужное время... Нет у нас выхода, да и для него это будет лучшим вариантом. Прав я, Федя? Что бычишься? Скажи людям, прав я или нет?

Прокуратор, которому накануне прозрачно намекнули об ответственности за продажу потенциальному противнику

секретного оружия*, хмурился и морщился, но с возражениями не спешил.

Софоний вел себя более активно. Как сын пустынь он к Иерусалиму не очень-то и привязан был, никто не мешал ему скрыться в песках и надеяться на то, что люди прокуратора его остановят, было смешно и наивно — дураком прокуратор не был и задерживать того, кто мог свидетельствовать против него, конечно же, не стал бы.

Софоний это понимал, а потому его нападки на хитроумного книжника сразу же приобрели агрессивный характер.

— Будя, будя прикрываться государственным интересом! — кричал он. — Ишь, про общечеловеческие ценности заговорил! Человек, душа его — вот главная ценность, другой нету. А это месть, Ваня, мелкая месть!

— Да пойми ты, дурья голова, — продолжал уговаривать товарища книжник. — Не нам он уже принадлежит — истории! Мне его, может быть, жальче, чем другим. То, что мы с Митрофаном в области вынесли, не каждому дано пережить. А выпито сколько было? А баб перещупано? Только не имеем мы сейчас права на жалость. Распятие, братцы мои, это факт истории, поворотный пункт, можно сказать, после которого человечество от язычества отвернется и к истинному Богу свой лик обратит!

— Ты, Ванька, говори, да не заговаривайся! — резко осадил старого товарища караванщик. — Где ты истинного Бога увидел?

— Это для тебя он товарищ, — хмуро сказал Волкодрало. — А для других? Ты сам посуди, — принялся книжник загибать пальцы, — из будущего пришел, столько рассказал людям про Царствие Небесное, чудес натворил, а тут еще и смерть мученическую принял с терновым венцом! Это ты не поверишь, а иудеи народ доверчивый, как дети из интерната для умственно отсталых, они же через год на него молиться станут! И не предположения это, а исторические факты. Римские граждане от своих богов отрекаться начнут! Да вы сами прикиньте, где в наше время Папа Римский обретается? Ну?

* А не продавай баллисты персам, тогда и спать спокойно будешь!

Где Ватикан находится? Вы ведь не хотите, чтобы вместо православия в России, скажем, буддизм был? Или на Перуна со Святовидом молились?

— Пусть они на кого им хочется молятся! — гневно вскричал караванщик. — А Митрофана я вам не отдам. Он ведь тогда в пустыне Негев меня от верной смерти спас. Не пырни он кинжалом того кочевника, так бы и похоронили меня около колодца!

— Ну и иди вместо него на крест! — запальчиво крикнул Волкодрало. — Жалостливый какой!

И осекся под пристальным взглядом караванщика.

Караванщик обошел его, оглядывая со всех сторон, и, ни к кому в отдельности не обращаясь, сказал:

— Комплекцией он, конечно, поплотнее будет, но это до поры — за недельку на тюремной диете до нужных кондиций дойдет. А бороденка такая же пегая и взгляд лихорадочный.

— Федя, да скажи ты им! — нервно выкрикнул книжник.

И вновь прокуратор промолчал. Взгляд у него был отсутствующий, словно прикидывал римский ставленник, что ему выгоднее — проповедника на крест послать или книжником его заменить. И по улыбке на выбритом лице прокуратора понималось, что второй вариант ему нравится больше.

— Я так понимаю, — нарушил недобрую тишину черноглазый скульптор. — Надо нам и рыбку съесть, и...

— А вот этого не надо! — перебил скульптора Софоний. — Ишь нахватался в Грециях!

Сказанное разрядило обстановку, и беспощадный блеск в глазах прокуратора Иудеи погас. Потянувшись за сочной грушей, прокуратор недовольно сказал:

— Риск!

— Риск, — согласился караванщик. — Но кто не рискует, тот скудной поской пробавляется. Значит, будем спасать товарища? Я правильно понял присутствующих?

Взгляды хищно пронзили книжника. Под этими взглядами книжнику стало неуютно, он заерзал на скамье, заелозил ногами по полу и сказал в пространство:

— Да я-то что? Нашли царя Ирода! Я — как народ решит!

Вздыхнул и пожаловался:

— Вам хорошо, а меня уже третий день раб достает. Чуда требует. Бегает за мной с отрубленным ухом: «Сотвори чудо, рабби! Сотвори чудо!» Ну нет у меня клея, чтобы ухо ему обратно присобачить!

— Ты ему второе отрежь, — посоветовал Софоний. — Для симметрии.

— Кстати, — сказал прокуратор. — А с кариотянином что будем делать? Он таки свидетель! Сколько ты ему заплатил? Тридцать сребреников?

— Он что, рассказал, негодяй? — вскинулся книжник Анна и побагровел. — Откуда ты сумму знаешь?

Глядя на него, можно было смело сказать, что в сумме прокуратор не ошибся. Хотя сумма была приличной, вполне можно было хозяйством обзавестись, и еще на развлечения некоторые осталось бы.

— Ничего мне твой кариотянин не рассказывал, — повел могучими плечами прокуратор. — Просто сумма такая стандартная, у нас в Бузулуцке мы агентам всегда по тридцать рублей платили!*

Как раз на бутылку водки с закусью хватало. Чтобы, значит, совесть не мучила.

Глава семнадцатая,

*в которой изучается дорога на Голгофу и разрабатываются
планы спасения человека*

Это сейчас каждый шаг на Голгофу известен.

Туристам досконально объясняют, кто и куда шел, показывают, где крест был вкопан, где злорадствовали первосвя-

* Это, конечно, не показатель, только вот трудно сказать, откуда традиция пошла — платить так предателям: с Иуды или от нашей сегодняшней действительности? Сомнения берут, особенно сейчас, когда стало ясно, кто и кому, а главное — когда за предательство платил.

щенники, а где изнывал от угрызений совести великий прокуратор Иудеи.

Пройдем и мы горестный и тяжкий путь, который суждено было пройти два тысячелетия назад первому секретарю Бузулуцкого райкома партии, пройдем и почувствуем силу духа человеческого. Не каждому дано за свои убеждения взойти на крест, более того, можно предполагать, что, если бы за убеждения на крест посылали бы в обязательном порядке, желающих их не скрывать было бы значительно меньше, а заблуждающихся не стало бы вовсе.

Многих обманывает само громкое имя — Голгофа, хотя на деле это место едва ли заслуживает название холма. Начинается холм прямо за стенами крепости, казнили преступников там испокон веков, а потому в ночное время холм был обителью многочисленных шакалов, которые воем своим и желтыми сверкающими глазами до смерти могли напугать неосторожного путника.

Встающие стены белокаменных храмов странно выглядят в подернутых дымкой желтовато-зеленых просторах, над которыми провисает синий купол неба, а с неба роняет на землю пульсирующие жаркие лучи горящее солнце.

Справа выгибают свои зеленые горбы пальмы, собравшиеся в небольшую рощицу, вдоль этой рощицы извивается каменная дорога, ведущая в город, у дороги, почти касаясь стен дворца, тянутся в небо корявыми ветвями усталые смоквы.

Там, где когда-то был пыльный желоб трудного и мучительного подъема, сейчас устроены два всхода по семнадцать ступеней. И это правильно, нельзя же изнывать от жары и мучиться всем там, где когда-то всходил на место лобное один.

— Если мы иудеев оставим внизу, — сказал прокуратор, — то ничего такого и видно не будет! Нормальное распятие, даже по закону не обязательно руки и ноги деревянными клиньями прибивать, можно и на ремнях — так даже дольше мучиться будет. А ведь в приговоре самое главное — мучения! Ну-ка, Ромул, дуй наверх да встань, где кресты вкопают, я прикину, что видно будет!

Ромулу Луцию два раза повторять не надо было, молодой легионер сделал загадочный жест рукой и устремился наверх — только подошвы его гетов засверкали.

— Я же говорил! — удовлетворенно отметил прокуратор. — Никто ничего и не заметит! Правда, повисеть придется до ночи, но ведь лучше повисеть, чем совсем загнуться!

— Можно еще третью планку поставить, чтобы ноги в нее упирались! — сказал, сбежав с горы, Ромул Луций. — Со стороны незаметно, а тому, кто на кресте висит, даже удобно.

— Рационализатор, — с улыбкой похвалил легионера прокуратор. — На глазах растешь, парень. Тебя бы для стажировки по всем временам погонять, цены бы тебе не было!

— Ну как? — повернулся прокуратор к молчащему греческому скульптору Агафону. — Неплохой вид?

Черноволосяя и остроноса́я голова скульптора часто закивала.

— Очень живописно, — сказал Агафон. — Обрыв, три креста с белеющими на них телами, и в низине, затянутой голубоватой дымкой, древний храм. Само на полотно прорисится, Федор Борисович!

— Значит, план ясен, — сказал прокуратор. — Ромка, слушай сюда, тебе у крестов возиться придется. Чужого ведь не поставишь!

— Я весь внимание, Федор Борисович! — сказал легионер. — Да вы не сомневайтесь, все будет в лучшем виде.

— Я и говорю, — с достоинством кивнул прокуратор. — До вечера он у нас висит, кричит что требуется, а вечером мы его потихоньку снимаем — и в пещеру. Потом, как полагается, воскресение, последняя проповедь любимым ученикам, и чтоб его духу в Иерусалиме не было! За эвакуацию отвечает Иван Акимович... тьфу, Софоний! Слышишь меня, Иван Акимович?

— Верблюды и ишаки уже куплены, — бодро отвечал караванщик. — Через неделю его вообще в Малой Азии не будет, уж это я гарантирую!

— А этим двум, которые вместе с нашим Митрофаном Николаевичем будут, — деловито заметил прокуратор, — им

придется копые под ребро ткнуть. Нельзя нам свидетелей оставлять.

— Я ничего не слышал, — заявил скульптор Агафон. — Это уже не мое дело. Прямо странно вас слушать, вроде бы советские люди, а слушаешь — убийцы хладнокровные. Федор Борисович, вы же в милиции работали, вы сами таких ловили!

— Засохни! — с римской прямоотой сказал Ромул Луций. — Будешь на пахана тянуть, язык отрежу!

Скульптор замолчал, опасливо сверкая черными глазами.

— Все будет тип-топ, — успокоил Ромул Луций. — Есть у меня мужик на примете, только сестерции нужны. За сестерции он родного дедушку зарежет, а уж двух бандитов распятых...

— Сестерции будут, — пообещал караванщик Софоний, неодобрительно покосившись на скульптора. — Хотя если по совести, то на холм эту гниду с копьем надо было поставить. Как с барышом от товарищей бежать, это он может, а дело делать — кишка тонка. Ничего, ничего, чистоплюй несчастный, это ты сейчас кукожишься, а зарежешь трех-четырех — сразу привыкнешь, будто этим делом сроду занимался. Слышишь, чего я гуторю?

— На преступление не пойду! — побледнев, отрезал скульптор Агафон.

— Ты молчи, ворюга! — добродушно сказал Софоний. — Когда ты с нами караваны грабил, это было не преступление? Когда ты нас бросил и со всей нашей казной смылся, это было не преступление? Да и в Бузулуцке не я, а ты, сукин сын, несовершеннолетних на пленэры тягал. А сейчас кочевряжишься, праведника из себя корчишь? Молчи, пока тебя самого не удавили! У грека грехов — как блох у уличной собаки.

— Да какой же я грек? — вскричал несчастный Агафон. — Федор Борисович, скажи ты ему!

— Хватит! — веско уронил прокуратор. Так веско, что присутствующие сразу поняли — действительно хватит. — Смотрю на вас и удивляюсь, — хмуро сказал прокуратор. —

Что за людишки такие! Теперь я понимаю, почему нам мир покорился, понимаю, почему и империя, придет срок, упадет. Все от людей зависит. Нельзя же так жить — в грязи и грязи! Нет, не меняются люди. Правильно Михаил Афанасьевич заметил, не меняются люди. Воланд их из прошлого в будущее изучал, а мы, значит, наоборот. А все равно не меняются — те лучше не стали, но эти-то ничуть не хуже. И не лучше! — подумав, назидательно сказал он. — Гляжу вот я на вас и не пойму, какие вы на самом деле — сегодняшние или уже вчерашние? Не-ет, за столько лет — и никаких изменений! Не прогрессирует человечество нравственно, только паровозы и совершенствуются. Тошно от вашего скулежа, хоть сам на крест отправляйся.

— Батя, — сказал ничего не понявший Ромул Луций. — Да ты только скажи, да за тебя весь легион как один шагнет, да мы за тебя любому... Ты только скажи!

— А фамилию ты себе, конечно, наследственную взял? — мутно скользнул по преданной физиономии легионера прокуратор. — Так, Полиграф Полиграфович?

Тут уж и Ромул Луций не нашелся что сказать. Развел в стороны руки и тоскливо посмотрел на присутствующих — блажит, старик, точно ведь на пенсию собрался! Спит и видит во сне домик на берегу швейцарского озера.

А на Иерусалим опускалась звездная ночь.

Известно ведь, как крупны и яркие южные звезды.

Жирной извилистой лентой обозначился Млечный путь, из которого пытался лакать звезды Телец, вытянул длинную шею у горизонта Лебедь, а с другой стороны уже покачивался Южный Крест, еще не зная, что когда-нибудь станет так называться. Обозначил себя звездами и замер в пространстве предтечей страшного и грозного будущего.

Где-то далеко прошли сторожа с колотушками, свежий порыв воздуха со Средиземного моря на последнем издыхании докатился до городских стен, на мгновение освежил лица людей и угас.

И тогда между оливковыми деревьями вспыхнули желтые огоньки. Гиены по своей натуре звери очень любопыт-

ные, потому они и не преминули поинтересоваться: а что это вы здесь, на Голгофе, делаете, люди добрые? Какую пакость замышляете в ночи?

Глава восемнадцатая,

*из которой становится понятным, что не так все было,
совсем не так!*

Много таких, кто называет себя очевидцем или свидетелем.

Если их слушать, история приобретет такой вид, что больше будет похожа на фантастический роман. Поэтому к очевидцам надо прислушиваться с осторожной внимательностью, вычлняя из их слов явный вымысел и с сомнением относясь к тому, что считается правдой.

Взять, например, Гомера. Ребенку ясно, что дал автор волю фантазии. Все эти циклопы, Цирцеи, русалки, Сциллы и Харибды, несомненно, являются порождением авторского буйного воображения. Хитроумный Улисс прожил куда более бедную событиями жизнь, нежели это описывает Гомер, хотя для тех лет все, что он испытал, не так уж и мало. Но искать пещеру циклопов или остров, на котором проживала злопамятная и зловредная царица Цирцея, дело глупое и безнадёжное. Вместе с тем, не обратись к творчеству Гомера небезызвестный исследователь прошлого Шлиман, мы бы и сейчас считали город Троя сказочной легендой — где же это видано, чтобы из-за женщины, пусть даже писаной красавицы, разгорелась жестокая и беспощадная война? Или у греков это была единственная красавица? Но Шлиман усомнился, и правильно сделал: Троя была открыта, отрыта, и теперь мы куда больше знаем о древних греках, чем до его раскопок.

А теперь посмотрим внимательно на творения евангелистов. Скучно излагают и точно. Прямо социалистический ре-

ализм какой-то. И это убеждает, что событие и в самом деле имело место. Распяли мужика. Если по нашим современным законам судить — так вообще без вины.

Но вместе с тем надо сказать, что событие все-таки было историческое. И многие, в том числе евангелисты, это понимали. А потому и приукрашивали немного. Ну, не сказки ради, а только для того, чтобы свою роль, может быть, самую малость приукрасить. Поэтому сразу надо отделить зерно от плевел — распяли человека, это было, но все остальное — легенды.

Пришло время всю правду рассказать.

Тем более что распинали все-таки нашего современника. Может, и не самого лучшего, не ум, честь и совесть, как это обычно говорили на съездах, но и не самого худшего. По крайней мере Митрофан Николаевич по всем анкетным данным был чист, смело писал — нет, не был, не привлекался, не состоял.

Это только кажется, что на смерть за свои убеждения идти легко и радостно. Придумано это разными борзописцами в кабинетной тиши. А вот если бы этого борзописца да с крестом на спине заставить шагать в гору да еще при этом время от времени покалывать его остриями копий, то сразу он и поймет, что жизнь человеку дается один раз и прожить ее хочется. Очень хочется эту самую жизнь прожить от начала и до конца.

С утра Иксус Крест чувствовал некоторое беспокойство. Предчувствие у него было нехорошее. Так он себя чувствовал обычно, когда его вызывали на заседания бюро обкома партии: знал, что на этом бюро его обязательно шворкнут, только еще не догадывался — за что. В отличие от благословенных бузулуцких времен здесь он уже догадывался, что шворкнут его обязательно, даже знал примерно, за что, только одним вопросом и мучился — когда?

Разбойник в соседней камере повеселел, не иначе ему о помиловании объявили. Уже с утра и мурлыкал себе что-то немелодично под нос, попросил охранников Иксусу вино в камеру передать, остатки пиршества, а с ними и трубку, диковинно выгнутую, а с ней и кисет с пряно пахнувшей смесью.

Искус Крест чиниться не стал — выпил, обстоятельно закусил и уже с некоторым благодушием разлегся на грязной соломе. С опаской взял в руки гнутую трубку, повертел ее в руках и отложил, потому как всегда был некурящим. Полежал еще немного, потом снова потянулся за трубкой, повертел ее в руках. Конечно, оно, курение, для здоровья и жизни несомненный вред, только сколько той жизни осталось? Как говаривал первый секретарь Царицынского обкома партии товарищ Калашников, в жизни все надо испытать. А наказы партии и ее вождей для Митрофана Николаевича всегда были приказом, поэтому он посидел еще немного, потом набил трубку смесью из кисета и попросил у стражников огонька.

И в простоте своей не знал бузулуцкий партиец, что курит он отнюдь не вирджинский табак и даже не моршанскую махру — гашиш первосортный был в кисете.

Еще в лечебнике китайского императора Шен Нуна, который был написан в 2737 году до нашей эры, о гашише говорится как о средстве от кашля и поноса. Кроме того, он использовался и как обезболивающее средство при хирургических операциях. И тут надо сказать, что в руки Иксуса этот самый гашиш попал как нельзя вовремя, потому что не успел он докурить трубку до конца, как за ним пришли. А кому, как не человеку, которого собираются казнить, более других требуется обезболивание? Надо сказать, что к тому времени, когда двери камеры прощально распахнулись, Иксус уже находился в состоянии прострации, а на лице его сыла характерная улыбка, которую можно было принять даже за презрение к смерти, так своевременно она загуляла на лице первого секретаря, волею случая ставшего бродячим проповедником и за то угодившего на крест.

Впрочем, крест Иксус нести категорически отказался. Дерзким он стал, накурившись.

— Вам надо, вы и несите! — независимо сказал он. — Не царское это дело — кресты на Голгофу таскать!

— Признался! — загудели в толпе. — Слышали? Царем он себя назвал!

— Молодец, — сквозь зубы пробормотал прокуратор, который по случаю казни был в своем знаменитом белом плаще с алым подбоем. — Хорошо держится, в аккурат для легенды!

Первосвященники растерянно озирались, видно было, что никому из них крест нести не хотелось. И неизвестно, кому этот крест пришлось бы тащить, если бы не услужливый Симон Киренянин, который понимал, что вокруг него сейчас творится история, и который в эту историю очень хотел попасть.

— Я понесу! — громко вызвался он.

Тьма стояла над городом Иерусалимом.

Низкие тучи напоздали со стороны Средиземного моря, и у горизонта уже что-то громыхало раскатисто и протяжно. Было душно.

После гашиша и от невыносимой духоты хотелось пить. Сохли губы, и их то и дело приходилось облизывать, но это почти не помогало, а просить пить у тех, кто тебя собирается распять, Иксус считал невозможным.

Двое разбойников, согнувшись под тяжестью крестов, брели на Голгофу. Следом шел Симон Киренянин, а за ним налегке шагал Иксус Крест. По сторонам он не смотрел — то ли полностью углубился в себя, то ли, наподобие небезызвестного фон Денникена, вспоминал будущее, а скорее всего не хотелось ему видеть окружавших его любопытствующих иудеев и злорадствующих первосвященников. Нашли развлечение!

— Поторопитесь! — сухо сказал прокуратор, который в представлении, устроенном на Голгофе, тоже ничего интересного не видел. Да что там говорить! Ничего приятного лично ему это не сулило, хоть он и умыл символически и даже в самом прямом смысле свои руки после несправедного и несправедливого решения, принятого под нажимом Волкодрало. — Не дай Зевс, гроза вот-вот начнется! Промокнем все!

Сказал и даже оцепенел от неожиданности. Гроза! Как тогда, на Меловой! Тогда тоже было принято политически

верное, но все-таки несправедное решение. Как сейчас! И гроза! Гроза!

Двух разбойников уже вздернули на кресты и вкопали эти кресты в каменистую почву Голгофы. Разбойники, как и полагалось, громко стонали. Так громко, что прокуратору начало казаться, что он играет в каком-то любительском спектакле. Сейчас закроется занавес, и из темного зала раздадутся бурные аплодисменты, переходящие, как водится, в овации.

Он прикрыл глаза, чтобы справиться с собой, а когда открыл их, легионеры, неудобно скучившись, с натугой поднимали третий крест.

— Ну, Ванька, — неожиданно по-русски закричал с креста Иксус. Дá какой Иксус! Митрофан Николаевич Пригода с креста закричал, только что кулаком погрозить не сумел. — Отольются тебе мои слезы! Займутся еще тобой, сукиным сыном, компетентные органы!

В толпе заволновались.

— Отца небесного зовет! — авторитетно сказал хмурый плечистый мужик в грязной милоти.

— Может, нас проклинает?! — с не меньшей уверенностью возразил ему еще один любопытствующий.

— И тебе, Феденька, мои слезы отольются! — снова закричал Митрофан Николаевич из поднебесья. — Иван! — Он явно обращался к Софонию. — Доведется вернуться, напиши все в органы, обязательно напиши! Пусть знают Иуд поименно!

— Иуду вспомнил! — загомонили в толпе. — Значит, правду говорят, что он его предал!

— А я еще воскресну! — неожиданно по-арамейски пообещал Митрофан Николаевич Пригода. — Сейчас вы меня судите, а тогда уж я вас судить буду! По всей строгости законов!

Толпа снова взволнованно охнула.

«Господи! — подумал прокуратор. — Надо было бы молчание обеспечить. Ведь каждое слово интерпретировать станут!»

Тут и гадать не стоило, к какому выводу чуть позже собравшиеся на Голгофе придут.

Ромул Луций внимательно смотрел на прокуратора. Прокуратор еле заметно кивнул, а чтобы сомнений в его дальнейших указаниях не было, уткнул большой палец правой руки в землю.

Увидев столь недвусмысленный знак, Ромул зашептал на ухо Портвинию Циску, бывшему у него в напарниках.

— Ты этих двух, — показал он рукой. — А я — этого!

— Ты серьезно? — Портвиний покачал головой. — Непорядок! Распятый помучиться должен, для того их на солнышке и вкопали. А это, друг Ромул, ненужное милосердие получается, не может быть, чтобы прокуратор этого требовал! Не может быть!

Однако, услышав о сестерциях, быстро изменил свое решение.

— Начальству виднее, — заметил он, выполняя свой легионерский долг. Как это ни прискорбно, но в армию нас берут совсем не для того, чтобы мы посмотрели мир и почувствовали себя настоящими мужчинами. В армию нас берут для того, чтобы мы исполняли свой служебный долг, а он как раз и заключается вот в такой шекотливой работе, которую выполнил по указанию прокуратора Портвиний Циск. «Убей или умри сам!» — вот девиз, которого свято придерживался не один призыв, начиная с незапамятных еще доисторических времен. И тут нет никакого преувеличения, солдат в армию набирают не для того, чтобы они браво маршировали на парадах или помогали колхозникам в их вечной и нелегкой битве за урожай. Святая обязанность солдата — убить врага по приказу своего командира. Портвиний Циск был настоящим солдатом и в легионе служил не первый год, а потому сомнений не испытывал.

— Митрофан Николаич, вы уж потерпите, — извинился Ромул Луций и ловко кольнул копьем первого секретаря, который от неожиданности замолчал. Опустив голову, он увидел багровую ссадину на впалом смуглом животе и осознал, что это его собственная кровь. Как это часто бывает, люди легко проливают чужую кровь и к ее виду относятся без особого содрогания, но при виде собственной немедленно теряют сознание.

Грянулся в спасительный для всех обморок и Митрофан Николаевич. Собственно, даже не грянулся, а обвис на кресте и перестал реагировать на происходящее вокруг.

И тут ударил гром.

Гром раскатился над Голгофой сухо, словно небесный кашель.

А вслед за раскатом на измученную зноем каменистую почву Иудеи, на вялые и серые от пыли пальмы, на заросли мандаринов и хурмы, на жаждущий Гефсиманский сад обрушился долгожданный ливень.

Ливень этот разогнал первосвященников и зрителей, он хлестал по земле, обещая обновление, и вместе с тем был похож на падающие с небес слезы, словно там, высоко над землей, и в самом деле оплакивали первого секретаря Бузулуцкого райкома партии, волею случая заброшенного в далекое прошлое и принявшего в этом прошлом мученическую смерть.

Народ бежал.

В отличие ото всех остальных и к их общему недоумению на холме осталось несколько человек, которые не бежали от дождя, напротив, они поднялись по склону, окружая крест, и напряженно вглядывались в распятого проповедника, словно надеялись, что им откроется истина.

Стоял прокуратор в своем необычном одеянии. По бритому лицу его текли капли дождя, и оттого казалось, что прокуратор искренне скорбит по распятому.

Хмурясь недовольно и ладонью прикрывая от дождя лицо, стоял первосвященник Анна, напряженно вглядывался в фигуру на кресте, словно не верил в смерть проповедника.

Стоял, жадно впитывая события, приезжий грек. Не иначе, был он из историков или тех, кто святотатственно подобия людей из камня высекает. Стоял, смотрел, паразит смуглый, запоминал.

Застыл подле прокуратора римский воин, дерзнувший поднять копьё на святого проповедника. Стоял, опустив копьё, и весь такой растерянный был, словно понял, что совершил. И второй, что ему помогал вкапывать крест, тоже рас-

терянно застыл, обратив свой взгляд на неподвижного прокуратора. Ликторы, окружавшие прокуратора, поначалу тоже держали марку, но тут грянуло особенно грозно, а ветвистая молния впилась в землю совсем близко, и ликторы не держали — не было у них уговора шкурой зазря рисковать.

А бородатый караванщик, не так давно объявившийся в Иерусалиме, тоже стоял, поминутно вытирая ладонью могучую черную бороду. Только караванщик смотрел на не крест, а куда-то поверх него, в серые небеса, словно видел там того единственного и всемогущего, к которому проповедник обращался.

— Гроза! — зачарованно пробормотал прокуратор.

— Ноги надо делать, пока молнией не пришибло! — с некоторой развязностью вскричал Портвиний Циск, но на слова его никто не обратил внимания.

Все выходцы из будущего были в сборе. Не было лишь экстрасенса Онгоры, которому и в своем мавзолее было достаточно хорошо. «Что я, распятий не видел? — удивился он накануне. — Вы как хотите, а мне и здесь хорошо! Мне ваши забавы ни к чему, к завтрашней проповеди готовиться надо, а я историю христианства не слишком хорошо знаю!» И еще не было Плиния Кнехта, героически погибшего при открытии нового континента. Но это была неизбежная жертва, гораздо больше погибло народу при вторжении в Египет, но кто теперь помнит, когда, кто, а главное, зачем в этот самый Египет вторгался?

Вновь ударил гром.

— Давай! — восторженно закричал по-русски прокуратор.

Так закричал, что Митрофан Николаевич Пригода пришел в себя и посмотрел с креста на лежащий внизу город.

За дымчатой пеленой ливня Иерусалим был похож на сказочный мираж. Купола его храмов влажно блестели, пальмы и кусты тамариска расправляли свои листья навстречу падающему с небес ливню, и где-то далеко у Навозных ворот радостно визжала детвора, бегая по лужам.

Бок саднило, но смотреть на него Митрофану Николаевичу не хотелось так же сильно, как и видеть лица стоящих внизу друзей-предателей.

Ах как ему сейчас хотелось быть настоящим царем Иудейским! Ах как сейчас ему хотелось выносить справедливые приговоры и карать! Тем более что все обвиняемые толпились внизу и искать их не надо было.

Снова раскатился над Голгофой гром.

Извилистые молнии образовали над печальным холмом нечто вроде шатра, светящегося мертвенным синеватым светом.

Зеваки, что спасались от ливня, видели не слишком много, поэтому верить им особо не приходится. Тем не менее из рассказов их можно сделать вывод о необычности происходившего на Голгофе. Вроде бы мутные вихри закружились над печальным холмом, захватывая застывшие человеческие фигурки. Сухо раскатился гром. Над вершиной Голгофы высветилось призрачное голубоватое дерево, достигающее темных грозовых туч. Голубые ветви этого фантастического дерева мерцали, и вместо листвы на них горели многочисленные голубоватые огоньки. Вокруг чудесного дерева многоцветно засияла гигантская радуга.

Потом все вспыхнуло и исчезло.

Глаза редких свидетелей с трудом привыкали к пасмурному серому свету дня, а когда привыкли к нему, вновь стал видным холм. Людей на нем не было, и пытливый глаз обязательно бы отметил несоответствие картины недавно происходившему.

Мало того что на печальном холме больше не было людей! Вместо трех крестов с преступно белеющими телами на холме четко обозначались лишь два. Третий бесследно исчез, и если бы нашелся любопытный, он бы увидел маленький неровный пенек со свежим изломом, указывающий на то, что третий крест все-таки был.

— Вознесся! — просветленно сказал Петр.

— Но обещал вернуться! — значительно посмотрел на товарища Иоанн. — С железной саранчой и семью ангелами, чтобы стать первым. Судить станет людей по их делам, а тех, кто грешил, — атомной бомбой!

А над Иерусалимом лил печальный тропический дождь, покачивались под средиземноморским ветром пальмы, содро-

гались, сталкиваясь, свинцовые низкие тучи, освещая голубоватыми вспышками потемневшую землю, и только на горизонте просматривалась уже голубая полоска, показывающая, что ненастье не вечно и, когда уже даже не надеешься, на смену неприятностям всегда приходят неожиданные удачи.

Глава девятнадцатая,

в которой чудеса продолжаются, но уже в другом времени

Птолемей Квинтович Пристов с женой Клавдией возвращался из райцентра.

Сам Птолемей Квинтович был там на областном совещании фермеров, посвященном грядущей посевной, а Клавдия в город поехала просто так — по магазинам погулять да что-нибудь купить подрастающей дочери Клеопатре. Пятый годик дочке пошел, но росла она так стремительно, что платья оказывались ей малы уже через три-четыре месяца.

«Вся в папу!» — умилялась Клавдия.

Птолемей Пристов молчал, только горделиво багровел, обнимая жену, сажал на ладонь дочь и придиричливо вглядывался в личико, с удовлетворением отмечая, что носик у дочери точно его — римский, прямой, а глазки только подчеркивали горячую южную породу — черноглазенькая росла, как и полагается итальянке. Последнее время Птолемея подмывало съездить на родину, посмотреть, что там изменилось со времен цезарей, да на акведуки поглядеть, по Колизею походить, вспомнить былые гладиаторские схватки.

Клавдия против Италии не возражала.

После возвращения легионеров в Бузулуцк, что немало порадовало женское население городка и ввергло в уныние воспрянувших было мужчин, жизнь постепенно вошла в свое обычное русло. Заместитель исчезнувшего начальника ми-

лиции был человеком решительным, доложил все как было, а результатом его доклада стали многочисленные комиссии, которые приезжали в Бузулуцк из самых разных мест, пока у государственных органов средств на командировки хватало.

Но шума решили не поднимать, работы комиссий, как водится, засекретили, выходцев из иностранного прошлого паспортизировали, с тем чтобы влились они в дружную семью советских народов. Все-таки шел восемьдесят седьмой год, и перестройка только начиналась, но партия еще своих позиций не утратила, а Комитет государственной безопасности еще не испытал прелести демократических преобразований и был силен и всемогущ.

Некоторых легионеров с удовольствием взял на работу в милицию бывший заместитель пропавшего начальника, который за преобразования в органах внутренних дел взялся с большим рвением и многих сотрудников, считавшихся надеждой и опорой при бывшем начальнике, отправил на заслуженный отдых. Не минула сия горькая чаша и участкового инспектора Соловья, место которого занял быстро освоивший азы милицейской работы и окончивший школу милиции Гней Квин Мус по прозвищу Челентано, который женился на чаровнице Леночке Широковой, взяв ее фамилию, а заодно и несколько изменил свое имя и стал теперь именоваться Корнеем Ивановичем Широковым. Впрочем, его пятилетний сын Помпей уже ходил в детский садик, отличался там неугомонностью и интересом к сверстникам и так уверенно таскал за косы черноглазую Клеопатру Пристову, что не было никаких сомнений в его первой влюбленности.

События между тем развивались стремительно, вот уже и коммунистическая партия распалась, а главой администрации Бузулуцкого района стал Вован Богунов, который к тому времени открыл в районе мебельный кооператив, два магазина и еще держал пасеку, на которой у него работали наемные рабочие. Вован Богунов поселился, но на работу в бывший райком партии являлся по-прежнему в футболке и потертых джинсах. Каждое утро он начинал с разглядывания карты района. Разглядывание это сопровождалось тяжкими

размышлениями о будущем района, который Вован про себя уже называл Богуновским. Очень много надо было приватизировать, а то и просто купить, чтобы мечты Вована стали реальностью.

Однако вел он себя довольно сдержанно, даже продажей спиртного не злоупотреблял, хотя это занятие и давало тот самый трехсотпроцентный навар, из-за которого, как гласят учебники экономики и «Капитал» основоположника коммунизма Карла Маркса, капиталист, не задумываясь, пойдет на любое преступление. Тому способствовал «Союз потерявших Родину», созданный римскими легионерами. Кроме самих легионеров, в него охотно вступали представители закавказских республик, но, узнав поближе цели и задачи Союза, не менее решительно его покидали.

Из бывших легионеров вышли неплохие хлеборобы и животноводы, многие подались в фермерство, но были и такие, кто неожиданно достиг определенных успехов на политическом поприще и даже вошел в местные и областные Советы депутатами от коммунистической партии и стремительно набирающей политический вес партии известного сына юриста Жириновского.

Что еще сказать? Жизнь продолжается, и она ассимилирует самые различные общественные группки, превращая их в то, что всегда казалось единым и сплошным монолитом, — единую общность, называемую советским народом.

События августа одна тысяча девятьсот девяносто первого года показали, что эта общность не так уж и монолитна. События эти разделили даже бывших легионеров — говорят, что при обороне Белого дома от путчистов наблюдались странные личности в белых туниках и при коротких прямых мечах. Люди эти отличались своей немногочисленностью, решимостью и стойкостью, а потому после победы демократии вошли в личную охрану Президента Бориса Николаевича Ельцина.

Правда, поговаривали, что подобных бойцов можно было наблюдать и в противоположных рядах. Вполне вероятно, что это было именно так: принимая решение, люди склонны

ошибаться, даже если ошибки эти оказываются роковыми и ведут к бесславию и забвению. Но уж если говорить откровенно, то помнят правителей, бойцов же, которые защищали их интересы, не помнит никто. Вряд ли среди читателей найдется человек, который так вот, с размаху, скажет, кто был телохранителем у Помпея, разбитого и спасающегося от войск императора.

Птолемей Квинтович Пристов спокойно управлял автомашиной «Жигули», купленной на полученный им в Агропромбанке кредит, весело поглядывая в зеркало заднего вида на жену Клавдию, которая сидела на заднем сиденье и кормила своей пышной грудью маленького Марка. Грудь Клавдии по-прежнему волновала Птолемя, он с удовольствием сейчас остановил бы машину, но понимал, что нельзя Клавдию отвлекать от ее важного занятия — сын должен хорошо питаться. Погода постепенно портилась, с северо-запада надвигались грозные сизые тучи, изредка у горизонта негромко погромыхивало, вот Птолемей и ехал прямой дорогой, стараясь быстрее добраться домой. Потому он и срезал путь, свернув на дорогу, что шла мимо горы Меловой, с которой у Птолемя были связаны самые неприятные и одновременно самые приятные воспоминания.

Машину Корнея Широкова он заметил сразу, да и попробовал бы Птолемей ее не заметить — развязный Корней издали начал сигналить, а потом еще и замигал фарами, призывая бывшего центуриона остановиться. С неудовольствием Птолемей притормозил. Понятное дело: кто перед дождем задерживаться в дороге будет. Пять лет они уже жили в Бузулуцком районе, а дороги проселочные никак не улучшились, поэтому после дождя возвращение в поселок становилось проблематичным из-за знаменитой сельской грязи.

Корней вылез из машины. Вслед за ним вылез и пассажир, которым оказался, разумеется, Валентин Аверин, знаменитый кладбищенский старатель и не менее знаменитый рыбак. Не иначе как старые приятели ездили на рыбалку в одно из заветных аверинских местечек.

— Птолемей! — вскричал Широков. — Из города?

— На совещании был, — неохотно сказал бывший центурион, ревниво загоразивая от нескромного взгляда Клавдию. — Все учат, как правильно пшеницу сажать, чем коров кормить. А то мы этого сами не знаем. А вы, я вижу, с рыбалки?

— А то! — жарко вскричал бывший легионер. — Валентин такие места знает!

— И много поймали? — поддерживая разговор, спросил Птолемей.

Широков смутился.

— Ин омнибус аликвид, ин тото нихиль, — смущенно сказал он. — Пескарь да окунек, плохой клев сегодня был!

Птолемей даже не сразу его понял, напряженно вдумался в слова и перевел для себя: всего понемногу — а в итоге нуль... Ни хрена эти рыбачки не поймали.

Раскатисто и совсем близко разорвал темную кисею гром. Часто и крупно заморосил дождь.

— Смотри! — крикнул Гней Мус, бывший легионер по прозвищу Челентано.

Валентин Аверин повернулся неуклюжим медведем и восхищенно выругался.

Над вершиной Меловой голубовато и призрачно высветилась уже знакомая им корона из ветвистых молний. Словно крона фантастического дерева светилась она над вершиной горы. Вспыхнула и повисла над горой разноцветным коромыслом гигантская радуга.

«Боги! — взмолился Птолемей. — Только не сейчас! Жертвы принесу! Баранов порежу! Только не сейчас!»

И словно вняв его просьбе, пляска молний на вершине горы прекратилась. Более того, над горой внезапно открылся кусок синего неба, и бездонная голубая окружность быстро расширилась, словно кто-то невидимый разгонял тучи с небес, давая солнечным лучам иссушить увлажнившуюся было землю.

— Во, блин, какие дела! — озадаченно сказал Валентин Аверин.

На вершине горы шевелились крошечные человеческие фигурки. Поблескивали, отражая солнце, доспехи, белел белый плащ, и кто-то обнаженный держал на спине крест.

— Отвязывайте, гады! — выдохнул Митрофан Николаевич Пригода.

Ромул Луций вопросительно глянул на прокуратора. Но что ему мог сказать прокуратор, в одночасье ставший самим собой — подполковником милиции Федором Борисовичем Дыряевым? Он только кивнул.

— Ответите, сволочи, за все ответите! — лихорадочно бормотал Митрофан Николаевич, нетерпеливо освобождаясь от пут. — Из партии — поганой метлой! Зона по вам плачет! Ничего, ничего, комитет разберется в подоплеке ваших деяний! Комитет вам отмерит! Ничего, ничего!

Окружающие подавленно молчали. А чего было говорить? И так было все ясно. Как говорится, эрраре хуманом эст! Покажите таких, что прожили жизнь без ошибок!

Волкодрало пощипал бороду и меланхолично заметил:

— Что ты, Митрофан, элефантэм экс муска фацис? Эст модус ин ребус!

Тут он, конечно, был прав — предел есть всему, а муху из слона делать было незачем. Могли ведь, но не распяли. Нормальными советскими людьми оказались, за товарища боролись до последнего, хоть и нельзя было на историю так отчаянно и беспринципно воздействовать. Что история человечества без христианства? Сера и скучна будет человеческая история без этого религиозного учения.

Если бы бывшие легионеры имели хороший слух, они сразу бы поняли, что за люди суетятся на вершине горы. Но слух у них был обычный, а что касается Аверина, то он с рождения был глуховат, и это обстоятельство служило поводом для постоянных насмешек и подтруниваний над ним.

Они только увидели, как обнаженного человека отвязали от креста, и он ничком бросился на землю, покрывая ее безумными поцелуями или кусая от ярости. Первый секретарь Бузулуцкого райкома партии Митрофан Николаевич Пригода возвратился из тяжких и опасных странствий во времени в родные края.

Его спутники смущенно толпились рядом. Каждый, и особенно Иван Акимович Волкодрало, чувствовал себя виновата-

тым, но никто не знал, каким образом эту вину можно загладить. И от этого чувство виновности особенно обострялось.

Стоявший у автомашины Валентин Аверин неизвестно зачем полез в машину и, словно следуя какому-то наитию, включил приемник. Радиостанция «Магнат» передавала концерт по заявкам слушателей. Динамики у ширококовского «Пионера» были достаточно мощными, чтобы исполнявшуюся песню слышали и на холме. Шел одна тысяча девятьсот девяносто второй год анно домини, поэтому и звучавшая песня воспринималась не как откровение, а скорее констатацией факта, тем не менее прозвучавшие хрипловатые слова барда заставили всех примолкнуть и печально задуматься.

Оглянись — на сто верст окрест
Не найдешь, кто в вере был неистов.
Среди миллионов коммунистов
Не нашлось, кому взойти на крест...*

Вместо эпилога

Посетители Царицынского музея изобразительных искусств, что находится на пересечении проспекта Ленина и улицы Порт-Артура, несомненно, обращали свое внимание на несколько картин, выставленных в самом начале экспозиции местных художников.

На одной из картин среди мерно вздымающихся океанских волн изображено судно. Несомненно, что это римская трирема. Об этом говорит и одеяние воина, который вполоборота застыл рядом с сильно загнутым носом, из которого на уровне ватерлинии торчит железный наконечник с тремя зубцами. Специалисты и те, кто интересуется историей, сразу же узнают в трезубце ростру, предназначенную римлянами для пробивания вражеского судна. Ветер наду-

* Песня группы «Алое пламя».

вает паруса, напряжены в подъеме весла, а лицо воина полно нетерпения и жизни, кажется, что он вот-вот радостно крикнет извечный клич, что всегда с нетерпением ожидают путешественники:

— Земля!

Станным кажется название картины «Открытие Америки», ведь каждому здравомыслящему человеку известно, что Америку открыл на беду всему миру Колумб. Впрочем, последние научные изыскания называют первооткрывателями Америки викингов, китайцев и даже египтян, поэтому смелое допущение художника вполне вероятно, римские мореплаватели были людьми тройной меди*, они вполне могли пересечь Атлантический океан.

Вторая картина не менее фантастична: на ней изображен трактор ДТ-75, окруженный людьми в туниках. По вооружению и характерной амуниции в этих людях очень легко узнать римских легионеров. Художнику удалось передать выражение нетерпеливого изумления древних латинян, столкнувшихся в поле с трактором, который для них, несомненно, являлся чудом техники, если не фантастическим драконом из мифов. На заднем плане видно, как один из легионеров пробует прочность современной стали бронзовым мечом — занятие столь же безнадежное, как и невероятное. Однако справедливости ради надо заметить, что чувство меры в данном случае изменило художнику, как говорится, амикус Плато, сэд магис амика вэритас, потому и невозможно промолчать.

Но самое странное впечатление производит третья картина, около которой всегда можно увидеть живые цветы. На картине изображен древний город в голубоватой дымке. На переднем плане обрыв. На краю обрыва стоят три креста с распятыми на них людьми. Рядом толпятся воины и священники, которых легко угадать по их одеяниям. Чуть в стороне стоит полный мужчина в одеянии персидского путешественника и купца. Полнолицый дюжий военачальник в белом плаще с алым подбоем моет руки в медном тазике. По его

* Эс триплекс — выражение, которое употреблялось римлянами для характеристики храбрости первых мореплавателей.

брюзгливому лицу видно, что все происходящее облеченному властью римлянину очень не нравится. Собственно, картина написана на известный библейский сюжет, тем неожиданнее надпись под ней: «Первый секретарь райкома партии Митрофан Николаевич Пригода отстаивает вечные истины». После чтения надписи многих начинают обуревать сомнения: история перестройки известна всем, но никто не помнит, чтобы кто-то из канувших в Лету вождей отстаивал свои убеждения с такой невероятной силой: коммунистическая империя канула в прошлое, оставив после себя многочисленных демократов, которые с превеликой радостью сожгли свои партбилеты и бросились в бурные воды свободного предпринимательства.

Даже в Бузулуцке имя последнего первого секретаря райкома партии вспоминают с трудом. Узнав о крушении своего мира, Митрофан Николаевич Пригода покинул райцентр и поселился в областном центре. Говорят, он даже написал книгу, которую романтично назвал «Последний Первый», но о его путешествиях во времени в этой книге нет ни слова.

Но годы идут. Вот уже администрацию Бузулуцкого района Царицынской области возглавил Помпей Широков, его жена Клеопатра, в девичестве Пристова, — известная в районе журналистка, вечно разъезжает по району в поисках сенсаций, но что необычного может произойти в сельской глубинке, где даже асфальтовая дорога в райцентре всего одна, и предназначается она для митингов и демонстраций. Особенно любопытно наблюдать, как в дни демонстраций и митингов, если приходится они на дождливое время, жители райцентра с трудом добираются до асфальтовой тверди в резиновых сапогах, переобуваются и идут митинговать, в то время как оставленная владельцами у дороги обувь терпеливо этих владельцев ждет, и эта сюрреалистическая картина еще более достойна своего картинного воплощения, нежели события, ставшие сюжетной основой для картин, выставленных в Царицынском музее изобразительных искусств.

Как говаривали древние римляне — «арс лонга, вита бревис». С этим трудно не согласиться. Действительно, жизнь

коротка, и еще более верно утверждение, что искусство долговечно. Но, думая об этом, никогда не стоит забывать, что именно короткая человеческая жизнь порой подбрасывает искусству сюжеты, делающие его долговечным.

И именно это позволяет а минори ад майюс, или, говоря по-русски, судить по части о целом.

Дикси. Как говорили древние, темпориа филиа вэритас, и это действительно так: истина — дочь времени, она рано или поздно обнаружит себя. То, что мы называли истиной, вполне может оказаться завтра несусветной глупостью, а то, что мы почитаем за глупость ныне, вполне может оказаться истиной завтрашнего дня.

Время коварно и непостоянно, как человеческая история, которая зависит от летописцев. Поэтому я и старался придерживаться золотой середины, именуемой правдой. Человеческое общество развивается по спирали, а нетленные истины потому и нетленны, что они истинны. Там, где однажды прошел, громяхая поножами, римский легион, на перекрестках человеческих судеб, где маялись наши герои, в любое время может появиться новый путник, который в силу стечения природных и жизненных обстоятельств пройдет по дороге времени. А это значит, что нас еще ожидают потрясения и удары судьбы, и мы не первые, кто живет в эпоху перемен, а значит, и не последние, кто идет сквозь столетия, еще не подозревая о том, что его ждет в конце долгого и утомительного пути.

г. Царицын, март 1999 г. — июнь 2001 г.

**ЗЛАЯ ЛАСКА
ЗВЕЗДНОЙ РУКИ**

Часть первая

ПРИКОСНОВЕНИЕ

1. МОСКВА, 25 ИЮЛЯ 2006 ГОДА, 3.45

Пробуждение было медленным, и уже после третьего звонка министр ощутил глухое раздражение. Неудобно сев на постели и прикрыв свет ночника от спящей жены, он поднял трубку.

Звонил дежурный офицер Генерального Штаба.

Первые же слова подчиненного заставили министра забыть о сне.

— Оперативная группа Генерального Штаба уже вылетела? — негромко спросил министр.

— Оперативную группу возглавил генерал-полковник Николаев, — доложил офицер. — Группа уже на аэродроме.

— Что сообщают из МЧС? — Министр встал с постели и прошел на просторную московскую кухню, держа сотовый телефон у уха.

— Информации пока нет. Причины железнодорожной аварии выясняются, — помедлив, сообщил офицер. — Однако до настоящего времени московская ветка Приволжского отделения железной дороги перекрыта.

Министр включил чайник и подошел к окну. В утренних сумерках плясали неоновые огоньки уличной рекламы.

— Президента поставили в известность? — спросил министр.

Распахнув холодильник, он принялся искать масло для утреннего бутерброда.

— Пока не докладывали, — сказал дежурный штабист. — Прямой опасности нет, решили доложить после выяснения всех обстоятельств. Приказываете доложить?

— Пока спешить некуда, — проворчал министр. — Машину за мной послали?

— Уже вышла, — доложил офицер. — Какие будут дополнительные указания, господин министр?

От внимательного уха министра не ускользнула маленькая запинка офицера перед обращением к нему. Даже высшие офицеры никак не могли отвыкнуть от прежнего уставного обращения, начинавшегося со слова «товарищ». Новые традиции в армии прививались с трудом. Да и сам министр, большую часть своего срока прослуживший в Советской армии, демократические новшества воспринимал с определенным трудом и тщательно скрываемой неприязнью. Какие, к черту, господа, если за весь прошлый год на вооружение армии поступило два ракетных катера, одна подводная лодка и всего шесть истребителей «МиГ-39»! Тщательно скрывая раздражение, министр приказал дежурному офицеру Генштаба установить постоянную связь с командующим Северо-Кавказским военным округом генералом Сергеевым и полковником Денисовым — командиром сорок четвертого мотострелкового полка, дислоцирующегося в Царицыне, на предмет получения от них регулярных оперативных данных о происходящем в районе чрезвычайного происшествия. Дежурный офицер с усердием принялся за выполнение поставленных перед ним задач, а министр осторожно прошел в ванную комнату, торопливо, но тщательно побрился, вышел в коридор и, недовольно сопя, принялся натягивать форму с генеральскими звездами на погонах.

Причин для недовольства у министра было более чем достаточно. День начался рано — часы показывали четыре часа сорок девять минут. И что всего хуже — день был выходным, и министр с женой собирался выехать на дачу. Теперь же приходилось срочно вылетать в провинцию, а подобных поездок генерал терпеть не мог.

Раболепия у руководителей провинциальных гарнизонов всегда хватало. Да и водки у них обычно оказывалось более чем достаточно, а сауны чересчур жаркие для его возраста.

Министром Грошев стал сразу после ухода на пенсию предыдущего министра — бывшего главкома ракетных войск стратегического назначения, отсидевшего на ответственном посту максимальный срок, определенный законом. Грошев участвовал в обеих кавказских кампаниях и зарекомендовал себя исключительно с положительной стороны, настолько положительной, что вайнахи назначили за его голову награду, которую, однако, никто не получил. Грошев не дал им такой возможности.

Энергии у Грошева было хоть отбавляй, только вот российская армия, как и все государство, была хронически безденежной, поэтому ставший министром Грошев основное внимание уделял дисциплине и физической подготовке офицеров.

Торопливо глотая чай, Грошев прикидывал, какие подразделения, дислоцированные в Царицынской области, могут выполнить задачу блокирования района ЧП. Кроме химического батальона особого назначения, расположенного в Арчеде, ничего подходящего под рукой не было. А это означало, как ни грустно было это сознавать, что перекрывать район придется с помощью подразделений внутренних дел области. Милиционеров Грошев не особенно любил, в Грозном никто из них себя особо не проявил. Были, правда, среди них приятные исключения, но на то они и исключения, чтобы негативно оттенять общее правило.

Покончив с бутербродом, Грошев продолжал глотать горячий чай. И в это время коротко звякнул дверной замок. Солдатик, приехавший за министром, был человеком деликатным и понимал, что семья Грошева еще спит, поэтому ограничился коротким разовым нажатием на кнопку звонка.

Грошев открыл дверь. На лестничной площадке было светло. Солдат на входе вытянулся, отдавая министру честь, и принялся докладывать о своем прибытии, но Грошев оборвал его коротким взмахом руки.

— Идите вниз, — приказал он. — Я сейчас спущусь!

Вернувшись на кухню, он педантично помыл стакан, убрал в холодильник масло и надел висящий на стуле галстук. За это время он пришел к определенным решениям, поэтому, оказав-

шись в машине, первым делом доложил о случившемся ночью в Приемную Президента и переговорил с министром по чрезвычайным ситуациям, который также готовился вылететь в Царицынскую область. Договорившись лететь в район чрезвычайного происшествия вместе, министр обороны приказал соединить его с генералом Сергеевым.

Машина еще только подъезжала к Министерству обороны, а генерал уже был на связи. Голос у него был усталым и оттого чуть сипловатым. Докладывал генерал прямо с места происшествия, но доклад Сергеева министра не особо порадовал: пока в районе Михайловки находилось немногочисленное десантное подразделение, особый батальон химической защиты пока еще был на марше, но уже подтягивались сводные отряды милиции из близлежащих районов. Начальник местного управления внутренних дел действовал довольно решительно и собранно, хотя трудно было сказать, что сумеют сделать в сложившейся ситуации сельские милиционеры, тем более что подразделения ОМОНа, как и химбат, пока еще только вытягивались в сторону Михайловки.

Сам начальник царицынской областной милиции вылетел в район чрезвычайного происшествия на вертолете вместе с командиром мотопехотного полка Денисовым, который проводил рекогносцировку местности в ожидании следующего к Михайловке разведывательного батальона «Беркут».

После короткого совещания в министерстве Грошев отправился на военный аэродром, на подступах к которому его застал звонок Президента.

— Доброе утро, Станислав Сергеевич, — сказал Президент. — Надеюсь, что у вас уже кое-что прояснилось? У меня состоялся разговор с Гором. Американцы выражают обеспокоенность происходящим.

— К сожалению, мне пока нечем порадовать, Владимир Владимирович, — хмуро доложил Грошев. — Ситуация по-прежнему остается неопределенной.

Президент нервно подышал в трубку.

— Ясно, — сказал он. — Постарайтесь держать меня в курсе происходящего. Со своей стороны, могу вам сказать,

что американцы меняют орбиту своего разведывательного спутника и намереваются использовать его для наблюдения за районом... Где все это произошло?

— Царицынская область, — сказал Грошев. — Районный центр Михайловка.

— Это далеко от столицы? — поинтересовался Президент.

— Восемьсот шестьдесят девять километров, — не задумываясь, сообщил министр.

2. ЦАРИЦЫНСКАЯ ОБЛАСТЬ, РАЙОННЫЙ ЦЕНТР МИХАЙЛОВКА, 25 ИЮЛЯ 2006 ГОДА, 4.20

До рассвета оставалось еще около часа, поэтому зарево на востоке даже при желании нельзя было посчитать за лучи восходящего солнца. Тонкие лучи перечеркивали серый сумрак уходящей в небытие ночи, затмевая редкие звезды, продолжающие поблескивать с теряющего мрак небосклона.

У развилки дороги на Серафимович стояло несколько десятков легковых и грузовых автомашин, при свете фар которых суетливыми муравьями возились люди. Одна из автомашин была странно изуродована, словно на большой скорости врезалась в неожиданное препятствие. Капот ее сплюснулся и был выгнут, ветровое стекло покрыто густой сетью трещинок, через которые было уже невозможно увидеть внутренности салона. Около автомашины, лениво переговариваясь, возились люди.

Впрочем, делом были заняты лишь некоторые из них, большинство замороженно уставились в сторону далекого города. Зарева от уличных фонарей не было видно, и ночной сумрак еще клубился над сонными деревьями, за которыми огромным мыльным пузырем, мутно вздувшимся над невидимым городом, светился гигантский купол. В глубине купо-

ла, за радужными разводами, беспорядочно плывущими по поверхности этого невероятного порождения природы, угадывалась раскаленная до красноты стрела телевышки.

— И невозможно пройти? — недоверчиво сипел генерал Сергеев. — Кто-нибудь пробовал проникнуть в город? Я хочу поговорить с этими людьми!

Комплекция у генерала была самая гражданская, и даже форма не могла прибавить ему строгости и официальности, но вот лицо под ежиком коротких жестких волос было по-генеральски властным. Любому, кто смотрел в серые глаза Сергеева, не приходило даже в голову усомниться в его праве задавать вопросы и получать на них исчерпывающие ответы.

— Люди в больнице, — хмуро отозвался высокий милицейский подполковник. — На станции Панфилово мы развернули стационар. А машина — вот она. Можете посмотреть, что происходит, когда сквозь этот пузырь пытаются прорваться на транспорте. Там, у моста, стоит БТР. Он выглядит еще более впечатляюще.

Сергеев подошел к искореженному автомобилю, обошел его, разглядывая со всех сторон, и вернулся, удрученно покачивая головой.

— Но, может быть, в пешем порядке... — нерешительно начал он.

— И в пешем порядке ничего не получается, — сказал милицейский чин. — И ваши уже попробовали, и наши...

Подполковник занимался своим прямым делом — подчиненные ему люди объезжали на автомашинах прилегающие к городу села, устанавливая и опрашивая очевидцев произошедшего. Пока таких очевидцев было трое — влюбленная парочка, находившаяся в автомашине в одной из расположенных неподалеку лесополос, и мрачный водитель бензовоза, у которого не было накладных на перевозимый им бензин. И дураку было понятно, что бензин ворованный. Какой еще бензин мог перевозить ночью человек, в недалеком прошлом дважды судимый за хищение государственного имущества. Перспективы казались водителю бензовоза достаточно мрачными, поэтому особых причин радоваться встрече с сотрудниками милиции у него не было.

С противоположной стороны города, где пролегла железная дорога, вести были также неутешительными. Водителя тепловоза, врезавшегося в препятствие, неожиданно возникшее на железнодорожном полотне, из сплющенной кабины еще не вырезали, хотя и всю применяли автоген, а помощник его ничего определенного сказать не мог, потому что в момент катастрофы находился во второй секции и увидеть, что произошло, не успел. Как в известной кинокомедии: упал, потерял сознание, а когда очнулся — на сломанные кости уже накладывали гипс.

Городу повезло — первые десять цистерн в товарняке были пустыми и только потом уже шли цистерны с нефтью. С рельсов же сошли всего три первые цистерны, иначе огненного Армагеддона было бы просто не избежать, а тушить пожар ночью, как известно, у нас некому. Стоит только возникнуть пожару, как сразу оказывается, что пожарные машины неисправны, а если даже и исправны, то воды в емкостях нет.

Подтянувшийся со стороны Новоаннинска сводный отряд из сельских милиционеров прибыл к Михайловке первым. Милиционеры бегали по периметру неожиданно возникшего препятствия и ахали, не зная, что им предпринять. Через час к милиционерам присоединились десантники, выброшенные в районе села Зимовники.

Десантники умели стрелять и владели приемами рукопашного боя, правда, применить свои знания могли только к милиционерам, но как раз этого делать было не нужно. Десантники растерялись. Генерал Сергеев и прибывший с ним на вертолете начальник областного управления внутренних дел генерал-майор Зиборов навели порядок в подчиненном воинстве и, организовав совместные патрули, выставили их в окрестностях города. Десантники и милиционеры к переливающемуся мыльному пузырю над городом относились с опаской. Уверения руководства, что никаких вредных излучений от купола не исходит, и те, и другие воспринимали с явным недоверием, а потому ближе двадцати метров к таинственному препятствию, отгородившему районный центр от

всего остального района, никто из них не подходил. Хрен ее знает, что это за ерунда! Сегодня никаких излучений не регистрируется, а завтра на дембель импотентами идти. И милиционерам, и десанникам было все равно, сбережет ли их Бог или откажет им в этой милости, поэтому они сами себя берегли, даже бронежилеты вешали совсем не так, как предписывали инструкции.

По всему выходило, что все произошло ближе к часу ночи. Сначала в облаках наблюдалось непонятное свечение, напоминающее грозные разряды, потом над телевышкой заплясали яркие языки пламени, и — так же неожиданно — над городом повис многокилометровый непроницаемый для внешнего мира купол. Вначале он был определенно бледно-розового цвета, потом цвет изменился, и сейчас была видна лишь слабо обозначенная поверхность, разводы на которой гуляли, словно на мыльном пузыре, а поверхностное натяжение купола оказалось столь мощным, что об него разбивались автомашины. Случайно приблизившегося к барьеру человека сгибало в бараний рог, вызывая у него носовое кровотечение и отчаянное сердцебиение.

Первым разбился железнодорожный состав, следующий из Москвы на Царицын. Собственно, именно эта авария стала причиной вызова армейских и милицейских подразделений. Не будь этой аварии, еще неизвестно, когда поступило бы сообщение.

Срочно собранный сводный милицейский отряд шел напрямик в Михайловку, и водитель головной машины заметил возникший перед автомашиной барьер слишком поздно. Четыре человека оказались в больнице, и шансы на жизнь у водителя и командира головной автомашины были довольно слабыми. Назвать вещи своими именами и признать, что сидевшие впереди сотрудники милиции находятся в безнадежном состоянии, пока еще никто не решался.

Бравые десантники, пытавшиеся таранить барьер своим БТРом, потерь не понесли по чистой и, несомненно, счастливой случайности, но боевую машину потеряли. Теперь все

ждали, что будет дальше. Напрасно рисковать никто уже не хотел.

Патрули неторопливо несли службу на обозначенных начальством маршрутах, свободные от дежурств десантники и милиционеры жгли в степи костры, варили в котелках кукурузу, которую рвали в зарослях, вытянувшихся вдоль автостреды. Не то чтобы есть очень хотелось, но халява привлекала, да и вкусна была вареная кукуруза, посыпанная серой солью.

Генерал Сергеев приказал поднять в воздух вертолет.

Вертолет сделал несколько кругов вдоль городка, не решаясь приближаться к постепенно бледнеющему куполу. Сквозь радужные разводы барьера виднелись темные безлюдные улицы. Каких-либо аномалий в городе воздушная разведка не обнаружила. У разбитого вертолета и опрокинутых вагонов работала бригада ремонтников. Те вагоны, что остались стоять на рельсах, уже увел в сторону станции Поворино локомотив, снятый с состава, поставленного в тупик на ближайшей станции. Со стороны реки Медведицы вообще ничего особенного не наблюдалось. Река по-прежнему катила свои мутные воды мимо прибрежных кустарников, а у моста через Медведицу на асфальтовом пяточке виднелись сгрудившиеся автомобили, которые, впрочем, уже, повинувшись командам невидимых с воздуха милиционеров, постепенно выруливали на трассу и уходили назад в сторону Царицына.

Ближе к рассвету, когда все вокруг стало постепенно наливаться цветами и оттенками, на западе появились две черные точки, которые при некотором приближении оказались боевыми вертолетами.

— Министр прибыл, — удрученно сказал генерал Сергеев и вздохнул. — Ума не приложу, что мне ему докладывать...

— Что есть, то и докладывайте, — не подумав, брякнул Денисов и осекся под пристальным взглядом министра.

— Не пойму я, Иван Денисович, — сказал Сергеев. — Дурак ты или так ловко притворяешься?

3. ЦАРИЦЫН, 25 ИЮЛЯ 2006 ГОДА, 10.20

До места работы Старикову надо было ехать двумя троллейбусами. Утренняя давка зачастую рождала в Дмитриии то, что он называл трамвайно-троллейбусным бешенством. Накапливаемое раздражение с каждой остановкой становилось все острее, и в конце маршрута уже хотелось отвечать грубостью на грубость и резкость окружающих.

Сегодня, к удивлению Старикова, в «семерке» пассажиров было меньше, чем обычно. Ближе к родному заводу ему даже удалось сесть рядом с полным усатым мужиком, который сурово сопел и читал утреннюю газету.

— Вот так! — удовлетворенно пробасил мужик. — Брежут, как цыгане на Привокзальной площади!

Дмитрий заглянул в газету и выхватил острым глазом броский газетный заголовок. «Инопланетяне или пьяный машинист?» — называлась газетная статья. Начиналась она строкой: «Жителям города Михайловки грозит реальная опасность. Этой ночью на окраине города сошел с рельсов локомотив, доставлявший по назначению цистерны с нефтепродуктами...» Ничего себе! Стариков даже забыл дышать от неожиданности. И было от чего, ведь только позавчера в Михайловку к своим родителям уехала жена с дочерью.

— Мужик, — попросил Дмитрий. — Дай заметку прочитать!

Усатый владелец газеты довольно усмехнулся, смешно вздергивая усы.

— Я тебе так скажу, парень, — строго глянул он на Старикова. — Не было там никакой «летающей тарелки»! Брежут все, чтобы ответственность от себя отвести. Я тебе, браток, так скажу. Уж коли они все дороги на Михайловку перекрыли, значит, там сейчас такое творится, что людям показывать страшно. Я сегодня телевизор глядел. Думаешь, там хоть что-нибудь показали? Хрена лысого они там показали! Шутка ли — состав с нефтью, а то и бензином! Полыхнуло небось, как в Сибири, когда газопровод взорвался.

Стариков завладел газетой и пробежал заметку. Настырные журналисты на этот раз узнали не так уж и много. Удив-

ляться не приходилось — вокруг города стояли военные и милицейские патрули, носились вертолеты, а журналисты, похоже, пытались прорваться через кордоны, и их вежливо завернули. Все-таки им удалось увидеть странное куполообразное свечение над городом и побеседовать с водителем бензовоза, задержанным милицией и находившемся в карантинном лагере, куда военные привезли журналистов. Еще там была какая-то парочка, но от них журналистам даже имен добиться не удалось. Понятное дело, скорее всего и мужик был женатым, и женщина — замужем. Кому захочется попасть на страницы газет, а потом оправдываться перед разгневанным супругом.

Из газетной заметки ясно было одно — в райцентре случилось что-то страшное, и случившееся требовало присутствия Дмитрия Старикова именно там, в Михайловке.

Читая заметку, Дмитрий даже не заметил, что проехал свою остановку, поэтому к проходной пришлось возвращаться бегом. И все-таки он успел, табельщица на проходной даже вздохнула огорченно и посмотрела на часы, минутная стрелка которых почти совместилась с цифрой «двенадцать». Но только почти!

Стариков, не переодеваясь, нашел начальника цеха. Владимир Алексеевич распекал подсобных рабочих, не обеспечивших в конце смены вывоз стружки из цеха.

Дождавшись, пока гнев начальника пойдет на убыль, Стариков подошел к шефу. Видно было, что Лихолетов не в духе. В такие минуты к нему было лучше не подходить, но Стариков все-таки рискнул.

— Владимир Алексеевич, — сказал он. — Мне срочно нужно два отгула!

— Ты, Стариков, не с дерева свалился? — прищурился шеф. — Иди работай!

— Владимир Алексеевич, — заныл Дмитрий, пытаясь разжалобить начальство. — Честное слово, очень надо! Очень!

— Только не говори, что у тебя сосед тяжело заболел и уши просит, — сказал начальник цеха, на которого причитания возжаждавшего отгулов токаря не произвели ни малей-

шего впечатления. — Ты почему до сих пор не переодет? Марш в раздевалку!

— Владимир Алексеевич! — торопливо сказал Стариков. — Вы газеты сегодняшние читали?

Начальник цеха уже жестом подзывал к себе одного из подсобных рабочих. По внешнему виду того было видно, что вчерашний вечер да, пожалуй, и последующую за ним ночь мужик не сирень собирал и не огород вскапывал. Видно было, что подсобника мутило, и мечтой всей его жизни сейчас было забраться на склад, подальше от бдительного ока начальства, и кемарнуть на обтирочной ветоши минуток сто двадцать.

— Не читал я газет, — сказал шеф, не глядя на Старикова. — Я вообще газет не читаю. И тебе, дружок, не советую. От чтения газет аппетит пропадает и на подвиги тянет... Хватит разглагольствовать, Стариков. Иди переодевайся. Не будет тебе отгулов.

— Вам хорошо, — с тоской в голосе сказал Стариков, — а у меня там жена и ребенок!

— Где это — там? — равнодушно поинтересовался начальник цеха, жестом удерживая на расстоянии подсобника, который в присутствии его и дыхнуть боялся, чтобы не оскорбить ненароком чувствительный нос начальства запахом перегара.

— Да в Михайловке! — отчаянно сказал Стариков. — Я же вам говорю, там состав железнодорожный с бензином с рельсов сошел! И никто не знает, что теперь там творится! Войска все вокруг оцепили, ментов понагнали... Алексеич, отпусти!

— В какой газете заметка? — строго спросил Лихолетов.

Стариков этого не знал. Ну не посмотрел он на название газеты, не до того ему было!

— К-кажется, «Царицынская правда», — сказал он неуверенно.

— А не «Час пик»? — насмешливо спросил начальник цеха, показывая тем самым, что газетки он все-таки почитывает. — А то там порой такое напишут, что уши в трубочку скручиваются.

Подсобник коротко хохотнул, вежливо прикрывая небритое рыло мозолистой грязной ладонью.

— Ты, Селиванов, иди! — строго приказал ему начальник цеха. — И запомни, я за тобой сегодня в особицу приглядывать буду. Не дай Бог, я тебя спящим застану. Считай, родной мой, что выговор тебе обеспечен. Ты понял?

Селиванов преданно глянул на начальника цеха, молитвенно сложил грязные ладони на груди и проникновенно сказал, как может сказать солдат, которому на фронте штрафную роту в последний момент заменили разведывательной.

— Да рази я, Алексеич, не понимаю? Гадам буду, пахать стану, как негр в Зимбабве!

Сомнительно было, чтобы негр из этой самой Зимбабвы вообще когда-нибудь работал в инструментальном цехе современного моторного завода, а еще сомнительнее было, чтобы он усердие проявлял, но начальник цеха словами проштрафившегося подсобного рабочего остался доволен и даже милостиво махнул пухлой мясистой ладошкой — проваливай, мол, пока у начальства настроение хорошее.

Покончив с разносом, Владимир Алексеевич Лихолетов повернулся к хмурому Старикову и сказал:

— Иди, Дмитрий, переодевайся. Не испытывай моего терпения. Какой дурак специалисту отгулы в конце месяца дает? Иди работай!

Легко сказать, иди и работай!

До обеда все валилось из рук у Старикова, три заготовки запорол, чего с ним никогда не случалось. Масла подлила нормировщица Люська, за которой Стариков одно время ухаживал, когда холостым еще был. По морде ее привлекательной и нахальной было видно, что не в курсе она о местонахождении жены Старикова и их дочери. Услышала новость и прибежала по старой памяти поделиться.

— Дим, читал? Ужас-то, какой!

— Что там? — Дмитрий жадно схватил газету. Ну правильно! Как он мог лопухнуться! «Новая газета» это была. И заметку Дмитрий читал еще утром.

— Говорят, там до сих пор еще на окраинах все горит. — Нормировщица посмотрела на Старикова повнимательнее,

ахнула и прижала ладошки к загоревшимся щекам. — Господи! Какая же я дура! Светка ведь у тебя в Михайловку уехала?

Она схватила газету и легко унеслась на другой край цеха. Видно было, как она пчелой закружилась вокруг Лихолетова, а тот, словно медведь, лениво отмахивался от нее. Потом он все-таки взял газету, сел на ящик с ветошью, прочитал статью и задумался, морща низенький лоб, над которым серебристо щетинились редкие волосы. Люська, размахивая обеими руками, продолжала его в чем-то убеждать. Вообще-то девчонка она была неплохая, но уж слишком суетливая. Не по характеру Старикова.

Начальник цеха что-то сказал нормировщице и пошел в свой кабинет, задумчиво помахивая газетой. Уже у дверей он вдруг остановился, еще раз уткнулся глазами в газету, недоверчиво перечитал написанное и повернул в сторону станка, на котором работал Стариков. Дмитрий принялся добросовестно обтачивать заготовку, хотя весь уже был в напряжении. Ай да Люська! Вот уж от кого Стариков помощи не ждал!

Лихолетов остановился у него за спиной, внимательно наблюдая за работой токаря, потом похлопал его по плечу и жестом, чтобы не рвать горло, попросил прекратить работу.

— У тебя жена на самом деле в Михайловке? — спросил он в наступившей тишине. — Давно уехала?

— Позавчера, — сказал Дмитрий.

— Закончишь деталь, — сказал Лихолетов, — зайдешь ко мне. Ты ведь, кажется, и сам из Михайловки?

В Михайловке жили родители жены. И сам он до девятого класса учился в одной из михайловских средних школ, жил у тетки после того, как его родители разбились на машине, а после девятого класса пошел в ПТУ в Дзержинском районе Царицына — специальность получать. Некоторое время он смотрел вслед сутулящемуся Лихолетову, потом вспомнил, что начальник цеха и сам из Михайловки, вроде родные у него жили на Втором участке неподалеку от кинотеатра «Ударник». Вспомнив это, Димка вновь зажегся надеждой,

поэтому новую заготовку он обрабатывал с особым усердием, не дай Бог слабину по резьбе пустить!

А нормировщица Люська Калганова к нему так больше и не подошла. Наверное, все-таки злилась за неслучившееся...

4. ЦАРИЦЫНСКАЯ ОБЛАСТЬ, ЮЖНАЯ ОКРЕСТНОСТЬ РАЙОННОГО ЦЕНТРА МИХАЙЛОВКА, 25 ИЮЛЯ 2006 ГОДА, 14.00

Старший лейтенант милиции Андрей Николаевич Кунжаков нервничал. Нет, дежурить с ним отрядили двух рослых десантников из разведроты, выброшенной у Зимовников еще ночью. Крепкие были ребяташки, надежные, с такими можно не только в разведку пойти. С такими дылдами запросто от сельских механизаторов у женского общежития отбиться можно. Только вот маршрут им достался не слишком удачный — прямо у моста, рядом с поворотом в город, в полукилометре от все еще дышащего жаром телецентра. Если, и в самом деле город заняли инопланетяне, в случае выхода инопланетной техники на оперативные просторы Кунжаков с десантниками оказывался, как говорится, на острие главного удара. В то, что при таком раскладе удастся отлежаться в кустах, Кунжаков не верил, но и Героя посмертно ему получить тоже не особо хотелось.

Одного из десантников, что ростом был повыше, да и в плечах пошире, звали Костей, и родом он был из далекого татарского города Бугульмы. Второй, который постоянно прихрамывал из-за того, что потянул ногу, оступившись у моста, оказался своим, местным, — из соседнего Даниловского района. Звали его Алексеем. Сам Кунжаков служил в Подтелковском районном отделе внутренних дел, но в Даниловке по делам службы бывал, и не раз, да и возрастом они с Алексеем не особо разнились, поэтому, поговорив, они без труда

нашли общих знакомых, особенно из числа даниловских девчонок.

Сам Кунжаков был высок и мосласт. Непокорный казачий чуб выбивался из-под фуражки, правда, форма Кунжакову шла как корове седло. Бывают такие фигуры, которым любая форменная одежда противопоказана. Начальник райотдела всегда вздыхал, и настроение у него портилось, когда он видел Кунжакова в форме. Тем более что сегодня старший лейтенант был в галифе и сапогах, которые выдали на два размера больше положенного. Сапоги можно было разве что замснить, но вот галифе Кунжаков вполне мог ушить. Мог, но не ушил. Времени у него все не хватало. Оттого и смотрелся он сейчас как клоун на арене и ни в какое сравнение с бравыми подтянутыми десантниками не шел. Образное выражение начальника о корове под седлом было как никогда актуально.

Время дежурства шло, и постепенно опасения Кунжакова рассеивались. Телевизионная вышка все еще светила кузнечным жаром, но к чему глаза привыкают, то уже не пугает. Ну подумаешь, раскалился металл по неизвестной причине, так это еще не повод, чтобы в обморок падать.

Были, конечно, некоторые опасения, что еле видимая днем Сфера над Михайловкой испускает вредоносное для организма излучение, но всех успокаивало то, что еще ранним утром химики, похожие в своих одеяниях и противогаязах на самых настоящих инопланетян, объехали вокруг купола с разными хитрыми приборами и, вернувшись, дружно заявили, что радиационно-химической опасности нет.

Кунжаков и десантник Алексей с упоением вспоминали знакомых девчонок из Даниловки. Автомат у десантника висел стволом вниз, кобура у Кунжакова тесно застегнута, и вообще казалось, что эти двое забыли, зачем они были у моста поставлены. Десантник Костя сидел на груди белого щебня около дороги и, обмахиваясь выгоревшей панамой, внимательно наблюдал, не едут ли проверяющие, чтобы застать наряд врасплох.

За дорогой к районному центру никто из них не наблюдал, резонно полагая, что в случае угрозы из города никакое наблюдение не спасет.

Ходили среди согнанных подразделений слухи, что город еще ночью оккупировал десант инопланетян. И вроде бы эти инопланетяне в техническом отношении землян здорово превосходили, о чем свидетельствовала и непроницаемая Сфера, повисшая над городом. Уж если инопланетяне на подобные дела оказались мастаками, то оружие у них наверняка имелось такое, что в случае его применения можно смело накрываться белой простыней и ползти на кладбище, благо что оно располагалось по соседству с военным лагерем.

Кунжаков предлагал десантникам отрыть у лесополосы небольшой окопчик, чтобы укрыться в нем на случай начала боевых действий. Алексей поначалу заинтересовался предложением милиционера и даже несколько раз ковырнул землю саперной лопаткой. Однако земля оказалась нашпигованной щебенкой, и оборонительный запал у десантника быстро прошел. Более того, Леха посоветовал старшему лейтенанту самому копать ненадежное укрытие, в котором, если начнутся какие-то активные действия, его, Кунжакова, обязательно накроет чем-то женского рода.

Андрей Николаевич немного поворчал о нарушениях субординации, упирая на то, что он хотя и милицейский, но все-таки офицер, да и возрастом будет постарше некоторых салабонов, которые еще мамкиными пирожками по нужде ходят. Но рыть окопчик самостоятельно не пожелал, отговорившись отсутствием у него необходимого шанцевого инструмента.

Благодаря разговорам и спорам время дежурства шло куда быстрее, да и к присутствию загадочной Сферы все уже немного привыкли, тем более что окраины города были по-прежнему безлюдными и никакой опасности от них не исходило.

Поэтому раздавшиеся с неба странные звуки внимание милиционера и десантников привлекли, но не более того.

Подняв головы, они увидели надвигающуюся из города серую тучу, которая при приближении оказалась гигант-

ской стаей, собравшей в себя воробьев, ворон, сорок, синиц, уток... Господи, да кого только не было в этой стае! Кажется, даже несколько домашних кур металось среди небесных обитателей.

Стая стремительно неслась прямо на Сферу. Самое страшное заключалось в том, что все свои слаженные маневры удивительная стая выполняла без единого звука. Ворона не каркнула, да что там ворона — глупые куры и те не кудахтали!

— Расшибуются! — ахнул Кунжаков и ошибся.

Странная поверхность, надежно отгородившая райцентр от остального мира, была непроницаема только снаружи. Для птиц она никакого видимого препятствия не составила, более того, стая пронеслась сквозь Сферу, словно ее вообще не было!

Оказавшись вне Сферы, напуганные птицы принялись яростно кричать и разлетаться во все стороны.

Из лагеря затрещали выстрелы.

— Стрелять-то зачем? — удивился Кунжаков.

— Как зачем? — удивился Костя. — Они ведь оттуда!

— Свяжись с лагерем, — сказал Кунжаков. — Сообщи, что мы видели. И время обязательно отметить!

— А это на хрена? — теперь уже удивился десантник.

— Для отчета, — объяснил старший лейтенант. — Птицы через нас летели? Через нас. Сообщение в лагере примут, в протокол внесут... В Историю войдем, дружище!

— И чего тебе в ней делать? — искренне удивился Костя. — Менты в Историю не входят, менты в истории попадают!

Кунжаков оставил колкое замечание без внимания.

Подняв выданный ему в лагере бинокль, поднес его к глазам и внимательно оглядывал далекие светлые домики.

— И доложи, — сказал он деловито. — В момент пролета стаи людей на окраине города не наблюдалось...

Закончить он не успел. Раздался басовитый звук, словно где-то неподалеку лопнула гигантская струна. Телевышка окуталась голубоватым облаком, и из ее острия в небо ударила

ветвящаяся изумрудная молния. Через некоторое время над дорогой прошла волна горячего воздуха, определенно исходящая от телевышки.

— Это что еще за чертовщина? — спросил старший лейтенант, задрал голову и глядя на несколько разноцветных колец, расплывающихся в безоблачной небесной синеве.

Ему никто не ответил. И это было вполне понятным, десантники тоже недоумевали. Ответить на риторический вопрос старшего лейтенанта милиции сейчас не смог бы никто, даже лауреат Нобелевской премии, если бы он здесь оказался по случаю. Но нобелевских лауреатов поблизости не было. Ну что им было делать в степной глубинке забытой Богом Царицынской области?

Где-то высоко в небесах вспыхнуло пламя.

Из лагеря по-прежнему доносились выстрелы и крики. Кунжаков значительно оглядел десантников — так, мол, са-лаги, знайте, как порой опасна и трудна милицейская служба. Вроде бы и войны нет, а каждый день на боевом посту. Запросто прихлопнуть могут. На одну ладонку положат, второй шлепнут от души, и только мокрое пятно останется.

— Слышь, старшой, — сказал Костя. — А что там справа от дороги за лесопосадкой?

— Кладбище там, — мрачно сказал Кунжаков. — Откуда у тебя, юноша, такие нездоровые интересы? Чем тебя погост заинтересовал?

— Нужны мне твои погосты! — обиженно сказал десантник. — Я к тому, что блестит там что-то странное...

— Ну-ка, ну-ка. — Старший лейтенант отобрал у Кости бинокль и принялся смотреть в сторону кладбища.

Ничего особенного он не увидел, так, непонятное мерцание, похожее на блеск металла.

— А вот об этом, пацаны, лучше помалкивать, — сказал он, немного подумав. — Сейчас хоть генералы и крестятся, но суеверий по-прежнему не любят. Только разинь рот, они тебя в психи зачислят!

5. ГОРОД ЦАРИЦЫН, КАБИНЕТ НАЧАЛЬНИКА ГАРНИЗОНА, 26 ИЮЛЯ 2006 ГОДА, 18.00

— Звездец американскому спутнику, господа-товарищи, — невесело сказал министр обороны Грошев. — И что мы им скажем? Что его жители какого-то Задрюпинска из телевизшки раздолбали? Да нас же на смех поднимут!

Кабинет был отделан деревом и оттого казался очень уютным. Из окна кабинета была видна недостроенная высотная гостиница, ставшая достопримечательностью и источником новых анекдотов, и памятник чекистам, похожий на гранитный фаллос.

Принесли чай.

Министр посмотрел вслед миленькой военнослужащей лет двадцати пяти, с круглыми коленками, длинными ногами и погонами рядового на плечах, покачал головой и отхлебнул из стакана. К-контрактница, маму ее черти возили!

— Ну? — уныло сказал он, оглядывая старший офицерский состав царицынского гарнизона. — Как говорил патриот Одессы Мойша Рабинович, что мы имеем с гуся?

Полковники и генералы, набившие кабинет, словно килька консервную банку, подавленно молчали. Получившие знания в военных училищах и академиях, они знали, как вести боевые действия с реальным противником, действиям же против противника виртуального они обучены не были. Про Мойшу Рабиновича анекдоты знали все, но вот что армия имела с таинственного гуся, приземлившегося в Михайловке, никто не знал.

— Мы не можем точно сказать, захвачена ли территория потенциальным противником или окрестности Михайловки являются районом природного бедствия, — сказал начальник академии, летавший в район чрезвычайного происшествия со своей ученой братией. — Отсюда следует вывод, что выстроить тактику действий пока не представляется возможным. Можно, конечно, попробовать провести разведку пригорода с помощью тяжелых танков, но... — Он развел руками. — Предложение

использовать для разведки космическую станцию «Мир» после катастрофы американского спутника я считаю неудачным. На станции находятся люди, и мы не имеем права подвергать их неоправданному риску.

— Тебе хорошо рассуждать отвлеченно, — мрачно заметил министр, помешивая ложечкой в стакане. — А мне Президент или кто-то из его администрации каждый час звонят — доложите обстановку! Что я им скажу? Что мы технику теряем? Что птицы из города улетают? Да после таких сообщений меня быстро в натуралисты переведут! Буду вместо Виталия Пескова очерки в «Комсомолке» печатать да по телевизору «В мире животных» вести! Он вроде на заслуженный отдых ушел? Значит, вакантно место. Кто-нибудь мне скажет, каким образом и каким видом оружия был нанесен удар по американскому спутнику? Все-таки сто двадцать миллионов долларов в космическую пыль обращено! Американцы в сказки не поверят, они к нам претензии предъявлять станут, тем более что орбиту спутника они изменили с нашего согласия.

В задних рядах послышались невнятные восклицания, но докладывать соображения никто не торопился. Военному человеку с суждениями вылезать опасно — обвинят в излишней глупости, попробуй тогда по служебной лестнице выше подняться. Увидят твою фамилию, вспомнят высказывания и притормозят. Будешь три срока, а быть может, и до самой пенсии в полковниках прозябать и выслушивать унылые нарекания супруги, которая спит и видит тебя в генералах.

Наконец от окна нерешительно поднялся командир особого батальона радиационно-химической разведки Плохов. Представившись, он доложил:

— Батальон поставленные задачи выполнил, господин министр! Границы купола обозначены вешками, радиационной, химической или биологической опасности не обнаружено. В ходе операции потеряна одна боевая машина радиационно-химической разведки. Потерь среди личного состава нет. Ведется круглосуточное наблюдение стационарными и передвижными постами.

Доложил и сел с явным облегчением. Чего бы ему не вдыхать с облегчением: Плохов свои задачи худо-бедно вы-

полнил, а что до личных соображений, то был он уверен, что все произошедшее в Михайловке явилось следствием деятельности какой-то тайной лаборатории, по известному принципу размещенной в глухомани. В пришельцев полковник не верил, считать все происками внешнего врага тоже было глупо — будь у противников такие возможности, они бы по столице удар нанесли или по Санкт-Петербургу, чтобы еще большую панику вызвать. Но делиться своими соображениями с министром полковник Плохов не стал. Министру виднее, где у нас разработки нового оружия ведутся, и не Плохову указывать на возможность такого варианта.

Грошев ждал, неторопливо постукивая мясистыми пальцами по полированной поверхности стола. Его подчиненные высказываться не спешили. Трусость подчиненных, узость их взглядов и отсутствие фантазии раздражали министра. Он уже совсем собрался обрушиться на подчиненных с пламенной гневной речью, но в это время зазвонил телефон.

Министр взял трубку, выслушал собеседника.

— Доложите подробнее! — приказал он.

Выслушав доклад, он положил трубку и внимательно оглядел присутствующих. Офицеры заинтересованно молчали.

— В... всех вас, — устало сказал министр. — Я-то на пенсию пойду, а вот вы куда денетесь?

— Что случилось, господин министр? — поднялся из своего угла полковник Денисов.

— Что случилось, — жирным неприятным голосом передрознил Денисова министр. — А то и случилось! Все по Брэму — птицы улетели, теперь животные разбегаются.

Он с раздражением оглядел подчиненных.

— Кто мне скажет, что именно там происходит? — спросил Грошев. — Есть ли у нас светлые головы? Или мы только дизтопливо воровать и пропивать умеем?

Конечно, министр имел в виду начальника хозяйственного управления полковника Кимма, арестованного за кражу семисот тонн дизельного топлива, списанного им на учения танкового полка и проданного через гражданского жулика на автозаправочные станции города. Однако многие приняли упреки министра на свой счет и потому промолчали.

— Короче, — сказал министр и залпом допил уже остывший чай. — Приказываю! Создать оперативно-тактическую группу по борьбе с возможными негативными последствиями «Михайловского феномена»! Начальником группы назначить... — Он оглядел присутствующих, остановился взглядом на командующем Северо-Кавказским военным округом и закончил: — Генерал-лейтенанта Сергеева. Заместителей вы подберете себе сам, генерал! Разработать планы разведки территории и действия по изучению феномена. Предусмотреть вопросы взаимодействия с территориальными органами внутренних дел, подразделениями МЧС и местной властью. Создать ударные группировки, способные вести активные боевые действия на случай, если мы имеем дело с инопланетным вторжением. Связаться с РАН по вопросам создания научно-исследовательской группы в районе феномена с привлечением авторитетных специалистов. Подтянуть к районному центру Михайловка наиболее подготовленные подразделения радиационно-химической разведки и защиты. Отдельно предусмотреть вопросы снабжения группировки войск, находящихся в зоне феномена, обеспечения ее транспортом, вооружением, продовольствием. Времени у вас — до полуночи. Все свободны!

Вот так. Главное — поставить перед личным составом задачи и потом требовать их неукоснительного исполнения. Не будь умным, будь жестким в требованиях и дисциплине. А уж подчиненные, если они жить захотят без расставания с погонами, проявят и ум, и сообразительность.

6. ЦАРИЦЫНСКАЯ ОБЛАСТЬ, ОКРЕСТНОСТИ РАЙОННОГО ЦЕНТРА МИХАЙЛОВКА, 26 ИЮЛЯ 2006 ГОДА, 17.00

Если не повезет, это уже надолго. Даже скорее всего навсегда.

Паническое бегство птиц из города пришлось на их смену. Кунжакова и обоих десантников долго пытали расспро-

сами ученые, потом несколько раз заставили повторить рассказ начальнички всяких рангов и мастей, а потом, уже в завершение всего, заставили писать объяснительные. Кунжаков больше всего боялся, что им отдохнуть не удастся. Перерыв от смены до смены и без того невелик, а тут еще и пожрать надо было, и прикемарить минуток шестьдесят. А вместо этого им раздали ручки, сунули по тоненькой пачке стандартных листков бумаги и приказали все описать в деталях. А чтобы они не сговаривались и совместно деталей не придумывали, начальство приказало всех троих развести по разным палаткам. Старший лейтенант не знал, закончили ли свое художественное творчество пацаны из десанта и что они там понаписали, в своих объяснениях. Молодые еще, неосмотрительные. Ляпнет кто-то из них в горячке что-нибудь лишнее, потом всем троим за одного дурака расхлебывать придется.

Собственно, чего расхлебывать? Ничего особенного они не видели, а про стеклянный блеск со стороны кладбища Кунжаков десантникам распространяться запретил, рассказав к случаю пару историй, как здоровых людей за их длинный язык в «дурку» отправляли — в желтый дом значит. Пацаны смышленные, лишнего болтать не приучены, а если ляпнут что-нибудь, значит, правильно о десантниках говорят, что удар ногами о землю вышибает у них остатки мозгов.

Закончив свое сочинение, Кунжаков дождался военных и первым делом поинтересовался, что они там написали. Про блеск на кладбище никто из солдатиков не упомянул, это старшего лейтенанта порадовало. Выходит, брешут люди, все у десантников с мозгами в порядке было. А как же иначе? Элита!

И период между дежурствами оказался более чем удачным. Начальство о старшем лейтенанте вспомнило и послало его в Зимовники установить, кому там шофер с бензовоза горючку продавал. Не одного, разумеется, с коллегами из областного центра. Коллеги эти считали себя истинными сыщиками, поэтому сразу же отправились в поселковую администрацию выяснять, у кого из местных жителей автомаши-

ны имеются. Кунжакова они отправили вести опрос населения и вообще заниматься личным сыском. Что они в сельсовете выяснили, Кунжаков так и не узнал, потому что встретились они уже у участкового инспектора. Внешний вид областников свидетельствовал, что времени они зря не теряли и крепость зимовниковского самогона оценили в достаточной мере. Кунжаков с управляющим третьим отделением местного ЗАО выпил немного, но пару бутылок местного самогона в планшетке нес. На всякий пожарный. Поскольку участковый инспектор оказался единственным источником информации, областники подкатили с расспросами к нему. Участковый Иван Иванович Перепелкин — пожилой дородный мужик, у которого уже китель на пупке не застегивался — долго мялся и по-сельски изворотливо уходил от прямых вопросов, а когда уже стало совсем невмоготу, крикнул, сходил в сенцы и принес две бутылки настоящей беленькой. И не фуфло какое-нибудь принес — уже забытую «Русскую», которую лет двадцать назад продавали по талонам. Надо сказать, что столь длительный срок водке не повредил, наоборот, она даже какой-то особенно ядреной стала и в крепости прибавила. Областники сразу пить древнюю водку не рискнули, а подождали, пока участковый с Кунжаковым выпьют. Нашли, значит, подопытных кроликов! Однако Кунжаков с участковым против такого эксперимента возражать не стали, а сразу же налили себе по две трети стакана каждому. Выпили, крикнули, закусили малосольными огурчиками и кабачинкой браконьерской. Видно было, что участковый в Зимовниках был царь и бог, дом у него была полная чаша, а потому и не стоило ломать голову в догадках, почему он от расспросов областных оперов уклонялся: брал он у этого долбаного водителя бензинчик на халяву, бесплатно брал, потому и юлил сейчас, и выпивку на стол выставлял с разными гастрономическими разносолами.

Сало у участкового было знатное — белоснежное и с многочисленными розовыми прожилками. Сразу видно, что участковый кабанчика откармливал по системе: два месяца помоями и отрубями, а полмесяца — желудями. Только от

желудей такие мясные прослойки завязываются. Нежное было сало, таяло во рту.

Областники прикончили вторую бутылку и вышли во двор покурить. Кунжаков подмигнул участковому и жестом показал, что выпивка — выпивкой, а язык распускать все равно не следует. Участковый страдальчески скривился и резанул себя ладонью по горлу. Плохо было участковому, как плохо бывает всякому сельскому жителю, в чью размеренную жизнь неожиданно вторгаются с неприятными расспросами городские жители. Тем более из компетентных органов.

— Ты это... — сказал быстрым шепотом Кунжаков. — Кость им кинуть надо. Дай им пару свидетелей, они и отстанут!

Участковый склонился и дохнул на Кунжакова густым перегаром.

— Да кого же я им дам? — страдальчески сказал он. — Все ведь уважаемые люди! Председателя поселковой администрации по должности сдавать нельзя, директора акционерного общества «Красный коммунар» Курехина тоже нельзя, я от него одну пользу имел, он мне лет двадцать помогает, да и кумовья мы с ним, он у меня дочку крестил...

Да и остальных, как вскоре выяснилось, указывать тоже нельзя было. Поселковый врач, управляющие отделениями акционерного общества, библиотekarша, имевшая старенькие «Жигули»... Кунжаков запоминал фамилии, радуясь, что областники еще курят и у него, сельского милиционера, есть возможность отличиться.

Но тут, как на грех, вернулись областники, некоторое время они подозрительно смотрели на сельских коллег, и, чтобы усыпить их бдительность, Кунжаков достал обе бутылки самогона, заготовленные им впрок.

Подозрительность со стороны старших коллег сразу пошла на убыль, и кончилось все ближе к полуночи хорovým пением. Выпили так крепко, что если бы Кунжакова спросили его собственную фамилию, то старший лейтенант если бы и назвал ее, то с большим трудом. Естественно, что фамилии тех, кто пользовался услугами вору́ги, напрочь вылетели из

головой. Поначалу все от выпитой водки были смелыми, рвались пред светлые очи начальства, но участковый проявил редкое для пьяного здравомыслие.

— Вот что, мужики, — сказал он. — Хата у меня большая, ложитесь спать. Утро вечера веселее.

И в самом деле — утро оказалось веселее. Пробуждение, правда, было тягостным, но после того как участковый, вздохнув, достал из серванта бутылку спирта, и впрямь стало веселее. Дали немного похмелиться и водителю, все-таки человеку еще машину вести. Кто ж его в трубочку будет заставлять дышать — офицеров милиции полная машина.

Тепло попрощались с участковым, взяли в дорогу жареного мяса, соленых огурчиков, помидоров да капусты «пелюски», чтобы разнообразить выдаваемый в лагере сухой паек.

Уже перед отъездом участковый, добрая душа, сунул в планшетку Кунжакова бутылку спирта. Это было очень кстати, старший лейтенант намекнул своим десанникам, что привезет бутылочку-другую. Он бы и привез обязательно, если бы вчера вечером бдительность не потерял, проявив обычную для пьяного щедрость.

Вернувшись в лагерь, областники пошли докладывать начальству свои скромные успехи. Кунжакова они с собой не взяли, но старший лейтенант этим не слишком огорчился. Он еще с армии усвоил нехитрую истину, что надо держаться подальше от начальства и поближе к кухне. Тем более что полевые армейские кухни уже дымили трубами в чистом поле и розовощекие армейские повара не скупались на добавки пшенной каши, щедро сдобренной салом и тушенкой.

Чуть в стороне от остальных особняком сидели несколько человек в странной форме. Форма была черного цвета и скорее напоминала робу заключенных, а не армейское обмундирование. И мужики в этой форме были на подбор: высокие, плечистые, сплошь истинные русаки — светловолосые и голубоглазые. Особенной статью выделялись два прапорщика, в руках у которых и котелки посудой для куколок выглядели. Прапорщики целеустремленно поглощали пищу, не обращая внимания на взгляды окружающих.

— Что за части? — спросил Кунжаков знакомого офицера. Тот многозначительно глянул вверх.

— Спецподразделение, — вполголоса сказал он. — Таким дай волю, за полчаса в нашем лагере камня на камне не оставят, стволы пушек голыми руками согнут!

Кунжаков уважительно поглазел на тайный спецназ, но тут подошла его очередь, и повар щедро оделил старшего лейтенанта горячей, аппетитно пахнущей кашей.

Пристроившись среди завтракающих нарядов, Кунжаков и услышал от солдат рассказ о собачьем исходе из города. Вообще-то бежали из города не только собаки, бежали кошки и прочий домашний скот, мыши в реке Медведица тонули, как лемминги в Северном море. Но всем почему-то запомнились именно собаки. Уж больно они выли, когда стаей неслись по дороге, чтобы разбежаться в зарослях кукурузы. Это чему же в городке надо было случиться, чтобы сторожевые псы рвали цепи и с воем мчались в поля, поджав хвост и с выражением ужаса в глазах?

Худо было в городке. Кунжакова охватило странное недоброе предчувствие, что все закончится очень плохо.

Даже спирт, который в тот же день был выпит с десанниками Костей и Лешей под пшенку, приправленную консервированным мясом, хорошего настроения не прибавил. Бежать надо было из этого проклятого места, бежать. Как собаки бежать, как птицы, покинувшие город еще накануне. Было у Кунжакова предчувствие, что это еще не последнее ЧП, которое их ожидало. Что еще можно было ждать от места, где телевышки по спутникам молниями палят? Лично Кунжаков во всем происходящем видел два варианта — либо это инопланетяне начали оккупировать Землю, словно в старом американском фильме «День независимости», либо нечистая сила вмешалась в человеческую жизнь. Не зря же металлические отблески на кладбище посверкивали.

Ни один из этих вариантов хорошего собравшимся у райцентра не сулил. А от неприятностей надо было держаться подальше. Как от начальства.

7. ЦАРИЦЫНСКАЯ ОБЛАСТЬ, ОКРЕСТНОСТИ РАЙОННОГО ЦЕНТРА МИХАЙЛОВКА, 26 ИЮЛЯ 2006 ГОДА, 19.00

Стариков добрался до развилки на хутор Страхово около трех часов. Водитель большегрузного рефрижератора рассчитывал проскочить на Москву по трассе, но ничего у него не вышло. Но доброе дело, прежде чем повернуть на Камышин, он все-таки сделал. Отсюда до Михайловки было не так уж и далеко. На перекрестке стояло два бронетранспортера. Один обычный, знакомый Старикову по армии, другой был явно предназначен для каких-то особых задач. Он был черного цвета, и над броней его возвышалась конусная башенка с круглыми иллюминаторами.

Стариков, чтобы не вызывать подозрения у толпящихся рядом с боевыми машинами солдат и ментов, свернул на дорогу к хутору, добросовестно отшагал по ней километра полтора и, убедившись, что находится вне поля зрения постов, юркнул в заросли кукурузы. Он великолепно понимал, что если его поймут, то в лучшем случае отправят назад. А могли и посадить в какой-нибудь фильтрационный лагерь для проверки личности. Оба варианта Дмитрию не подходили: и в том, и в другом случае он ничем не мог помочь жене и дочери. Поэтому он и крался по кукурузе. Вскоре выяснилось, что и это не самый безопасный путь. Дважды Старикову приходилось залегать в зарослях и ждать, когда уйдут по направлению к Михайловке боевые вертолеты. О «барракудах» он был наслышан, на них инфракрасные датчики стояли, реагирующие на тепло живого организма. Но Бог миловал — либо датчики эти у вертолетчиков не были включены, либо тепловое излучение тела Старикова не слишком отличалось от излучения какой-нибудь лисы, бродячей собаки или дикого лося, которые в последнее время излишне расплодились в этих местах.

Покружив над зарослями кукурузы, вертолеты с ревом уходили к Михайловскому мосту. Тут и дурак догадался бы,

что именно там военными разбит лагерь и именно поэтому к мосту соваться было нечего.

Но Стариков не зря столько лет прожил в Михайловке. Ее окрестности он знал не хуже какого-нибудь старичка-краеоведа и потому шел к реке значительно выше моста. Правда, ему предстояло пересечь московскую трассу, но Дмитрий полагал, что это не самое сложное. Как учили в армии — «слева по одному, короткими перебежками, вперед!». Посты обычно выставляются стационарные, передвижные патрули придерживаются определенного графика, и вычислить его будет не так уж и сложно — достаточно часок полежать в кукурузе и понаблюдать за дорогой.

Пару раз ему и в самом деле пришлось отлеживаться в зеленых зарослях. Солдаты, стоявшие в оцеплении, в попытках разнообразить и дополнить сухие пайки запасались початками уже вызревшей кукурузы.

Похоже, в Михайловке и в самом деле произошло что-то серьезное, уж больно много солдатни нагнали, да и боевые «барракуды», то и дело проносившиеся в небе, говорили сами за себя.

Еще в дороге Стариков слушал по приемнику последние известия. Все там было — от сообщений о покушении на короля Иордании до подробных рассказов о шестибалльном землетрясении в районе Южно-Сахалинска. А о том, что случилось в Михайловке, не было сказано ни слова. Но количество согнанных под Михайловку войск говорило само за себя. Стариков лежал в зарослях кукурузы, нервно грыз мучнисто-сладкие зерна, достигшие восковой спелости, и пил воду из предусмотрительно захваченной из города литровой бутылки «Аквастатики». Маршрут свой он продумал еще в Царицыне и теперь старался неукоснительно следовать ему.

У московской трассы Стариков особенно не задержался. Два бронетранспортера, рыча моторами, неторопливо прошли к развилке на Страхово, и Дмитрий рискнул перебежать дорогу без особой подготовки. Тем более что за дорогой желтели шляпками многочисленные подсолнухи. И правильно сделал. Оказавшись по ту сторону шоссе, он увидел, как ко-

лонна автомашин, направлявшаяся к Михайловке, остановилась неподалеку от его убежища, и из кузовов, затянутых брезентовыми тентами, посыпалась уставшая от долгой дороги солдатня. Послышался зычный голос: «Десять минут на opravку и перекур! Время пошло!» Услышав призыв незнакомого ему отца-командира, Стариков заторопился уйти подалее в подсолнухи. Не хотелось ему, чтобы после столь удачного броска через шоссе кто-то из оправляющихся солдатиков на него наткнулся. Кто знает, какие им даны указания в отношении случайных свидетелей. Как говаривал прапорщик Иван Жеребцов, «солдат — это ребенок с большим членом, и спички от него надо прятать, чтобы он казарму не спалил».

По левую руку Старикова располагался военный аэродром. Одно время заброшенный из-за расформирования части, которая там базировалась, сейчас этот аэродром был оживлен. Слышался свист прогреваемых двигателей, и на бетонке взлетной полосы серебрилось сразу несколько машин. Судя по размерам, это были не истребители.

Еще через час Дмитрий достиг реки. Медведица лениво катила свои мутные волны, а за рекой... Еще по пути к реке Стариков обратил внимание на странные отблески в небе. Теперь казалось, что над городом было нечто вроде огромного прозрачного купола, как иной раз показывали в фильмах о будущем. Стоит город на вечной мерзлоте под куполом. Тепло и мухи не кусают. Потому они, суки, и не кусают, что не водятся в районах вечной мерзлоты. А водятся там летом гнус, который полностью отвечает своему названию.

Стариков снова попил воды, приглядываясь к зарослям ивняка над Медведицей. Зелени было слишком много, идти напрямик к реке опасно. Запросто можно нарваться на патруль. Впрочем, как раз напрямик Стариков и не собирался идти. Было одно местечко, знакомое ему еще с детства. В конце прошлого века трудолюбивые монахи местного монастыря проложили из монастыря подземный ход за Медведицу. Помнится, еще в детстве, когда пацаны вход в него обнаружили, Старикова поразили стены, обложенные красным

кирпичом. Сколько же надо было сил и денег вбухать, чтобы монахи могли из своего монастыря тайком шастать к селяночкам?! Для чего еще подземный ход мог пригодиться, Стариков тогда и представить не мог.

А вот пригодился.

Тесный вход, облицованный полурассыпавшимся от времени кирпичом, таился в зарослях хмеля и дикого винограда. Вокруг были кусты дикого шиповника, поэтому только мальчишка или дурак мог туда полезть. Справа от зарослей шиповника стояла желтая милицейская машина, и двое мужиков в длинных семейных трусах купались в реке. Делали они это без обычных уханий, криков и шуточек. Сразу было ясно, что купание в реке командованием было запрещено, но уж больно солнце пекло, грех было этот запрет не нарушить.

Стариков не стал дожидаться, когда менты свое купание закончат. Свидание с ними в его планы не входило. Поэтому он прополз в заросли и нашел едва приметную тропиночку, свидетельствующую о том, что и нынешнее поколение михайловских пацанов росло такими же любознательным, как поколение самого Старикова.

Тропинка вывела на небольшой зеленый пяточок перед овалом входа, обложенного красным кирпичом. Слева от входа виднелись следы кострища, в котором лежали кирпичи и несколько пластиковых бутылок из-под газировки. Чуть дальше лежали какие-то тряпки.

Стариков сложил несколько кирпичей и немного посидел на них, переводя дух. Хорошо, что он не курил, иначе бы не удержался и закурил, а дым от сигареты чувствуется на расстоянии и может привлечь внимание милиционеров.

Отдохнувший от длительного и трудного пути Дмитрий Стариков подошел ко входу в подземелье и огляделся. Да, новое поколение пацанов, освоивших подземный ход, было куда более запасливым и расчетливым. В трещину в стене было воткнуто несколько факелов. Берется палка, обматывается старым тряпьем и смачивается керосином, а потом опускается в расплавленную смолу. Такой факел горит достаточно долго. Правда, чаду от него хватает, но ведь и Стариков

не на прогулку собирался. А наличие факелов давало возможность поберечь батарейки прихваченного Стариковым фонарика.

Он похлопал по карманам. Зажигалка была на месте. Раскрыв сумку, Стариков достал набитый патронташ и ракетницу, переделанную знакомым ему умельцем с Жилгородка под патроны двенадцатого калибра. Худо-бедно, но теперь он был вооружен, и, как всякий вооруженный человек, Дмитрий сразу почувствовал себя увереннее. Зарядив ракетницу и сунув ее за пояс, Дмитрий положил в карман куртки фонарик и взял несколько факелов. Кирпичный ход, казавшийся в детстве широким и просторным, сейчас показался ему тесным. Из глубины хода пахло сыростью и гниением. Он зажег один факел, и пламя неровно высветило кирпичные стены, на которых белела какая-то плесень. Впереди, куда не доставал свет факела, сгущалась неприветливая тьма. Стариков вздохнул и двинулся вперед. Ход был длинным, более километра, и на пути встречалось несколько тупиковых ответвлений, которые монахам потребовались для каких-то тайных молений. В детстве Стариков с друзьями обследовали один из таких тупиков и обнаружили там камень, на котором отпечатались пальцы слишком ревностного священника, а на стене, там, где должна была висеть икона, светлел квадрат сухого кирпича в окружении копотных теней от горевших рядом с ней факелов.

Дышать в подземелье было тяжело. Воздух был влажным и затхлым, как вода, долгое время стоявшая в серебряном стакане.

Попискивали крысы. Бог знает, чем они здесь питались, но крыс здесь всегда хватало. Стариков порадовался, что он в кроссовках. А вот о Светке он не подумал. Маринку можно было и на руках вынести. «Ладно, — подумал Стариков. — Главное — добраться, а дальше будет видно, как и что делать».

Стало еще холоднее, пламя факела заколебалось, зашипело, и на Дмитрия упало несколько холодных капель. Он понял, что находится прямо под рекой, и из этого вытекало, что половину пути он уже одолел. Было тревожно: чем боль-

ше он приближался к выходу, тем больший страх и смятение его охватывали. Насколько он помнил, вход этот заканчивался на территории бывшего монастыря, помещения которого после победы революции приспособили для нужд рыбокоптильного цеха. И что удивительно — вроде и Дон был рядом, и в самой Медведице рыбы хватало, а коптили в цехе морскую скумбрию, минтая, который в детстве никто и за рыбу-то не считал. В сравнении с речной рыбой скумбрия и минтай были как, скажем, карамель против шоколадной конфеты. Впрочем, чего греха таить, в детстве Стариков и его товарищи частенько пользовались подземным ходом, чтобы спереть из коптильного цеха десяток-другой копченых скумбрий и съесть их на берегу Медведицы, закусывая ворованными же арбузами. Славное было время!

По расчетам выходило, что он уже приближался к городу. Стариков прикинул, сколько ему осталось идти. Выходило не так уж и много, и он порадовался, что путь особой сложности не представил. И рано он обрадовался. Тут его и прижало.

Боль ударила в шею, медленно поползла вниз, заставляя неметь и без того уже ставшие холодными пальцы рук. Он остановился и едва не выронил факел из рук. Сначала он даже не понял, что причина боли кроется вне тела, просто подумалось, что некстати прихватило сердце. Он по инерции сделал несколько шагов вперед, и тут его отпустило.

Стариков присел на корточки, переводя дух. Факел догорел, и он оказался в шуршащей темноте. Где-то неподалеку пискнула крыса, к ее писку добавились другие не менее настойчивые попискивания, и Стариков понял, что надо идти дальше. Он с трудом встал. Тело, еще несколько минут бывшее сильным и уверенным, вдруг стало непослушным. Стариков заставил себя достать зажигалку, непослушными пальцами зажег ее, и маленький желтый огонек отодвинул душную тьму, подступившую со всех сторон.

Новый факел долго не хотел разгораться, потом выстрелил в сторону длинной шипящей искрой и занялся неровными желто-красными язычками пламени. Дождавшись, когда факел

разгорится, Дмитрий двинулся вперед. И странное дело — если до приступа ощущение опасности было где-то впереди, то сейчас оно осталось позади. Более того, оно медленно отодвигалось с каждым шагом Старикова к выходу.

8. ЦАРИЦЫНСКАЯ ОБЛАСТЬ, ОКРЕСТНОСТИ РАЙОННОГО ЦЕНТРА МИХАЙЛОВКА, 26 ИЮЛЯ 2006 ГОДА, 19.35—0.10

На прежний пост Кунжакова не поставили, но и без дела он не остался. Дали ему милицейский «уазик» и послали патрулировать вдоль Медведицы. Вроде как он неожиданное повышение получил. На машине кататься сподручнее, чем топтать пыль на дороге. Да и скорость у «уазика» куда больше, чем у пары самых шустрых человеческих ног. Ежели чего случится, на своих двоих от беды не убежишь, а на четырех колесах еще можно попытаться.

Оказавшись подальше от начальнического ока, можно было немного расслабиться. Лето все-таки.

Искупались.

Перед тем как залезть в воду, старший лейтенант заставил одного из десантников померить уровень радиации хитрым прибором ДП-8. Прибор радиоактивности не отметил, и вся команда, включая водителя, попарно искупалась в Медведице. Вода была теплой, даже не хотелось выбираться. Прозрачная Сфера над городом отблескивала на солнце. Неизвестно, что происходило в городе, но здесь, на берегу, было просто замечательно.

— Слышь, Николаич, — сказал Кунжакову водитель. — Кажется, в зарослях кто-то сидит. Мне показалось, я рубашку видел светлую.

Кунжаков посмотрел.

— Леня, — сказал он успокаивающе. — Какой дурак в самые заросли шиповника попрется? Спи спокойно, дорогой товарищ, нам еще шесть часов на этой жаре преть! Сколько времени?

— Да вечер уже, — сказал водитель. — Ты смотри, солнце уже скоро сядет, а парит по-прежнему. Ты как хочешь, Андрей Николаевич, но я все-таки гляну.

Но посмотреть, кто скрывается в зарослях, он все-таки не успел — помешала некстати ожившая рация.

— Двести первый, двести первый, — хмуро назвали по рации позывные «уазика» из лагеря. — Ответьте «Дубовке»!

— На связи! — отозвался Андрей Николаевич Кунжаков, усаживаясь на переднее сиденье.

— Двести первый, немедленно к мосту, — приказали по рации. — Как поняли меня? Немедленно отправляйтесь к мосту!

— Вас понял! — сказал Кунжаков, прыгая на одной ноге и натягивая штаны. — Выезжаем!

На развилке царило нечто невообразимое. Такого столпотворения боевых машин Кунжаков никогда не видел.

— Что случилось? — спросил он армейского лейтенанта, пробежавшего мимо машины.

Лейтенант махнул рукой.

— Третий Исход начался, — прокричал он. — На этот раз люди выходят!

Исход людей из районного центра начался около девяти часов и шел сразу по двум направлениям. Первая группа выходила по асфальту мимо кладбища на поворот к Москве, там, где стоял указатель направления и расстояния до крупного ближайшего населенного пункта Панфилово. Вторая группа — большей численности — шла, огибая кладбище с другой стороны, и выходила на развилку дорог, ведущих на Серафимович и Волгоград.

В отличие от птиц и собак люди шагали организованными колоннами по четыре человека в ряд. В первой колонне на Панфиловское направление вышли двадцать шесть человек, все мужики в возрасте от тридцати до пятидесяти лет. Колонна,

что вышла на развилку, достигала сотни человек и была более пестра по возрастному составу, более того, в ней было несколько женщин. Впрочем, женщинами этих затесавшихся в мужскую колонну существ назвать было трудно. Рядом с такими Андрей Кунжаков вполне был способен сохранить целомудрие и нравственность даже на необитаемом острове.

К чести начальства надо было сказать, что на сей раз оно действовало оперативно. На краю лагеря была быстро поставлена палатка казарменного типа, пространство вокруг которой немедленно оградил неведомо откуда взявшейся колючей проволокой, а по углам поставили вышки с пулеметными гнездами. Получился настоящий концлагерь в миниатюре, куда немедленно препроводили всех вышедших из города. На всех мест не хватило, и военные тут же стали ставить вторую палатку.

Пьяные от отчаяния и страха перед выполнением своего профессионального долга врачи принялись обследовать вышедших из города людей. Одновременно заработали и милиционеры, устанавливая данные вышедших людей и проверяя всех их по соответствующим учетам — от проверки по информационным центрам Царицынского ГУВД до выяснения, не состоят ли вышедшие из Михайловки лица на каком-нибудь виде медицинского учета.

И вот тут их ждала неожиданность.

Вышедшие из города лица были хроническими психбольными, алкоголиками, перепившими накануне появления Сферы, или просто наркоманами. Внятно рассказать о том, что происходит в городе, они не могли, как и объяснить причины того, что погнало их из города на ночь глядя. После освидетельствования их врачами с людьми беседовали профессиональные следователи и армейские дознаватели. Из объяснений вышедших из города людей следовало, что ничего необычного они в городе не видели и даже Сферы, повисшей над городом, не заметили.

— Братан, ты чего мне мозги пудришь, — развязно сказал следователю дважды судимый бич, тело которого покры-

вали многочисленные татуировки. — Какая Сфера? Собрались и пошли! Я два месяца на вокзале кантовался, меня местные менты два раза в день гребли. Смотрю, народ идет. Думал, демонстрация какая, вот и пристроился.

Его вывели из палатки и показали Сферу, которая с закатом обрела совершенно четкие очертания. Бич долго и недоуменно разглядывал Сферу, потом почесал грязной пятерней в затылке и озадаченно спросил:

— Мужики, так вы правду мне сказали? Бля буду, не было там никакого колпака. А почему я из города ушел, и сам не знаю. У вас головки светлые, вы и думайте, что там стряслось. Ничего не могу по этому поводу сказать. Со всем ничего!

Другой поначалу начал рассказывать интересные вещи о Космическом Разуме, о контактах с ним, о взаимодействии пространств. Ошалевший от служебного рвения следовательно исписывал вслед за ним лист за листом, пока наконец рассказчик не представился ему эмиссаром Высших сил и не заметил, что чакры у следователя давно уже не чищены, потому он и не слышит голоса Космоса. В противном случае он бы не занимался никому не нужной писаниной, а слушал бы голоса космических существ. Ему тоже показали Сферу, сквозь четкие очертания которой просматривались звезды. Экстрасенс долго любовался Сферой, потом повернулся к окружавшим его офицерам и ученым.

— Это Большое Космическое Яйцо, — сказал он со страстной убежденностью в голосе. — Из этого Яйца вылупится космическое существо, которое преобразит Землю. Я чувствую его сознание, я мысленно говорю с ним.

Следователь посмотрел на стоявшего рядом армейского капитана. Тот еле заметно кивнул. Ему было все ясно. Следователю, впрочем, тоже.

— Я все-таки запишу, — уныло сказал он. — Чем черт не шутит...

— Запиши, — сочувственно и тихо сказал армейский капитан. — Только тут и без докторов все видно — чистая клиника.

Еще один небритый мужик, долгое время работавший на местном ликеро-водочном заводе, долго смотрел на Сферу, потом сокрушенно сказал:

— А бабка с женой, значит, тама остались? Лихо! Вот и не верь опосля этого в Бога!

Что он имел в виду, так и осталось невыясненным. Мужик замкнулся, задумался и время от времени шептал что-то себе под нос, сокрушенно покачивая головой.

Всех позабавил молодой наркоман в затертых джинсах и черной майке с изображением головы быка на груди. Наркоман долго не мог понять, чего от него хотят, а когда его вывели, чтобы он собственными глазами увидел Сферу, некоторое время разглядывал звездное пространство над городком, потом заржал и, тыча пальцем в четко обозначившийся купол, сказал:

— Вот это пацаны укумарились! Закуклились, гады, и кайф щемят! Дайте покумарить, мужики, я тоже хочу закуклиться! Нет, блин, одному все, а другому ни хрена не достается. Я же говорил, что мел в дозу подмешивают, а они мне, блин, чистяк, чистяк! — передразнил он кого-то.

Интенсивные допросы вышедших из города людей происхождения не прояснили.

Генерал Сергеев выборочно просмотрел некоторые показания, взятые членами оперативной группы, снял очки, почесал дужкой кончик носа и грустно сказал, ни к кому персонально не обращаясь:

— Бред!

Ознакомившись с протоколом допроса экстрасенса, пожевал тонкими губами, собирая морщины на худом лице в тесный, похожий на клубок молний пучок.

— Где вы нашли этого дурака? Из какого дурдома он сбежал?

— В Михайловке нет психбольницы, — доложил генеральский адъютант.

Генерал Сергеев задумчиво посмотрел на него, хитро ухмыльнулся и со спокойствием, восхитившим всех окружающих его офицеров, сказал:

— Придется организовать!

— Товарищ генерал! — вступил в разговор начальник контрразведывательного отдела корпуса полковник Ирницкий. — Я вот что подумал... Одно время в допросах пользовались услугами гипнотизеров. Ну, когда опасных преступников колят. Я вот подумал, говорят, в Царицыне как раз Аллан Чумак гастролитрует...

— Ты мне этого шарлатана и не вспоминай, — сказал генерал Сергеев. — В девяностых, когда он баночки по телевизору заряжал, моя жена от телевизора не отходила. А потом намазалась этой самой водой и вся прыщем пошла, полгода на косметолога мою капитанскую зарплату расходовала!

Подумав, генерал добавил:

— А вообще-то мысль здравая. Только надо достойного человека найти. Не жулика, полковник. Вам и поручим подобрать подходящего кандидата. Там у нас в палатке разных специалистов до черта, посоветуйтесь с ними, глядишь, чего дельное и подскажут.

9. РАЙОННЫЙ ЦЕНТР МИХАЙЛОВКА, 27 ИЮЛЯ 2006 ГОДА, 0.50—1.41

Первый раз Дима Стариков видел улицы ночной Михайловки пустынными. Сколько он помнил детство, в любое время можно было увидеть на них прохожих. Мужики на эlevator или цементный завод в ночную смену спешили, влюбленные парочки в тени деревьев обжимались, а то и пьяная компания вываливалась на улицу, горланя что-нибудь из репертуара вновь вошедшего в моду Ободзинского или неувядаемого Валерия Леонтьева. На этот раз на улицах не было никого. Даже собаки не лаяли.

И что самое удивительное — свет в квартирах не горел. Дома смотрели на Старикова пустыми гемными глазами

окон, и в этой всеобщей слепоте домов было что-то зловещее. Слава Богу, что все рассказы о железнодорожной аварии с многочисленными человеческими жертвами оказались сплетнями. Так обычно и бывает. Случится что-нибудь на пятак, а досужие журналисты набрешут на рубль. Разрисуют так, что обычный несчастный случай заранее продуманным преступлением покажется!

Стариков шел к дому тестя и тещи. На темной и безлюдной улице оживали детские страхи, и Дмитрию казалось, что за ним кто-то крадется на мягких пушистых лапках, готовый схватить за плечи в самый неподходящий момент. Стариков резко оборачивался, но сзади, как и ожидалось, никого не было, а может, этот ночной хищник, сожравший жителей города, был хитрым и осторожным и просто ждал, когда его жертва расслабится.

Он прошел почти по всему второму участку и никого не встретил. Только однажды показалось, что во дворе дома, где жила его первая любовь, что-то полыхнуло, словно добрая сотня мужиков одновременно затянулись сигаретами. Но это ему, наверное, показалось, потому что еще через несколько минут Стариков прошел через двор и убедился в этом собственными глазами. Беседка была пуста, а двор темен.

Откуда-то от железнодорожного вокзала донеслась басовитая нота, точно кто-то там ударил по басовой струне гитары, и она долго резонировала в ночной гулкой пустоте, заполненной таинственными шорохами и запахом ночных фиалок и душистого горошка.

В доме тестя было темно, и сразу стало ясно, что там никого нет. Что Дмитрия окончательно добило — кобель Жорка, любимец тестя, даже не выскочил из-под крыльца, где у него было роскошное лежбище из старых фуфаяк. Все могло случиться, но чтобы Жорка его не встретил, ластясь и меняя недовольное ворчание на ласковые и умильные повизгивания... В это Стариков не верил.

Сердце его наполнилось тревогой. Тревога эта усилилась, когда он увидел, что двери дома распахнуты и из комнаты людьми совершенно не пахло. Дмитрий вошел в дом, привычно на-

шупал выключатель и щелкнул им. Свет загорелся, но лампочка едва тлела. Наверное, столько же света давала лучина или та самая лампочка Ильича, которой в далекие двадцатые годы электрифицировали Россию. Однако и при ее тусклом свете Стариков разглядел, что комната пуста, а рядом с длинной лавкой стояла коляска, в которой еще Светку катали, а теперь она досталась ее дочери. Стариков даже не стал в коляску заглядывать, видно было и от порога, что коляска пуста.

Он прошел в горницу, сел к столу и обнаружил на скатерти, покрывающей стол, пачку «Примы», оставленную тестем. Нестерпимо захотелось закурить, но Стариков сдержался. Он сломал одну сигарету и долго нюхал махорку, даже пожевал немного, чтобы отбить ненужное и вредное желание, с которым так долго боролась жена Светлана. Встав, он неизвестно для чего сунул пачку сигарет в карман. Все было хуже, чем он предполагал. Что произошло — не понять, и спросить об этом некого было.

Дмитрий прошелся по комнатам дома и, для очистки совести, быстро убедился, что дома никого нет. Да теща и не оставила бы никогда дом незапертым, такой уж у нее характер был. Задумчиво покусывая губу, Стариков вернулся в горницу, и в это самое время лампочка, вкрученная в люстру, неожиданно лопнула с сухим пистолетным треском. Это было так неожиданно, что Стариков вздрогнул, и опять ему показалось плывущее за окном багровое искристое облако.

Торопливо вышел он во двор. Вокруг было темно и тихо. Слышалось, как шуршат от легкого ветерка листья декоративного винограда, который затейливо овивал поставленную тестем беседку.

В стороне, где находился железнодорожный вокзал, полыхало, словно там находилось трамвайное кольцо или велись сварочные работы. Трамваи в Михайловке не ходили, а если кто-то в ночь вел сварочные работы, так это даже и к лучшему. Где работают, всегда можно встретить живых людей и выяснить у них наконец, что случилось.

Поэтому Стариков без особых колебаний двинулся к вокзалу. Дорога на вокзал шла мимо проходной элеватора, кото-

рая сейчас была темна и безлюдна. Такого Дмитрий вообще не мог припомнить. И опять ему показалось, что следом за ним крадется осторожная тень.

Через железнодорожный мост Стариков не пошел из боязливости. Он пошел напрямик через железнодорожные пути, хоть и пришлось ради этого подлезать под стоявшие на путях грузовые вагоны.

Перрон оказался пустынным, а окна вокзала — темными. Такого тоже Стариков не помнил. За красным зданием одноэтажного вокзала, там, где находилась площадь и располагались автобусные остановки, действительно что-то искрило. Стариков поспешил на свет и едва не упал, споткнувшись о кусок кирпича, кем-то брошенный на асфальте перрона. Это его немного отрезвило, и на площадь он вышел с некоторой осторожностью.

Осторожность оказалась правильной.

Площадь была безлюдной, и сварочных работ на ней никто не вел. Прямо посреди площади светилось огромное круглое пятно правильных очертаний, и вокруг него быстро носились цветные пятна и небольшие голубоватые шары. Подобной картины Дмитрию видеть не доводилось, и он зачарованно уставился на фантастический калейдоскоп мелькающих огней.

«Пришельцы!» — мелькнуло у него в голове. Однако уже через несколько минут он отказался от этой мысли. Если это и высадились пришельцы, то они ничем не напоминали зеленокожих или серокожих существ, о которых так много писали в журнале «НЛО». Более того, похоже, они были не материальны, а состояли из света.

Стариков наблюдал за игрой световых пятен на площади, но так и не заметил какой-либо системы в перемещениях разноцветных шаров и самих пятен. Время от времени при столкновении шаров в небе вспыхивали разноцветные искры и порой повисали небольшие, но яркие радуги, которые, впрочем, существовали непродолжительное время. От большого светового пятна, повисшего в центре площади, волнами расходилось голубоватое мерцание, которое придавало пятну сходство с уличным фонарем в дождливую погоду.

Присмотревшись, Стариков обнаружил, что от центрального светового пятна через железнодорожные пути идут несколько рубиновых лучиков, каждый из которых был не толще монтажной проволоки, используемой радиолюбителями и связистами. Он снова вернулся на перрон. Одна еле заметная световая нить была явно направлена к телевизшке, другая уходила в сторону озера, вокруг которого располагался парк культуры и отдыха, еще одна уходила в сторону городского кладбища, а четвертая нить вела куда-то в центр города, скорее всего соединяя странное пятно на площади со стадионом, на котором местные футболисты играли на первенство города. Стариков сам там играл на заре туманной юности за местный «Цементник».

Стариков и сам не знал, почему он пошел вдоль этого светового луча. Задним числом, конечно, можно как-то объяснить свои действия, но в тот момент он скорее действовал интуитивно, нежели следовал логике. Откуда было взяться логике в эту фантазмагорическую ночь?

Оказавшись на темных улицах города, он вдруг снова почувствовал, что за ним наблюдают. Стариков понимал, что обманывается. Некому в пустом городе наблюдать за перепуганным человеком. Он хорошо знал — нет на улицах городка ни людей, ни собак. Только звезды равнодушно лили свой свет с небес да на востоке уже довольно высоко повисла громоздкая багровая луна.

Было полнолуние.

10. ЦАРИЦЫНСКАЯ ОБЛАСТЬ, ОКРЕСТНОСТИ РАЙОННОГО ЦЕНТРА МИХАЙЛОВКА, 27 ИЮЛЯ 2006 ГОДА, 0.50

Нечисть всегда обретает особую силу в полнолуние.

Мысль эта пришла в голову Кунжакову, когда он курил сигарету, сидя на пустом дополнительном баке для горючего,

который обычно подвешивали на истребители для увеличения дальности полета. В годы юности Кунжаков немало поплавал на плотках, которые хитроумные авиационные прапорщики изготавливали из двух пустых баков и деревянного помоста. Снобы устанавливали на этих помостах пластиковые кресла и зонты, чтобы удить рыбу со всеми удобствами, народ попроще довольствовался плотами, сидя на которых можно было опустить ноги в теплую воду, а при желании и, не особо утруждаясь, плеснуть на себя водичкой прямо из реки.

Луна сегодня выглядела довольно зловеще. Красные отблески бежали по воде и совсем не казались лунной дорожкой. Наоборот, создавалось впечатление, что в Медведице горит вода.

Старший лейтенант пытался добросовестно осмыслить происходящее, но, кроме пришельцев и нечистой силы, ничего не лезло в голову. Правда, Кунжакова смущали животные, птицы и люди, изгнанные из города. Ну скажите на милость, зачем и кому потребовалось изгонять алкоголиков, наркоманов и психбольных? А животные чем этим неведомым силам помешали? Пусть это будут пришельцы. Зачем им было сортировать людей, сгонять в стаи птиц и в стада животных? Плацдарм себе расчищали? Тогда почему оставили в городе людей? Решили сделать из них рабов? А детей тогда почему оставили? А может, они их того... похавали уже? Потому и купол этот прозрачный поставили, чтобы не мешал никто. Может, заготовка продуктов у них здесь! А какая тогда этим пришельцам разница, кого жрать? На кой черт им тогда психов и алкашей отпускать? И скотину тоже... Тогда уж скорее это не пришельцы, а нечистая сила. А если так, в ее действиях некоторая логика просматривается. Грешников они отпустили, все равно они от нечистой силы никуда не денутся. А праведников загребли. На предмет обработки. Тогда понятным становится, почему они животных и птиц отпустили. Они им просто не нужны.

Нет, все-таки какая ерунда порой в голову лезет. Особенно если ночь и ты находишься рядом с загадочным местом, где произошли невероятные события.

Десантники сидели у воды и курили. Видно было два красных огонька, время от времени вспыхивающих в полутьме. Кунжаков вдруг подумал, что солдаты находятся в более выгодном положении. У них были «Абаканы», в то время как старший лейтенант был вооружен все тем же пистолетом Макарова. И много из этой пукалки можно стрелять? «В кого? — насмешливо возразил внутренний голос. — Если в нечистую силу стрелять собрался, то это у тебя, Андрюша, крыша поехала. А если ты собрался палить в пришельцев, то не обольщайся — пальнут они в тебя из какого-нибудь скорчера или бластера плазменным сгустком, и пепла от тебя не останется!» Старший лейтенант фантастику почитывал и примерно знал, чем могут быть вооружены пришельцы со звезд.

Кунжаков вылез из машины, несколько раз присел, чтобы немного размяться. Рация молчала.

Он спустился к воде.

Десантники закончили курить и о чем-то негромко разговаривали.

— Сколько времени, пацаны? — спросил старший лейтенант. — Не пора ли двигать в расположение?

Времени еще было более чем достаточно. Однако нечистая сила или инопланетяне под своим куполом не дремали. В небе что-то гроыхнуло, с севера на поверхности Сферы появилась огненная клякса, которая желтыми и красными кольцами расползлась по ее поверхности. Видно было, что бушующее пламя пыталось пробиться за невидимое препятствие. Пыталось и не могло. И еще было видно, что пламя плясало снаружи Сферы. Снаружи, а не внутри нее.

— Это еще что за хренотень? — вслух удивился старший лейтенант. — Костя, сбегай к машине, предупреди лагерь. Хоть они скорее всего и сами все видели, но мы обязаны сообщать о любых замеченных происшествиях!

— Не надо, — лениво сказал Костя. — Это наши и балуют. Термофугасным снарядом по Сфере ударили. Я такое уже видел. Не дай Бог, в танк попадет! Броню насквозь прошибает, а от экипажа и пепла не остается. Помню, в Киргизии по мятежникам артиллеристы били, мы потом в танки

Раджапова заглядывали. Все цело, и снаряды даже не взорвались, а от экипажа одна труха, и не поймешь, что там спецовой было, что телом человеческим.

— А Сферу не прошибло, — сказал Кунжаков. — Значит, слаба наша техника против их защиты!

— Чьей? — спросил десантник Алексей.

— Откуда я знаю? — Старший лейтенант пожал плечами. — Тех зараз, что под Сферой сидят!

— А с чего ты взял, что там кто-то сидит? — удивился Алексей.

— Кто-то же должен был ее построить! — сказал Кунжаков. — Не сама же она вылезла над городом, как чирей на заднице?!

— Может, как раз сама она и вылезла. Пузыри Земли, как у Блока, — заметил Костя. Румяное и полное юношеского здоровья лицо его было задумчивым. — Вот мы тут орем: мол, пришельцы, посадка НЛО! А это всего-навсего какое-то природное явление вроде шаровой молнии. Накрыло город, и все!

— А как же тогда Исходы? — хмыкнул Кунжаков. — Кто-то же погнал прочь птиц, выгнал скотину! Говорят, мыши в Медведице тысячами тонули! Мужики к Серафимовичу ездили, там их на берег выбросило! И мышей, и крыс! Весь берег был ими усеян. Ученые двое суток трупки собирали!

Алексей удивился.

— А на фига им мыши? — спросил он.

— Не знаю, — сказал Кунжаков, пожимая плечами. — Только ими целый рефрижератор набили. Каждую в отдельном полиэтиленовом мешочке. И слышь, мужики, говорят, там не только наши умники были, там уже американцы приехали, немцы, французы. Всем интересно, что у нас тут случилось! Тут мы и без балета впереди планеты всей.

— Во, опять! — сказал Костя. — По-новой лупить начали!

На поверхности Сферы расплылось сразу несколько огненных клякс. Медленно, словно огоньки сигнальных ракет, они поползли по поверхности Сферы вниз и погасли уже у самой земли. Некоторое время все молчали, ожидая продол-

жения, но, видимо, уверовав в то, что броня, окружившая город, непроницаема, стрельбу прекратили.

От машины спустился к товарищам встревоженный водитель.

— Николаич, — спросил он. — Что это за чертовщина такая была?

— Спи спокойно, дорогой товарищ, — усталым голосом бывалого и всезнающего человека сказал Кунжаков. — Наши солдатики термофугасами на крепость купол этот долбаный проверяли. «Артиллеристы, Сталин дал приказ...»

Водитель что-то злобно проворчал себе под нос, развернулся и направился к своей машине — досыпать.

— Дай сигарету, — попросил Кунжаков, принял от десантника Кости «Приму», размял ее и закурил, глядя на мерцающую в темноте ночи Сферу. — Мыши, — проворчал он. — Ох не нравится мне все это, так не нравится! Интересно, наши ученые козлы разобрались хоть немного в происходящем? Это тебе не мелочь из карманов тырить. Тут мозги большие нужны, чтобы понять — пришельцы это или эти твои... пузыри Земли!

11. ГОРОД ЦАРИЦЫН, 27 ИЮЛЯ 2006 ГОДА, 0.15

Спать, конечно, хотелось, но никто не расхотелся — ждали генерала Сергеева. В чрезвычайных ситуациях власть всегда захватывают военные, ученым обычно достается роль вспомогательной силы. На них возлагается задача разобраться в сути происходящего, намстить пути выхода из кризиса, а в конце всего происходит обычное — наказание невиновных и награждение неучастных.

Генерал Сергеев запаздывал.

Еще с утра он улетел в область на вертолете и до сих пор не вернулся, хотя, если говорить по совести, в лагере у Михайлов-

ки ему сейчас делать было нечего, разве что глазеть на Сферу и распекать своих подчиненных за недостатки в охране периметра вокруг города. Совершенно идиотским занятием была попытка обстрелять Сферу термофугасами. Да и небезопасное это занятие. Если в районном городке действительно окопались пришельцы, то они могли ответить так, что от войск, что нагнали к Михайловке, ничего не осталось бы. Впрочем, в пришельцев никто из комиссии РАН особо не верил, но все равно риск был совершенно неоправданным. В конце концов, Сфера могла пропустить термофугасы в город, и тогда многочисленные жертвы среди населения были бы неизбежны. Но решение принималось даже не в Министерстве обороны, а на самом верху — с утра уже начал собираться Совет Федерации, и президентское окружение начало подтягиваться в столицу из курортных местечек Европы, где проводило летние отпуска. Спорить с принятым решением было бесполезно, поэтому все с жадным нетерпением ждали завершения очередного эксперимента, затеянного военщиной и политиками по принципу, который образно охарактеризовал один из бывших премьер-министров страны: «Хотели как лучше, а получилось как всегда».

Сообщение, что обстрел Сферы закончился неудачей, все восприняли с видимым облегчением, а наиболее эмоциональные и верующие даже крестились под саркастическими взглядами неверующих коллег.

Генерал Сергеев появился в гостинице «Царицынская», где были размещены ученые, за полночь. Генерал был в пятнистой рубашке, на которой легкими крылышками вились измятые погоны с генеральскими звездочками, в пятнистых же штанах и в массивных, но легких десантных ботинках. Форма его была пошита так, что скрывала излишнюю полноту генерала.

— Ну, господа ученые, соображения есть?

Соображения, может, и имелись, но высказать их вслух никто из ученых не решился. Легко сказать что-то самому себе, куда труднее сказать это в присутствии других. Особенно среди военных, которым все равно, что скажут гражданские лица, им главное, что решили они.

— Вскрытие животных результатов не дало, — доложил биолог Некрасов. — Никаких прижизненных изменений. Американцы отправили самолетом несколько тушек в Штаты для более углубленного исследования, еще несколько мы отправили в Институт морфологии, но, мне кажется, результат ясен уже сейчас.

— С людьми картина аналогичная, — сказал специалист из института имени Сербского.

— Что, вы уже и их вскрывали? — удивился кто-то из военных.

Окружающие сдержанно засмеялись.

— Обошлись без вскрытия, — сказал психиатр. — У нас, знаете ли, свои методы. Конечно, без длительных стационарных наблюдений картина будет неполная, но я скажу так — все психические отклонения не явились вновь приобретенными и существовали у наблюдаемых людей в течение многих лет. Психических больных мы проверили по учетам областного диспансера. Все они состояли на учете до происшествия и наблюдались лечащими врачами как в стационарных, так и в диспансерных условиях. Никто из них ничего о событиях в городе рассказать не может, каждый считает, что у него была естественная причина, чтобы уйти из города, а о том, что все они уходили из города колонной, никто не помнит.

— Каких-либо патологических изменений не обнаружено, — сказал Некрасов с места. — Но это не значит, что изменения не могут проявиться через определенный период времени.

Генерал Сергеев верхом сел на стул, оперся обеими руками на его спинку. Лицо его было одутловатым и усталым, под глазами четко обозначились темные круги.

— Вот так у нас обычно и бывает, — мрачно сказал он. — Никто ничего не понимает, исследования результата не дают, общая картина произошедшего не выстраивается. На что государственные деньги тратятся?

— Вы бы сами, генерал, похвастались успехами, — сказал кто-то из группы ученых. — Думаете, легко определить характеристики поля, до сих пор неизвестного науке?

— Хвастаться нечем, — согласился генерал. — Сегодня в ноль часов пятнадцать минут был произведен обстрел Сферы термофугасными снарядами. Сразу скажу, что пробить Сферу не удалось. Доложу вам также, что Сфера легко выдержала обстрел из стрелкового оружия всех видов, не пропустила металлические учебные болванки двести третьего калибра, даже лазерный луч Сферой был отражен!

— Действительно, — сказал кто-то. — Хвастаться нечем.

— Ничего мы не можем, — огорченно сказал генерал, машинально взъерошив ежик жестких волос. — Людей спасти не можем, пробиться через силовой заслон тоже не можем. Мы даже не можем сказать, кто и с какой целью его поставил. Вечером мы запустили беспилотный наблюдатель. Наблюдатель, совершая облеты города, обнаружил странные объекты на городском кладбище. Какие-то шары белого цвета; они беспрепятственно проникают в землю, проходят без видимых разрушений через надгробные плиты и памятники, но убей Бог, если кому-нибудь понятно, для чего они это делают! И ведь, кроме этой странной деятельности, нигде на окраинах не обнаружено проявлений, свидетельствующих о том, что люди живы. Пятьдесят тысяч человек ничем себя не проявляют! Мы подняли аппарат выше, но через семь минут он был сбит неизвестным способом. Датчики отметили резкое повышение температуры, и после этого наблюдатель перестал подчиняться командам и отвечать на запросы.

Сергеев устало посмотрел на сидящих в зале.

— Нам бы живого свидетеля! — тоскливо сказал он. — Заполучить бы человека, который что-то видел и это запомнил. Кстати, гипнотизер прибыл?

Полковник Ирницкий вскочил со своего места.

— Уже летит, товарищ генерал! — доложил он. — Думаю, что с одиннадцати часов завтрашнего дня он сможет начать работу с людьми. Помещение мы ему уже подготовили, люди находятся в семнадцатой психиатрической больнице Царицына. Понадобится, будем работать с теми, кто у нас во временном лагере содержится.

— Ясно, — сказал Сергеев и встал. — Работайте, товарищи! Каждый должен помнить, что от нас зависит судьба пя-

тисеяти тысяч российских граждан. Да что граждан... Вы только вдумайтесь в происходящее! А если это агрессор, который проявит активность? Что мы можем ему противопоставить? Нашу болтовню? Не буду говорить высоких слов, господа, но вполне возможно, что от нашей деятельности зависит судьба Земли. Мы с вами оказались на острие главного удара. Только надо учесть, что арьергард у нас не особенно силен. Термофугасы! Они танк выжигают, как спички выжигают изнутри коробку! А тут палим в белый свет, как в копеечку!

Он осмотрел присутствующих, совсем по-домашнему почесал переносицу и угрюмо добавил:

— Думайте, мужики! От нас честь России сегодня зависит...

Он помолчал немного, потом вслух подумал:

— Неужели нет ни одного человека, который был там и запомнил, что именно произошло?

12. ЦАРИЦЫНСКАЯ ОБЛАСТЬ, РАЙОННЫЙ ЦЕНТР МИХАЙЛОВКА, 27 ИЮЛЯ 2006 ГОДА, 1.20

Старикову было не по себе.

Темнота окружала его со всех сторон, смутные очертания домов, вдруг выступающих из темноты, пугали своей безжизненностью. Оказавшись в городе, Стариков обнаружил, что изнутри Сферу практически не видно, лишь легкие отблески давали знать, что купол, накрывший город, никуда не исчез. Звезды сплстались в прежние, привычные глазу созвездия, и белесая полоска Млечного пути извилисто протекала по черному небу из одного края горизонта к другому. Выделялись обе Медведицы, вытянул шею Лебедь, а к северу перевернутой «дубль-де» мерцала Кассиопея. Больше Стариков созвездий не знал и даже не мог представить, какая кучка звезд складывается в Центавра. Правда, бросались в глаза

два мутных пятнышка, которые один знакомый Старикову мужик, из тех, что в свободное время по планетариям ходит, назвал звездными скоплениями. Но если бы сейчас Старикова стали расстреливать за незнание звездного неба, он все равно не ответил бы, какое из них является Плеядами, а какое — Гиадами.

Путеводная красная нить шла напрямик, а Старикову приходилось петлять по улицам, поэтому он часто терял нить из виду, и приходилось тратить время на ее поиски. Зажечь факел Дмитрий отчего-то не решился, и теперь ему приходилось пользоваться фонариком, сажая драгоценные батарейки. Поэтому, когда он в своих блужданиях по улицам наткнулся на киоск «Союзпечати», Дмитрий только немного поколебался, но тут он увидел среди бумажной макулатуры цилиндрики батареек, и колебания его уступили место азарту. В конце концов, не сам он шел на кражу, обстоятельства его вынуждали. Да и можно ли было это назвать кражей?

Звон разбитого стекла был оглушительным. Некоторое время Стариков оглядывался по сторонам, опасаясь свидетелей или — что хуже — милиции. Да какие, к черту, могли быть свидетели, какая милиция, когда весь город казался безжизненно мертвым. В детстве у Старикова был раз случай, когда он убежал от тетки на несколько дней. Сидя ночами в подвале, Стариков тогда в своих детских фантазиях представлял, что идет по пустому городу, из которого исчезли люди. И все отныне принадлежит ему, Димке Старикову. Все товары в магазинах его, в любую квартиру он может зайти, и никто его не прогонит. Больше всего в своих тогдашних годовалых мечтаниях он посещал продовольственные магазины и набивал карманы конфетами и печеньем, накладывал красочные кульки разнообразной снедью, которой он не только в подвале, у тетки родимой дома никогда не видел. Тетка работала уборщицей сразу в нескольких местах, и ее денег не хватало, чтобы покупать сироте желаемое. На необходимое хватило бы!

Сейчас, лихорадочно выгребая с прилавка полиэтиленовые упаковки с батарейками и роясь среди коробок, чтобы

найти ту упаковку, в которой хранились другие батарейки, Стариков ощутил, как бедны были его фантазии. Вынужденная кража не доставила ему удовольствия, наоборот, остались угрызения совести перед незнакомой ему продавщицей, которая обнаружит, что в ее киоске кто-то беззастенчиво и даже нагло хозяйничал.

Сунув упаковку батареек в сумку на плече, Стариков сразу почувствовал себя увереннее. Похоже, что батарейки в его фонарике уже садились, круг излучаемого света стал бледным, и с трудом можно было разглядеть дорогу за несколько шагов от себя.

Между тем красная нить вывела Старикова на пустырь и устремилась вперед. Дмитрий в ней больше не нуждался, и так было ясно, что световая нить упирается в стадион «Цементник», до которого было уже рукой подать — только пустырь одолеть. Но вот идти через пустырь Старикову не очень хотелось. На пустыре пульсировал, набухая и опадая, странный ком, свитый из разноцветных нитей. Впрочем, на нити эти штуки были совсем не похожи, куда более похожи они были на тонкие газосветные трубки, наполненные разноцветным газом.

Зрелище было красивым и отталкивающим одновременно. Стариков посмотрел, как этот ком ворочается среди акаций, но подходить ближе у него не было желания. Он вдруг почувствовал себя сталкером из повести каких-то знаменитых фантастов. Помнится, брал он такую книжку в библиотеке. Там мужик в Зону ходил, которая осталась после визита инопланетян. В Зоне он добывал разные вещички. Занятные были штуковины. А потом он пошел добывать Шар желаний, чтобы дочку свою мутировавшую сделать здоровой. Шар-то он нашел, а вот пожелать ничего не сумел. Тоже, наверное, такой же дубина навроде Старикова был — девять классов двенадцатилетки, ПТУ и коридоры, в которых и было получено основное образование.

Старикова вдруг обожгла мысль о его схожести с этим самым сталкером. Тот шел из-за дочки, и он из-за дочки с женой пошел. Больше, конечно, из-за дочки. Но если бы дочка была дома, а Светка поехала к родителям, он бы и из-

за нее сюда полез. Тут и спорить не о чем. Полез бы, обязательно полез!

Но смелость свою и отчаянность Стариков продемонстрировать не стал, решил обойти светящийся ком стороной. Дорогу к стадиону он знал хорошо, он на этом самом стадионе «Цементник» не одну игру сыграл за асбоцемкомбинат. Хороший был стадион, как в больших городах — чашей. Он уже прошел половину дороги, когда сзади послышался странный звук, словно кто-то несколько раз ударил молотком по железному рельсу. Оглядываться было страшно, но Стариков все-таки оглянулся.

Светящийся ком распустил в стороны разноцветные нити и стал немного похожим на неоновую ежу, как его изобразили рекламщики над входом в царицынский магазин «Малютка». Из кома вырывались вверх небольшие белые шарики, словно пузырьки в воде бежали. Шарики эти разлетались в разные стороны, иные поднимались на значительную высоту и там лопались, оставляя после себя фейерверки из звездочек. Не хуже салюта все это выглядело, только вот любоваться этим фантастическим зрелищем Старикову было некогда.

Он вышел к запасному выходу стадиона. Дверь была заперта, но после взлома киоска Дмитрия запертая дверь не остановила. Взяв камень, он высадил им стекло в двери, засунул руку в темный проем и нащупал засов. Стадион был хорошим, а вот двери изнутри запирались дедовским способом, как, наверное, до революции закрывались лабазы у купцов, — на длинный засов.

В вестибюле было пусто и гулко. Стариков прошел по коридору и, не удержавшись, заглянул в раздевалку, хотя там и смотреть было нечего. Пустая была раздевалка. Ряды шкафчиков, белеющие в темноте, придавали помещению странный вид. Словно все происходило не на стадионе, а в какой-то непонятной лаборатории, а шкафчики были саркофагами, из которых в любое время могли вырваться ожившие мумии, как это не раз показывали в американских боевиках.

Дмитрий прошел дальше в конец коридора, где была большая застекленная дверь. Через эту дверь в дни игр футболи-

сты обычно выбегали на поле. Некоторое время он стоял перед дверью, не решаясь ее открыть. Совладав с собой, Стариков потянул дверь на себя. Дверь тягуче закрипела, и сердце Дмитрия сжалось от беспричинного ужаса. Пугаться надо было раньше — на вокзале или на пустыре, где ворочался необычный многоцветный ком. Сейчас пугаться было поздно, дверь медленно распахнулась, и Стариков увидел поле и трибуны.

Все люди были здесь.

Все население районного городка.

Стариков отчего-то присел на корточки, надеясь, что так на него меньше обратят внимание. Но как раз внимания на него никто не обращал.

Люди сидели на трибунах, стояли на поле и на гаревых дорожках, насыпанных специально для того, чтобы стадион не отличался, скажем, от «Лужников», где играла сборная, или от Центрального стадиона Царицына, где играл менее именитый «Статор». Мэр Михайловки всегда стремился к тому, чтобы все у него в городе было как у больших. Да и сам он сейчас скорее всего стоял среди этой огромной толпы, которая поразила Старикова своей безжизненностью и молчанием.

Тишина стояла над стадионом.

Люди стояли и сидели неподвижно, никто и руки не поднимал, не переступал с ноги на ногу. Словно их всех пригласили сыграть роль статуй в спектакле неведомого режиссера.

Все пространство над стадионом было заполнено пересечениями уже знакомых красных нитей, они образовывали сложные переплетения. Из-за обилия этих нитей звезд не было видно, а черное небо было серым и белесым. Присмотревшись, Дмитрий обнаружил, что каждый человек также соединен красной нитью с их скоплением в высоте. От этого веяло чем-то жутким.

Некоторое время Стариков не решался шагнуть вперед. Он находился в каком-то оцепенении, вызванном страхом перед происходящим. А кто бы не испугался? Покажите Старикову такого, и Дмитрий в два счета доказал бы этому

бесстрашному, что он нагло врет! Непонятное всегда пугает. Стариков не испугался бы пьяного хулигана с ножиком, собаки взбесившейся он бы тоже не испугался (было в его жизни и то, и другое), да и в Чечне после замирения тоже проблем хватало, только и там Стариков особого страха не выказывал, вел себя не хуже других. Но сейчас, столкнувшись с самой настоящей фантастикой, что происходила на стадионе, он робел. Честно говоря, трусил. А если и его сейчас превратят вот в такую неподвижную статую, спустится на него сверху очередная красная нить и станет высасывать из Старикова его знания, а то и жизненные силы?

И только воспоминание о дочери и жене, которые сейчас находились где-то здесь, среди этой толпы, став такими же неподвижными статуями, прибавили Старикову решительности.

Он погасил фонарик и вышел из дверей.

Глупо, но ракетницу он уже держал в руке.

13. ЦАРИЦЫНСКАЯ ОБЛАСТЬ, ОКРЕСТНОСТИ РАЙОННОГО ЦЕНТРА МИХАЙЛОВКА, 27 ИЮЛЯ 2006 ГОДА, 4.00

Утренние сны всегда бывают самыми сладкими.

А если человека лишить этого сна да еще поставить на дежурство, то к утру он становится раздражительным. Клонирует в сон и слегка кружится голова, к этому прибавляется чувство голода и сонливости. Хочется добраться до постели и вытянуться во весь рост, а если уж с постелью не получается, то Кунжаков был согласен и на копну сена. Но спать в условиях, когда тебя постоянно проверяют свежие и выпавшиеся проверяющие из различных секретных учреждений, о которых старший лейтенант в силу удаленности Кумылги от цивилизации даже не подозревал. дело опасное. Уволят и

даже объяснительных брать не будут. А службы у старшего лейтенанта было десять лет — срок, когда до пенсии еще далеко, но отработанного времени уже жалко. Жизнь у человека только одна, второй уже не проживешь. Не то чтобы Кунжаков с рождения готовился к пенсии, нет, не в этом дело было, но человеку именно для того мозги и даны, чтобы он думал о своем будущем.

Звезды горели над землей.

Где-то далеко слышался рев моторов. В стороне, где находился лагерь, вспыхивали, обшаривая небо, лучи прожекторов. Иногда лучи упирались в Сферу, тогда по голубоватой поверхности ее бежали радужные блики, словно лучи пробивались за невидимое препятствие, а оно резиново прогибалось, но не пропускало луч в прикрытое Сферой пространство.

Кунжаков с сомнением относился к попыткам военных пробиться за Сферу. Мозгов у ученых было мало, чтобы добиться успеха. Те силы, которые поставили Сферу над городом, были несравненно более развитыми, все собравшиеся у Михайловки физики с ними никакого сравнения не выдерживали, только и могли вещать про непонятные флуктуации и многомерные пространственные изменения. Кунжаков вообще полагал, что ученые эти и сами не понимают, что они несут. Скорее всего они просто пудрили мозги военным и политикам, которые постоянно отмечались в лагере. То жириновцы прикатят и начнут руками размахивать, то Зюганов с Купцовым требуют от военных, что конкретно сделано, чтобы спасти пятидесятитысячное население города. Про тех, кто у власти был, вообще говорить не приходилось — в лагере их постоянно было как грязи. То сам премьер с командой прикатит, то его заместители с правой или левой стороны.

Нет, Кунжакову все понятно было, мужики отработывали свое немалое жалованье и заодно демонстрировали участие в судьбе горожан. На горожан этих им было наплевать, как плевали они в свое время на гибнувших в Чечне пацанов или подводников с атомохода «Курск», затонувшего в двухтысячном году в Баренцевом море. Но вряд ли кто-нибудь из

них мог сказать то, что думал, открыто. Сразу погонят к чертовой матери, и потеряешь тогда тепленькое насиженное местечко. Вот это политиков пугало более всего.

Быть может, Кунжаков сам бы повел себя таким же образом, доведись ему оказаться на месте этих политиков. Своя рубашка ближе к телу! Хотя, конечно, и жителей жалко. Кто знает, что с ними там происходит, под этим дурацким колпаком!

Сидя рядом с машиной, старший лейтенант неприязненно поглядывал на голубоватую громаду Сферы, накрывшей Михайловку. Десантники сладко посапывали на заднем сиденье. Все правильно — солдат спит, служба идет. А это уже не салаги, по второму году пошли. Им уже опять помаленьку к маменькиным пирогам привыкать надо. Хотя бы во сне.

С востока, где находился невидимый из-за расстояния Царицын, ревя двигателями, прошел транспортный вертолет. Нет, вертолетом его старший лейтенант назвал скорее по привычке, машина эта вообще выглядела диковинно. Над ней был винт, как у обыкновенного вертолета, а на коротких крыльях располагались два турбореактивных двигателя. Сейчас работали двигатели, а винт вращался под сопротивлением воздуха. Все это Кунжаков, конечно же, не рассмотрел во тьме степной ночи, но как раз над ними машина попала в скрещение двух прожекторных лучей, которые и повели ее до лагеря.

Кунжаков понял, что это доставили того самого гипнотизера, о котором вполголоса говорили в лагере. Спать ему, разумеется, не дадут, сразу же и заставят гипнотизировать алкашей и психов, чтобы выудить из их сознания хоть какую-нибудь картинку. Если говорить честно, старший лейтенант не понимал, почему при наличии гипнотизеров их так редко используют в сыском деле. Ну ладно, нельзя с их помощью допрашивать подозреваемых — на всякий случай, чтобы они напрасную вину на себя не взяли. Но ведь свидетелей, наверное, можно было бы допросить при помощи гипноза. Свидетели часто деталей не помнят, а гипноз, говорят, воспоминания обостряет; даже самые мелкие детали, гово-

рят, вспомнить можно. Или осмотр места происшествия под гипнозом проводить, чтобы ничего нужного не пропустить. Да и самих подозреваемых надо тоже допрашивать под гипнозом. Нечего с ними церемониться! Если бы Чикатило, когда его первый раз поймали, допросили бы под гипнозом, может, он и не убил бы еще несколько десятков человек.

Старший лейтенант поднялся с травы и заглянул в машину. Сладко спали пацаны, даже постели им не требовалось. Растегнули ворота своих пятнистых комбинезонов, положили автоматы на колени и предались, так сказать, сладкой дреме. Водитель был из ментов, а потому не спал. Привычный был водила к ночной жизни. Оттого он и знал хорошо, что это такое — проверяющие, когда ты важный объект охраняешь. Судя по сержантским лычкам, лет пять он уже во вневедомственной охране отработал. Если, конечно, не из армии сержантом пришел. Было ему около тридцати, был он кряжист, черняв и слегка кривоног — казачьих кровей, значит.

— Бдишь, Коля? — спросил старший лейтенант.

— Так это... пускай мальчонки немного поспят. — Водитель закурил, и зажигалка на мгновение высветила его черные усы. — Нам-то один хрен, мы за зарплату не спим, а они... Это же слезы, а не деньги. На три банки сгущенки и хватает. Сам служил, знаю!

— Дай сигарету, — попросил Кунжаков.

Некоторое время они молчали и курили.

— Конечно, ты, Андрей Николаевич, у нас вроде за старшего, — хриловато сказал водитель. — Но я тебе так скажу. Помнишь, я тебе вечером говорил, что в шиповнике кто-то сидит?

— Лиса это, наверное, была, — пыхнул дымком старший лейтенант. — Ты, Коля, городской, не знаешь, сколько у нас лис. Их тут до черта. А может, кабан это был, корешки какие-нибудь жрал.

— Может, я и городской, — не согласился водитель. — Только мне показалось, мужик там лазил. Прикашливал вроде, наверное, простужен немного был.

Кунжаков снова нервно затынулся.

— Где, говоришь? — спросил он. — Вон в том шиповнике? Доставай фонарик, посмотрим немного.

— Станный ты мужик, Николаич, — сказал водитель. — Засветло смотреть не захотел, а ночью тебе приспичило. Ну есть у меня фонарик, так там же сейчас черт ногу сломит, а ты хочешь, чтобы мы кого-то нашли. Да и будет он нас там ждать! Если он там вечером сидел, то какого хрена ему в кустах за полночь делать?

Однако послушно полез за спинку сиденья и достал оттуда длинный пятибатареечный фонарик. Запасливым был водитель Николай, даром, что ли, во вневедомственной милиции работал!

— Мальчишек будем будить? — спросил сержант.

Поначалу Кунжаков будить десантников не хотел. Великое дело — кусты осмотреть. Пусть пацаны спят и сны о родимом доме видят! Но тут же изменил свое решение.

— Буди! — приказал он. — Не дай Бог, проверяющих принесет. Тогда всем достанется!

— А мы и не спим! — обидчиво подал голос с заднего сиденья Константин. — Так, дремали самую малость. Вылезать?

— Сидите! — сказал Кунжаков, досадуя, что разбудили они солдатиков. Не вовремя Николай вылез со своими предположениями, что в кустах вечером кто-то сидел. — Сами посмотрим.

Водитель выбрался из-за руля, включил фонарик, и яркий сноп света выхватил из тьмы зеленое пятно высокой травы.

Шиповник разросся и стоял сплошной стеной. Поэтому узкую, еле заметную тропинку, ведущую в самые заросли, они не сразу заметили. Да и трудно ее было заметить — трава была лишь немного примята да листва оборвана у небольшого провала в колючем кустарнике.

— Ну какой дурак в эти колючки полезет? — с явным облегчением спросил Кунжаков. — Тут только лиса или собака бродячая проскочить может. Коль, ты уже совсем себя на подозрения извел. Хочешь, лезь туда, проверь, я лично на карачках лазить не собираюсь...

Он хотел добавить еще что-нибудь ядовитое, но в это время водитель на ощупь поймал его руку и сжал ее.

Кунжаков услышал негромкий голос.

Что-то невнятно говорил мужчина. Голос у него был сдавленным, словно он нес тяжесть. Что именно неизвестный говорил, Кунжаков не понял. Машинально он расстегнул кобуру и достал из нее теплый и тяжелый пистолет. Снять его с предохранителя и загнать патрон в ствол старший лейтенант не успел. Кусты раздвинулись. При свете фонаря стал виден мужской зад, туго обтянутый брюками тренировочного костюма. Мужчина выбрался из колючих кустов и сел, что-то прижимая к груди. Следом из кустов вылезла женщина. Даже не видя ее лица и фигуры, старший лейтенант мог бы сказать, что это женщина. От согнутой фигуры нежно пахло хорошим мылом и духами.

Водитель направил фонарик на мужчину. Луч света осветил молодого крепкого парня лет двадцати пяти в темной легкой куртке. Удлиненное и небритое лицо парня было в засохшей крови, глаза недобро блеснули. Освободив одну руку, он сунул ее за пояс.

— Стоять! — приказал Кунжаков. — Милиция!

— Да по мне хоть президент! — недобро сказал парень, прикрывая от света жмурящуюся девочку. На вид ей было не больше двух лет, а вот, поди ж ты, вела она себя уже взрослому — не ныла, не кричала, только прикрывала ладошкой глаза от света. — Убери свет!

Женщина, выбравшись из зарослей, села рядом с мужчиной, отворачиваясь от луча фонарика. Она тяжело дышала. На мгновение Кунжаков увидел ее белое и странно неподвижное лицо. Сердобольный водитель отвел луч фонарика в сторону.

— Вы откуда? — несколько растерянно спросил Кунжаков. — Вы из города?

Странная троица молчала.

Нет, старший лейтенант и сам понимал, что вопрос его был риторическим. Откуда же этим беглецам было взяться? Каким-то образом они выбрались из города, перебрались через речку и до темноты отсиживались в кустах. Из города! Кунжаков даже обрадовался. Не зря говорят, что нормальному человеку всегда везет. Начальство будет довольно, а это

значило, что старшему лейтенанту светило что-нибудь — либо повышение в звании, что само по себе было более чем хорошо, либо повышение в должности. На худой конец, и премию от министерства получить было бы неплохо.

— Ну что? — спросил он. — Отдышались? Пошли к машине разбираться!

— Старшой! — послышалось от машины. — Что у вас там?

— Языка взяли! — весело отозвался Кунжаков. — Думали, как в город пробраться, а язык наш сам к нам из города пришел! — и повернулся к сидящим на траве. — Ну, пошли?

При свете фар он рассмотрел задержанных ими людей. Парень был весь в грязи, один рукав его куртки был влажным и темным, Кунжаков даже не сразу сообразил, что рукав пропитался кровью. На плече у парня висела сумка. Здоровой рукой задержанный прижимал к себе испуганную, но все еще сдерживающую слезы прелестную девчурку с шелковистыми светлыми волосами, завивающимися в кудряшки. При каждом движении людей вокруг машины плясали темные тени, поэтому все увиденное было словно бы мгновенными фотографиями, врезающимися в память. Женщина поначалу особого внимания старшего лейтенанта не привлекла, но, увидев ее, Кунжаков еще раз сильно удивился ее неподвижному белому лицу. Оно было как у мима Марселя Марсо, передачу о котором Андрей Николаевич видел недавно по телевизору. Была такая передача по каналу «Культура».

Похоже, досталось ребятам в городе. Крепко досталось.

Кунжаков с любопытством вглядывался в еле различимые при свете тусклых фар лица. Вопросов было много, он просто не знал, с чего начать. Хотелось узнать все и сразу. Десантники топтались рядом. Чувствовалось, что их разбирало не меньшее любопытство.

— Слушайте, мужики, — сказал парень из города. — Кто тут у вас старший?

— Ну я здесь старший, — сказал Кунжаков.

— Отпустил бы ты нас, — с тоской сказал задержанный.

— Здрасьте! — удивился Кунжаков. — Да тебя там столько начальства ждет! Третьи сутки пошли, а никто так толком и не знает, что там в Михайловке происходит!

— А я откуда знаю, что там происходит, — уставившись в землю, сказал задержанный. — Думаешь, что по моим рассказам что-то можно будет понять? Все на стадионе... На стадионе все! Я своих еле вытащил. Специально из-за них туда лазил. Повезло! Слышь, старшой, отпусти! Нам домой надо! Ты только прикинь, что дальше будет! Нас ведь сразу в какой-нибудь карантин запрут. А с нами ведь дочка маленькая. И так уже намучилась. Отпусти, старшой!

Кунжаков почувствовал неловкость. Если бы от него все зависело. Не мог он отпустить беглецов из города. С него самого потом за этот великодушный жест шкуру бы содрали. Но он молчал, почему-то ему ужасно не хотелось разочаровывать человека, который ради семьи совершил мужественный и отчаянный рейд в огороженный от всего мира город.

Тот понял его молчание. Криво усмехнувшись, парень сказал:

— Ты только пойми все правильно, дубина строевая. Отведешь ты нас к своему начальству. Орден тебе за это дело все равно не дадут, а уж неприятностей будет по самую маковку. Они же, гады, нас сразу изолируют. Вдруг мы оттуда какую-нибудь заразу принесли. И вы с нами общались. Значит, и вас сразу же изолируют. Тебе это надо, старшой?

В словах задержанного был определенный резон. Всех психов и алкашей, что вышли из города, действительно изолировали. И пятерых военнослужащих, которые имели прямые контакты с задержанными, а проще говоря, ловили их на дороге, тоже изолировали в отдельной палате под присмотром врачей. Тут и сомневаться не приходилось: засунут их всех четверых в санпропускник, зальют карболкой до самых бровей, а потом будут надзирать, не проявится ли в них какое безумие или не проснутся ли в их ослабленных дежурствами организмах неизвестные заболевания. Перспектива была не из радостных.

Задержанный почувствовал колебания Кунжакова и снова без особой надежды попросил:

— Отпустили бы вы нас, мужики! Вам же от этого лучше будет!

Кунжаков скосил глаза на водителя. Тот еле заметно кивнул. Десантники постояли рядом в нерешительности, потом Алексей неуверенно сказал:

— Может, пусть идут? Пусть только расскажет, что он там видел. А то ведь и в самом деле их загребут. Одними анализами замучают. Да и нам несладко придется. Карантин, Андрей Николаевич, дело такое. Целыми днями придется очко под шприц подставлять. А если еще пункцию делать будут...

Знакомиться с процедурой взятия пункции Кунжакову не улыбалось. Но и попадать в лютую немилость начальства у него тоже особой нужды не было.

— А если проговорится кто? — спросил он.

Нет, что и говорить, порой жестокость, как и гуманизм, зависит от человеческих слабостей. От трусости, например. Уколов Кунжаков боялся с детства, а потому больницы он терпеть не мог.

— Отпускай, — сквозь зубы сказал водитель. — Не будь дураком, Николаич! Пацан с бабой и дочуркой и так настрадались. А ты хочешь, чтобы и у нас неприятности появились. Не ищи приключений, старшой, мужик дело говорит. Привезем мы их в лагерь, тут и нам отвалится по полной программе. И никому ты не докажешь, что здоровые они. На всякий случай будут лечить. И их, и нас!

— Документы хоть есть? — потоптавшись среди пляшущего при свете фар комарья, совсем уже глупо спросил старший лейтенант. Не надо было этого спрашивать. Кто же в такие походы документы берет?

Водитель хмыкнул и покачал головой.

— Нет, я это к тому, что на всякий случай адрес надо записать. Вдруг и в самом деле какая зараза вылезет, — пробормотал Кунжаков. — Вон несколько лет назад в станице Обливской Ростовской области странные заболевания были. И в Котельниках шесть лет назад тоже эпидемия какой-то африканской болезни была...

— Да я не прячусь, — сказал задержанный. — Записывай, старшой. Стариков Дмитрий Николаевич, восемьдесят вто-

рого года рождения, проживаю в Царицыне по улице Хорошева. Дом двадцать один, квартира тридцать три.

Кунжаков добросовестно переписал продиктованные данные в блокнот.

— Если соврал... — многозначительно предупредил он. — А теперь рассказывай, что ты там видел, пока смена или проверяющие не прикатили.

14. ЦАРИЦЫНСКАЯ ОБЛАСТЬ, РАЙОННЫЙ ЦЕНТР МИХАЙЛОВКА И ЕГО ОКРЕСТНОСТИ, 27 ИЮЛЯ 2006 ГОДА, 2.00—4.00

В любом случае ракетница его бы не спасла.

Что говорить, чтобы попасть из ракетницы в кого-то, надо было стрелять почти в упор. Стариков пожалел, что не поискал в доме тестя двустволку, с которой тот выезжал стрелять уток да зайцев. Вместе с тем ощущение оружия в руке всегда придает человеку большую уверенность. Даже с железным прутком всегда себя чувствуешь увереннее, чем с пустыми руками.

Стадион встретил его зловещей пустотой.

Все происходящее напоминало какой-то фильм «ужасов», и в этом фильме Дмитрию Старикову досталось играть главную роль.

Он шел среди неподвижных, похожих на одетые статуи людей. Фонарика он не включал, и все вокруг было погружено в красноватый полумрак, впрочем, достаточный, чтобы рассмотреть и даже угадать неподвижных людей. У Старикова было ощущение, что он находится в комнате фотографа. Только вот людей в этой комнате было многовато.

Он увидел свою бывшую учительницу, потом соседа тестя — сварливого и желчного Иванкина. В другое время Анна Викентьевна с этим самым Иванкиным и здороваться не стала

бы, а сейчас они стояли рядышком. Лица у них были красными и оттого казались недовольными.

Народ на стадионе собрался самый разнообразный — от пенсионеров до младенцев. Только вот что они здесь делали, Стариков понять никак не мог. Он бродил среди неподвижных людей, вглядывался в красных сполохах в их лица, но никак не мог обнаружить жены и ребенка.

Отчаяние уже охватывало его, когда он наткнулся на группу неподвижно застывших детей. Он сразу и не понял, почему здесь собрались только дети, потом, уже пройдя мимо них, сообразил — детский дом! Был такой на Втором участке. Но если дети из детского дома так и собраны были в одну группу, то где-то рядом с ними надо было искать жителей участка. Скорее всего собранные здесь люди так и стояли, как их собирали сюда со всего города.

Он не ошибся.

Через полчаса поисков он увидел Светлану. Рядом с ней стояла Маришка. Зрелище было такое же трогательное, как и страшное. Позабыв обо всем на свете, Дмитрий бросился к жене и дочери. Возможно, где-то неподалеку были тесть с тещей, но он их уже не увидел. Не до того ему было, времени не было оглядываться по сторонам.

Рука жены была чуть теплой. Она даже не отреагировала на прикосновение мужа. Стояла, опустив глаза на дочь, и на лице у нее было равнодушное спокойствие, за всю жизнь Стариков не видел у нее такого выражения лица.

Кажется, он что-то говорил.

Ракетница ему мешала, и Дмитрий сунул ее за пояс. Из голов жены и дочери тянулись в переплетения над головой два тоненьких красных лучика. Хотелось их оборвать, но Дмитрий не решился это сделать: непонятно было, а вдруг это жене и дочери повредит?

Маришка была какой-то вялой. Она не сопротивлялась, когда папа взял ее на руки. Прижав дочку к себе, Стариков потянул жену за покорную прохладную руку.

— Уходим, Светка! Слышишь меня? Надо уходить отсюда!

Безвольным роботом она сделала несколько шагов вслед за мужем. По мере удаления от того места, где они с дочерью

стояли, красные нити из их голов удлинялись. Правда, прямо на глазах они становились тоньше, а уже у темного входа в пустое и гулкое административное здание вдруг лопнули с тихим свистящим звуком — словно кто-то неподалеку в пустую гильзу дунул.

Выбравшись наружу, Стариков увидел, что площадь перед стадионом и пустырь рядом с ней призрачно высвечены голубоватым светом, и воздух над ними бурлит от бесчисленного множества маленьких белых пузырьков. Со стороны все выглядело так, словно в огромной кастрюле закипала вода. Зрелище захватывало. Некоторое время Стариков смотрел на бегущие в небо пузырьки. Он крепко прижимал дочь к себе и чувствовал, как она странно дрожит всем телом, словно хочет выгнуться, но у нее не получается. Жена стояла рядом молчаливым истуканом. Или правильнее было бы сказать — истуканшей?

Придя в себя и осмотревшись, Стариков сообразил, что надо идти в обход. Идти напрямик через эти самые беснующиеся белые шарики он так и не решился.

— А потом? — азартно спросил Кунжаков.

— А потом все и началось... — Дмитрий Стариков достал из кармана куртки пачку сигарет, достал одну, но вместо того чтобы нормально закурить, принялся ломать сигарету и нюхать табак.

— Да ты кури, не стесняйся! — подбодрил его водитель. — Хочешь, я тебе свои дам — «Честерфилд»?

— Я не курю, — сказал задержанный. — Бросил.

— Что дальше-то было? — спросил старший лейтенант. — Руку тебе кто прострелил?

— Никто не простреливал, — сказал Стариков. — Это я на штырь напоролся, когда мы упали. Как я Маришку от этого штыря уберег, сам ума не приложу... Мы уже довольно далеко отошли, когда у стадиона появились белые пятна. Больше всего они мне почему-то напомнили собак. Не знаю почему. Может, просто поведение мне их что-то напомнило? Пометались они у стадиона, потом вытянулись в цепочку и двинулись в нашу сторону. Медленно так двинулись, как собаки по следу. Я Светку за руку и — ходу! Дальше ничего

не помню. Помню, ехали на велосипеде. Но откуда он взялся, убей Бог, вспомнить не могу! Потом вход. Там они нас и настигли. Чувствую, тянет меня назад. словно бы вернуться надо. Маришка у меня на руках забилась. Светка что-то злое мычит, вырывается... Ну я и жажнул по пятнам этим из ракетницы. Во всех патронах у меня жаканы были, а в этом дробь оказалась. Может, и к лучшему. Сыпануло по ним дробью. Повредить-то особо не повредило, не заметил я, чтобы дробь им какой-то видимый урон причинила. Только вроде заколебались они. Желание возвращаться у меня исчезло, Светка опять в неподвижную задумчивость впала, Маришка на руках затихла, и ломать ее перестало. Толкнул я ее в проход, сам полез пятками назад, а ракетницей им грожу...

— Постой, постой, — сказал Кунжаков. — Это какой ракетницей?

— погоди ты! — дернул его водитель. — Дай человеку до конца рассказать.

— А нечего больше рассказывать, — сказал устало задержанный. — Ракетницу я где-то обронил, патроны, что остались, в сумке лежат. — Говоря это, он одергивал на девочке платье. — Под землю эти пятна за нами не сунулись. А когда выбрались, мы сразу на вас и напоролись. Отпустите нас, мужики! Нам еще до Царицына добираться...

— А жена так и не разговаривает? — спросил десантник Костя. Автомат он уже опустил стволом вниз и расслабился. Чего себя пружиной держать, если опасности нет?

— Не оклемалась еще. — Стариков повернулся к жене, на измученном лице его появилось выражение нежности.

Может, это вот выражение и решило все.

В любом ином случае Кунжаков бы, конечно, не колебался. Но тут он сомневался, чтобы от рассказа Старикова что-нибудь особо прояснилось. Только сказал:

— Твоим медицинская помощь нужна. Да и сам ты... Рука-то болит?

— В Царицыне лечиться будем, — сказал задержанный. Не выпуская из рук дочери, он встал, сбросил с плеча ремень сумки. Подумав, сбросил и куртку. — Так мы пойдем?

И опять Кунжаков замялся.

— Пусть идут, — сказал сержант Николай. — Они уже всего дерьма полной ложкой хлебнули. Да и прав паренек, привезем мы их в лагерь, у нас самих неприятности начнутся. Хорошо как на месяц в карантин запрут, а если до окончания века?

— Давай, Коля, узнаем, что армия думает, — осторожно сказал Кунжаков. — Мы с тобой одно думаем, они другое.

— Пусть идут, — сказал десантник Леша. — Главное, чтобы баба и ребенок здоровы были. Слышь, Диман, только в городе сразу в больницу, понял?

— Спасибо, мужики, — сказал Стариков. Он поудобнее перехватил дочку, взял жену за руку, и они вышли за круг, высвеченный фарами автомобиля. Через некоторое время неподалеку вспыхнул фонарик, на мгновение высветил дорогу путникам и погас.

— Осторожный парень, — одобрительно сказал водитель. — Этот дойдет!

— У нас в ВДВ все такие, — без тени бахвальства сказал Костя.

— А с чего это ты взял, что он в ВДВ служил? — повернулся к нему Кунжаков.

— А по наколке, — сказал десантник. — Когда он куртку сбросил, я сразу ее увидел.

Кунжаков оглядел присутствующих.

— Так, мужики, — начальнически сказал он. — Обо всем молчок. Иначе нас туда загонят, куда Макар телят не гонял.

— Не гони, — с заметной усмешкой в голосе сказал Костя. — А то ты прямо как Наполеон.

Они постояли около машины, покурили и только тут обнаружили, что в воздухе полно комарья. И комарье это было прямо-таки безжалостным.

— Пошли в машину, — сказал сержант Николай. — Сейчас проедемся немного, их давлением выметет.

«Уазик» немилосердно затрясло на ухабах. Тусклый свет фар выхватывал из постепенно теряющей ночную густоту тьмы деревья и дорогу.

— Нет, мы правильно сделали, что ребят отпустили, — неожиданно сказал Алексей. — Только нутром чую, боком нам эта благотворительность вылезет!

15. ЦАРИЦЫНСКАЯ ОБЛАСТЬ, ОКРЕСТНОСТИ РАЙОННОГО ЦЕНТРА МИХАЙЛОВКА, 27 ИЮЛЯ 2006 ГОДА, 5.00—7.00

Генерал Сергеев зевал. По темным кругам, четко обозначившимся под глазами, видно было, что он систематически недосыпает. Впрочем, в этом он был не одинок. Вряд ли кто-нибудь в лагере спал более четырех часов в сутки.

Однако на сеансе, который проводил прилетевший ночным бортом гипнотизер, генерал решил присутствовать.

Грузно усевшись на опасно затрещавший раскладной стул, генерал Сергеев оглядел гипнотизера.

Гипнотизер был уже в возрасте. Невысокий и седой, он сразу понравился генералу, когда их познакомили. Не было в этом человеке угодливой суетливости и заискивания, присущего многим военным, да и просто людям, с которыми сталкивался генерал. От многих своих одногодок гипнотизер выгодно отличался спортивным сложением и подтянутостью. У него было характерное лицо, что так нравится художникам и скульпторам, высокий лоб и волчьи, тесно прижатые к голове уши.

— Юрий Горновой, — представился он и слегка наклонил голову, демонстрируя генералу правильный пробор седых волос.

— С удовольствием наблюдаю за работой профессионала, — сказал Сергеев. — Верите, дожил до седых волос, а гипнотизера ни разу в жизни не встречал. Мне кажется, у вас должна быть занятная жизнь.

— Ах, генерал, — с легкой усмешкой сказал Горновой. — Это лишь кажется неспециалисту. Профессионалы видят в моей работе лишь скуку.

— Можно надеяться на результат? — Генерал Сергеев уселся на своем хлипком стуле поудобнее. — Мне всегда было интересно, откуда у человека появляется такой необычный дар.

Гипнотизер сел с закрытыми глазами, немного посидел без движения.

— Господи, — пробормотал он. — Знать бы, откуда эти способности берутся... А насчет результата, генерал, — в науке и отрицательный результат имеет свое значение. В больнице ничего интересного мы так и не добились... Ладно, я потом постараюсь удовлетворить ваше любопытство. Можно заводить пациента.

— Заводите, — приказал Сергеев полковнику Ирницкому и повернулся к гипнотизеру: — Вам без разницы, мужчина это будет или женщина?

— Все равно, — равнодушно сказал Горновой. — На мои гипнотические возможности это не влияет.

В палатку ввели невысокого мужчину средних лет. Лицо у него было какое-то бугристое, неприятное. На пальцах синели вытатуированные перстеньки — тот еще был волк, не раз уже в тюрьме побывал.

Мужик сел на предложенный ему стул, исподлобья глядя на гипнотизера. Видно было, что в жизни человек другим людям не особо доверял.

Некоторое время гипнотизер беседовал со своим пациентом о различных житейских делах. Звали пациента Иваном Николаевичем Коршуновым, в Михайловке он работал транспортерщиком на местном элеваторе. Горновой продолжал задавать Коршунову разные незначительные вопросы, цепко и профессионально разглядывая его.

«Принораавливается», — сообразил Сергеев. Его офицеры с любопытством наблюдали за действиями гипнотизера. И то сказать, явление было редкостным. За всю свою жизнь мало кто сталкивается с настоящим гипнотизером. Не с шарлатанами, которые по телевизору выступают, а со специали-

стом, которому тебя усыпить и потом из тебя всю твою подноготную вытянуть — что в воду плюнуть.

— Спать, — неожиданно властным тоном сказал гипнотизер и взмахнул рукой.

Сидящий на стуле человек неожиданно обмяк всем телом и прикрыл глаза. Некоторые офицеры, стоящие у входа, начали оседать прямо на землю.

— Выведите этих слабонервных! — приказал генерал Сергеев. — Пока они доверенные им государственные тайны гражданскому лицу не разболтали!

Горновой склонился над усыпленным человеком, цепко впился в его лицо внимательными карими глазами. Роскошные седые усы его заметно шевелились.

— Вы меня слышите? — требовательно спросил он.

— Да, — покорно сказал испытуемый.

— Помните, каким был день двадцать пятого июля две тысячи шестого года?

— Да, — снова лаконично отозвался пациент.

— В этот день с вами произошло что-нибудь необычное? Вспомните, Иван Николаевич, это очень важно! Вы помните, что с вами происходило в этот день? Вечер... Вы находитесь на улице. Что происходит в это время на улице?

Вместо ответа Иван Николаевич Коршунов пожевал губами, негромко застонал, сполз со стула на землю и всхрипнул.

— Что это с ним? — поинтересовался генерал, удивленно вскидывая бровь.

— Он делает то, что делал в тот вечер, — не поворачиваясь, бросил Горновой. — Пьян был как свинья, где-то под забором дрых.

Он снова склонился над испытуемым.

— Вам хорошо, — сказал он. — Вам очень хорошо. Но кто-то будит вас. Кто вас будит, Иван Николаевич? Вы открываете глаза... Что вы видите?

— Нинка, сучка, — сказал Коршунов, не открывая глаз. — Отвали! Сам приду... Ты поняла, что я сказал? Баба должна мужика дома ждать. Брысь, стерва!

— Жену гонит! — понял полковник Ирницкий. — Правильно делает. Нечего к пьяному мужу лезть, он еще и холку помять может. Запросто!

— Помолчите! — хмуро сказал гипнотизер. — Дальше... Что-то вас подняло, Иван Николаевич, что-то погнало из города. Что это было?

— Хрен тебе! — пьяным голосом сказал Коршунов. — Здеся я родился, здеся меня и похоронют!

— Заклинило мужика, — сказал кто-то из офицеров. — Толку мы с него не добьемся. У нас прапорщик Петренко такой. Напьется, заляжет в каптерке и в спячку впадает. По трое суток иной раз дрыхнет...

— Разговоры! — привел в чувство офицеров генерал Сергеев. Повернувшись к гипнотизеру, он негромко сказал: — Может, следующего, господин... э-э-э... Горновой? Похоже, что от этого объекта мы ничего не добьемся.

— Товарищ... генерал! — От ошибки в обращении полное лицо полковника Ирницкого побагровело. — Разрешите?

— Чего у тебя, умник? — нахмурился Сергеев.

— Надо не про двадцать пятое его спрашивать, а про двадцать шестое, — сказал контрразведчик. — Люди из города начали выходить двадцать шестого вечером. Что он, за сутки не проспался?

Оказалось, что господин Коршунов не проспался и за сутки. Может, он где-то добавил, но искать этот промежуточный момент, когда Иван Николаевич Коршунов был относительно трезвым, гипнотизер не стал. Взмахом руки он разбудил загипнотизированного человека. Коршунов с видимой неохотой открыл глаза.

— Давайте следующего, — сказал он.

— Черт! — досадливо сказал генерал Сергеев и принялся массировать себе шею. — Неужели мы так ничего и не узнаем? Что там произошло? Что с людьми?

Иван Николаевич Коршунов, которого уже выводили из палатки, остановился.

— Как это что произошло? — удивленно сказал он. — Коалиционный отряд наблюдателей опустил.

— Стоп! — По взмаху руки генерала Коршунова притормозили и даже подтолкнули к стулу, который генерал занимал. — Какие наблюдатели? Это еще что за ерунда?

— Сам ты ерунда, — дерзко сказал Коршунов. — Я тебе что толкую? Коалиционный отряд наблюдателей, значит.

Генерал Сергеев достал носовой платок и вытер покрытое испариной лицо.

— Вы говорите об инопланетянах? — спросил он.

Иван Николаевич показал коричневые от курева мелкие зубы.

— Сам ты инопланетянин, говорят тебе — Коалиционный отряд.

Разговор явно заходил в тупик. Вновь выручила контрразведка.

— С какой целью этот Коалиционный отряд прибыл на Землю? — Вопрос Ирницкого заставил Коршунова развернуться.

— А нам докладывают? Значит, надо им было. Кто будет мелким козявкам докладывать?

— Возьмите его в свою палатку, полковник, — приказал Сергеев. — И попытайтесь разобраться во всех хитросплетениях. Результат доложите!

— Слушаюсь, господин генерал! — вытянулся полковник. Повернувшись к допрашиваемому, он сразу расслабился и просто добавил: — Пошли, Иван Николаевич? Чайку попьем...

— Чай не водка, — ухмыльнулся Коршунов. — Его много не выпьешь.

— Пошли, пошли, — сказал начальник контрразведки. — Как себя вести будешь. Может, и не чайком побалуемся.

Гипнотизер сел на стул, поправил пробор на голове, достал носовой платок и принялся им обмахиваться.

— Духота! — сказал он. — К грозе, похоже.

Следующим кандидатом на беседу под гипнозом ввели того самого развязного наркомана, который накануне насмешил весь лагерь. Наркоман безразличным глазом скользнул по офицерам, генералу и остановился на гипнотизере.

— Мутить будешь, батя? — добродушно спросил он. — Лучше ширни чем-нибудь, качает меня.

Его усадили на стул. Широко расставив длинные худые ноги в затертых джинсах, наркоман с любопытством оглядывал палатку. Горновой наклонился к нему и что-то тихо спросил. Длинное лицо наркомана сморщилось довольной улыбкой.

— А то! — сказал он. — Черняшка самое то. А ты не гонишь, отец?

Неизвестно, о чем бы Горновой договорился с молодым наркоманом, но тут где-то в стороне заревели сирены раннего оповещения, послышался тяжелый гул, от которого, казалось, задрожала земля.

Присутствующие, не сговариваясь, бросились на выход. Генерал Сергеев недовольно посмотрел на наркомана, неторопливо поднялся и тоже вышел из палатки.

Сфера, повисшая над районным центром, покрылась мелкой сеткой из белых линий. Откуда-то снизу по ней побежали изумрудные дрожащие кольца, которые, достигнув верхней точки Сферы, сворачивались в такие же яркие шары, которые через некоторое время лопались, оставляя после себя оранжевые кляксы. Вышка телецентра была малиново-желтой, у нее появился желтый ореол, который видимо дрожал. Сфера быстро наливалась густой синевой. Теперь она казалась огромной массивной чашей, опрокинутой на землю.

— Съемка ведется? — быстро спросил Сергеев.

— Так точно, — сказал оказавшийся поблизости полковник Ирницкий. — В четыре видеокамеры с лагеря работают, да еще камер пять у нас на бэтэрах стоят.

— Поднимите вертушки! — приказал Сергеев. — Свяжитесь с летчиками и ракетчиками. Пусть будут наготове!

Синяя чаша, опрокинутая на землю, стала медленно светлеть. Белые разломы, покрывающие ее мелкой сеткой, постепенно укрупнялись. С острия телевышки время от времени срывались голубые сгустки, которые методично били в Сферу. Расстояние было небольшим, поэтому все было ярким и красочным. Сирены замолкли, и в наступившей жаркой тишине стали слышны странные звуки, словно кто-то огромный неуклюже ворочается в гигантской луже.

— Полный отсос! — прокомментировал происходящее появившийся из палатки наркоман. За ним виднелось бледное и напряженное лицо гипнотизера Горнового. Поймав недоуменный взгляд генерала, молодой наркоман добавил специально для него: — У меня там шнурки и киска!

Сфера вновь становилась прозрачной. Она таяла на глазах, словно кусок рафинада в кипятке.

Изменения происходили и в городе. С окраин к центру города, где находился железнодорожный вокзал, гирляндами бежали бесчисленные белые ленты. Только в бинокль было видно, что ленты эти состоят из небольших белых шариков. Шариков становилось все больше, и уже казалось, что посреди знойного душного лета в городе беснуется метель.

В районе железнодорожного вокзала медленно вспухал бело-серый пушистый гриб. Разглядывая его в бинокль, услужливо поданный полковником Ирницким, генерал Сергеев видел, что гриб этот состоит из газа и пыли, взвихренной беспорядочным движением этого газа. В центре шляпки этого чудовищного гриба выделялось белое пятно, которое медленно поднималось вверх. Из-за расстояния генерал никак не мог определить размеры этого пятна.

Послышался свистящий звук. Он все усиливался, постепенно заставляя вибрировать стоящие в периметре лагеря палатки. Звук бил по ушам, он подавлял, рождая в людях желание упасть на колени. Сергеев с трудом сдерживался от того, чтобы этому желанию поддаться.

Наконец белый огромный эллипс оторвался от поддерживающего его снизу грибообразного облака из газа и пыли, замер на мгновение во всем своем великолепии. Стало видно, что повисший в небе объект чем-то напоминает огромную полупрозрачную медузу.

В центре этой медузы появилось желтое свечение. Оно все разгоралось, приобретая ало-багровые оттенки, потом на полнеба полыхнуло зарево, заставившее всех, кто наблюдал за происходящим, прикрыть глаза. Когда наблюдатели их открыли, от Сферы над городом не осталось и следа. Застывшая в небе медуза тоже исчезла, только в районе железнодорожного вок-

зала, именуемого станцией Себряково, медленно оседала взвихренная пыль, и от того все казалось немного размытым, нерезким, нечетким, словно виделось происходящее через огромную слезу, висящую над провинциальным городом.

Некоторое время все молчали.

И только когда рискованный пилот вертолета повел свою машину прямо на город, в толпе послышались восклицания.

Но Сферы больше не существовало.

Дорога в город была открыта.

Генерал Сергеев опустил бинокль, задумчиво пожевал губами и, ни к кому особо не обращаясь, сказал:

— Вот теперь начнется самое сложное.

Именно в это же время подобную мысль, но в более доступной форме, высказал старший лейтенант милиции Кунжаков.

— Ну, мужики, похоже, космическая оккупация закончилась. Теперь начнется разбор полетов. Держите языки за зубами, иначе нас с вами крайними сделают.

Говоря это, Кунжаков невольно вспомнил о задержанном, которого они отпустили, и о его семье. Успели ли добраться до трассы? Едут ли они сейчас в свой Царицын или задержаны случайным патрулем на шоссе? Очень хотелось думать, что у этого самого Старикова все закончится благополучно. Девочка, на взгляд Кунжакова, уже вполне оклемалась, значит, в скором времени и жена отойдет.

Десантники оставили автоматы в машине и, спустившись к реке, умывались слегка остывшей за ночь, но все еще теплой водой.

Все было обыденным, словно не было никакой загадки, словно никогда не нависала над городом загадочная Сфера, и видно было, как по проселочной дороге, петляющей среди ветел и ивняка вдоль реки, трусят, возвращаясь в город, разномастные собаки и чинно ковыляют на своих перепончатых лапах раскормленные сельские гусаки.

О происшедшем недавно напоминали лишь тишина, плывущая над землей, и медленно остывающая башня телецентра, вишнево светящаяся на холме.

— Интересно, — сказал Кунжаков. — Остался там кто-нибудь в живых? Если и остался, то им здорово не повезло, все они теперь попадут в долгий карантин.

Сержант плюнул досадливо.

— Чего ты о них беспокоишься? — удивился он. — Ты о себе беспокойся. Нам же их теперь и охранять.

А над Медведицей стояла тишина. Слышно было, как поют комары у прибрежных кустов, негромко переговариваются купающиеся десантники, и на середине реки гулко ударила, глуша глухих мальков, первая щука.

Часть вторая

ЛАСКА

1. ЦАРИЦЫНСКАЯ ОБЛАСТЬ, ОКРЕСТНОСТИ РАЙОННОГО ЦЕНТРА МИХАЙЛОВКА, 1 АВГУСТА 2006 ГОДА

Так оно всегда и бывает.

Генералы отправляются отдыхать, а рядовые гниют на позициях. Демократический централизм в действии. А чего генералам в полевом лагере делать? Не война!

Больше всего в жизни старшему лейтенанту милиции Андрею Николаевичу Кунжакову хотелось сходить в баню. Чтобы парилка была хорошо прогрета, чтобы березовый веник в достаточной степени размочен. И чтобы после изнуряющей бани — обязательно двести грамм и свежий крепкий чай. Без пара и чая старший лейтенант бани не признавал. Только дураки берут пример с иностранцев и парятся в саунах, где и наддать-то пару невозможно, и дышится так, словно ты в цилиндре двигателя внутреннего сгорания сидишь. Баня должна быть такой, чтобы ты из нее вышел измочаленный, блаженный, с красными от охаживания веником спиной и боками. И чтобы двести грамм. Обязательно двести грамм. И огурчик!

Кунжаков блаженно вздохнул и отправился к «душегубке». Так военные называли передвижной банно-прачечный комплекс, в котором проводилось помывание личного состава. Именно помывание, другим словом это действие никак нельзя было назвать.

Нет, Кунжаков волен был отправиться на реку. После работы дозиметристов и химиков в реке купаться никто не запрещал. Но там не было горячей воды. А в «душегубке» она имелась. И хоть какое-то подобие пара в изолированных кабинках тоже имелось. Поэтому Кунжаков и шел к машине, рядом с которой деловито раздевались догола военнослужащие и милиционеры, решившие помыться. В воздухе слышались звонкие шлепки по голому телу, соленые шуточки и гогот мужиков, лишенных женского общества.

Неделя прошла с тех пор, как их бросили на охрану городских окрестностей районного центра Михайловка. Непонятно только, чего они и от чего охраняли. Над городом повисла странная Сфера, которая никого не пропускала в город и только избранных выпускала из него. Правда, круг избранных тоже оказался каким-то странным. Нельзя же и в самом деле отнести к избранным крыс, собак, кошек и домашнюю скотину. Да и люди, выпущенные из города, явно не заслуживали гордого звания Человека — сплошь алкаши, психи и наркоманы.

В город никого не пускали. За этим следили особенно строго. Естественно, что это всех раздражало. В город выезжали небольшие группы ученых, которые в условиях больничных стационаров и поликлиник обследовали местных жителей, пытаясь найти в их организмах или психике какие-либо отклонения. Вертолетом прилетела группа уфологов во главе с полным стариком, к которому все относились с подчеркнутым уважением. Про него говорили, что еще лет двадцать назад он был диссидентом в науке — изучал паранормальные явления, которых, как официально считалось, не существовало. Звали его Владимиром Кирилловичем Агаджей, и в большой палатке на восемьдесят человек этот самый Агаджа читал лекции, или, как он это называл, читал курс ликбеза по НЛО. Слушать его было интересно, но Кунжаков ему не особенно верил. Да и как этому Агадже можно было поверить, если он рассказывал о трехметровых водолазах инопланетного происхождения, которых ловили, да не поймали в озере Байкал, о нападениях на военные объекты, совершенных неопознанными

летающими объектами. Верить Агадже было нельзя, иначе и впрямь в пору было предполагать, что готовится инопланетное вторжение на Землю, а высадка их в районе Михайловки была отработкой какой-то тактической задачи, поставленной инопланетным начальством.

Уфологи в город выезжали с военными, на бронированных машинах радиационно-химической разведки. Кунжаков такие машины видел впервые и даже не предполагал, что на вооружении у нашей армии имеется что-то подобное.

Андрей Николаевич понял так, что уфологов этих вызвали уже с отчаяния. Другие ученые только ходили по лагерю и вели высокоученые беседы, в которых признавались, что ни хрена в происходящем не понимают. На этих высоколобых смотреть без слез было нельзя, в то время как уфологи были народом веселым и истории вечерами рассказывали такие, что народ лежал от смеха.

Всех военнослужащих срочной службы тем же самым срочным порядком уволили в запас. Прямо из летнего лагеря, даже в войсковые части не разрешили заехать. Старший лейтенант попрощался с десантниками, сдружился он с ними за эти дни. С Лешкой было проще, он сам из Даниловки был, а от Михайловки до Даниловки по нынешним временам было два шага шагнуть. Обещал навещаться, но Кунжаков в обещания дембелей верил слабо. Сам в армии служил, знал, какие обещания в конце службы даются и как они выполняются.

Вместо срочников нагнали контрактников. Часть из них еще в чеченскую войну боевые действия вела, в Киргизии отметилась и в Таджикистане. Наглые были мужики, как танки, и потому считали, что военные уставы не для них писаны. Специально для контрактников выкопали большую яму в солончаке, на дно ее бросили несколько настилов и поддонов с какого-то торгового склада, а верх закрывался металлической решеткой, к которой рядом с люком была приварена лестница.

Надо сказать, что эта самопальная гауптвахта никогда не пустовала. Нашла коса на камень: начальство проявляло жест-

кость, а контрактники все не хотели менять свое поведение и смиряться с наличием в армии дисциплины.

С милицией контрактники держались холодно, и это понятно было — у половины из них на пальцах перстеньки синели, малолетками в зоне сидели. Образование получить все некогда было, а потом куда деваться, пошли священный долг матери Родине отдавать. Уголовный легион, бля! Штрафные батальоны, как в песнях Владимира Семеновича Высоцкого!

Но контрактников использовали для охраны периметра, а на более тонких работах все-таки ментов задействовали. Например, когда ученые полезли осматривать Михайловский телецентр и его вышку, которая так лихо воздушные и космические цели сбивала. Американский спутник, как показали фотографии, сделанные другим спутником, оказался полностью разрушенным. Специалисты говорили, что произошло это под воздействием высоких температур. Ну вроде пожара что-то на спутнике случилось. Хорошо, что американский спутник был беспилотным, подумал тогда Кунжаков. Наши могли вполне орбиту «Мира» откорректировать. А там сейчас шесть человек, и двое из них — туристы американские!

Первое время Кунжаков побаивался, как бы ему не припомнили отпущенных нарядом парня с семьей. Очко, как говорится, не железное! Поэтому, когда внезапно дембельнули бывших с ним десантников, старший лейтенант немного успокоился. Сержант Николай был солидным мужиком, потом, он тоже в милиции служил, поэтому бояться, что он проговорится, даже не стоило. Человек сам себе не враг!

Успокоившись, Кунжаков даже стал прикидывать, как ему выгоду извлечь из случившегося. Он даже в свободное время попытался пройти по этому самому подземному ходу с фонариком в руках. Но не сумел — крыс там было много, а Андрей Николаевич ими брезговал еще с детства. В свинарнике их хватало, наглые были, бляха-муха, даже людей не боялись, а одна, самая наглая, даже попробовала укусить четырехлетнего Андрюшку за руку. Поэтому, пройдя метров тридцать, Кунжаков повернул назад. И без того было видно, что ход этот идет за реку!

Улучив момент, старший лейтенант доложил об обнаруженном им ходе начальству. Два контрактника, вооруженные аккумуляторными фонарями, прошли подземным ходом до самого конца, а вернувшись, доложили, что он выходит на поверхность на территории рыбокоптильного цеха. От контрактников вкусно пахло копченой скумбрией, и видно было, что они путешествовали не зря — и сами наелись, и в лагерь запасец на закуску принесли.

Между тем из города пришли ошеломляющие сообщения. После исчезновения Сферы люди там оказались обычными, даже по внешнему виду казалось, что пребывание под колпаком им не особенно повредило. Но о том, что происходило с ними в эти дни, никто из них не помнил. В отчаянии ученые вернулись к тому алкашу, что после гипноза о Коалиционном отряде наблюдателей вспомнил. Но и Коршунов ничего нового не говорил, а принимался монотонно зачитывать засевший у него в башке текст об отклонениях в развитии человечества и грозящей Земле гибели от дрейфующего по Галактике гравитационного циклона. Сам текст, как пояснили уфологи, был уже известен — его в двадцать девятом году якобы передавали все радиостанции мира на всех основных языках. К тому же его, как следовало из самого обращения, передавали уже третий раз. Два раза его передавали в древности, когда на Земле были цивилизации в Индии и в Центральной Америке, но вот названий их старший лейтенант так и не запомнил. Ну ежу понятно, если в Индии — значит, цивилизация была индусов, а если в Америке — то это, конечно, инки были, некому больше. Инки или ацтеки.

Больше всего старшего лейтенанта цепляло то, что этот судимый алкаш все вещал о неправильном понимании человечеством физических законов Вселенной. Нет, если бы это Эйнштейн сказал или какой-нибудь другой Вайнштейн, который на науках, как говорится, зубы съел, Кунжаков бы все понял и не особо со сказанным спорил бы. Но Коршунов был два раза судим за квартирные кражи, поэтому он просто не мог быть носителем истины! Не верилось и в то, что такому типу могли

доверить сказать сразу всему человечеству что-нибудь серьезное. Такой человек за пол-литра мог все тайны Вселенной продать, только кто бы ему эти пол-литра поставил!

Однажды Кунжаков и сам побывал в городе. На его взгляд, в городе все было нормально, и люди самые обычные по улицам ходили. На работу каждый день шли, не сачковали. В кинотеатрах фильмы новые шли и, как в любом населенном пункте, зрителей много не собирали.

Казалось, ничего не произошло. Не было никакой Сферы, не было странной белой медузы, улетающей в небеса. Ничего не было, даже странно немного было, что обычные люди жили в городе, как в большом лагере, только колючей проволокой этот город никто не огораживал. Контрактников для этих целей хватало. Их старший лейтенант недолюбливал, мужики на крови были воспитаны, кто Чечню прошел, кто в Таджикистане и Кыргызстане с оппозицией воевал, своей и чужой крови не жалея, а были и такие, что казанское восстание подавляли после того, как на место Шаймиева ярый националист пришел. Нет, идиотизм, конечно, добиваться великой республики Итиль с автоматами в руках, но ведь и в борьбе с такими меру надо знать, общий язык нужно находить, а не пускать в сторону Зеленогорска баллистические ракеты с психоматериализаторами. Там ведь не только националисты жили, там и русских было более чем достаточно. Да и не каждый татарин смотрит в сторону Турции и Саудовской Аравии, черт побери! Нельзя же всех под одну боеголовку равнять!

И сейчас, купаясь в кабине под слабеньким парком, способным удовлетворить только сердечника или малолетку, старший лейтенант Кунжаков недоумевал. Непонятно ему было, что такое количество военных и милиции продолжали держать около Богом забытого провинциального городка. Можно подумать, что преступность в стране упала или конфликты с религиозными фанатиками из «Талибана» ушли в прошлое! Работы всем хватало — и военным, и тем более милиции. Непонятны были Кунжакову решения высшего начальства. Но раз так решено было, то спорить было не о

чем. Кто он такой, старший лейтенант милиции Кунжаков, чтобы решения министров оспаривать? Если сказано ими, что надо стоять у районного городка Михайловка вечным караулом, значит, будем стоять. Сказано в фольклорном написаном уставе: солдат спит, а служба идет. Что верно для рядового, вдвойне верно и для офицера. В отличие от солдата у него не только служба идет — зарплата и командировочные выплачиваются.

2. ЦАРИЦЫНСКАЯ ОБЛАСТЬ, РАЙОННЫЙ ЦЕНТР МИХАЙЛОВКА, 1 СЕНТЯБРЯ 2006 ГОДА, 9.00

Школ в провинциальном городе не так уж и много.

В Михайловке их построили четыре. Две построили еще до революции, а еще две — в конце тридцатых годов, когда население города, поредевшее после гражданской войны, несколько увеличилось.

Первого сентября, когда начинались школьные занятия, детворы на улицах было много. Шли взволнованные торжественностью момента первоклашки, хватало и более старших классов, особенно девчонок в коричневых школьных платьях и белых передниках. Девочки чаще всего шли с букетами цветов, и это не казалось совсем уж неудивительным. В первый день осени у многих преподавателей цветов дома стояло столько, что вазочек для них не хватало: ставили в обычных двухлитровых стеклянных банках, которые не были использованы в конце лета под маринованные огурцы и помидоры.

Скандал, который случился в средней школе номер три, поначалу восприняли с веселым недоумением. Да и было над чем посмеяться. Утром пришли в школу, а в кабинете директора сидит известный районный хулиган Витя Хмельной. Кстати говоря, бывший учащийся этой школы. Не выпуск-

ник, конечно, до десятого класса он так и не добрался, работать пошел. Особо долго он не заработался, украл что-то со склада, где грузчиком работал. По причине первой судимости и характеристик, которые ему выхлопотала мать, Хмельной получил всего шесть месяцев и вышел на свободу с чистой совестью, но черными замыслами. Долго он на воле не задержался. Обчистил коммерческий магазин бывшего освобожденного комсомольского секретаря асбоцемкомбината и снова сел, но теперь уже на два года. Правда, сидеть долго ему не пришлось. Государственная Дума в порядке гуманизации общества приняла решение об очередной амнистии, и Хмельной вышел на свободу. В Михайловку он вернулся аккуратно перед чрезвычайным происшествием.

А сейчас он сидел в кабинете директора с таким видом, будто имел на то полное право. Рубашка на его груди была расстегнута сразу на две пуговицы, как любил ходить директор Пшеничников, но в отличие от настоящего директора на груди Хмельного синела русалка с мощным хвостом.

Первой его увидела учительница немецкого языка Вера Васильевна Подгорнова. «Вас ис дас?» — удивленно воскликнула она, глядя на того, кто не один год портил ей нервы своим отношением к учебе.

— Не понял, — сказал Хмельной. — Вера Васильевна, что с вами?

— Со мной все в порядке, — сказала учительница немецкого языка. — Что с тобой, Витенька? Ты зачем в кабинет директора залез? Тебе на свободе ходить надоело?

— Я вас не понимаю, — строго сказал Хмельной. — Давно мы с вами на «ты», Вера Васильевна? И потом, что значат ваши слова? Я в своем кабинете, а вот вы, как мне кажется, забываетесь!

— Витенька, — нежно сказала учительница и матерински посмотрела на Хмельного. — Шел бы ты домой, пока Виктор Александрович не пришел. Ты ведь его знаешь, он шуток не понимает. Увидит тебя в своем кресле, сразу милицию вызовет!

— Если вы шутите, — сказал Хмельной, — то делаете это весьма глупо. Кто вызовет милицию? Никого я не хочу вы-

зывать в такой торжественный день. И потом — я в своем кабинете, я на своем месте... Вы себя хорошо чувствуете, Вера Васильевна? Мне кажется, вы несколько бледны...

Вера Васильевна не успела ничего сказать, как пришел учитель физкультуры Игнат Николаевич Фаринич. Увидев в кресле директора известного михайловского хулигана, он побагровел.

— Витька! — взревел он. — Пошел отсюда! Опять по тебе тюрьма плачет! Тебе было мало, да? Сукин сын, ты что себе позволяешь?

Тут до Хмельного стало что-то доходить. Он сунулся к платяному шкафу, распахнул его и некоторое время смотрелся в зеркало, закрепленное на дверце. Лицо его то багровело, то бледнело, он стиснул зубы, и на скулах его загуляли жесткие желваки.

— Так, значит, — сказал Хмельной. — И какая сволочь это все придумала?

Именно в это время зазвонил телефон.

Хмельной оказался у аппарата раньше. Некоторое время он слушал невидимого собеседника, потом осторожно положил трубку на рычаги и растерянно посмотрел на присутствующих.

— Из милиции звонили, — сообщил он. — Сказали, что меня только что задержали при совершении кражи из квартиры Николаева. Вы что-нибудь понимаете?

Николаев тренировал футбольную команду асбоцемкомбината. В квартире у него добра хватало, ведь в Михайловку Николаев приехал из Туниса, где целых пять сезонов учил арабов играть в футбол. Сейчас его в Михайловке не было, Николаев уехал в областной центр вести переговоры о назначении его тренером царицынского «Статора».

Но все равно никто ничего не понимал. Общее недоумение вслух высказал Фаринич, и сделал это в прямолинейной манере сильного и оттого простодушного человека.

— Ни черта не понимаю, — сказал он. — А вы что-нибудь понимаете, Вера Васильевна?

— А я тем более, — чопорно сказала та. — Я вижу, что нами пытается командовать Витя Хмельной, а нашего ди-

ректора, как только что сообщила милиция, задержали за кражу из чужой квартиры!

Витя Хмельной устало плюхнулся в директорское кресло.

— Я сошел с ума! — с отчаянием возопил он. — И вы тоже сошли с ума! Какой Хмельной? Какой Хмельной? Игнат Николаевич, ты с ума сошел? Вера Васильевна! Я — Пшеничников! Пшеничников, понимаешь?

Игнат Николаевич Фаринич криво усмехнулся и пожал плечами.

— Если вы Пшеничников, — сказал он, — то я — Пеле. Ну, в крайнем случае Герд Мюллер.

Именно в это самое время в районном управлении внутренних дел напротив оперуполномоченного уголовного розыска Ахмета Раскулаева вольно сидел директор михайловской средней школы номер три Виктор Александрович Пшеничников. Обычно доброе и немного расслабленное лицо его сейчас казалось на редкость собранным и даже жестким.

— Виктор Александрович, — несколько растерянно и повосточному витиевато сказал Раскулаев, чьи дети учились в школе номер три. — Вы меня простите, но я, честное слово, не могу себе представить, что такой уважаемый человек, аксакал настоящий, мог пойти на квартирную кражу. Зачем вам это, Виктор Александрович?

Виктор Александрович Пшеничников несколько надменно взглянул на оперуполномоченного.

— Слушай, мент, — сказал он. — Чего ты мне мозги пудришь? Ну влетел я, влетел. Не гони волну, оформляй протокол и не капай мне на мозги. Ты сам прикинь, он там, в Тунисе, не один день пахал. Если по уму, у него не только на себя, у него бабок и на внуков хватило бы! Это вы, козлы, боитесь в один день богатыми стать. А я привык рисковать — раз прыгнешь, и ты уже в дамках!

Кончилось все это странно — пришла военная санитарная машина, и обоих увезли из города. Даже возражения милиции — мол, не положено гражданского человека, задержанного за воровство, передавать в руки военных, — и те не помогли.

События, ставшие настоящей трагедией для двух людей, закончилась фарсом для окружающих. Но это было не последнее событие дня, известная михайловская проститутка Неля Лесная вдруг проявила целомудренность и оказала яростное сопротивление домогавшимся до нее братьям Гавриковым. В противоположность ей девятиклассницу Алю Воронцову, дочку директора обувного магазина «Казачка», неприступную красавицу, ранее ни в чем предосудительном не замеченную, люди видели на железнодорожном вокзале, где она пыталась отдаться пассажирам за смешную сумму, равную стоимости бутылки водки. Вот где была трагедия! Обезумевший от гнева Иван Воронцов жестоко избил дочь ногами, а та все вопила на всю улицу, что он не имеет права ее бить, она свободный человек и живет как хочет. Куда не приходила? В какой дом, мужик? У Нели свой дом имеется! Пусть маленький и ободранный, да свой!

В самый разгар экзекуции на пороге появилась Неля Лесная, зарыдала и негромко сказала:

— Папа! Папочка!

Этих тоже увезла военная санитарная машина, хотя совсем потерявший голову Иван гнался за ней на своем «жигуленке» и даже два раза пальнул по шинам из своего карабина. Он бы и больше стрелял, только его обезоружил патруль из контрактников. Действовали они своеобразно, поэтому после стычки с ними Воронцов лишился карабина и несколько дней отлеживался на пуховой перине, а когда появился на улице, смотреть на него было страшно — иссиня-черные кровоподтеки занимали большую часть лица, да и передние зубы надо было обязательно вставлять.

Несколько дней бабки на скамеечках оживленно комментировали события. В версиях недостатка не было. Зубоскальства тоже хватало.

А потом Михайловка замолчала. Не то что людям надоело перебивать косточки всем героям случившихся в последнее время историй, просто люди действительно замолчали.

В смысле перестали между собой разговаривать.

Совсем.

3. ЦАРИЦЫН, 5 СЕНТЯБРЯ 2006 ГОДА, УТРО

В первые дни после возвращения из Михайловки Дмитрий Стариков с тревогой наблюдал за женой, не решаясь обратиться к врачам. Он даже взял отпуск за свой счет, благо месяц только начался. Начальнику цеха пришлось все рассказать, взяв с него слово молчать. Сделал это Стариков по той же простой причине, из-за которой он не обращался к врачам. Милиционер, что беседовал с ними сразу после выхода из подземелья, был прав — запросто их могли запихнуть в карантин, а то и исследованиям разным подвергнуть. А Старикову жену было жалко, но еще больше он волновался за дочку. Девочка отошла на редкость быстро, она уже играла со своими куклами, и это давало надежду, что вскоре придет в себя и жена. И еще одно беспокоило Старикова. Журналист нынче стал настырным и бестактным. Не дай Бог, пронюхает кто-нибудь из пишущей братии о том, что Светлана и сам Стариков были под загадочной Сферой, о которой уже всюю рассуждали по телевидению и в прессе, тогда — прощай покой! Замучат эти долбаные папарацци, как принцессу Диану замучили!

Светлана целыми днями лежала на диване. Глаз она не закрывала, но выражение этих глаз Дмитрию не нравилось. Жена словно отсутствовала, тело ее находилось в комнате, а душа оставалась где-то в Михайловке, среди сплетения связывающих его жителей красных нитей.

На третий день Стариков проснулся очень рано, еще солнце не взошло. Он вошел на кухню и увидел, как жена что-то лихорадочно быстро пишет в толстой общей тетради. Забирать у нее тетрадь Стариков не стал, но позже, когда жена вновь впала в свое обычное ступорное состояние, он тетрадь отыскал. Начальные записи касались семейного бюджета, потом пошли каракули, разобрать которые Стариков не сумел, сам вид текста подсказывал, что это какие-то расчеты или ряды уравнений. Сам Стариков в точных науках ничего не понимал, да и Светлана в школе особым прилежанием на

уроках физики или, скажем, математики не отличалась. Не было у нее знаний, позволяющих вот так свободно что-то рассчитывать в обычной общей тетрадке с мягким ледериновым переплетом.

Убедившись, что жена к тетрадке интерес полностью потеряла, причем так же неожиданно, как и проявила его, Стариков тетрадку прибрал до будущих более счастливых времен.

Через два дня после возвращения Светлана заворочалась на постели и что-то забормотала. Дмитрий присел рядом с женой. Сам он последнее время на полу спал. Не из-за того, что сразу какую подхватить боялся, а исключительно для того, чтобы Светлане беспокойства своими прикосновениями не доставлять.

— Назад, — явственно сказала Светлана. — Назад надо!

Ясное дело, бредила. Никогда бы Стариков не поверил, чтобы его Светка стремилась в тот ад, из которого он ее вытаскил.

Вечером Светлане стало хуже.

А на пятый день она замолчала. Нет, она после возвращения и так почти ничего не говорила, но тут замолчала совсем. Целыми днями сидит, стакана воды не попросит. Возьмет дочь, склонится к ее головке своей кудрявой головой и молчит. А Старикову все кажется, что их та же самая красная паутина соединяет! И такая его тоска от этого брала, выть хотелось.

Еще через два дня он понял, что дальше так продолжаться не может. Надо было обращаться к врачам, а там пусть будет как будет. Нельзя было ждать дальше, тут и неспециалисту было видно, что с психикой у Светки не все в порядке. И на Маришку она плохо влияла. Сама по себе Маришка была вполне нормальным ребенком — меняет наряды на куклах, бормочет себе под нос запомнившиеся слова. А с матерью и она словно статуей неподвижной становится.

И самое главное — понимали они друг друга без слов.

Соседка Стариковых, Людмила Ивановна Семенова, подрабатывавшая гаданием на картах и прочими мелочами вроде приворота и лечения сглаза, пришла к ним домой, некоторое

время задумчиво разглядывала Светлану и Маришку, потом повернулась к Дмитрию своим пухлым лицом и сказала:

— Порченная она, Димочка. Кто-то на нее такую порчу напустил, что я даже и не возьмусь порчу эту снимать. Это большого специалиста искать надо, я про такое и не слышала никогда.

Светка сидела в кресле, пристроив Маришку себе на колени, и выглядели обе как мать с младенцем, которых Стариков видел однажды на картине какого-то религиозного художника. На соседку они никакого внимания не обращали, словно и не было ее в квартире. Да что соседка, они и на Старикова в последние дни внимания обращали не больше, чем, скажем, на мебель или стены. Существует, и ладно!

А о Михайловке по Царицыну слухи ходили один хлеще другого. Порой о происходящем в райцентре такое рассказывали, что уши в трубочку скручивались. Журналисты вокруг оцепления кружили почуявшими сладкое мухами, а солдаты и офицеры, что были в оцеплении, рассказывали истории одну фантастичнее другой. В одной газете печатали статью про инопланетных пришельцев, которые высадились около районного городка военным десантом, захватив население Михайловки в плен. Другая газета сообщала о взрыве в Михайловке секретной лаборатории, которая из мергеля, шедшего на изготовление цемента, выделяла бактериологическое оружие в виде первичных живых организмов, в третьей этот бред объединялся, и получалось, что не военные, а инопланетяне этот самый мергель перерабатывали и пытались заразить земное население, а военные этому коварному замыслу вовремя воспрепятствовали. Газеты высмеивали своих конкурентов, заявляя, что никаких инопланетян не было, а вследствие обычного российского бардака военные потеряли под Михайловкой термоядерную боеголовку и теперь ищут ее. Да, подтверждали в четвертых газетах, именно боеголовку они и потеряли. Только изготавливали ее на цементном заводе, и никто ее не терял, а похищена она была террористами из Хасавюртских мстителей, и теперь военные пытаются воспрепятствовать вывозу этой боеголовки с территории Цари-

цынской области. Какие глупости! — возражало телевидение. — Что вы ищете с фонарем в солнечный день? Имело место падение в районе Михайловки метеорита с опасными вирусами. Армия и ученые пытаются предотвратить эпидемию, и дай Бог, чтобы это у них получилось!

Лучше было не открывать газеты и телевидение не смотреть. Ведь Стариков точно знал, что никаких метеоритов там не было и боеголовку никто не терял. Но если бы его попросили высказать свое мнение о происходящем, Дмитрий никогда бы не осмелился делать какие-нибудь выводы.

Больше всего это было похоже на прилет инопланетян, но утверждать этого Стариков не мог. Природа у нас еще не особо изучена, вполне могло все объясняться естественными причинами — сдвиг, скажем, геологический, изменения в природе могли накапливаться, чтобы вдруг обрушиться на людей подобными несчастьями. Сколько же можно эту самую природу травить и душить? Вот она и взбунтовалась, ответила должным образом на проступки людей.

Больше всего Старикова тревожило то, что в город никого не пропускали. Сферы над городом уже не было, а оцепление не снимали. Напротив, судя по тому, как изощрялись в нелепых догадках средства массовой информации, оцепление даже усилили.

Похоже, что тот старший лейтенант милиции, который проявил неожиданную для мента сострадательность и отпустил их при выходе из города, оказался прав — жители Михайловки очутились в бессрочном карантине или происходило там такое, что другим про то и знать не следовало, а видеть — тем более.

Стариков денег занял, купил в магазине разной вкуснятины, чтобы побаловать жену и дочку. И совершенно напрасно потратился — они вообще перестали есть.

Только воду пили каждые полчаса.

А на Старикова они внимания все равно не обращали. Даже спасибо не сказали за его покупки.

Но он не обижался. Видел ведь, что-то неладное происходит с семьей.

4. МОСКВА, 5 СЕНТЯБРЯ 2006 ГОДА, 12.00—17.00

Министр обороны Грошев пребывал не в самом лучшем расположении духа. Войдя в кабинет Президента страны, он попытался улыбнуться, но улыбка получилась вымученной. Весь ареопаг уже собрался за столами. Председательствовал, разумеется, Президент. Лопухий, с короткой стрижкой, худощавый, как подросток, он прятал от своего министра взгляд и был в этот момент больше похож на нашкодившего подростка, чем на властителя страны, занимающей если уже не одну шестую часть суши, то не менее одной восьмой. Несмотря на то что Империю двадцать лет разрывали на части амбициозные политиканы, Президенту, пошедшему на второй срок, достался немаленький кусочек. И все-таки... Шестой год ведь у власти, а солидности так и не прибавил.

Слева от него сидел с хмурым и сосредоточенным видом Александр Уранович Крымов, бессменный глава президентской администрации. За последние годы Крымов здорово постарел, но борода торчала по-прежнему задорно, и чело все так же бороздили глубокие морщины, выдающие миру мыслителя и интригана. Обычно приветливый и иезуитски ласковый, Крымов сейчас старательно отводил от министра взгляд. Глава Совета безопасности Александр Гусь тяжело смотрел на министра, словно готовился рывкнуть что-то командное, — чувствовалась в нем военная косточка, хоть за время своего сибирского губернаторства Гусь немного обрюзг и разжирел. Моложе он тоже не стал, но это Грошева не удивляло, возраст новоявленного Политбюро уже подходил к критическому, еще немного — и заговорят о бессмертных старцах, анекдоты начнут про них рассказывать.

Странное дело, Кусницкого, последние годы возглавлявшего в Думе правительственную фракцию, не было. Зато сидел первый заместитель премьера Урга, которого, несмотря на уже довольно солидный возраст, иначе, как Вовочкой, и не называли. От левых никого не было, и никого из замес-

тителей Председателя Госсовета не было, но с правой стороны в непосредственной близости к Президенту с наглой физиономией восседал, протирая очки, новый лидер ЛДПР Митрофанушкин. Уже по присутствию в кабинете можно было судить о многом, а рассадка присутствующих говорила министру еще больше. Каждый из присутствующих готов был отдать жизнь за правое дело, но все предпочитали делать это не спеша.

— Садитесь, Станислав Сергеевич, — сказал Президент. Заметив движение министра обороны, он предупредительно поднял руку. — Ради Бога, не надо никаких докладов. Все, что необходимо, нам уже известно. Хорошо отдохнули?

В самом вопросе уже крылась легкая издевка, которую мгновенно уловили присутствующие. Одной своей фразой Президент давал всем понять, что настоящий руководитель не должен отдыхать, когда в стране тяжелое положение. Министр это хорошо понял, но промолчал и тяжело сел в свободное кресло, поставленное в известной удаленности от Президента. Все здесь было продумано Александром Урановичем Крымовым до мельчайших деталей.

— Итак, господа. — Президент поднялся и, заложив руки за спину, прошелся вдоль стола.

Похоже, далеко уходить от своего кресла Президент боялся. Не дай Бог споткнуться, тут же займут. Вон они как смотрят внимательно. Ожидают, паразиты!

— Скажем прямо, — продолжил Президент, останавливаясь и поворачиваясь к столу. — Не буду вспоминать предысторию, она и так всем хорошо известна. События, произошедшие на территории Царицынской области, показали тревожную беспомощность армии, ее неспособность что-то противопоставить возможному противнику.

Митрофанушкин надел очки и теперь злорадно поглядывал на министра. Очки неестественно увеличивали его глаза, крупный нос лоснился от капелек пота.

«Они решили меня снять, — понял министр. — Ах, Александр Уранович! Знать бы раньше, что ты такое дерьмо!»

Захотелось возразить, но Грошев знал, что хозяина кабинета перебивать не принято. Испокон веков в России любой человек, занявший место главы государства, автоматически обретал мудрость, которой были лишены все остальные. Каждое слово главы государства возводилось в закон, становилось изречением, а то и входило в учебники. Особенно жалко было учебников, их приходилось переписывать каждый раз, когда глава государства сменялся. Президент говорил экспромтом, но невооруженным глазом было видно, что экспромт этот подготовил ему Александр Уранович.

— Страна отдает армии последнее, — задумчиво сказал Президент и печально склонил лобастую голову. — А армия не может защитить страну от возможного вторжения. Еще неизвестно, с чем мы столкнулись под... э-э-э...

— Михайловкой, — заглянув в бумаги, торопливо подсказал Крымов.

Президент помолчал, внимательно посмотрел на главу своей администрации и закончил:

— На станции Себряково Царицынской области. Но можно с уверенностью сказать, что МЧС и армия не смогли противопоставить этому явлению свои объединенные усилия. Даже разобраться в произошедшем никто толком не мог!

— Ну, этот вопрос лучше всего задать ученым, — бестактно сказал со своего места Урга. — Там целая экспедиция была из РАН. Это их дело — разбираться. МЧС должно людей спасать...

— Благодарю, что вы мне напомнили, какие задачи поставлены перед МЧС. — Президент сел, по-ученически сложив руки перед собой. — Только Вов... Владимир Михайлович, я с вашего позволения все-таки закончу.

За столами сдержанно засмеялись. Крымов гневно блеснул стеклами очков и внимательно посмотрел на Ургу.

«Еще один кандидат в политические покойники, — устало подумал Грошев. — Александр Уранович ему этого не простит. Шутка ли, так перебил босса! И зачем ты только, Вовочка, с замечаниями вылез? Здесь молча кивают, а не самостоятельность мышления демонстрируют!»

Ему вдруг мучительно захотелось, чтобы это странное заседание, где роли были распределены невозмутимым кукловодом и им же опробованы все веревочки, заставляющие плясать марионеток, закончилось как можно скорее. Может, оно все и к лучшему затеивалось. Отправят в отставку, буду копать на даче, внуков нянчить, а в промежутках между этими приятными занятиями тактику боевых действий в условиях партизанской войны в гористой местности стану читать. Вот говорят, с волками жить — по-волчьи выть. А если заставляют хрюкать? Страна отдает последнее... Да не надо армии это последнее, армии нужно новейшее, еще лучше — завтрашнее.

Президент сложил маленькие ладошки лодочкой. «Интересно, — вдруг подумал Грошев, — а почему наши руководители всегда такого маленького роста? Кажется, только Ельцин немного выделялся из общего ряда. Ленин был маленький, Сталин, говорят, сапоги себе специальные шил, чтобы повыше казаться. Киров маленьким был, Горбачев, Хрущев... Берия, судя по его копии в музее восковых фигур, тоже особым ростом не выделялся...»

— Станислав Сергеевич, вы меня слышите? — Требовательный тенор Президента оборвал размышления военного министра. — Доложите, что было предпринято для прорыва блокады станции Себряково нашими войсками?

Министр встал, чувствуя тяжесть маршальских звезд на своих погонах. Китель неожиданно стал тесен, галстук не давал свободно дышать.

— Первая попытка была произведена представителями Министерства внутренних дел, — сказал он, не заглядывая в бумаги. — Двое погибли при попытке тарана Сферы автомашиной «УАЗ-472», автомашина полностью разрушена. Вторую попытку сделали военнослужащие Второй ударной десантной дивизии. У нас жертв не было, но бронетранспортер оказался полностью непригоден к дальнейшей эксплуатации. Затем, по согласованию с нашим правительством, американцы перевели на новую орбиту свой спутник слежения «Эксп-

лоэрер-1072». В момент прохождения спутника над железнодорожной станцией Себряково он был сбит с использованием неизвестных нам боевых технологий. Такая же участь постигла и французский спутник «Экзотик-7».

В течение нескольких дней для пробоя Сферы поэтапно использовались обычное стрелковое оружие, РПГ, тактические ракеты с термофугасным зарядом, боевые установки ЭЛСПРО, но положительных результатов это не дало. Более мощных видов вооружения мы не использовали, на это не дали согласие ни правительство, ни администрация Президента. При облете Сферы потеряно шесть беспилотных устройств «Горыныч» и два боевых вертолета. Потери среди личного состава — шесть человек: четыре офицера и двое сверхсрочников.

— Неизвестные боевые технологии, — саркастически проворчал Митрофанушкин. — Из телевизионной вышки этот хваленый американский спутник уделали! И ваши вертолеты тоже телевышка сбила! Миллионы долларов вложили в разработки, и для чего? Чтобы их запросто телевизионные вышки расстреливать могли!

— Это вопрос не ко мне, — сухо сказал Грошев. — Обращайтесь к разработчикам боевой техники. Мы только используем то, что нам дают!

— Засекретились! — снова желчно сказал Митрофанушкин. — Комиссию Государственной Думы в район ЧП не пропустили! Будь там Владимир Вольфович, он бы вам устроил политический скандал!

«Этот бы устроил, — подумал Грошев. — Этот бы из штанов выпрыгнул, чтобы себя показать. И ты выпрыгнешь! Дай только повод. А повод имеется. Хороший повод — бессильная армия слаборазвитой страны, властителям которой мнится, что они руководят супердержавой!»

— ...таким образом, становится ясным одно: в физиологии и психическом состоянии жителей города происходят необратимые изменения, — услышал он голос Президента. — Жители замолчали. Но информацией они как-то обмениваются. В

магазины ходят, на работе собираются. Что они там делают, нам трудно понять. Может, даже не дано! Скорее всего это уже не люди, хотя пока и неотличимы от всех нас. Это угроза, господа. Угроза самому нашему существованию. Наконец, это угроза всему населению Земли! И пусть вас не успокаивают заверения ученых, что в физиологии изменений нет даже на генетическом уровне! Поздно будет, когда такие изменения будут зафиксированы. И в этих условиях встает вопрос: что делать дальше? Что мы можем предпринять, чтобы предотвратить возможное распространение «себряковской заразы» по всей стране? Мне хотелось бы знать, что по этому поводу думает военный министр? Станислав Сергеевич, ваше мнение?

Словно неожиданное просветление спустилось на министра. Он понял цель этого совещания. Стало трудно дышать, Грошев почувствовал, что его тело покрывается испариной. Он потянул галстук, нимало не заботясь сейчас, какое впечатление производит на собравшихся. Все выжидательно смотрели на него. Напряженно смотрел Президент, уже принявший решение, но не осмеливающийся его озвучить. Полуоткрыв рот, смотрел Митрофанушкин, сдвинув на лоб очки. Тяжелым свинцовым взглядом смотрел на министра обороны Александр Гусь, который как бывший военный отлично понимал, к какому решению министра подталкивают. Хитреньким и осторожным паучком из своего кресла поглядывал Александр Уранович Крымов, которому давно все было ясно. Лишь Урга смотрел в сторону, он словно стеснялся слов, которые сейчас должны были прозвучать.

«Нет, — с внезапным отчаянием подумал Грошев. — Этих слов вы от меня не дождетесь...»

В наступившей тишине стало слышно тиканье огромных настенных часов, выполненных в виде двуглавого орла, — подарок угличских мастеров по случаю избрания Президента на второй срок.

5. ЦАРИЦЫНСКАЯ ОБЛАСТЬ, РАЙОННЫЙ
ЦЕНТР МИХАЙЛОВКА, 8 СЕНТЯБРЯ 2006 ГОДА,
14.00—18.00

На этот раз старший лейтенант милиции Андрей Николаевич Кунжаков в город поехал с уфологами. Задачу перед ним поставили простую — ходить рядом и охранять. Общественный порядок опять же поддерживать. Мало ли что? Кунжаков поездки в город не любил. Для этих поездок приходилось облачаться в серебристые костюмы, напоминающие космические скафандры, натягивать шлемы с прозрачным забралом и рогоульками воздушных фильтров, и шлемы эти придавали людям еще более фантастический вид. А если учесть, что при этом еще приходилось таскать «Абакан» и «лифчик» с подсумками, то сразу было понятно: не за что старшему лейтенанту было любить поездки в город.

Да и побаивался Кунжаков. Это только говорили, что никаких вредных излучений не обнаружено. Кунжакову эти сказки были знакомы. Он на досуге научно-популярную литературу почитывал и знал, что, кроме излучений, есть еще неизвестные факторы, определяющие мутацию организма. Вроде все нормально, а потом у тебя дети-уроды рождаются, горб начинает расти или, что еще хуже, рак обнаруживается.

Но опасения опасениями, а приказ есть приказ. Раз форму надел, то изволь выполнять все, что от тебя требуют. Или иди на гражданку. Тяги к сельскохозяйственному труду Андрей Николаевич у себя не замечал, а иную работу в Кумылге было найти сложно. Хоть в газетах и писали, что российская экономика находится на подъеме, до Кумылги этот подъем как-то еще не добрался. А у старшего лейтенанта была пусть и маленькая, но семья. И надо было зарабатывать на хлеб, и желательно с маслом. Вот поэтому Кунжаков хотя и повозмушался, но покорно пошел получать спецкостюм для поездки в Михайловку.

А жители Михайловки изнывали от жары, поэтому ходили едва одетыми. Особенно женская часть населения. На них

Кунжаков старался не смотреть. Одно было хорошо — в спецкостюмы встраивались кондиционеры, поэтому от жары никто из приехавших на машине не мучился.

Жители Михайловки молчали.

Да что жители! Собаки, похоже, и те сговорились и не лаяли. Только воробьи чирикали, купаясь в пыли, и одинокие вороны каркали. Особенно много их собралось у кладбища. Рассевшись на деревьях, вороны наблюдали, как группа людей, одетых в серебристые скафандры, методично вскрывает захоронения. Та еще была у товарищей ученых работка! Кунжаков даже порадовался, что его не поставили в оцепление на кладбище. Там бы он вообще положительных эмоций лишился. Тем более что в одной из могил был захоронен его отец. Зачем вскрывают могилы, Кунжаков не знал. Ох не зря в свое время на кладбище металлический блеск наблюдался! Пришельцы, если это были они, и на кладбище людям в достаточной степени нагадили.

Машина медленно ползла по улицам городка. Водитель неторопливо объезжал выбоины на асфальте. Жара царила такая, что листья на деревьях посерели. Людей на улицах не было.

Кунжаков в который раз подумал, что добром все происходящее не кончится. И только он это подумал, как из подворотни ближайшего дома вырвался поток ревушего пламени. Если бы машина ехала чуть быстрее, она обязательно бы попала под эту огненную струю. Но тут обошлось. Водитель побагровел, лихорадочно выкручивая руль, машина резко развернулась. Они уже мчались назад, когда старший лейтенант Кунжаков обрел способность рассуждать и докладывать.

— Всем, кто меня слышит, — выкрикнул он в эфир. — Говорит двадцать второй. На пересечении улиц Ленина и Рабочей подверглись нападению!

— Что за мутатень? — лениво удивился кто-то невидимый, и тут же в эфире загрели начальственные голоса: — Назад! Двадцать второй! Ты меня слышишь? Немедленно назад! Уходите немедленно!

— Нет, мы здесь останемся! — взревел водитель, багровея лицом и прибавляя скорость. — Нашли дураков! Хрен меня теперь сюда заманишь!

Уфологи сидели с серыми лицами. Происходящее им явно не нравилось. Да и кому понравится, когда тебя живьем сжечь пытаются за здорово живешь?! Удирали они из города на полном газе, даже по сторонам не смотрели. И зря они не смотрели по сторонам — в районе кинотеатра «Ударник» стремительно сгушалась мгла, словно кто-то закрывал этот район от солнца гигантскими ладонями.

Уже позже, когда Кунжаков, освободившись от своего серебристого одеяния, лег в лагере на скамейку, заново переживая случившееся с ним и радуясь, что остался жив, к нему подошел озабоченный водитель. Всегда он выглядел несколько самоуверенно, но сейчас смотрелся так, словно его доской из-за угла шарахнули. И именно в тот момент, когда он на свидание с любимой женщиной шел. Водитель поманил Кунжакова. Они прошли мимо уфологов. Уже прибоддрившиеся ученые наперебой рассказывали желающим о своем геройском поведении в момент инопланетной атаки. Водитель завел Кунжакова в заросли кукурузы, опасливо огляделся по сторонам и сдавленным шепотом сказал:

— Слышь, Николаич, а я ведь узнал тех, кто по нам в Михайловке из «Осы» лупанул! Помнишь двух прапорщиков из спецгруппы? Они это были, мамой клянусь!

— Это ты о ком? — переспросил Кунжаков. В первый момент он водителя даже не понял, а когда понял — похолодел. Прапорщиков он помнил. Таких не забудешь. Это как Илью Муромца со товарищи в дозоре увидеть. Раз увидишь, век помнить будешь!

Но водителю он почему-то сразу поверил. Даже не спросил, зачем прапорщикам из специального подразделения из ручного огнемета по машине с уфологами стрелять.

Вернувшись в палатку, старший лейтенант бросился на свою койку и долго смотрел в брезентовый защитного цвета потолок. Вот, значит, какие дела пошли! Вот, значит, какие пряники из небесного мешка сыплются! Мотать надо было отсюда, под любым предлогом надо было мотать. Кунжаков даже думать не хотел, по каким таким причинам прапора по их машине из «Осы» стреляли. Ясно ему было, что сами

прапорщики на такой шаг никогда бы не пошли. А раз стреляли, значит, приказ высокого начальства получили. О причинах такого приказа старший лейтенант себе голову не ломал. Ясный месяц, провокация затеивалась. И пахла эта провокация кровью. Андрей Кунжаков себя дураком не считал, а потому в чужом спектакле играть даже главную роль не желал.

«А может быть, и не было никакого вторжения? — мелькнула неожиданная мысль. — Может, вся эта хренотень и была затеяна для того, чтобы эти мордвороты из особого подразделения потренировались?»

Но тут же он вспомнил семью, задержанную им с десантниками в ночь накануне распада Сферы, и отогнал от себя соблазнительную мысль. Не походили задержанные люди на участников спектакля. Скорее он, Кунжаков, был свидетелем самой настоящей трагедии, которой так и не понял.

И все-таки...

Страшно подумать, кто и зачем отдал приказ специальному подразделению стрелять в машину с уфологами из ручного огнемёта. А еще страшнее — думать о последствиях этого выстрела. Стояла бы сейчас закопченная машина в самом центре Михайловки, и Кунжаков вместе с остальными скалил бы зубы на окружающий мир.

6. МОСКВА, 8 СЕНТЯБРЯ 2006 ГОДА, 11.00

Глава администрации Президента Александр Уранович Крымов с утра был не в самом лучшем расположении духа. Честно говоря, ему вообще не хотелось идти на работу. Это только кажется, что кремлевские чиновники радостно бегут в свои кабинеты, где медом намазано и пачки долларов лежат в каждом углу. Как бы не так! И у чиновников бывают дни, когда хочется плюнуть на все, прихлопнуть рукой бу-

дильник и перевернуться на другой бок. Хай там все горит синим пламенем!

Особенно сегодня.

Уже с утра позвонили из секретариата и доложили неприятнейшую весть: ранним утром в своем кабинете застрелился министр обороны Грошев. Офицерскую честь, подлец, соблюдал! Ну и дурак! Если бы все министры обороны стрелялись для того, чтобы сохранить свою честь незапятнанной, у нас с Грачева торжественные проводы видных военачальников в последний путь не прекращались бы.

Нет, по-человечески Крымов министра понимал. Не каждому такая ноша будет по плечу. Принять решение, которое пугает своей жестокостью, может не каждый. Помнится, когда принималось решение о замораживании нишенских пособий пенсионерам, сам Александр Уранович поначалу не выдержал и голосовал против. Два дня его премьер обхаживал, графиками и диаграммами весь кабинет завалил, чтобы показать — не потянет государство такой тяжести. Боливар российской экономики никак не мог свезти двоих — справиться с выплатой внешнеэкономического долга и обеспечить пенсионерам сносную жизнь на уровне российских же стандартов. Но Крымов понял все, наступил на горло собственной песне. Пенсионеров, конечно, жаль, но когда государство в опасности, приходится принимать непопулярные решения. А Грошев струсил. Испугался встать перед судом Истории. Понятное дело, даже после смерти человеку хочется выглядеть лучше, чем он был при жизни. «Ну и дурак! — уже второй раз с раздражением подумал о министре Крымов. — У нас борзописцев от истории, слава Богу, еще хватает. Подправят немного, подкрасят, глядишь, все оно и будет выглядеть вполне пристойно».

В Министерство обороны Крымов, разумеется, не поехал. Там сейчас специалистов из ФСБ, МВД, контрразведки понаедет, правительство своих скорбителей пришлет, депутаты Государственной Думы будут рады покрасоваться перед объективами телекамер. При мысли, что придется общаться с коммунистами, с элдэпээровцами, бывшими товарищами, из-

гнанными из правительства и администрации и объединившимися в Союз правых сил, Крымов испытывал тошноту и раздражение. И ведь показали этим идиотам на выборах, что значит общественное мнение, так нет, все продолжают апеллировать к народу. Народ, как обычно, безмолвствует. Народу надо хлеба и зрелищ. Больше народу ни хрена не надо. Лают обычно общественные моськи из прикормленных средств массовой информации. Вот их тьяквань и выдается за общественное мнение. Крымов это знал лучше других, а потому никогда не опускался до участия в передачах радио и телевидения. Там все равно — или извратят его слова, или вообще не дадут высказаться. Немногим больше Александр Уранович жаловал газеты, да и то при условии, что авторство статьи будет принадлежать лично ему и ни одно его слово не будет изменено борзописцем, жаждущим редакторских лавров.

Самоубийство Грошева выбило главу кремлевской администрации из колеи. Ясно было, что Президенту уже о случившемся доложили, а это, в свою очередь, означало, что озвучивать коллективную идею, где мыслям Президента было уделено немалое место, придется кому-то другому. По всем прикидкам выходило, что это придется делать Александру Урановичу. Идейных вдохновителей у нас хватает, нет только руководителей, которые не боялись бы взять на себя решение политической проблемы.

Как говаривал остроумнейший человек, бывший начальник союзной еще внешней разведки Леонид Шебаршин, есть только один деятель, на которого возлагается вся ответственность, но который ответственности не боится, — Сталин. М-да... Россия, конечно, великая страна, но каких боязливых мышей она родила!

Крымов не без оснований считал себя много способней большинства нынешних лидеров, которым он был вынужден подчиняться, но в глубине души понимал, что всю свою жизнь он будет находиться на третьих ролях. Кураж у него был не тот, командного блеска в глазах и резкости в голосе не хватало. Ему бы свой ум, изворотливость Березанского, властность Гуся, коммуникабельность нынешнего Президента — тогда

бы Александр Уранович Крымов себя показал с наилучшей стороны...

Что бы он сделал, если бы обладал всеми необходимыми качествами, Крымов не додумал. Зазвонила вертушка, и по ее требовательному звонку Александр Уранович догадался, что неприятного утреннего разговора с Президентом все-таки не избежать.

— Что скажешь, Александр Уранович? — спросил Президент. — Крепко нам Грошев подгадил! Что делать теперь будем?

Крымов промычал что-то нейтральное. Он прекрасно понимал, что именно имел в виду его собеседник. Более того, он понимал, что Президент требует от него. Междометиями здесь отделаться было крайне сложно. Президенту был необходим человек, который мог и обязан был озвучить принятое накануне решение. И этим человеком он видел Александра Урановича Крымова. Стреляться Крымову не хотелось, но и быть козлом отпущения он не особенно стремился. Как там пел покойный бард Владимир Семенович Высоцкий? «Не противился он, серенький, насилию со злом, а сносил побои весело и гордо...» М-да... Весело и гордо...

— Будем думать, — нейтрально сказал Крымов.

— Какой черт думать! — взорвалась криком трубка. — Действовать надо! Мне через день лететь в Вашингтон, ты что же думаешь, мне там никто вопросов по поводу этой глухости не задаст? Короче, ты, Александр Уранович, зубр уже, ты в коридорах власти лавируешь будь здоров! Как на скейтборде катаешься! Делай что хочешь, как хочешь, но чтобы к моему отлету вопрос о Михайловке не стоял. Надо, чтобы этот вопрос был решен раз и навсегда, как говорится, радикально. Ты меня слушаешь?

Крымов бы его всю оставшуюся жизнь слушал, лишь бы не отвечать. Во рту пересохло, и уже зрел резкий вопрос, который, несомненно, стоил бы Александру Урановичу дальнейшей карьеры и положения в обществе, если бы он не сдержался, стиснув зубы.

— Я понял, — сказал он. — Сейчас соберу команду, определимся, и я вам доложу.

— Да не доклады мне нужны, — с легким недоумением и досадой сказал Президент. — Решение уже принято, так? Действовать надо. С начальником Генштаба свяжись, с заместителями покойного. Надо — еще одного назначьте, специально для решения проблемы. Или вместо него.

— Делаем все возможное, — сипло сказал Крымов.

— А я вас не ограничиваю, — сухо сказал Президент. — Как говаривал один из моих предшественников, делайте и невозможное. Мне сегодня уже Буш звонил, интересовался. Я думаю, что американские наблюдатели, которых мы допустили в Михайловку, ему докладывают все, что знают, и эти доклады нас рисуют не в лучшем свете.

— Ясно, — сказал Крымов. — Будем действовать!

И вздохнул.

— Не вздыхай, — посоветовал Президент. — Думаешь, мне легко? У самого сердце кровью обливается. Однако мы должны все сделать сами. В противном случае... Ведь ты не думаешь, что нам позволят распространить заразу по всему миру?

7. ЦАРИЦЫНСКАЯ ОБЛАСТЬ, МИХАЙЛОВКА — ЦАРИЦЫН, 9 СЕНТЯБРЯ 2006 ГОДА, 17.00

С утра в пригородах погибли две автомашины. Одна из них — санитарный фургон, на нем вывозили двух стариков, с которыми нашел общий язык какой-то ученый из комиссии РАН — вспыхнула на дороге уже в пределах видимости. Сейчас она еще продолжала чадить, хотя было непонятно, что там может гореть столько времени. Кроме нее, сожгли бронированную машину разведки. Ее командир успел сообщить о нападении, после этого связь с экипажем БМР прервалась, и надежд на то, что ее экипажу удастся вырваться из города невредимыми, было мало.

По лагерю поползли слухи, что Сферу устанавливали над городом пришельцы, оставив в Михайловке невидимых лазутчиков, которые и совершают нападения. Заговорили о том, что все жители заражены неизвестной космической болезнью, занесенной пришельцами. Кунжаков этим слухам не особо верил, но некоторое облегчение от того, что рядышком нет пацанов из того ночного наряда, в котором он отпустил этого самого Старикова, старший лейтенант милиции все-таки испытывал. Вложили бы они его, и попробуй тогда доказать, что ты не верблюд!

Но рассказ водителя казался Кунжакову куда более правдоподобным. Огнемета «Осы» в действии он никогда не видел, но резонно предполагал, что именно так ее снаряды и выглядят — огненными стрелами, несущимися в твою сторону.

Тем более правдоподобным этот рассказ казался еще и потому, что утром водителя, рассказавшего Кунжакову о прапорщиках из спецгруппы и своих подозрениях, нашли около крайних палаток со сломанной шеей. Сразу же пошел разговор о том, что убит был водитель в пьяной разборке с контрабандниками, кого-то из них даже арестовали за это преступление и увезли на дознание в Царицын, и только Кунжаков не верил всем этим разговорам, он хорошо знал, что водитель Николай спиртного вообще никогда в жизни не употреблял. И застолий он не любил, особенно тех, что могли закончиться безобразной пьяной дракой.

Памятуя о словах уже мертвого водителя, Кунжаков исподтишка наблюдал с самого утра за палаткой, в которой расположились бойцы специального отряда, потому и заметил, что они еще до подъема покинули палатку и ушли в кукурузные заросли. У каждого за спиной был объемистый рюкзак. Судя по напряженной походке мужиков, груз они с собой несли капитальный. А вот обратно они вернулись налегке. И рюкзаки их спины не горбили. Интересно все это было, так интересно, что холодок по спине Кунжакова пробежал. Не дай Бог, заметят эти супермены пристальное внимание милиционера к их персонам, лежать ему поутру, как водителю Николаю, со свернутой набок головой. Придушат ведь, как куренка!

А по лагерю уже пошли разговоры, что скоро все закончится, что военные по приказу ихнего министра готовят на Михайловку массированную атаку. Вроде бы только одно военных и удерживало, что в результате этой атаки может пострадать гражданское население.

Только старший лейтенант Кунжаков в это не верил. Когда это было, чтобы военных удержало от демонстрации своей мощи гражданское население? Сам старший лейтенант был в свое время в Татарстане, своими глазами видел, как армия с этим гражданским населением обращалась. Как фанаты «Спартака» с болельщиками, скажем, воронежского «Факела» она с ними обходилась!

Если сейчас армия сама провокациями занималась, то все это значило лишь одно — решение об атаке на город было принято на самом верху, и интересы гражданского населения при этом в расчет не принимались. Может, правительству даже лучше было, чтобы от этого самого населения остались только светлые воспоминания. Но если все было именно так, то из министра явно делали козла отпущения. И еще одно было интересно старшему лейтенанту Кунжакову — это сколько же надо было заплатить или пообещать прапорщикам из спецназа, чтобы они за такое черное дело взялись? Сам бы Андрей на подобные дела ни за какие деньги не подписался бы, уж это он знал твердо. Это же вообще надо было души не иметь, а если и иметь, то такую черную, что по сравнению с ней деготь молоком покажется.

А на северной окраине уже слышался рык тяжелых танков. На расположенный поблизости аэродром тройками заходили тяжелые самолеты, сразу видно, не перехватчики, которые способны гоняться в небе за чужими самолетами, нет, заходившие на посадку серебристые птицы предназначались для того, чтобы бомбить наземные цели, и бомбить весьма и весьма эффективно.

Дураком надо было быть, чтобы не понять происходящего. Как ни крути, готовилось серьезное преступление. И участвовать в нем у Кунжакова не было ни малейшего желания. На кой черт ему это было нужно! Если будет налет на город,

то обязательно придется кому-то за это отвечать. Нет, Кунжаков понимал, что он слишком мелок для того, чтобы ответственность взвалили на него или ему подобных. Но чувство собственного достоинства у него все-таки было! Если тебя попытаются макнуть мордой в дерьмо, а ты этого не жаждешь, ты имеешь право сопротивляться.

Протестовать было глупо. Возражать государству — все равно что идти с дубиной на мамонта или саблезубого тигра. Кунжаков был еще довольно молод, но в жизни видел многое, а еще больше читал. Поэтому он хорошо знал, чем кончаются попытки телят бодаться с дубом. Хорошо, если тебя вышлют за пределы страны или вынудят куда-то уехать. Совсем неплохо, если тебя посадят. Но это для людей известных. С теми, кто широкой общественности неизвестен, все проще и вместе с тем сложнее. Гораздо вероятней, что ты просто исчезнешь. Или тебя застрелят, а потом средства массовой информации будут раздувать слухи о твоей причастности к организованной преступности. Всем известно, что тех, кто с такой преступностью не связан, киллеры просто так не убивают. Они убивают тех, за кого им платят деньги.

Поэтому лучше всего было уехать из лагеря куда-нибудь подальше. Хотя бы в Царицын. Уехать и не видеть, что здесь будет твориться. Чтобы сны потом кошмарные не снились.

Тут как раз наряд и подвернулся. Контрактники мародера задержали, он из какой-то деревушки в Михайловку приехал, чтобы парочку магазинов очистить. «Уазик» у него был цвета хаки, от военного не отличить, да к тому же м҃ кик на дверцы российский флаг трафареткой нанес и сам уже привычную всем камуфляжку надел. Вот его внешние посты и пропустили, думали, что оперативная или научная группа в город едет. Пока его контрактники не взяли, мародер этот свою машину затарил так, что рессоры просели. Контрактники были молодые, они его в горячах едва на месте не пристрелили. Как говорится, по законам военного времени. Но потом опомнились и привезли его в лагерь. В местную милицию они его сдавать не стали, все равно там разговаривать не с кем. Даже менты ходят спокойные и равнодушные, ни

на кого внимания не обращают, все о своем размышляют, о космическом.

Вот его-то и надо было везти в областной центр. Так прокуратура решила. Народ ехать за двести семьдесят верст особого желания не изъявлял. Всем хотелось посмотреть, чем дело закончится. Не зря же к Михайловке такие силы стягивают.

А Кунжакову это было ни к чему. Он для себя все давно сам решил. Поэтому добиться того, чтобы в Царицын отправили именно его, оказалось совсем несложно. Вместе с ним поехал и один из областников, Славиком его звали. Он был из тех, кто ездил в самом начале в Зимовники, где так приветливо встречал участковый. Славик домой ехал. Оттого он словоохотливым был и анекдотами сыпал до самого поста «13 км», что на входе в Царицын поставили.

Сдали задержанного в городской изолятор временного содержания. Славик сразу домой намылился, у водителя в городе тетка жила, только у Кунжакова никого в областном центре не было, но распространяться об этом он не стал. Договорились на следующий день встретиться на Самарском разъезде, обговорили время, и коллеги уехали, а Кунжаков остался один. Он перекусил в кафе рядом с кинотеатром «Победа», погулял в городском саду, потом сходил в кино, и все равно до вечера было еще далеко. Старший лейтенант отметил командировочное удостоверение у дежурного по городскому управлению, потом оформил проживание в гостинице УВД и снова поразился тому, как медленно течет время. Сев в номере, он некоторое время листал свою записную книжку, надеясь обнаружить в ней телефон какой-нибудь легкомысленной девицы, которая помогла бы ему скоротать вечерок, а быть может, и ночь. Телефона такого он там, разумеется, не обнаружил, но наткнулся на запись о задержанном Старикове, и вновь его обожгло сладкое и щемящее чувство прикосновения к чужой тайне. Он вспомнил женщину и ребенка, угрюмого усталого парня с окровавленным рукавом и лихорадочным болезненным взглядом, и ему захотелось узнать, как там у них все сложилось, пришла ли в себя женщина, не болеют ли беглецы из Ада.

Некоторое время он рассеянно листал газеты, пока не наткнулся на «Губернские новости» с очерком журналиста Кравцова. Очерк был посвящен событиям в Михайловке, журналист не без живости воображения и бойкости пера разбирал различные версии и тут же разбивал их в пух и прах, пользуясь элементарной логикой. Вывод журналиста был довольно безрадостным, сам он полагал, что пришельцы и природные катаклизмы к появлению над районным центром непроходимой Сферы не имеют никакого отношения. Он полагал, что россияне и в этом случае имеют дело с очередным чудовищным экспериментом, который по своему обыкновению был произведен государственными органами над своим многострадальным народом.

Статья была очень едкой и язвительной, чувствовалось, что Кравцов делает жизнь с известного телевизионного ведущего Дворженко и не без влияния Шиндлеровича.

Язвительные рассуждения журналиста старшему лейтенанту не понравились, но они вновь разбудили в нем желание увидеть Старикова, посидеть с ним, порасспрашивать, что случилось с ним в отгороженном Сферой городе. Некоторое время Кунжаков боролся с этим желанием, потом узнал у дежурной по гостинице, что улица Хорошва находится неподалеку, и решился.

8. ЦАРИЦЫН, 8 СЕНТЯБРЯ 2006 ГОДА, 20.00—22.00

Ох не клеилась у них беседа с Дмитрием Стариковым.

Слава Богу, хоть не соврал бывший пленник — действительно проживал он по указанному той памятной ночью адресу.

Только вот встретил он Кунжакова неприветливо. Так мог встретить Иосиф Виссарионович Сталин своего сына Якова, доведись тому вернуться из плена.

— Что, ментяра, тебе тоже денежек срубить захотелось?

Кунжаков ничего не понимал. Какие деньги? Почему он их тоже мог захотеть срубить? Кто еще пожелал стариковских копеек? По мужику было видно, что особых капиталов он не имел.

— Дружок твой приезжал, — не глядя на Кунжакова, сказал Стариков. — Брюнетик в камуфле. Я, говорит, на дембель еду, мне бабки нужны. Гони, мол, бабки или я о тебе и твоей семье куда надо стукану. Было у меня две штуки, на мебель копили, а пришлось их этому козлу отдать. Так что звиняйте, товарищ старший лейтенант, бананив бильши нема.

«Вот дерьмо!» — брезгливо подумал о Костике Кунжаков. Поступок дембеля из Бугульмы вызвал у него гадливое чувство. За такие номера физиономию рихтуют. И ведь запомнил адрес, сучонок!

— Не волнуйся, — глухо пробормотал он. — Мне твои деньги не нужны. Я тут случайно в городе оказался, мы арестованного привезли. Ну и вспомнил про тебя. Вот решил проведать. Как у вас? Все нормально?

Выражение лица Старикова было недоверчивым и одновременно растерянным. Видно было, что Дмитрий ожидал от старшего лейтенанта совсем иного разговора, а потому не мог сразу перестроиться.

— Спасибо за заботу, — менее резким тоном сказал Стариков.

Они стояли в маленькой тесной прихожей «хрущевки», но в комнату хозяин Кунжакова не приглашал. Старший лейтенант скрипнул сапогом и нарушил неловкое молчание.

— Давай хоть на кухню пройдем, — предложил он. — Все-таки поговорить надо.

— Да об чем говорить-то? — тоскливо сказал хозяин, но посторонился, пропуская Кунжакова в кухню.

Андрей сел за стол, застенчиво пожал плечами и достал из планшетки бутылку водки.

— По дороге к тебе купил, — сказал он, отводя взгляд. Взгляд хозяина квартиры несколько потеплел.

— Это ты напрасно потратился, старший лейтенант, — дрогнувшим голосом сказал он. — некогда мне сейчас пить.

— Что, все плохо? — поднял на него взгляд Кунжаков.

Только сейчас он увидел осунувшееся, постаревшее лицо Старикова. Даже морщинки у глаз четко прорезались. В полутемном коридоре его лицо казалось Кунжакову темной маской.

— Эх, — простонал неожиданно Стариков. — Тут такое, старшой, такое получается...

— Ладно тебе, — мягко сказал Кунжаков. — Забодал ты меня своим старшим лейтенантом. Андреем меня зовут.

Стариков жалко сморгнул.

— Поначалу вроде дочка отошла, — признался он. — И Светка отгаивать стала. А потом — бац! Замолчали обе. Ты не поверишь, часами сидят на тахте, прижавшись друг к дружке. Сидят и молчат. И я для них как пустое место.

Кунжаков опустил глаза.

— Не они одни, Дима, — признался он. — Вся Михайловка замолчала. Первые дни все вроде нормально было. Обычные люди, обычные разговоры, только никто ничего не помнит. Вроде для них ничего в Михайловке и не происходило. А потом замолчали. Четвертый день это молчание длится. А ученые только руками разводят. Ты своих врачу как-нибудь показывал?

— Да кому их покажешь? — с тоской сказал Стариков. — Это же объяснять надо, что случилось! Да любой врач и без объяснений все сразу поймет, в газетах сейчас такое пишут! А потом? Я же их никогда больше не увижу, Андрей. Да ты сам все понимаешь, на сволочь ведь ни капельки не похож!

Он совсем размяк, жесткое выражение на его лице сменилось тоскливым. Стариков достал из кухонного шкафчика стаканы и подсел к столу.

Выпили не закусывая.

— Такие дела, — сказал Стариков. — Я за свой счет отпуск взял, теперь на работу надо выходить, прямо даже не знаю, как они без меня будут.

— Слушай, Димка, — сказал Кунжаков. — Ты мне все-таки скажи, это пришельцы были? Ты ведь единственный,

кто своими глазами видел происходящее — стадион этот, паутину красную... На что это было похоже?

Стариков долго молчал, разглядывая пустой стакан.

Кунжаков уже потерял надежду на ответ, когда Стариков неожиданно сказал:

— Знаешь, я в детстве приемнички собирал разные. Так я тебе скажу, больше всего это было похоже на схему какую-то. Я потом долго думал, вспоминал ту ночь. На схему это было похоже, люди не просто так сидели, группками были рассажены. И красные нити эти их соединяли — сначала друг с другом, а потом уже с остальными: А насчет пришельцев... Откуда мне знать? Тот диск у вокзала, он на летающую тарелочку совсем не похож. Скорее пятно света.

Они посидели еще немного, и Кунжаков снова выпил, а хозяин не стал. Он сидел напряженный и явно прислушивался к происходящему в комнате, хотя оттуда, Кунжаков мог в этом поклясться, не доносилось ни звука.

— Ладно, — сказал хозяин. — Ты мне скажи, что дальше делать? Идти сдаваться?

— Не знаю, — признался милиционер. — Тут я тебе, дружище, не советник. Если можешь, врача какого-нибудь найди, чтобы надежный был и языком лишнего не трепал.

Он встал, одергивая китель своей полевой формы. Глазами поискал фуражку, обеими руками натянул ее на голову.

— Будь, — сказал он. — **Перемелется — мука будет!** Может, все еще наладится.

Сказав это, он сразу же вспомнил причины, которые его самого погнали из полевого лагеря у Михайловки в областной центр, и покраснел. Однако Стариков, погруженный в свои печальные размышления, не обратил на смущение старшего лейтенанта особого внимания.

Встав, он крепко пожал руку Кунжакова.

— Спасибо тебе, — сказал он. — Я, когда тебя увидел, хотел сначала тебя с лестницы спустить. После того гада я два дня никого видеть не хотел, казалось, что весь мир дерьмом по самые уши замазан.

Он проводил старшего лейтенанта до двери и не закрывал ее, пока Кунжаков спускался по тускло освещенной лестнице. В подъезде пахло кошками и жареной картошкой. Добравшись до первого этажа, Андрей услышал, как наверху щелкнул замок двери.

Было уже темно, и небеса усеивали звезды. Здесь, в загазованном воздухе, они казались тусклыми и невзрачными, но все же у шагающего по улице Кунжакова в душе жило странное ощущение, что кто-то невидимый наблюдает с небес за всем человечеством и протягивает к нему руку — то ли для того, чтобы погладить его, то ли для того, чтобы схватить однажды за горло.

Улица была пустынной.

Кунжаков шел по улице, думая об оставленной им в доме по улице Хорошва семье. Старикову он сочувствовал, жену и ребенка искренне жалел. Все оставалось таким же непонятным, как и до визита. Только теперь к неизвестности примешивался ужас перед случившимся и еще больший ужас перед тем, что еще может случиться.

Ночью он неожиданно проснулся. Долго ворочался, пока не понял, что заснуть не сумеет. Достав сигареты, он закурил и сел на подоконник, стряхивая пепел в приоткрытую форточку.

В окно смотрела огромная желтая луна.

В стекле отражался нескладный длиннолицый человек, встревоженный чем-то и оттого не могущий спать...

Старший лейтенант Кунжаков выбросил сигарету в форточку и вернулся в постель.

Лежа на спине, он долго рассматривал дрожащие тени, медленно ползающие по белому потолку.

Тревога не оставляла Андрея. Вместе с ней пришел и страх, но старшему лейтенанту не хотелось признаваться себе в том, что знает его причину.

В далекий районный центр Михайловка входила смерть.

9. ЦАРИЦЫНСКАЯ ОБЛАСТЬ, РАЙОННЫЙ
ЦЕНТР МИХАЙЛОВКА,
9 СЕНТЯБРЯ 2006 ГОДА, 4.00

Улицы города были в пламени.

Пламя разгоняло утренний полумрак, заставляя плясать на земле тени.

Горело все, что могло гореть, и даже то, что гореть не могло. Термофугасы — страшное оружие, они от танка оставляют лишь закопченный остов с оплавившимся стволом, который от высокой температуры становится похожим на огарок церковной свечи.

Полыхали деревянные дома, горели деревья в садах и рощицах, отчего сады и рощи напоминали церковные столы, на которые ставили свечи в память и за упокой душ рабов Божьих.

Плавился кирпич.

Медленно проседал вниз, выдыхая языки пламени, местный элеватор. В воздухе стоял густой запах свежеиспеченного хлеба.

Самым страшным было то, что на улицах не было видно людей. Никто не метался по высвеченному пожаром асфальту, выкрикивая проклятия и прося о помощи. Носились с воем собаки, шарахающиеся от плюющихся пламенем танков, панически кудахтали разбегающиеся и пытающиеся взлететь куры, визжали сгорающие заживо свиньи и ревели, чувствуя близкую смерть, не доенные поутру коровы.

А людей не было.

Райцентр выжигался с окраин к центру. Огнемётные танки методично передвигались от улицы к улице. Они ворочались в городе рычащими доисторическими чудовищами, превращая своими стальными траками асфальт городских улиц в крошево. Экипажи работали со светофильтрами, поэтому мир казался им темным. При инструктаже объявили, что люди из города эвакуированы, поэтому отсутствие жителей танки-

стов не удивляло. Напротив, это позволяло им делать свое дело методично и без особого душевного напряжения. Немногие из них согласились бы выполнять свою разрушительную работу, уничтожая вместе с домами и людей. Согласитесь, одно дело сжечь пустой дом, совсем другое — сжечь в доме его обитателей. Экипажи были подобраны с тем расчетом, чтобы в них не оказалось местных уроженцев. Да и комплектовались они из жителей самых удаленных друг от друга областей и краев. Крылся в том иезуитский расчет, который должен был помочь сохранить происходящее в тайне: кто поверит одинокому рассказчику, ведь у него не будет иных доказательств своей правдивости, кроме честного слова.

Спланировавшие операцию люди знали свое дело — в эти часы ни один спутник слежения, ни один самолет не пролетал над квадратом, где располагался районный центр. Автотранспорт шел через Воронеж и Ростов на юге и через Саратов — на севере.

И все-таки в людях они ошиблись.

Это было неизбежным — личные дела изучались в спешке. Обращалось внимание на родственников, места рождения и жительства, поэтому никто из военных чинов не обратил внимания на командира огнеметного танка Ивана Александровича Николаева. Он родился в поселке Самойловка Саратовской области и был сиротой с рождения. Детство его прошло в Михайловском детдоме. Неудивительно, что, оказавшись поблизости от дома, где прошло его детство, Николаев приказал прекратить огонь и выбрался через башенный люк наружу.

Город полыхал.

Со всех сторон поднимались высокие языки пламени, превращавшие серый пасмурный рассвет в день.

Николаев прошел через ворота на территорию детдома и сразу же наткнулся на труп. Погибший был хорошо известен Ивану — это был сторож детдома дядя Коля, который постоянно гонял Николаева и его друзей в детстве. Присев на корточки, Николаев осмотрел труп и покачал головой — как бывшая уличная шпана и опытный военный он сразу заметил, что сторож убит одним умелым ударом.

Хмуро капитан Николаев поднялся по ступенькам детского дома и потянул дверь на себя.

Из дома он появился со стянутым шлемофоном.

Волосы Николаева были седые.

— Суки! — сказал он, тяжело вваливаясь в башню танка через ставший узким люк.

Башенный стрелок растерянно смотрел на седые волосы своего командира.

— Что случилось, товарищ капитан? Что с вами?

— Со мной? — Капитан недоуменно пожал плечами. — Со мной ничего не случилось, Саша! Ты бы посмотрел, что в доме творится... — Он схватил стрелка за плечо, больно сдавил его. Лицо Николаева нервно дергалось — казалось, капитан неожиданно сошел с ума. — Там все мертвые! Все, понял! Первоклашки так и лежат в коридорах! Это нелюди, Саша! Человек так не может поступить! — По лицу его текли слезы.

Дрожащими руками он напялил на седую голову шлемофон и, подсоединившись к рации, принялся вызывать штаб. Потребовав на связь генерала Сергеева, руководившего операцией, он доложил ему о случившемся.

— Да, товарищ генерал! — отозвался он дрожащим от гнева голосом. — Если бы вы видели, товарищ генерал! Весь детский дом, от самой малышни до воспитателей! Необходима следственно-оперативная группа, товарищ генерал! Это нельзя уничтожать, это следы чудовищного преступления... Да кровь в жилах стынет, товарищ генерал! Это даже бойней назвать нельзя!

Закончив доклад, он откинулся на спинку сиденья. Губы его были крепко сжаты, лицо было жестким и безжалостным, но взгляд казался неуверенным и беспокойным, как у больного, находящегося в беспамятстве.

— Приказано ждать, — мрачно сообщил он. — Ох, попадись мне эти живодеры! Зубами бы порвал!

Башенный стрелок смотрел на него со страхом. Суть произошедшего он знал из доклада командира, а о деталях спрашивать не решился.

Генерал Сергеев на своем командном пункте некоторое время задумчиво покачивался на стуле, потом недобро взглянул на командира танкового полка.

— Вот так всегда и бывает, — хмуро сказал он. — Всегда найдется один любопытный дурак, чтобы вся секретность происходящего пошла насмарку. Полковник Ирницкий! Немедленно распорядитесь! Сообщите группе специального назначения, что экипаж огнетного танка в квадрате... — он всмотрелся в карту Михайловки, — Б-7 находится под чужим контролем. Уничтожить машину и проследить, чтобы никто из экипажа не ушел. Нельзя допустить, чтобы зараза получила неожиданное распространение.

Что поделатъ, лес рубят — щепки летят!

Через тридцать минут снаряд ручного огнемета «Оса» прожег броню танка, застывшего у ворот детского дома. Приказ был выполнен качественно — никто из экипажа не успел даже выбраться наружу, превратившись в хрупкие угольные мумии на своих местах согласно боевому расчету.

Огромный плечистый прапорщик в черном одеянии, похожем на тюремную спецовку, некоторое время смотрел, как из огнетного танка вырывается яркое пламя от рвущегося боезапаса, потом кивнул головой напарнику.

— Доложи на базу, — приказал он. — Неконтролируемая боевая единица уничтожена!

Через некоторое время здание детского дома уже пылало, зажженное напалмовыми струями сразу с четырех сторон. Экипажи танков, что подожгли детский дом, были твердо уверены, что здание захвачено неведомым противником.

Закончив работу по объекту, их танки продолжили методическую зачистку города, неторопливо переползая с улицы на улицу, от дома к дому, оставляя за собой пожарища и вздыбленную землю.

Время от времени танки обстреливали из непонятного оружия, и требовалось немалое мужество, чтобы лезть напролом, отвосвывая у неведомого агрессора все новые и новые территории.

— Слава Богу! — успокоенно пробормотал генерал Сергеев. — А если бы это до газетчиков дошло? Да нам после таких откровений только и останется, что стреляться!

— Будьте спокойны, господин генерал, — сказал вернувшийся в штабную палатку полковник Ирницкий. — У прапорщика Кикилашвили промахов в работе не бывает.

Генерал Сергеев почти суеверно уставился на подчиненного.

— Бога ради, господин полковник, — пряча взгляд, сказал он. — Увольте меня от подобных оценок. С каких это пор подобное живодерство стали называть работой?

Полковник Ирницкий промолчал. Он был одним из посвященных в суть операции, но подобное знание было чревато неприятностями, более того, опасным для жизни подобное знание было, и полковник это хорошо понимал.

К десяти утра начали поступать сообщения от командиров групп. Приказ был выполнен с минимальными потерями — в схватке с неведомым противником погибли экипажи огнеметных танков под номерами 3410, 3411 и 3421. Прапорщик Кикилашвили действительно хорошо знал свое дело. Опыт боевых действий у него был отменный — он побывал во всех «горячих точках» последних десяти лет и воевать научился хорошо. Официальные потери соответствовали уже подготовленному коммюнике о выигранном сражении.

— Ну вот и все, — сказал генерал Сергеев, охватив руками огромный лобастый череп и пряча от штабных офицеров взгляд. — Вот мы и замарались по самое не хочу.

Он встал, и офицеры торопливо вытянулись перед своим командиром. Каждому из них было обещано в случае успешного завершения операции четырехгодичное жалование, и у каждого была семья, гарантировавшая, что глава семейства будет молчать. Генерал Сергеев жестом успокоил их, коротко кивнул полковнику Ирницкому.

— Действуйте по плану, полковник. Экипажи расформировать, каждого немедленно отправить к месту прохождения службы. Обеспечить полное отсутствие контактов участво-

вавших в операции экипажей. Группе специального назначения произвести полную зачистку. Исполнение доложите лично. Вы меня поняли?

— Так точно, — вытянулся полковник Ирницкий. Взгляд у него был простецким, похоже, этот прохвост уже мысленно покупал в Военторге генеральские погоны.

Генерал прошел в свою палатку, сел на топчан, пряча лицо в ладонях. Теперь ему было понятно, что произошло с министром. Какой там несчастный случай!

Ему самому сейчас хотелось застрелиться. И никакие соображения, что жестокость была проявлена во спасение человечества, совсем не приносили утешения.

Если всеобщее благополучие зависит от смерти детей, то, может, не стоит драться за это благополучие?

Он чувствовал себя осенней мухой, которая знает, что жить ей осталось недолго, но не знает, как умереть. Тем не менее Сергеев пытался оправдывать себя. Собственно говоря, честно подвести итоги собственной жизни человек может только после смерти, да и то будет приукрашивать себя и свои деяния, искать им оправдания — ведь и тогда человеку захотелось бы выглядеть лучше, нежели он был при жизни.

И все-таки во рту у генерала был привкус дерьма.

10. ЦАРИЦЫН, В НОЧЬ НА 9 СЕНТЯБРЯ 2006 ГОДА

Закрыв дверь за старшим лейтенантом милиции, Стариков почувствовал тоску. От нее в пору было завывать. В комнату идти не хотелось, Дмитрий хорошо представлял, что он там увидит. Легко было советовать — найти врача! Да в таком состоянии Светлану с дочерью сразу же отправят в психиатрическую клинику, даже если никто и не догадается об истинной подоплеке происходящего с ними. Вместе с тем

терпеть это Старикову было невозможно. Сердце кровью обливалось, когда он смотрел на застывшие в кресле фигуры.

И все-таки его окружали хорошие люди. Начальник цеха Валерий Алексеевич Лихолетов оказался хорошим мужиком, он выслушал Старикова, пришел к нему домой, посмотрел на жену с дочкой и предложил подчиненному взять отпуск за свой счет. Сам ведь ходил начальство уговаривать! А потом пришел и, не слушая возражений Старикова, сунул Дмитрию тощую пачечку пятисотрублевков.

— Не спорь, — сказал он. — Я обойдусь, а тебе сейчас деньги нужнее.

И нормировщица Люська оказалась хорошей бабой — охала, ахала, но каждый вечер забегала к Стариковым, смотрела, чем помочь, по магазинам бегала, устраивала постирушки и ведь никому ни слова не сказала! А всем известно, что болтливые Люськи бывают только сороки.

И этот мент...

Милицию Стариков инстинктивно не любил, и эта нелюбовь усилилась, когда его ни за что в вытрезвитель забрали. Нет, а зачем тогда кабаки существуют? Но ведь повязали, и сколько Стариков им ни доказывал, что по кодексу он ничего не нарушил и находится не в пьяном, а в нетрезвом состоянии и человеческого достоинства ну никак не оскорбляет, никто его, конечно, слушать не стал, и обошлось посещение ресторана Старикову в пятьдесят потраченных там рублей, в вытасщенные шустрым сержантом остатки аванса и в скандал, который ему Светка закатила в тот раз.

Но этот оказался нормальным. Даже бутылку с собой принес. И права не качал, спасителя из себя не корчил. Нет, нормальный оказался мужик. Как у него желваки загуляли, когда Дмитрий ему про десантника рассказал и про отданные тому деньги. Похоже, попадись ему этот сопляк, старший лейтенант бы его сам удавил за подлость и беспредел.

При воспоминании о хороших людях на душе у Старикова стало теплее. Он прошел на кухню, налил себе водки из оставленной милиционером бутылки и выпил. Водка обо-

жгла пищевод, некоторое время Стариков прислушивался к теплomu жению внутри себя и размышлял о том, что хороших людей в мире все-таки больше, чем плохих. Другое дело, что дерьмо всегда на поверхности плавает и его чаще замечают, чем что-то хорошее. Потому и кажется, что плохих людей намного больше.

Он прошел в комнату и привычно постелил жене с дочерью, хотя и знал, что спать они не лягут и всю ночь вот так и просидят в кресле. Потом бросил себе на пол теплое одеяло, свернул под голову куртку и растянулся у окна, выключив в комнате свет.

В окно заглядывали звезды.

Лишенные стеклом окна природной яркости и красоты, они все-таки пугали Старикова, и он закрыл глаза, чтобы больше не видеть звезд.

И незаметно уснул. Сказались напряжение дня и усталость от одолевающих безрадостных мыслей. Стариков твердо знал, что надо что-то делать, только вот что надо делать, он до сих пор не знал.

Проснулся он от странных звуков.

В окно, ехидно улыбаясь, заглядывала огромная желтая луна. Она призрачно высвещала комнату, и в полумраке выделялось два белых неподвижных лица. Они были похожи на гипсовые маски, которыми пользовались в древности греческие артисты, когда играли трагедии.

Звуки доносились из кресла.

Дмитрий торопливо поднялся и шагнул к креслу.

— Света, ты чего? — шепотом спросил он.

Ему никто не ответил, и при призрачном свете луны он заметил, как дрожит узкое плечо жены. Неподвижные белые лица были обращены к окну.

— Света? — тихо позвал Стариков и коснулся плеча жены.

Тело женщины сотрясалось.

Казалось, что его разрывает какое-то внутреннее напряжение.

Жена и дочь всхлипнули разом.

С этого момента начался кошмар.

Оставаясь неподвижными, Светлана и Маришка принялись плакать, тихий плач этот постепенно усиливался, превращаясь в тоскливый вой. Вой заполнял комнату, выплескивался за ее пределы, и Стариков с ужасом подумал, что произойдет, когда соседям это надоест. Господи!

Потом Светлана выпустила из рук девочку и с криками начала метаться по комнате. Крики эти были тем более страшны, ведь лицо жены по-прежнему оставалось неподвижным. Словно автомат метался по комнате, нелепо взмахивая руками и испуская звериные вопли, полные боли и отчаяния. Так кричит подранок, забиваясь в чашу в попытке спрятаться от добивающего выстрела охотника.

Дмитрий поймал жену. Светлану трясло еще яростней. Она продолжала кричать.

Уже не сознавая ничего, Стариков принялся зажимать ей рот рукой, потом свалил жену на диван, свободной рукой дотянулся до майки, разорвал ее и принялся связывать жене руки и ноги. В этот момент он, наверное, походил на безумца, избившего членов своей семьи и пытающегося избежать опасной огласки. Наконец ему удалось связать жену. Кричать она уже почти перестала, только изредка слышались стоны и всхлипывания. Стариков сидел рядом, глядя трепещущее тело жены обеими руками, и успокаивающе шептал что-то бессмысленное. Только сейчас он почувствовал, что весь мокрый от пота.

Оставив жену, он скользнул на пол.

Маришка, кровинка его, лежала на полу без сознания. Она слабо всхлипывала. Тело у нее было холодным, пульс частил, как воробьиное сердцебиение.

Он уложил ее рядом со связанной женой и сел около дивана, вытирая лицо остатками майки. Комната была освещена полной луной, и на стене отчетливо темнел круглый циферблат настенных часов.

Было четыре часа десять минут утра.

Через час все повторилось. Светлана сумела разорвать жгуты из майки и опять с криками заметалась по комнатам, но теперь уже Стариков был наготове и приготовил бельевую веревку, сорванную с балкона. Свяжав жену, он принялся по-

ить ее раствором димедрола. Лицо Светланы было мокрым, тело ее упруго извивалось под руками мужа, а выделяющиеся на белом мучнистом лице глаза были пустыми. В них не было никакого выражения, словно душа покинула тело Светланы, оставив биться в судорогах пока еще живую плоть.

Около шести утра соседи начали стучать в стены.

До семи часов Дмитрий дважды брался за телефон, чтобы набрать номер «Скорой помощи». И оба раза отставлял телефонный аппарат в сторону. Пустота поселилась в его душе. Пустота и тоска, с которой невозможно было справиться.

Около семи он забылся немного, а когда открыл глаза, Светлана снова беззвучно извивалась на постели, стараясь освободить связанные им руки. Она была похожа на белого червя, тщетно пытающегося нырнуть в прохладную глубину земных недр.

Дмитрий встал, прошел к серванту, достал из него жестяную коробочку из-под чая, в которой хранил деньги, принесенные Лихолетовым, и поразился, что Валерий Алексеевич принес их после визита десантника. Видит Бог, Стариков и их бы не пожалел, только бы от их семьи отвязались.

Денег было три тысячи.

Стариков решил искать врача.

Он уже брился в ванной, когда в комнате обычным испуганным ребенком заплакала Маришка.

Стариков прошел в комнату, взял ее на руки и принялся укачивать. Маришка прижималась к нему совсем так, как она это делала раньше, до этой проклятой поездки в Михайловку. Потом она уснула. Стариков уложил ее в кроватку, некоторое время стоял над спящим ребенком. Лицо у Маришки было совсем взрослым, словно она за последние дни пережила страшное горе. Девочка мерно дышала, но лицевые мышцы нервно подергивались. Старикова переполняли жалость и любовь, он вдруг почувствовал, что по щекам его ползут слезы.

Он не плакал с самого детдома, он просто забыл, что это такое — слезы. В детдоме это не поощрялось, слезы были признаком слабости, а детдомовец не имел права на слабость. Так говорил Ванька Николаев, с которым Стариков жил в одной комнате.

И вот он плакал.

Стариков кулаком зло вытер слезы, посмотрел на жену. Светлана лежала неподвижно — наверное, обессилела. Стариков подошел к ней, развязал ноги и руки и снова посмотрел на часы. Было половина девятого.

Он прикрыл жену одеялом, проверил, спит ли Маришка.

Сам того не понимая, он всячески оттягивал свой выход из дома. Особых друзей у них в городе не было, кроме тех, кого жена или сам Стариков знали по работе. Поэтому как найти хорошего врача, который к тому же за хорошую плату мог держать язык за зубами, Стариков просто не представлял.

Заперев за собой дверь, он спустился по лестнице и долго сидел на скамейке перед входом в подъезд. Неожиданно Дмитрий подумал о Лихолетове. Владимир Алексеевич был уже в годах и в Царицыне жил всю свою жизнь. Он мог подсказать какого-нибудь нормального врача. Должны у него были быть знакомые медики!

От этих соображений Старикову стало легче.

И все равно ему казалось, что люди на него смотрят подозрительно. По дороге на троллейбусную остановку ему встретилась соседка. Вредная была старушонка, она вечерами у подъезда кому только косточки не перемывала. Сейчас она шмыгнула мимо Старикова и даже обычного ехидного «здрасьте» не сказала.

11. МОСКВА, 9 СЕНТЯБРЯ 2006 ГОДА, ОКОЛО 11 ЧАСОВ

Быть сволочью и притворяться хорошим несравненно легче, чем быть хорошим человеком и изображать из себя сволочь.

Генерал Сергеев весомой походкой вошел в кабинет Крымова. Александр Уранович встал из-за стола, торопливо просеменил к генералу, ткнулся в его ладонь потной мягкой

ладошкой. Невидимая улыбка исказила его аккуратную бородку. Крымов кивнул на стул, отошел к окну и стал смотреть на кремлевский двор — так внимательно, словно видел в нем что-то интересное. На генерала он старался не смотреть. Так всегда бывает: совершив гнусное дело, подельники стараются не смотреть друг на друга — боятся увидеть презрение и ненависть во взгляде того, с кем пришлось нарушать нравственные законы и устои. А глава кремлевской администрации не мог не понимать, что со вчерашнего дня они с генералом являются преступниками. Они оба сознательно нарушили древний, как мир, закон — «не убий!». И можно было придумывать какие угодно оправдания, все равно права оказалась русская поговорка, гласящая, что черного кобеля невозможно отмыть добела.

Можно было придумывать своим поступкам различные оправдания, но каждый в глубине своей души понимал, что оправданий содеянному нет.

Крымов смотрел через стекло на кремлевскую аллею.

На аллее, обсаженной аккуратно стриженными деревьями, шла война охраны с воронами. Война эта была бесконечной. Наглые птицы, облюбовавшие себе этот уголок Москвы, селились где им вздумается и вели себя довольно вольно — гадили, например, на людей и при этом не отличали рядового сотрудника от сановного функционера, наделенного властью и полагающего, что гадить сверху на людей имеет право только он сам.

Рассказывали, что война охраны с воронами началась еще в приснопамятные двадцатые годы, когда какая-то из неосторожных птиц уронила свое пахучее гуано если не на самого Иосифа Виссарионовича, так не меньше, чем на Кирова или Молотова. Некоторые утверждали, правда, что это был непримиримый председатель контрольной комиссии Сольц. Возмущенный функционер потребовал птиц к ответу, а заодно объявили выговор коменданту Кремля бывшему матросу Балтфлота Малькову. Тот рьяно взялся за дело. Поначалу ворон просто стреляли. Но крупных функционеров, уже отвыкших от сражений гражданской войны, раздражали

выстрелы. Да и присутствие вооруженных людей на территории Кремля их нервировало. Сегодня эти люди птиц стреляют, а в кого они будут стрелять завтра? Красноармейцев с винтовками и метких чекистов с наганам пришлось убрать. Начали разбрасывать отраву. Но сметливые птицы после первых же жертв с их стороны отраву клевать перестали, а презрение их к людям обострилось до такой степени, что по кремлевским аллеям ходить стало уже совсем не безопасно.

Последующие десятилетия война шла с переменным успехом. Одно время казалось, что друг физкультурников, гениальный языковед, лучший орнитолог и известный птицелюб товарищ Сталин нашел с воронами общий язык. С тысяча девятьсот тридцать шестого года по день его смерти случаи нахального поведения птиц были крайне редки. Возможно, правда, что мирный нрав птиц и их поведение в быту были напрямую связаны с тем, что сотрудниками всемогущего тогда Лаврентия Палыча Берии были изловлены птичьи вожаки и посажены в клетки. Так это или не совсем так, теперь уже установить не представляется возможным. Но факт остается фактом: в секретариат ЦК за этот период жалоб на нахальное поведение ворон практически не поступало. И только с воцарением на кремлевском троне Никиты Сергеевича Хрущева птичий помет вновь стал падать с неба. Злые языки говорили, что нетактичное поведение птиц было следствием речи, произнесенной Никитой Сергеевичем на XX съезде. Мол, птицы решили, что если позволительно так поступать человеку, то им, вольным детям неба, это тем более разрешено.

Война разгорелась с новой силой. На борьбу с воронами тратилась валюта, закупались за рубежом хитроумные пугала и автоматически запирающиеся клетки. Ворон уничтожали десятками, но на место одной погибшей небожительницы приходили десять других.

Впрочем, удивляться здесь было нечему — каждый новый пришедший к власти вождь вел себя подобно глупым птицам и гадил на своего предшественника. Говорят, что родимое пятно на голове одного из российских вождей явилось следствием одной меткой вороны. Да и падение его пре-

емника с моста через Москву-реку явилось следствием ничем не спровоцированного нападения хищной вороньей стаи.

Даже удивительно, что в этот день необычайной вороньей активности генерал Сергеев прошел по аллее без особого урона для своего щегольского мундира.

Александр Уранович, не оборачиваясь, поинтересовался: — Все нормально?

— Да, — сказал генерал. Сейчас он даже был благодарен царедворцу за то, что тот не смотрит на него. В другое время он бы был встревожен таким невниманием человека, от которого в немалой степени зависела его судьба. — Все нормально, если можно так выразиться. Города Михайловка отныне на карте нет. Следовательно, никаких проблем тоже нет. Наши потери — три огнемётных танка и двенадцать человек. Хотя нет... людей потеряно несколько больше. Группа специального назначения погибла при возвращении к месту дислокации. Все двенадцать человек во главе с прапорщиком Кикилашвили... Большая потеря для спецназа... Судя по всему, произошла самосработка ручного огнемётного комплекса «Оса» прямо в автомашине.

— Деньги им были выданы? — все так же, не оборачиваясь, спросил Крымов.

Деньги были обещаны группе Кикилашвили по возвращении на базу, но генерал решил, что главе кремлевской администрации это знать не обязательно. Поэтому он, не задумываясь, сказал:

— Да, выдали. Пять миллионов долларов... Видимо, они сгорели в машине вместе с людьми.

На этот раз Крымов повернулся к генералу, остренько резанул его взглядом из-под тонких очечков в золотой оправе, выжидательно помолчал, потом примирительно сказал:

— Ну что же... Ничего не поделаешь, генерал... Хотя вы могли бы в этой ситуации не торопиться.

Генерал Сергеев выдержал его взгляд. За внешней невозмутимостью генерал прятал искреннее возмущение функционером. «Нет, господин Крымов, — внутренне усмехнулся он. — Это не ваша прибыль. Не ваша».

— Завтра похороны, — сказал Крымов. — Как вы знаете, наш Президент сегодня улетает в Соединенные Штаты на встречу трех глав... Мы тут посоветовались и решили, что от Министерства обороны на гражданской панихиде будете выступать вы. Ну и вся подготовка к похоронам ложится, разумеется, на ваши плечи. С сегодняшнего дня Министерство обороны возглавляет новый министр, и его фамилия Сергеев. Конечно, некоторое время придется походить в роли исполняющего обязанности. Смею уверить, что этот период не будет слишком долгим. Президент меня в этом уверил вчера. Ему нравятся люди, способные принимать самостоятельные решения.

Все было оговорено накануне, пост министра обороны был платой за генеральскую самостоятельность. Тем не менее Сергеев ощутил прилив какой-то восторженности и даже некоторой чувствительности, от которой засвербило в носу.

— Постараюсь оправдать, — неловко сказал он.

Крымов вернулся за стол, некоторое время смотрел на генерала, потом снова уткнул в бумаги остренький носик.

— Вы уже оправдали, Александр Яковлевич, — пробормотал он. — Вы здорово выручали шефа. А он не из тех, кто забывает о благодарности.

Они еще немного поговорили. Крымов задал генералу несколько незначущих дежурных вопросов об остановке в войсках, о борьбе с «дедовщиной», о снабжении армейских подразделений. Царицынской области они в своих разговорах больше не касались, по взаимной договоренности эта тема стала запретной. Словно в Небесной канцелярии белокрылый канцелярист проставил на докладную записку о проведенной операции гриф секретности. Впрочем, так оно и было — отныне нельзя было даже вспоминать о произошедшем, позади оставались кровь и позор, впереди — процветание и величие, которому могло только повредить упоминание о кровавом позоре. Но это Сергееву так лишь казалось, Крымов о Михайловке заговорил. И вспомнил он о ней в самый неподходящий момент, когда генерал с облегчением считал, что их беседа подходит к благополучному завершению.

— Да, — сказал Крымов. — Думаю, что нам с вами придется еще раз побывать на пепелище. Откладывать не надо. Это даже лучше, когда головешки еще тлеют. Нагляднее все получается. Пригласим газетчиков, телевизионщиков — пусть видят, что русские случившейся трагедии от мира не таят. Мы, Александр Яковлевич, общество открытое. Нет у нас в Михайловке и не было никогда секретных лабораторий. Была инвазия неизвестных сил. Вы готовьтесь, вас журналисты каверзными вопросами особенно донимать будут! Все-таки будущий министр обороны, а?

Они попросались. Видно было, что Крымов успокоился — ладошка у него теперь была сухой и под глазами усмешка стянула сеточку веселых морщинок. Темная бородка с густыми вкраплениями седины торчала уже задорно и весело.

— А о сгоревших деньгах не волнуйтесь, — неожиданно сказал Крымов, делая упор на «сгоревших». — На бюджете вашего министерства это никаким образом не скажется. Мы их спишем из внебюджетного фонда. Сами понимаете... — Глава администрации так выразительно пошевелил пальцами, что генерал понял — делиться все равно придется.

Возвращался генерал Сергеев по той же аллее, которой он шел к Крымову. На деревьях каркало воронье, еще переживающее очередную схватку с кремлевскими охранниками, в которой была зафиксирована уже неизменная ничья. Чувствовал себя Сергеев отвратительно. У него даже уши горели, хотя уличивший его в воровстве сановник недвусмысленно дал понять, что был бы не против оказаться в числе людей, которые пять миллионов станут делить. Более всего генерал был зол на систему, которая заставляла его жить по скотским законам. Он даже немного завидовал Грошеву, который нашел мужество выстрелить себе в голову. Александр Яковлевич слишком любил жизнь, чтобы отважиться на подобный поступок. И все-таки он чувствовал собственную неполноценность. Чего греха таить, дерьмом себя чувствовал генерал Сергеев! Не зря же на него даже вороны гадить не хотели...

12. ЦАРИЦЫН, 9 СЕНТЯБРЯ 2006 ГОДА

Утром в номер Кунжакова позвонила горничная.

Девушка была лет двадцати, прелестное такое создание с вертяленькой походкой и кокетливо стреляющими глазками. Она была, конечно, не из тех, чьи родители в милиции высокие посты занимают. Кто бы разрешил ей ночью рядом с командированными мужиками находиться. Будь у Кунжакова дочка, он бы ни в жизнь не позволил ей работать в подобном месте, особенно по ночам. Совратят ведь эти похотливые козлы, непременно совратят. В другое время и сам Андрей Николаевич не преминул бы пофлиртовать с хорошенькой девицей, которая, судя по ее взглядам, неплохо знала жизнь. Но после бессонной ночи ему даже разговаривать не хотелось.

— Вас к телефону, — сказала горничная, с любопытством оглядывая голого по пояс Кунжакова. — Сказали, что из отдела кадров УВД.

Оте-нате, хрен из-под кровати! Это кому же в кадрах понадобился сельский мент, о котором и не слышал никто, кроме инспектора кадров, да и тот скорее всего фамилию Кунжакова вспоминал, когда личное дело его по необходимости листал, когда принимал дела от ушедшего на пенсию предшественника?

Кое о чем Кунжаков, впрочем, догадывался. Кончилась его командировка в фантастический мир. Судя по утру, вчера в Михайловке что-то произошло. По простоте своей Кунжаков полагал, что подогнали товарняки, загрузили в них жителей городка и повезли их скопом в какой-нибудь специально освобожденный от зеков лагерь. На всякий случай, чтобы и в самом деле зараза по стране не распространилась. А это означало, что старший лейтенант Кунжаков автоматически становился нежелательным свидетелем произошедшего. А происходило то, что в демократические нынешние времена иначе, как произволом, и назвать трудно было. Времена уже пятнадцать лет стояли смутные. Разве можно было пред-

ставить, чтобы член ЦК или кандидат в Политбюро за подозреваемого в убийстве человека правовые гарантии давал? А нынешним раз плюнуть, они даже поручительства за убийц давали, и никто их к ответу не требовал. Помнится, однажды вся Дума встала на защиту поэтессочки, которая с наркотой попалась. Не могла, мол, она этого сделать, не такой она человек, чтобы свой дар наркотиками губить! А поэтессочка возьми и загнись от передозировки! Вот был скандал на весь крещеный мир! А с депутатов как с гуся вода — даже и не отряхнулись. Но рядовой мужик за свои проступки как при советской власти сидел, так и при демократах ему давали на полную катушку.

Но если говорить лично о нем, старшем лейтенанте милиции Кунжакове Андрее Николаевиче, то он свою участь видел в довольно розовом свете. Ну вызовут его в кадры, ну подписку о неразглашении возьмут. Мало ли он этих подписок давал? И вернется он к своему прежнему месту службы, а события, происходившие этим летом у города Михайловка, постепенно сотрутся из его памяти, и лет через десять — двадцать вообще даже самому будет трудно понять, где правда, а где вымысел.

Человек, вызывавший Кунжакова к телефону, оказался начальником отдела кадров подполковником Барановым. Старший лейтенант видел его пару раз, когда Баранов приезжал в Кумылгу, так как был назначен куратором подтелковской милиции. Честно говоря, Баранов Кунжакову не понравился — высокомерен был он, истинный барин, через губу лишний раз не плюнет. И на всех он смотрел с некоторым превосходством. Видно было, что подполковник всех людей раз и навсегда поделил на руководителей масс и рабочее быдло. Себя он, разумеется, к быдлу не относил.

— Кунжаков? — с ходу спросил он. — Через час жду тебя в отделе кадров. Пропуск на тебя уже заказан. Все.

Ошарашенно послушав гудки в трубке, старший лейтенант тихонечко чертыхнулся. Но что же делать, приказы начальства не обсуждаются. Уставы этого делать не разрешают. Даже если приказ дурацкий, а начальство дерьмовое. Как же! Единоначалие!

Чтобы не растерять душевного равновесия, Кунжаков подмигнул горничной и даже усмехнулся. Улыбка получилась кривой — ухмылка саркастическая, а не улыбка.

Вернувшись, он неторопливо оделся. Носки, которые Кунжаков с вечера простирнул и вывесил на батарею, высохли, а вот воротник у рубашки удручал старшего лейтенанта грязной полоской на сгибе. Ну и хрен с ними, в конце концов, Кунжаков к ним не рвался — сами вызвали! А чего они еще хотели от человека, который больше месяца живет в полевых условиях, оторванным от домашних пирожков и домашнего же уюта?

Из гостиницы он выходил с чувством человека, который никогда сюда больше не вернется.

День был солнечным и за двадцать пять минут Кунжаков добрался до цирка, рядом с которым располагалось здание управления внутренних дел. Городские остряки иной раз шутили, что два цирка для одной улицы — это слишком много.

Времени подполковник Баранов ему дал с избытком, поэтому старший лейтенант Кунжаков прогулялся по парку, зашел в кафе и неожиданно для себя выпил кружечку пива. Какого черта! В конце концов, он командированный, а не местный. А если и сделают замечание, всегда можно сослаться на вчерашнюю встречу с друзьями. Мол, нашли, пришли в номер, как отказаться было?

В одиннадцать часов он уже был на входе.

Сержант посмотрел его удостоверение, сделал отметку в книге и возвратил удостоверение Кунжакову. Раньше вход в УВД был свободным — показал удостоверение и иди на любой этаж. Потом, со сменой очередного начальника, сначала начали проставлять в удостоверения звездочки тем, кто имел в него беспрепятственный проход, а потом и еще одну — для тех, кому разрешено было посещать здание управления в любое время суток. По две звездочки даже начальники Кунжакова не имели, им только по одной и полагалось, да и то не всем. Кунжаков должен был проходить в управление на общих основаниях. Хорошо еще паспорта не требовали!

На втором этаже у кабинета Баранова сидели несколько начальников с большими звездочками и при кожаных па-

почках. На Кунжакова они посмотрели с брезгливым недоумением, и это недоумение еще больше возросло, когда дверь кабинета распахнулась и появившийся в проходе подполковник Баранов начальственно пробасил:

— Кунжаков? Заходи!

Старший лейтенант вошел в кабинет, в котором был сделан евроремонт, и от великолепия кабинета ему стало стыдно за свою форму, нечищенные сапоги и потертую на сгибах фуражку.

— Значит, так, — сказал Баранов, перебирая лежащие на столе бумаги. — У нас сейчас формируется сводный отряд в Туву. Газеты читаешь? Телевидение смотришь? Тогда сам знаешь, что там неспокойно. Поедешь туда командиром сводного отряда. Если справишься, считай, майорские звездочки уже на твоих погонах.

— Домой бы заехать надо, — помялся Кунжаков.

— Зачем? — с наигранным дружелюбием сказал подполковник. — Я же анкету смотрел, ты у нас мужик холостой, чего тебя держит? Да и там, в Туве, будет за чьи сиськи подержаться. Вылет завтра, а сегодня еще денек переночуешь в нашей гостинице. Продаттестат тебе уже выписали, командировочные в бухгалтерии получишь, генерал тебе еще из небюджетного фонда подбросил. Машину тебе дадим, поедешь на склад ХОЗО, там тебя всем необходимым отоварят — от кальсон до бритвы «Жиллетт». — Подполковник Баранов подмигнул старшему лейтенанту, как равному. — Ты, Андрей, пойми, карьера, она, как жар-птица, не каждый день в руки дается. Давай действуй. Бухгалтерию найдешь, машина 11-24 ВВО у входа стоит! Давай, дружище, руководство тебе верит. У тебя под началом более шестидесяти человек будет. — Баранов хехекнул. — Кстати, у тебя под командованием будет ваш зам по службе Нехилов. Ты ему подчинен был? Теперь он тебе подчиняться будет. Диалектика, брат!

Оказавшись в бухгалтерии и расписавшись за непомерно большую сумму, получив от начальника финотдела конверт с приятно хрустящими неучтенными пятисотками, Андрей Николаевич продолжал размышлять, что же именно произош-

ло в Михайловке, если высокомерный начальник отдела кадров называет его братом, а начальник управления так торопится отправить его из области, что не жалеет для этого спонсорских рублей?

В хозяйственном отделе тоже выдали все без промедления. Даже полушубок. Он-то Кунжакову на хрена нужен был? Что, они его в этой самой Туве до белых мух гноить решили?

Старший лейтенант гнал от себя тревожные мысли. Приятно ведь было сидеть рядом с водителем, указывая, куда ему ехать. Тот, впрочем, и так все прекрасно знал, не иначе соответствующий инструктаж у своего начальства получил. И все равно жизнь в этот день была прекрасна и удивительна, поэтому Кунжаков старательно прогонял возникающие у него сомнения. Хотелось думать, что начальство действительно заметило старшего лейтенанта, оценило его таланты, а командировка в Туву — так, последний экзамен, который начальство устраивает для личного успокоения, увериться хочет, что оно в кандидате на выдвижение не ошиблось.

В четвертом часу дня он вернулся в гостиницу с характерно позвякивающим пакетом. Да-а, если бы сейчас дежурила та самая горничная, из этого дежурства можно было выкроить немало приятных минут. И главное — было чем девочку увлечь, глупо скупиться, когда не знаешь, что тебя ожидает завтра.

Но фортуна улыбнулась старшему лейтенанту Кунжакову и тут же повернулась к нему задом. Вместо симпатичной горничной дежурила особа неопределенного возраста, которая, Кунжаков это сразу понял, не станет лучше, сколько бы водки он ни выпил. К тому же и характер у этой особы был не самый приветливый и добрый. Молодая жена с таким вот характером на третий день после ЗАГСа вдовой может стать. Тот, у кого нервы пожиже, может и не выдержать.

Кунжаков посидел немного в своем номере в одиночестве и быстро понял, что одному пить глупо. Мрачные мысли, которые он целый день старательно отгонял, не только не исчезли, они стали четче и страшнее. Все эти тайны мадридского двора Кунжакову страшно не нравились. Если во-

дителя убили, то он действительно видел, как эти громилы из спецназа стреляли по своим же машинам из переносных огнеметов. Но тогда получалось, что они это делали с одной-единственной целью — оправдать применение силы в райцентре. Не зря же садились на военном аэродроме транспортные самолеты и бомбардировщики, не зря техника ревела моторами. Нагнать техники было в копеечку, а как говаривал классик русской литературы Антон Павлович Чехов, если в первом акте на стене висит ружье, то в последующих актах оно обязательно выстрелит. Генералам всегда хочется попробовать противника на излом, даже если этого противника нет и в помине. Это даже к лучшему, когда противника нет, можно свободно демонстрировать свое превосходство.

— Вы что, курите в номере? — раздался резкий голос за дверь. — У нас в номерах не курят! Вы же офицер, молодой человек! Как вам не стыдно нарушать внутренний распорядок гостиницы?

Кунжаков с досадой выбросил сигарету в форточку, печально оглядел свой роскошный стол, где рядом со «Смирновской» водкой соседствовали буженина, сырокопченая колбаса, итальянский сыр, который стоил бешеных денег и который старший лейтенант купил более для форсу, нежели по зову души. Нет, пить в одиночку не хотелось.

Он вышел в коридор и прошелся, пробуя двери номеров. Похоже, он был единственным обитателем гостиницы. По крайней мере на этом этаже. Черт его дернул остановиться в ведомственной гостинице! И путану сюда не вызовешь, завтра же будешь у генерала Зиборова на ковре стоять и иметь бледный вид.

Кунжаков подумал, а не зайти ли ему в гости к Старикову, но от неожиданно пришедшей в голову идеи быстро отказался. Не до него мужику, у Старикова и без визита незваного гостя голова кругом идет.

Он посмотрел на часы.

Было еще начало пятого, а на попутке до Кумылги три часа езды, и он вполне мог заскочить домой и поразить роскошью стола и открывающимися перспективами сослуживцев. Нор-

мальный ход, в семь он уже будет в Кумылге, до десяти посидит с ребятами, можно даже и дольше, а потом на посту ГИБДД его посадят на любую попутную машину, следующую на Царицын. А утром он уже назад вернется, чтобы принять вверенный ему коллектив для командировки в Туву. И волки будут сыты, и овцы целы. А заодно он узнает последние новости о Михайловке. Да что там сплетни собирать, мимо же поедет, можно даже заскочить к ребятам, только тогда придется еще парочкой бутылок «Смирновской» запастись...

Чем больше Кунжаков обдумывал эту мысль, тем больше она ему нравилась. В половине пятого он уже утвердился в своем решении. Без пятнадцати пять — или, как говорят военные, в семнадцать сорок пять — он уже выходил из номера все с тем же пакетом. Вещи, упакованные в просторные сумки, он из предосторожности не брал. Не дай Бог, хватится его высокое начальство. Поинтересуются они, где Кунжаков, а дежурная им ответит: вещи на месте, а старшего лейтенанта нет. С сумкой выходил. А в сумке бутылки звенели. Не иначе, намылился лейтенант к знакомым, а может быть, и на блудоход, негодяй, отправился.

13. ВОРОНЕЖ, ОБЛАСТНАЯ
ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ БОЛЬНИЦА,
9 СЕНТЯБРЯ 2006 ГОДА, 19.00

Что бы вы там ни говорили, дорогие господа и товарищи, а у психов своя собственная жизнь. Конечно, она несколько отличается от существования обычных российских граждан, но не настолько, чтобы выделять ее из единого потока общественной жизни. Ведь если говорить откровенно, каждый житель нашей многострадальной Родины имеет пунктик, не позволяющий считать его абсолютно здоровым человеком. Один склонность к клептомании проявляет, другой в депута-

ты рвется. Но ведь если вдуматься, цель у обоих одна. Или взять, к примеру, любителей спиртного. Один американский тест определяет, что, если человек три раза в неделю по различным поводам прикладывает к рюмке, он уже хронический алкоголик, требующий лечения независимо от выпитого. Хе! Нам бы их проблемы. А трижды за день не желаете? И не рюмками надо считать, а гранеными стаканами, которые у американцев не производятся, а потому и за меру выпитого не считаются. От наших доз у любого американца крыша поедет. Если к нам с американскими мерками подходить, нас всех уже лечить надо, невзирая на ранги и чины. Да что там говорить, простая тяга к курению является наркотической зависимостью; курящий человек, как это ни прискорбно, нуждается в лечении. И наркоманов у нас хватает — зайдя в туалет педагогического института и сразу же почувствуешь запах анаши, которую будущие педагоги как интеллигенты называют марихуаной. Про черняшку вообще говорить не приходится, в наше время в любом подъезде можно вечерами увидеть молодых людей, сосредоточенно склонившихся над площадью на подоконнике. И это понятно, к тонкому процессу варева дозы надо относиться трепетно и уважительно — в свою вену колоть будешь!

Но Бог с ними — алкашами, наркоманами и курильщиками. Пунктик, о котором говорилось выше, есть у всех.

Даже мужики, падкие до баб, они ведь тоже, по сути, больные! Это ведь самый настоящий пунктик, засевший у них в голове! При нашей зарплате и с нашей жизнью сексуальные желания только у ненормального могут проявиться, следовательно, и таких надо вылавливать и сильные психотропные препараты им вкалывать, чтобы не путали суровую реальность со своими мечтами.

Господи, что там далеко ходить! Любителей фантастики развелось, детективов... Мало вам фантастики и уголовщины в нашем мире, вам еще и читать про это надо? Понимаю вас, хорошо понимаю, рубашечку поднимите, я вам укольчик в задницу сделаю. Поможет, любезный, наши препараты не могут не помочь. И не волнуйтесь, мы и до так называемых

писателей доберемся, каждому ведь ясно, что если человек ежедневно за столом сидит и книги пишет, то у него ярко выраженная мания.

Нормальный человек по семь часов сидеть не будет, исписывая толстенные общие тетрадки. Нормальный человек будет стремиться влиться в естественный поток жизни. И не говорите, что вам пить не интересно или по бабам идти не хочется. Нельзя уходить от стереотипов, желание выделиться подобным образом тоже ведь своего рода заболевание.

Знаете, что сказали психиатры больницы имени Сербского на праздновании юбилея своей клиники? Если завтра к ним на обследование поступит главврач клиники, то они его обследуют и обязательно найдут у него пунктик, требующий лечения. А уж за лечением дело не станет. Наша психиатрия — лучшая в мире. Не зря ведь именно наши психиатры выявили у многих людей такое заболевание, как вялотекущая шизофрения.

Что касается двух пациентов, поступивших в Воронежскую психиатрическую больницу, то в их невменяемости и сомнений не возникало. Но если в первом случае пациент был просто смешон, то во втором он вызывал определенную жалость. Правда, лечили и того, и другого одними и теми же препаратами.

Первый был худым и жилистым, тело его покрывали многочисленные татуировки, которые ясно рассказывали о прошлой жизни их владельца. Например, на теле имелась татуировка разъяренного быка, свидетельствующая, что ее владелец является неисправимым уголовником. На предплечье синела наколка бутылки, голой женщины и карты, а надпись подтверждала идейно-воспитательное значение наколки. «Вот что нас губит!» — гласила она. На ступнях было выколото «Они устали», а пальцы пациента клиники украшали синие перстеньки, рассказывающие о жизненном пути их владельца не хуже характеристики или справки об освобождении из мест лишения свободы. Даже на самом чувствительном месте детородного органа у этого человека синело изображение осы, свидетельствующее о половой активности ее обладателя.

И этот человек, который, несмотря на бурную молодость, сохранил способность изъясняться вполне интеллигентно,

воображал, что является директором школы. Ясное дело, персонал клиники жалел этого человека, потерявшего свою социальную ориентацию и оторванного от привычного ему дела.

Второй — плотный мужчина, не имевший ни единой татуировки на теле, изъяснялся тем не менее на высокопробной фене, для связи слов использовал ненормативную лексику и утверждал, что является квартирным вором и призванию своему никогда не изменит. «Кто смел, тот и съел», — любил говаривать он. Вел пациент себя бесцеремонно и нахально, при каждом удобном случае пытался потискать санитарок, за что и подвергался справедливому наказанию. Врачи клиники, наблюдавшие этого пациента, склонялись к тому, что он вполне временно и в больницу попал, желая закосить и тем избежать справедливого наказания за совершенные им кражи.

Однажды их поместили в одну палату.

Больные долго и недоверчиво глядели друг на друга, потом тот, что в татуировках, спросил:

— Что, Виктор Александрович, несладко вам в нашей шкуре? Хреново вот так, блин, из директоров — в психи, а?

— Плохо, Витенька, — согласился татуированный интеллигент. — Вот уж не ожидал, что жизнь нас так сведет!

— А то, — согласился его собеседник. — Помню, как вы радовались, когда меня из школы исключили! А теперь, блин, вас еще и лечить будут. От излишнего педагогического рвения. А нам один хрен, мы и в чужой шкуре в зоне не потеряемся. Жаль только, постарше вы меня. Так вам радоваться надо, вы ж помолодели.

Татуированный с болезненной гримасой оглядел синие наколки на своем теле и слабо улыбнулся.

— Не радуется меня это, — сказал он. — Да и на работу тянет. Очень я по детишкам соскучился.

— Если бы мне в зоне кто-нибудь сказал, что в один денек мы с директором школы местами поменяемся, — собицил Хмельной, — я бы ему штифты побил, моргалки на очко натянул. А все-таки ништяк все получилось, теперь вы на своей шкуре испытаете, что такое зона! — Он подошел и неторопливо подергал прутья стальной решетки, отделяю-

щей обоих от свободы. — Вы теперь, Виктор Александрович, как Леонов из «Джентльменов удачи». Че ж майку не рвете, козу мне не лепите?

— Глянь, — удивился рыжий санитар, которого за грубую физическую силу и неуклюжесть все звали Бегемотом, — а они и впрямь местами поменялись! Этот, — он ткнул в татуированного, — директор школы, а интеллигентик, стало быть, его бывший ученик в директорской шкуре. Выходит, они оба нормальные?

Его одернули. Дураку ясно, что здоровых людей в психбольницу не помещают. Да и вообще сейчас трудно понять, бывают ли здоровые люди вообще или это только идеал, который доктора со скуки придумали. Ты только посмотри, что в политике делается, ты только газетки почитай — у Ленина, говорят, шизофрения была, у Сталина — паранойя, Брежнев с Ельциным — алкашами были, американского Рейгана болезнь Паркинсона доконала, да и Явлинский...

— А что Явлинский? — удивился Бегемот. — Нормальный мужик.

— Был бы нормальным, — отвечали ему. — Только ведь он в детстве боксом занимался. Откуда нормальности взяться, если его с десятков лет исключительно по голове били? Вон Мухаммед Али, который Кассиус Клей, как он страдал и мучился в конце своей боксерской карьеры? И миллионы не помогли здоровым стать!

— Жирика никто по голове не бил, — обиженно сказал Бегемот, который Григорию Явлинскому и его «Яблоку» открыто симпатизировал, — а ты только вспомни, что он последние годы вытворял!

Но правильно эти сомневающиеся сказали про пациентов. Через несколько дней они замолчали и даже на электрошок не реагировали. Да что там электрошок, от дубинки Бегемота и немые разговаривать начинали, а этим хоть бы хны! Плевать им, что вокруг столичные медицинские светила крутятся, пообщаться желают. Как партизаны в гестапо молчали пациенты, как рыбы в воде.

В конце августа на них уже и рукой махнули.

Каталепсия. Научный ярлык был навешен, и сразу всем полегчало. Вроде происходящее более понятным стало.

Психиатрия — вещь тонкая. Сколько в больнице душегубов разных побывало, и чем больше он людей угробил, тем увереннее можно было сказать, что врачи этого душегуба признают вменяемым. Не знаю, как вы, но большинству более приятнее быть психбольными, чем такими здоровыми, как Чикатило, который женские матки грыз и яички пацанов варил, или, скажем, Гена Лизун, который женщину, перед тем как ее убить, раздевал догола, медом мазал и вылизывал с головы до пят.

А врачам что? Им главное — поведение пациента под какой-нибудь ярлык подогнать, они и радуются, рапортуют — распознали болезнь, теперь ищем средства для ее излечения. А лечение одно — сера да нейролептики, которые способны саблезубого тигра в невинного котенка превратить. Настоящих психов врачи побаиваются, сами понимаете, сегодня ты его лечишь, а завтра он тебя на темной тропиночке встречает и о жизни разговаривать начинает. Всем понятно, чем такие разговоры заканчиваются.

Пациенты, о которых шла речь выше, были тихими, а потому и лечить их можно было без каких-либо опасений.

Тем более что в последние дни они даже не ели, только пили помногу. Совсем как растения. И уборке палаты они не мешали. Бегемот заходил, брал их по очереди и укладывал на чистое место, а после уборки переносил обратно в постель.

Только когда он поливал их из шланга тугой струей прохладной воды, больные вроде оживали, даже пытались ползать по кафельному полу, но с завершением помывки впадали в прежнее бессознательное состояние.

Бегемот только руками разводил. Всякие пациенты у него были, а таких вот видеть не доводилось. «Обманчивое это спокойствие, — сказал Бегемот. — Чую я, доставят они нам еще хлопот!»

И правильно он это сказал: в ночь на девятое сентября эти психи такой концерт устроили, можно было даже подумать, что находились они не в профильной клинике, а в живодерне, а Бегемот, которому довелось дежурить в эти сутки,

был главный живодер. Ох они и попортили ему нервы и настроение. Он ведь на сутки заступал, чекушку приготовил, а эти паразиты вдруг начали орать, словно их резали. Бегемот взялся их по-своему успокаивать. Были у него нетрадиционные методы. Только в этот раз апробированные не единожды методы не сработали, да и применять их к умирающим на глазах психам было невозможно.

Намаялась с ними дежурная смена, так намаялась, что — неслыханный случай! — Бегемот свою чекушку с дежурства непечатой понес.

Ясное дело, собрались различные светила, начали пульсы у больных искать, версии строить. Сошлись на том, что больные не жильцы.

А в семь часов обнаружилось, что эти кандидаты в покойники сбежали.

Никто не мог толком сказать, как это произошло, но сумели психи преодолеть и решетки, и запоры. В палате их не было.

И только тут выяснилось, что не совсем обыкновенные больные это были. Из-за побега двух обычных психов милиция на уши вставать не будет, армейские наряды всю территорию больницы не заполонят. А тут столько солдатиков понагнали, что по двору пройти нельзя. Всю смену с отдыха вызвали, и допрашивали их серьезные дядечки с большими звездами, поэтому, когда Бегемот сказал, что эти психи в школе людоедством занимались, девочек-старшекласниц харчили, ему сразу поверили. Кто-то даже вспомнил любимую поговорку одного из психов. Очень тот любил говорить: «Кто смел, тот и съел!» Знал, наверное, негодяй, что говорил!

Но бежавших больных так и не нашли. Из-за этого весь Воронеж сутки не спал, родители бегали и дочек своих искали, да и пацанам особой воли не давали. Мало ли что у этих психов на их тронутом уме! Сегодня девочек едят, а завтра мальчиками оскоромятся.

Никто ведь и не подумал, что Бегемот эту людоедскую историю просто придумал.

И это еще раз доказывает, что каждый человек у нас в стране рождается с пунктиком и, следовательно, подлежит в свой час обязательному лечению.

14. ПРИГОРОД ЦАРИЦЫНА РАЗГУЛЯЙ, 9 СЕНТЯБРЯ 2006 ГОДА, 19.30

Старший лейтенант милиции Кунжаков маялся на трассе Царицын — Москва и уже проклинал тот час, когда его посетила мысль навестить родных и сослуживцев. Только природное казацье упрямство удерживало Андрея Николаевича от возвращения в гостиницу.

Машин на трассе почти не было, а если и шли, то в основном военные, которыми по определенным соображениям старший лейтенант ехать не решался, или же мимо проносились редкие гражданские машины, которые шли до Арчеды или Иловли, а это, в свою очередь, не устраивало путешественника.

Из осторожности старший лейтенант голосовал не в городе, а в пригороде, рядом с заправкой «Лукойл». Дорога здесь резко шла под уклон, с обеих сторон темнели неказистые дачи, с правой стороны на склоне холма зеленела огромная каска, пробитая осколком, словно воевали в прошедшую мировую войну гиганты.

Кунжаков тормознул старенький «жигуленок», и опять неудачно — водитель возвращался из города на хутор Авилково. Можно было бы доехать до Иловлинского поста ГИБДД, но старший лейтенант на это не решился. А ну как не повезет с попутным транспортом? Тогда ведь обратно в Царицын возвращаться придется, а судя по интенсивности движения, сделать это было не особенно просто. Если бы не упрямство, Кунжаков не поехал бы домой, а повернул назад. Возвращение было достаточно проблематичным, чтобы рисковать будущим положением. Но сколько поступков мы совершаем вопреки открывающимся перспективам!

Тем не менее Кунжаков повернул бы назад, несмотря на позвякивающие в пакете бутылки. Но тут рядом остановилась машина, и из кабины послышался знакомый голос.

— Андрей Николаевич! Товарищ старший лейтенант!

Из сине-белой кабины в меру потрепанного и битого дорогами «зилка» выглядывал улыбающийся десантник Лешка, с которым они вместе ночами бродили у подножия загадочной Сферы. Лешка улыбался в тридцать два зуба, сразу было видно, что случившейся встрече он рад.

— А я смотрю — вы или не вы? — сказал он, пока Кунжаков забирался в кабину. — Потом признал, все-таки выделяетесь вы, товарищ старший лейтенант!

Странное дело, там, у городка, они были на «ты» и абсолютно не тяготились этим. Теперь бывший десантник уважительно обращался к Кунжакову на «вы» — видно, в его родной Даниловке дорожная служба уже приучила бывшего армейца если не любить родную российскую милицию, то хотя бы побаиваться ее.

— Здорово, Алексей! — Старший лейтенант крепко пожал руку знакомого. — Давно из дома?

— Вчера в ночь выехал, — сказал водитель. — Меня на НПЗ за насосом послали.

— Что там, в Михайловке, не слышно?

— Не знаю. — Водитель пожал плечами. — Народ так и стоит, войска не сняли, пропускают, как и тогда, по специальным документам. Я же ночью ехал, не видел никого!

Машина медленно катилась вниз по склону. Солнце уже коснулось красным краем далекого горизонта. Над багрово-красной полосой зари в светлом еще небе горела яркая звезда.

Кунжаков опустил стекло, и в кабину ворвался свежий воздух, впрочем, еще слишком теплый, чтобы порадоваться вечерней прохладе.

— А меня в Туву отправляют, — сказал он, доставая сигареты. Обычно он курил «Ростов», но, получив подъемные, раскошелился на «Винстон». Водитель одной рукой потянулся к пачке, взял сигарету и той же рукой ловко прикурил от зажигалки.

— Значит, к концу дело идет, — сказал он.

— Похоже, что так, — согласился старший лейтенант, затягиваясь пахучим дымом. — Только вот — к какому?

Машина пошла на подъем, миновала линию электропередачи. После моста Алексей сбросил скорость. Точно, на-

учили его даниловские менты из дорожно-патрульной службы Родину любить!

Пост ГИБДД миновали без особых осложнений. Никто их не останавливал. Однако опытный взгляд Кунжакова сразу отметил на посту что-то непривычное. Уже миновав пост, он понял, что его удивило — привычных бронетранспортеров у поста не было. Похоже, что в Туву его посылали не зря! Кунжаков помрачнел.

Машина поравнялась с аллеей тополей, вытянувшихся к опытной станции. Около крайних деревьев отчаянно махал обеими руками суетливый человек. Голосовал мужик. Кунжаков скользнул по любителю путешествовать автостопом равнодушным взглядом. В следующий момент он в изумлении высунулся из кабины.

— А ну-ка, Леша, притормози!

— Знакомый? — Водитель послушно притормозил и съехал на обочину. В зеркало заднего вида Кунжаков наблюдал за торопливо подбегающим человеком. Он не ошибся.

— Не подбросите? — сказал тот, останавливаясь рядом с дверцей кабины.

— Садись, Дима, — сказал старший лейтенант, распахивая дверцу кабины. — Не знаю, куда ты так торопишься, но, похоже, нам всем в одну и ту же сторону.

Некоторое время голосовавший с удивлением смотрел на старшего лейтенанта, потом узнал его и, яростно махнув рукой, полез в кабину.

— Какими судьбами? — спросил Кунжаков, едва автомашина тронулась с места. — Или случилось что-то?

— Случилось, — хмуро сказал Дмитрий Стариков. — Светка пропала. Я с утра за врачом пошел, вернулся — а ни ее, ни Маришки нет.

— Ты думаешь, они туда подались? — удивился Кунжаков, устраиваясь поудобнее и выбрасывая в приоткрытое окно кабины окурочек. — Не знаю, Дима, я бы лично туда не поехал. Опасно в те места возвращаться.

— Если бы ты видел, как их ночью корежило! — Лицо Старикова было каменным. — Я чуть с ума не сошел, глядя,

как они орут и извиваются! Там что-то случилось, Андрей! Что-то плохое случилось, я чувствую. Поэтому они и сорвались. Они ведь другие, Андрей, они меняться начали, это даже такому дураку, как я, видно было.

Алексей внимательно глянул на нового попутчика.

— Ба! — удивленно сказал он. — Беглец! А я тебя сразу и не узнал. Богатым будешь! Это ведь он тогда, Андрей Николаевич, по подземному ходу из города вылез?

— Он, он, — подтвердил, досадливо морщась, Кунжаков.

Нехорошие предчувствия, терзавшие его более суток, окрепли и обрели реальные очертания. Похоже, амбец пришел Михайловке и ее жителям. Серьезно начальство подошло к случившемуся, очень серьезно. Вспомнив умельцев из зондеркоманды, старший лейтенант вздрогнул. Теперь он не сомневался, что водитель Николай был прав, за что его и убили. Куда же в таком случае ехали они? А главное — зачем! Если все шло к тому, что жителей районного городка посчитали опасными, то свидетели будут еще опаснее. Не дай Бог разойдется по всему миру, что армия занималась самым настоящим геноцидом! И гадать не стоило, что при зачистке города среди мирного населения жертвы будут. И немалые. Это же скандал на весь крещеный мир! Это же правительство сменится как пить дать! А с опасными свидетелями поступают обычно — им просто не позволяют давать свидетельские показания. А для этого затыкают рот. Навсегда.

Кунжаков почувствовал, что у него пересохла глотка. Порывшись в пакете, он достал бутылку пепси, открыл ее и сделал несколько глотков.

Значит, атака на город все-таки состоялась. Куда же дели население? Эвакуировали? Скорее всего это было именно так. Страна у нас большая, распихали михайловчан по психушкам, самых интересных, естественно, в институт Сербского, как подопытных кроликов, вывезли. А из этого вытекало, что Старикову свою семью теперь придется очень долго искать. И не факт, что он ее найдет. И тут Кунжакову в голову такая мысль пришла, что мороз по коже прошел. Он косо

глянул на Старикова, смотревшего вперед с неподвижным лицом, на негромко напевающего беззаботного водителя Алексея, который уже наверняка забыл о своей службе в десантных войсках. Им эта мысль в голову не приходила. Она могла прийти в голову лишь милиционеру, побывавшему не в одной «горячей точке», а потому все видевшему и знавшему не понаслышке.

Если город подвергся нападению из космоса, если население его стало потенциально опасным для всего остального мира, то кто сказал, что с этим населением будут церемониться?

Надо было еще доказать, что жители города стали опасными. Подумаешь, замолчали они! По нашей жизни иной раз вообще ни с кем общаться не хочется. Так если ты молчишь, никто тебя ненормальным не считает. Не в духе человек, и все.

Но с другой стороны, когда вдруг замолкают жители всего города, и замолкают они после того, как оказываются за невидимым барьером, поставленным неизвестно кем и неизвестно для каких целей, если жители эти не реагируют ни на кого, думают неизвестно о чем... Будут ли в таком случае с ними церемониться или просто решат проблему извечным простым способом: с глаз долой — из сердца вон?

Кунжаков закурил.

В кабине стояла тягостная тишина, только водитель что-то немзыкально напевал. Надо было что-то сказать или хотя бы поделиться своими соображениями, но старший лейтенант на это не решился. Да и кто бы вот так — запросто — высказал подобные мысли вслух?

Справа показалась цитадель свиноводческого хозяйства, сложенная из красного кирпича. К нему примыкал невысокий хвойный лес, достаточный, однако, чтобы остановиться поблизости от дороги и быть невидимыми с нее.

— Леша, — попросил старший лейтенант Кунжаков. — Притормози немного. Видишь, у человека плохо на душе? Заруливай в ельник, я ему немного лекарства плесну.

15. ЦАРИЦЫНСКАЯ ОБЛАСТЬ,
БЫВШИЙ РАЙОННЫЙ ЦЕНТР МИХАЙЛОВКА,
10 СЕНТЯБРЯ 2006 ГОДА, 0.00

Такое можно было увидеть только в бредовом сне! Да и во сне такое снится очень редко. Чтобы видеть такие сны, надо быть сумасшедшим.

Кунжаков опасался, что около Михайловки их обязательно остановят. Никто их не остановил. Да и огромного лагеря на развилке уже не было, только мусор и ямы от столбов показывали, что недавно здесь был постой. На повороте к городу грудилось несколько милицейских автомашин и бронетранспортеров. Милиционер лениво вышел на дорогу и махнул рукой, чтобы «ЗИЛ» проезжал мимо. Алексей прибавил газу. Грузовая автомашина, надсадно рыча, набрала скорость и устремилась на подъем. За мостом, там, где раньше стояли гигантский крестьянин с дояркой на фоне огромной крутобокой коровы, сейчас ничего не было. Не было видно даже телевизионной вышки. Машина взяла подъем, и находящиеся в ней люди все-таки увидели эту вышку.

Телевизионная вышка лежала на боку и была изломана, словно ее топтал великан. В разные стороны торчали арматура и лопнувшие стальные переплеты, делающие поверженную вышку похожей на рыбий скелет. Развалины, на которых лежала телевышка, еще дымились.

Алексей присвистнул.

Стариков побелевшими пальцами вцепился в сиденье.

— Лихо! — сказал Стариков. — Если уж вышку свалили...

Он не договорил, но в разъяснениях нужды не было. На выезде из города в сторону Москвы снова стояли бронетранспортеры и милицейские машины, освещенные лучами заходящего солнца. Двое дюжих парней в полосатых тельняшках мылись, поочередно поливая друг друга из ведра. Грузовик проводили ленивыми скучающими взглядами, но никто не сделал попытки остановить его. То ли форма Кунжакова успо-

каивала постовых, а быть может, указание было получено не пропускать никого в город, а на проезжающих мимо можно уже было не обращать внимания.

Кунжаков посмотрел направо.

Город прятался в котловине, поэтому домов отсюда не могло быть видно. Над котловиной стоял черный туман. Более всего он напоминал дым. Кунжаков закурил, стараясь не думать о том, что произошло в городе.

— Тормозни за поворотом, — попросил Стариков. — Я сойду.

— Ну куда ты пойдешь, — попытался остановить парня Кунжаков. — Не видишь, сколько там солдатни и нашего брата понатыкано? Не ровен час подстрелят! Сам знаешь, в такой ситуации церемониться не будут!

— Тогда какого черта я сюда ехал? — возразил Стариков. — Мне надо жену найти и дочку. Ничего, Андрей, один раз я уже рискнул. Сам знаешь, обошлось.

— Да это мы тебе попались тогда, — мрачно сказал водитель, но скорость сбросил. — Другие тебя взяли бы за химо и отволокли в штаб. До сих пор бы по изоляторам вместе со своими скитался бы... А может, и похуже что-нибудь произошло.

— Останови, Леша, — попросил Стариков. — Я понимаю... Но вы тоже поймите, мне надо.

— Да с чего ты взял, что твоя Светка там? — не выдержал Кунжаков. — Как бы они сюда добрались? Сам же говорил, что они всю ночь мучились! Каким манером она бы в город пробралась, да еще и малую дочку с собой протащила? Не дури, Димка, поехали до Кумылги. Здесь недалеко уже. Зайдем в райотдел, узнаем все новости... Наши всегда обо всем осведомлены. Точно тебе говорю! Поехали!

Дмитрий Стариков покачал головой.

— Я знаю, что они там, — сказал он. — Я чувствую это.

— Какие мы чувствительные, — злобно сказал Кунжаков, уже понимая, что обратного пути нет и он никогда не оставит Старикова наедине с бездушной мясорубкой, перемоловшей город в прах. Увидев останки телевизионной вышки, старший лейтенант уже понял, что смутные догадки его были верны. — Ну откуда тебе это знать?

Стариков вздохнул и прыгнул из кабины на землю.

— Спасибо, мужики, — поблагодарил он. — Дальше я сам.

— Дальше он сам! — передразнил Кунжаков, выбираясь наружу и с тоской оглядывая цветной полиэтиленовый пакет, из которого пахло вкусной едой и благородным коньяком. — Ухлопают тебя в городе, потом всю жизнь себя корить буду. Ладно, Лешка, пусть пакет у тебя остается — если что, так помянешь рабов Божьих. А повезет — мы тебя найдем и вместе это дело отметим. Только ты сразу на коньячок не налегай, подожди нас все-таки, может, мы еще и выкарабкаемся.

Бывший десантник хищно оскалился, плюхнулся за руль и задним ходом загнал «зиллок» в лесополосу.

— Как же, одни они пойдут! — сказал он, выбираясь из кабины. — Этот свою ракетницу в прошлый раз потерял, а у тебя, Андрей Николаевич, в твоей кобуре, кроме горбушки и соленого огурца, сроду ничего не было! Погоди чуток, я сейчас что-нибудь сподручное в ящике с инструментами найду, тогда и пойдем все вместе. Не бросим же мы мужика!

Проселочная дорога, еще с весны разбитая «Кировцами», вывела их на западную окраину райцентра. Заводские корпуса и административные здания выглядели как обычно, но пугали своей безлюдностью. Деревья, покрытые цементной пылью, казались странными муляжами, изготовленными для фильма «ужасов». Станным было, что они еще жили, вытягиваясь к солнцу и поглощая в избытке выделяющийся углекислый газ.

Солнце уже садилось, его круглый красный диск почти касался далекого горизонта, затянутого облаками. Небо над городом заметно потемнело, но все-таки было достаточно светло, и звезды еще не усыпали угрюмого небосклона, только у самого горизонта, над медленно гаснущей зарей, высветилась сверкающая горошина Венеры.

Вблизи цементного завода открывалась панорама города. Вероятно, когда-то она выглядела живописно, но теперь пугала своей безнадежностью и диким разрушением, так неожиданно открывшимся взгляду.

Города не было.

От него остались только дымящиеся развалины. Словно огромный неистовый великан поработал над котловиной исполинской дубиной. Остовы многоэтажек торчали вверх карьерными клыками. Время от времени в некоторых из них вновь занималось пламя, пожирившее все, до чего его языки не дотянулись в первый раз.

— Елки-моталки, — озадаченно сказал Алексей. — Да что же тут произошло, Андрей? Война была, что ли?

Кунжаков промолчал.

Он видел бледное заострившееся лицо Старикова и понимал, что тот сейчас не слышит и не видит ничего, кроме этих дымящихся развалин.

— Пошли, что ли? — сиплым голосом предложил он. — Чем больше я смотрю, тем больше меня мандраж бьет. От этой картины свихнуться можно!

Они шли по еще пышущей жаром земле, и в воздухе кружила копоть, похожая на черные снежинки. По обеим сторонам их пути на месте бывших домов и сараев тлели, источаясь в сизый пепел, обугленные черные бревна и доски, лежало скрученное жаром кровельное железо, торчали остовы, бывшие некогда мебелью, и разноцветно бросались в глаза полусгоревшие тряпки, которые еще недавно являлись чьей-то одеждой.

Кунжаков старался не смотреть по сторонам. В голове его сумасшедше пульсировала одна-единственная мысль, словно заело пластинку с какой-то дикой песней: «Вот оно как... Вот оно как... Вот...»

— Во, блин, — бормотал идущий сзади водитель. — Это что ж здесь произошло? Неужели все-таки инопланетяне напали? Ни хрена себе! Звери какие-то!

«Звери и были, — думал Кунжаков, идя по тому, что еще совсем недавно называлось городской улицей. — Двунogie, хорошо дрессированные звери...»

Он вспомнил накаченные спины черных прапорщиков, но тут же сообразил, что какими бы крутыми эти самые спецназовцы ни были, не могли они сжечь город. Тут техника требовалась, и могучая техника! Подумав об этом, Кунжаков

похолодел — а что, если Алексей прав? Могло быть так — обиделись на что-то и вернулись. В конце концов, им не самый теплый прием оказали.

— Лучше нам, мужики, вернуться, — сказал Кунжаков. — Добром это не кончится. Глянь, чего с городом сделано — пепел сплошной!

Старший лейтенант и раньше не отличался бравым видом, а сейчас, когда его сапоги были в пыли да пепле, он и вовсе выглядел годным к нестроевой. Мосластое лицо его было напряжено, кожа туго обтягивала скулы, и резко обозначились темные круги подглазников. Кунжаков расстегнул ворот рубашки, он тяжело дышал. И было от чего — старший лейтенант по службе не раз выезжал на случавшиеся в Подтелковском районе пожары и хорошо знал, что значит запах паленого мяса, витавший на месте пожарищ. Опытному человеку и объяснять не нужно, что здесь случилось. Понятно, что без жертв такие пожары не проходят.

Водитель Алексей пробормотал что-то себе под нос, и не понять было — то ли он осуждает милиционера за проявленную слабость, то ли поддерживает его слова о том, что происходящее добром не кончится.

И тут они увидели людей.

На пустыре, покрытом пожелтевшей от температуры травой, стояли несколько человек. Чуть впереди мадонной с библейской картины стояла Светлана Старикова с дочерью на руках. Поодаль стоял высокий худой мужчина с синими от татуировок руками. Рядом с ним напряженно застыл невысокий плотный мужчина средних лет.

Левее их стояли две женщины. Одна из них была молода и красива, вторая тоже выглядела симпатичной, но по грубоватому обветренному лицу и морщинкам, сеткой рассыпавшимся под глазами, сразу угадывалось, что жизнь ее не баловала и даже напротив — била плашмя и наотмашь, не обращая внимания на жалобы и мольбы.

Сумерки быстро сгущались.

Вечер зализывал раны, причиненные городу, тьма, как бинты, окутывала развалины и пожарища, и над этими судо-

рожными движениями Земли равнодушно и холодно высветились первые звезды.

Кунжаков закашлялся. Звуки человеческого голоса прозвучали неестественно в опустившейся на город тишине.

Странное дело, на его кашель никто не обернулся. Жители бывшего города словно ожидали чего-то.

Стариков молчал.

Кунжаков его понял бы, начни Стариков звать свою жену или ребенка. За тем ведь и шел во второй раз — чтобы опять спасти и забрать. Но парень молчал, глядя на странную группу людей на пустыре, и только нервно дергалась щека и неестественно блестели глаза, отражающие свет звезд.

Старший лейтенант Кунжаков шагнул вперед. Он оказался единственным представителем власти на этом огромном пожарище, по всему выходило, что именно ему предстояло принять решение. Водитель Алексей поймал его за руку и придержал.

— Смотри, начальство катит! — хрипло сказал он.

Кунжаков оглянулся.

Через пустырь двигалась большая группа людей. Вокруг суетились операторы с телекамерами на плечах. Первый — невысокий и бородатый — был Кунжакову не знаком, но по вальяжной походке и уверенным жестам сразу понималось, что человек этот наделен немалой властью и привык распоряжаться и приказывать. Идущих рядом с ним генералов старший лейтенант тоже узнал сразу — начальника УВД грех было не узнать, да и армейского генерала Сергеева он в лагере видел не раз. Окружавшие их чиновники на себя внимания не обращали, разве что проявлявшейся в походке и жестях угодливостью отличались они от остальных.

Крымов остановился, с изумлением глядя на неожиданную группу людей.

— Кто? — сдавленно сказал он, бросая злой и многообещающий взгляд на генерала Сергеева.

Генерал беспомощно озирался. Рядом стоял полковник Ирницкий, который был специалистом и великим докой во всех темных делах, но именно сейчас, когда вокруг вились те-

левизионщики и с неожиданными свидетелями нельзя было ничего поделывать, бесполезно и глупо было задавать полковнику вопрос, с которого всегда начинались поиски виноватых.

— Баба... — негромко и удивленно сказал кто-то из окружения генерала. — С ребенком...

Крымов еле слышно выругался.

Ситуация была патовой. Сволочь был этот самый прапорщик Кикилашвили. Сволочь, а не специалист, оставил-таки свидетелей! Мало ему было, сукину сыну, «Осы»! Стрелять надо таких без суда и следствия! Крымов задыхался от бешенства, но был бессилён что-либо предпринять. Казалось невозможным при телевизионщиках убирать этих людей с пустыря, а тем более никак нельзя было их изолировать. Милиционер Крымова не смущал, невелика птица, гораздо больше его смущали телевизионные камеры, которыми велась неосмотрительно разрешенная им передача. На всю Россию сейчас происходящее транслировали, если не на весь мир.

Он снова затравленно огляделся, расчетливо прикидывая, как поступить дальше. Телевизионщики не отрывались от своих камер. Приехавшие с Крымовым москвичи поглядывали на своего начальника с надеждой. Без пяти минут министр обороны был бледен. На офицеров, что столпились вокруг Сергеева, не стоило и смотреть.

Мир вокруг наливался светом.

Призрачный свет заливал пустырь, словно угасший пожар начал вновь разгораться. Этого не могло случиться: все, что могло сгореть, сгорело еще днем.

Тем не менее становилось светлее.

Свет возвращался, серебря мир, и невидимые смерчки вздымали в воздух кучи остывшего отливающего синевой пепла. По пустырю, свиваясь в кольца и жгуты, неслась чудовищная поземка.

Люди, по разным причинам оказавшиеся на пустыре, зачарованно следили за тем, как взвихренный пепел медленно оседает на свои места, превращаясь в доски и в кирпичи, в кафель и цемент, в глину, в камень, в свежеспиленное дерево, в металл и шифер. Однажды уничтоженный город поднимал-

ся из руин в сиянии и тишине. Медленно возвращались на привычные места дома и сараи, кирпичные многоэтажки и бревенчатые амбары, садовые вишни и уличные тополя.

Город поднимался из руин.

С ужасом и надеждой стоявшие на пустыре люди ожидали появления его жителей. Для одних это было обретением родственников и друзей, укреплением веры, что мир отныне не будет прежним, для других — крушением всех их политических и жизненных надежд, для случайных же свидетелей происходящее было чудом, которое Вселенная или ее неведомые обитатели являли в доказательство своего беспредельного могущества.

И только звезды, что смотрели на все с космической высоты, были равнодушны к суетливым страданиям обитателей людского муравейника. Фонари всегда равнодушны к мукам мотыльков, летящих на их свет.

А для мотыльков, летящих на гибельный свет, есть только огненное сообщество собратьев, живущих схожими желаниями. Что мотыльку холодный свет звезд с их сверхкосмическим экстазом? Там, среди звезд, самая страстная любовь и самые яростные желания подвергаются беспристрастной оценке. Там, среди звезд, возможность гибели мира рассматривается безо всякого сожаления — ведь мир этот всего лишь один из возможных и даже не самых лучших вариантов.

Но, разрешая видимость беспристрастности звездным мирам, ни один мотылек никогда не простит предательства своему собрату, отринувшему тепло света и уходящему в холод тьмы.

Из руин вставал не прежний город. Из руин вставал новый мир. И жителям этого нового мира нужно было обязательно добиться просветления своей расы, прежде чем она шагнет к звездам. Необходимо было понять, что ложь родит ложь, но никогда не родит правду. Нужно было осознать, что человеческое сообщество не может жертвовать даже малой своей частью в угоду минутным интересам.

Наконец, надо было понять, что каждое разумное и живое существо дороже мертвой галактики.

ПОЛЕ БРАНИ ДЛЯ ПАВШИХ

Глава первая

1

Иванов встал рано и долго не мог найти себе места. Причина тому была объективной — боль снова проснулась и принялась медленно жевать правую ногу. Делала она это неспешно, как беззубая старуха, обгрызающая вываренную куриную косточку. Некоторое время Александр лежал, пытаясь найти для ноги нужное положение, надеялся, что нога прогреется и боль затихнет, но через полчаса понял, что надеялся напрасно — боль поползла от исполосанного шрамами колена по бедру, укусила его за пах и свернулась холодным змеиным кольцом в нижней части живота, еще безопасная, но уже готовая в любой момент ужалить тело больше, чем прежде.

Александр полежал, глядя в потолок. Было уже довольно светло, и за окном пробовали голоса проснувшиеся птицы. Помучившись в постели, Александр сел. На часах было около шести утра, и ложиться не стоило. Да и больная нога все равно уснуть бы уже не дала. Если она начинала болеть, то делала это основательно и мучительно. Так сказать, память о прошлом, прах бы ее побрал!

Он накинул куртку пижамы, пошел на кухню и сразу же закурил.

Не торопясь поставил чайник на огонь, зажег конфорку и подошел к окну. Окно испещрили холодные струйки бесконечного дождя. Дождь шел уже второй день, черно-серые тучи ходили вокруг города, казалось, что они задались целью

затопить город со всеми его жителями. Опять кто-то недосмотрел, а скорее всего серафимы развлекались подобным образом. С чувством юмора у серафимов дела обстояли туго, специфическое чувство юмора было у серафимов, подобное чувство можно было найти лишь у висельников, да и то не у каждого.

Иванов выглянул в окно.

Асписные стены домов казались сейчас черными. Внизу тускло желтела мостовая. Промокшие кипарисы казались с высоты восьмого этажа маленькими темными пирамидками. На зеленых ярких газонах буйно цвели магнолии.

Чайник засвистел. Александр выключил газ, достал заранее высушенный заварочный чайник и бросил в него две щепоти байхового чая, добавив к ним несколько сушеных лепестков розы, жасмина и зернышко кардамона, чтобы чай получился совсем уж ароматным.

В ожидании, когда чай заварится, он вернулся к окну. Улицы еще были пустынными, только на перекрестке стояли несколько херувимов в пятнистой форме. Херувимы внимательно и покорно слушали светлого Ангела, но сразу видно было, что нравочения высшего существа херувимам бесконечно надоели и слушают они скорее по обязанности, нежели для того, чтобы впитать истину. Да и какие истины могут быть в шесть часов утра? Тем более у Ангела. Наконец Ангел закончил свои поучения, распахнул белоснежные огромные крылья и унесся в высоту. Правильно, что ему мокнуть под дождем?

Для этого херувимы есть. Им, значит, херувимово, а Ангелам — ангельское. Они по ночам ниже Седьмого Неба не спускаются, этот, судя по появлению, был совсем уж из ретивых служаек, то ли выбеленный недавно, то ли скучно ему было, вот и решил ради развлечения херувимов погонять. Только ведь на херувимов где сядешь, там и слезешь. Они и обязательные заповеди мимо ушей пропускают. Морды львиные скривят, мышцами на лапах играют — сила есть, ума не надо.

Александр вернулся к столу, снял чехольчик с заварника и с удовольствием вдохнул аромат чая. Даже боль в ноге отступила.

Одно слово — райское наслаждение, осененное улыбчивой Благодатью и освященное ежели не самим Господом, то его правой рукой Архангелом Михаилом. Иванов налил себе чаю в тонкую фарфоровую чашечку и принялся пить. Сладить чай он не стал, сладить такое великолепие — только вкус портить. И в самый разгар чаепития колено вдруг дало о себе знать самым подлым образом, аж слезы на глазах выступили от неожиданного прострела.

«Господи, — с тоской и неожиданной злостью подумал Иванов, — ну что тебе стоило вылечить мое колено? Я же тебе не Иаков, у меня в роду никого из богоизбранного народа не было. Татары были, хохлов парочка затесалась, а вот богоизбранных не было. Мне свою ногу искалеченную продемонстрировать некому, а от болей ночных я уже, честно говоря, устал. Не нужна мне такая память о прошлом!»

Он помолился, но Бог молчал. То ли отвечать не хотел, то ли сделал вид, что не слышал. А колено уже прямо выкручивало, ломало, и от этой ломоты можно было избавиться лишь одним, не раз проверенным способом — положить на ногу компресс из слюны василиска, но для этого надо было встать, а вставать было трудно все из-за той же больной ноги, да и запах слюны василиска, надо было честно сказать, бодрости и энергии не добавлял. Александр отхлебнул из чашки и принялся разглядывать иллюстрации в журнале «Сон-Рай», которые он и без того знал наизусть. Включать сейчас телевизор даже не стоило — утро, как обычно, было отдано евангельским проповедям, в лучшем случае покажут Моисея или очередное заседание попечительского райсовета. А смотреть на споры распухших от нектара да мясных просвирок небесных избранников Александру Иванову было скучно и тоскливо. Уж лучше духовные негритянские гимны слушать, негры их исполняли с таким жаром и слаженностью, что душа восхищенно замирала.

Но для того чтобы послушать духовные гимны, надо было идти в соседнюю комнату, и, подумав, Иванов от этой затеи тоже отказался.

Только и оставалось ему, что сидеть в пустой и тихой кухне своей кельи, пить чай и думать, что делать после окончания чаепития.

Впрочем, выбора особенного не было — хочешь не хочешь, все равно надо было лезть в чулан за бутылкой с василисковой слюной. Колено разболелось так, что больше ни о чем думать не хотелось. И не зря оно начало ныть еще со вчерашнего вечера. Дождь за окном все усиливался, и конца ему не было видно. Как тогда, в пустыне Негев...

2

Транспортный «Руслан» приземлился на темную бетонную полосу, уходящую в желтые бесконечные пески. Прильнув к иллюминатору, солдаты жадно разглядывали место своей будущей службы, но ничего, кроме темных песков с чахлыми редкими кустиками зелени, не видели.

Пески были вокруг, желтые бесконечные пески с пологими мелкими барханами, уходящими волнами к далекому горизонту.

— Вот завезли, — пробормотал крепыш Никитин. — В увольнение сходить некуда. Одни верблюды.

Он оторвался от иллюминатора, широко раскинул длинные ноги в камуфлированных штанах и тяжелых десантных ботинках. На круглом лице его было разочарование. Впрочем, десантник Саля Иванов испытывал похожее чувство. «Вот тебе и зарубежье, — тоскливо подумал он. — Все как в Туркмении. Днем жара донимает, ночью шакалы спать не дают!»

Самолет резко снижал скорость, и рев его моторов проникал через обшивку.

— Пацаны! — вдруг удивленно сказал кто-то. — Да тут дождь идет!

По толстым линзам иллюминаторов бежали юркие извилистые струйки воды.

Самолет коснулся посадочной полосы, тяжело прокатился по мокрому бетону и, в последний раз взревев двигателями, зарулил на стоянку. Наступила звенящая тишина.

— Внимание! — На пороге двери, отделяющей отсек от офицерского салона, появился лейтенант Городько. Рослый, почти двухметровый, он казался внушительным и монументальным. А морда у него была — на медалях за верную службу Отечеству такую выбивать. — Всем занять места согласно штатному расписанию. Максимум внимания и собранности. Средства связи держать в готовности номер один. — Городько ухмыльнулся. — Все-таки не забывайте, что мы не дома, мужики!

По обшивке самолета барабанил мелкий и теплый дождь. Десантники организованно выбирались из самолета, оглядываясь с любопытством по сторонам.

— Елы-палы, братцы, действительно дождь! Да разве в пустыне дожди идут? — удивленно спросил сержант Кандауров, сняв шлем и подставляя лицо теплым каплям.

— Сам видишь, — пожал плечами его сосед и тоскливо огляделся. — Да-а, Макар здесь телят точно не пас!

— Разговорчики! — оборвал его лейтенант и зычно подал команду: — Стано-вись!

Взвод выстроился в нестройную, растерянно галдящую шеренгу, но тут же солдаты подобрались, произвольно становясь по стойке «смирно»: по мокрой бетонке посадочной полосы шел настоящий генерал, а рядом с ним... Вздох изумления прошел по шеренге — рядом с генералом шел самый настоящий поп, да не простой, из религиозных чинов, судя по его красному с золотом одеянию. Поп был дородным и представительным, невысокий сухонький генерал рядом с ним не очень-то и смотрелся, только погоны с золотым шитьем его и выручали.

Лейтенант Городько пружинисто вскинул руку к козырьку, впечатал в бетонку несколько четких шагов, готовясь отрапортовать генералу о прибытии, но генерал ленивым взмахом руки прервал его и с любопытством обернулся к солдатам, окидывая их внимательным и заинтересованным взглядом.

— Здорово, орлы! — негромко сказал он.

— Здравия желаем, товарищ генерал! — несколько нестройно отозвался взвод, с неменьшим любопытством в сотню разноцветных глаз разглядывая генерала. Здраваться с началь-

ством — нехитрое дело, тут главное — набрать в легкие побольше воздуха и резко его выдыхать, имитируя нужные слова. Сложность заключалась лишь в том, чтобы каждая солдатская глотка делала это согласованно с другими, в противном случае получается галдеж, а не строевое приветствие.

Генерал подошел к правофланговому. На правом фланге стоял Аким Богомольцев, детина, который по своим габаритам не уступал лейтенанту, а по ширине плеч даже его превосходил. Рядом с ним и дородный поп не смотрелся, а сам генерал выглядел пожилым подростком.

— Воротник расстегни, — приказал генерал, и Аким удивленно повиновался команде. Заметив тоненькую цепочку, опоясывающую крепкую шею, генерал одобрительно кивнул. Повернувшись к священнику, он что-то негромко сказал ему, прошелся вдоль шеренги и остановился напротив сержанта Акинеева, у которого также проверил наличие нательного крестика. У Акинеева крестик оказался на месте, и генерал явно повеселел, даже морщинки на лице разгладились. Он снова о чем-то посоветовался с хранящим монументальную важность попом.

Тот чинно кивнул.

— Орлы, — сказал генерал. — Прошу любить и жаловать, епископ отец Алексей, моя правая рука и наш, так сказать, главный идеолог. Обращаться к нему так и надо — отец Алексей. Меня зовут Николаем Павловичем, фамилия моя Рублев. Вам предстоит служить под нашим командованием. Сейчас подойдет автобус, и вам, лейтенант, надлежит обеспечить погрузку личного состава. Техника пойдет самостоятельно. На рубеже вас встретят и разместят. Вопросы есть?

Шеренга настороженно молчала. Знаем мы эти приколы! Кто может водить вертолет? Отлично, выйти из строя. Пойдете разгружать вагон с углем. Пусть даже генерал не хитрый прапорщик, но, как говорится, береженого Бог бережет. Солдатская инициатива наказуема, а потому должна проявляться лишь в отсутствие командиров. Благодарим, товарищ генерал, за внимание к личному составу, но мы уж лучше в процессе службы все освоим. Главное — оглядеться. А там

уж и разберемся, зачем нас в пустыню загнали. Не с арабами же воевать!

Мягко фыркнул и развернулся около транспортника автобус.

Автобус был шикарным — с затонированными стеклами, уютными мягкими сиденьями и в придачу со стюардом из арабов, который сразу же принялся разносить по автобусу холодный апельсиновый сок. Нет, братцы, если служба так и дальше пойдет, так это лафа будет, а не служба. Может, нам и девок привозить будут? Предположение ефрейтора Страхова солдаты встретили дружным смехом. Под этот беззаботный смех автобус и въехал во внезапно открывшееся черное зеву подземного капонира.

Подземелье потрясало. Сколько надо было вбухать денег, чтобы отделанное металлом и пластиком, гулкое из-за своих размеров помещение засадить магнолиями и кипарисами! Над аллеями сияло кварцево жаркое освещение, но жара не чувствовалась вообще — было прохладно, словно на северном побережье в разгар лета.

— Выходи строиться! — подал команду лейтенант Городько и первым встал, указывая место построения подле него. — Становись!

3

Слюна василиска сняла боль, и уже ко второму часу утра Александр почувствовал себя вполне сносно. Дождь на улице прекратился, и херувимов на перекрестке не было видно, да и нечего им было делать в Граде в светлое время — нечисть света боится больше, чем самих херувимов.

К четвертому часу утра выглянуло солнце, и сразу же среди расходящихся облаков радостно засновали стайки лукавых купидончиков и шустрых амурчиков. Высоко в небесах сиял дом Благодати, от которого во все стороны расходились видимые простым глазом радужные волны ликования и восторга.

Иванов с досадой отметил, что за дождем пропустил первый утренний моцион и не выходил на улицу. Он долго перебирал хитоны в шкафу, решая, что надеть. За выглаженными сияющими хитонами темнела пятнистая военная форма, и Александр почувствовал неожиданное волнение. Он достал плечики с формой из настенного шкафа и оглядел его. На пятнистую куртку были аккуратно пришпилены ордена и медали. Награды немного потускнели, но от этого только лучше смотрелись, особенно орден Боевой Святости в виде шестиугольной звезды, обрамленной муаровой лентой и колосками. Иванов надел куртку и подошел к зеркалу. Из зеркала на него глянул тридцатилетний мужчина, мышцы которого сохраняли остатки былой тренированности. Над продолговатым, с резкими чертами лицом с прямым носом и узкими льдиными глазами темнел тронутый сединой короткий ежик волос. На левой щеке белым рубцом выделялся короткий, но по-прежнему глубокий шрам. Боец в нем еще чувствовался. Слов нет, форма до сих пор была Александру привычнее хитонов, в повседневной одежде было что-то женское и оттого унижительное для фронтовика, но надевать военную форму в мирное время значило бросать вызов обществу, а этого Иванов, к сожалению, позволить себе не мог. Александр вздохнул, разоблачился и повесил форму обратно в шкаф. С неудовольствием он выбрал кремовый хитон с вавилонскими орнаментами, оделся и вышел из квартиры.

В коридоре цвели орхидеи, и в подъезде стоял пряный острый запах. Стены были в извивающейся зелени лиан, среди переплетений которых мелькали яркие крошечные колибри. Щebet их был слышен даже на улице.

Дождь кончился, тучи окончательно разошлись, и вслед за домом Благодати стал виден далекий Небесный Чертог. Из-за расстояния он выглядел небольшой золотистой точкой, не дающей представления о его истинных размерах непосвященному. Но Александр Иванов бывал там, и не однажды, поэтому хорошо знал, как огромна яйцеобразная обитель Небесного Отца.

Трава после дождя была сочная и глянцева, она пружинила под ногами, рождая в Александре чувство силы и бод-

рости. Он встал на белый диск доставки, диск стремительно поднялся и, распугивая шалящих в небе амурчиков, понес Александра в соответствии с его желаниями на окраину города. Диск опустился на зеленом пригорке, усеянном спелой земляникой. С пригорка открывался вид на речку и высокий лес за ней. Здесь было тихо и спокойно, это место было создано исключительно для пеших прогулок. Иванов посидел на пригорке, рассеянно лакомясь сладкой земляникой, потом поднялся, по цепочке коричневых валунов перебрался в лес и пошел по неприметной, но хорошо знакомой ему лесной тропинке между кудрявыми тоненькими березками, углубляясь в лес и в полную грудь дыша настоящим на грибном духе воздухом.

Добравшись до густого ельника, Александр увидел своих старых знакомых — пушистые белочки немедленно скользнули вниз, окружили человека и нетерпеливо зацокали, выпрашивая орешки. Иванов раздал им кедровые орешки, специально для этой цели захваченные из дому. Своей любимице — серой Веечке — он дал орешков больше, чем другим. Остальные белки немедленно обиделись, расселись пушистыми игрушками на ветвях огромной ели и принялись цокаяще осуждать Иванова.

А он уже направлялся к малиннику, где лакомился малиной медведь Гоша. Малиной Гоша лакомился энергично. Малинник трещал. Сам Гоша, завидев Александра, выкатился ему навстречу радостным бурым комком, охватил его ногу передними лапами, а чуть позже и лизнуть попытался в щеку, но Иванов не дался, только почесал медведю крутой лоб между маленькими острыми ушами да прошелся ласково пальцами по крутому загривку.

Гоша глухо ревел, словно пытался что-то втолковать приятелю.

Потом он махнул лапой и побежал на задних лапах по тропинке, время от времени оборачиваясь и маня Александра за собой.

Вслед за медведем Иванов вышел к лесному озеру, со всех сторон отгороженному от мира высокими деревьями.

Берег озера был песчаным. На противоположной стороне, там, где поросшая чахлыми, радикулитно изогнутыми со-снами потрескавшаяся скала отвесно спускалась в озеро, слышался плеск и жизнерадостный смех. Александр пригляделся. На коричневом камне, выпирающем из воды подобно спине кита, развлекались две русалки. Обе были ничего себе — стройненькие, гибкие, длинноволосые и миленькие. Даже хвосты этих чаровниц не портили. Русалки расчесывали волосы и о чем-то разговаривали между собой.

Медведь Гоша гордо посмотрел на Иванова.

— Чудак ты! — засмеялся Александр. — Это же русалки, Гоша!

Слух у русалок был тонким, а может, и заметили они человека с медведем. Как бы то ни было, но русалки завизжали отчаянно, бросились к воде и исчезли на глубине — только хвосты плеснули, оставляя за собой расходящиеся по спокойной поверхности круги.

Настроение у Иванова улучшилось. Потрепав медведя по загривку, он прошелся по лесу и, сделав крюк, выбрался к речке. По тем же валунам он перебрался на другой берег. Иванов посидел на пригорке, рассеянно лакомясь ароматной крупной земляникой. Небольшой ежик, выставив многочисленные серо-белые колючки, пытался нанизать на них гриб. Высоко в воздухе кружил коршун или орел, внимательно наблюдая за происходящим внизу. Хорошо было здесь, и не хотелось думать, что все это природное великолепие было искусственным. При воспоминании об этом настроение у Александра испортилось. Увы, медведь, белочки и русалки были хорошо сделанными высокоинтеллектуальными игрушками.

Диск доставки лежал на прежнем месте. Прежде чем улететь, Иванов сделал круг над пригорком и увидел медведя Гошу, который, стоя на задних лапах, махал прощально передними и восторженно ревел, мотая головой.

Глава вторая

1

Через три дня после прибытия на подземную базу арестовали Акинеева. На груди у него оказался святотатственный крестик, на котором Христос был распят вверх ногами. Или кто-то настучал, или за каждым из них внимательно следили, но Акинеева особисты взяли прямо на вечерней поверке — неожиданно бросились, заломили руки, принялись вчетвером надевать на него наручники. Акинеев яростно боролся, лицо его было искажено злобой, и силища у него была невероятная, но тут один из особистов сунул Акинееву под нос какой-то пузырек. Сержант сразу обмяк, захрипел и безвольно откинул голову назад — видимо, потерял сознание. Лицо у него заострилось, губы раздвинулись, и стали видны длинные клыки, придававшие Акинееву какой-то демонический вид. Особисты подхватили его под руки, перекрестили и, надев наручники с изображением распятия на каждом браслете, поволокли на выход мимо ничего не понимающих солдат.

— Тяжелый, зараза! — прохрипел один из особистов.

— А ты как хотел? — удивился второй, скрючившись под тяжестью тела. — Сам понимаешь, за ним ведь...

— Разговорчики! — сказал третий особист. Был он невысоким, худым и лысоватым. У особиста была небольшая темная бородка и высокий лоб. — Вы не в кабинете, Уфимцев! Люди вокруг вас, а вы треплетесь, как базарная торговка!

— Так, Лев Иванович!.. — начал было оправдываться подчиненный.

— В кабинете поговорим! — отрезал старший.

Акинеева уволокли.

— Вот елки-моталки, — удивился Аким Богомольцев. — Я так и не понял, за что они его? Нормальный мужик, мы с ним в Рязани вместе служили.

Иванов пожал плечами.

— Саня, — сказал Богомольцев. — Ты ничего не узнал? На хрена нас здесь собрали? Тут прямо интернационал — в соседних секциях американцы, французы, арабы, индусы. Даже, говорят, китайский штурмовой батальон пригнали. Я так и не пойму, с кем же мы здесь сражаться будем, если собрали, как говорится, каждой твари по паре. Неужели с международными террористами какими? Или все-таки Хусейна решили доконать? Так наши с ним вроде бы задружили... А?

— Не ломай голову, — сказал Иванов. — Придет время, сами расскажут. В спортзал пойдешь?

— Нет, — лениво сказал Богомольцев. — Я лучше в бытовку пойду, телек с ребятами посмотрим. Бусыгин у итальянцев был, целую кучу кассет с Челентано принес. Есть такие фильмы, что мы и не видели.

— Ну, иди смотри — сказал Александр. — А я пойду немножечко разомнусь.

— В здоровом теле — здоровый дух, — усмехнулся Аким и так повел плечами, что сразу стало понятно — этот и без особых тренировок заламает кого угодно, когда угодно и где угодно.

В спортзале было несколько человек, среди них, к удивлению Александра, — несколько бородатых парней, в которых только дурак не узнал бы священнослужителей. Но странные это были священнички — качки настоящие, и, глядя на выжимаемые ими веса, Иванов почувствовал невольное уважение. Всерьез и на совесть работали ребята. Весьма и весьма всерьез. А ведь если разобраться, на хрена попу гармонь? У попов работа умственная, им народ охмурять надо, а они, вместо того чтобы учиться язычком работать, железо тягают. Странно это все было, но Иванов мысли вслух не высказывал и к происходящему интереса не показывал. Как известно, чудес на свете не бывает. Рано или поздно все объяснится. Так отец Иванова всегда считал и тому же научил сына.

Правда, с Акинеевым все странно вышло, подумал Иванов, начиная растяжки. И опять же крестик этот. На хрена ему такой крестик нужен был? И выглядел Акинеев при аресте как-то странно. Непонятно все было. Но явно все происходящее было связано с религией.

Генерал рядом с епископом, обязательность ношения крестиков и в определенной степени вера. Молитвы опять же ежедневные! Священники, балующиеся со штангой в спортзале. Да, ребятки, крепите мощи, в здоровом теле — здоровый дух! Иванов размялся и провел короткий бой с тенью. Священники оставили штанги и с любопытством наблюдали за солдатом. Смотрите, смотрите! Это вам не мелочь по карманам тырить, не милостыню на паперти просить!

Одному заниматься было скучновато, но Иванов все-таки довел тренировку до конца. Священники в спортивных куртках с изображением распятия на квадратных спинах уже медленно шли на выход. Были они довольно рослыми и крепенькими. Над изображением распятия виднелась какая-то надпись, но только догнав священников, Иванов смог прочитать надпись. Так вот, на куртках священников кириллицей было написано: «Союз Архангела Михаила». Сокращенно получалось САМ. Ишь, блин, защитнички небесные! А все равно слабо им было выйти на ринг против Иванова. Любого из этих архангелистов Александр запросто заломал бы на первой же минуте, и Бог никому из них не помог бы.

Мысль эта придала Иванову настроения. Взяв полотенце и весело насвистывая, Александр отправился в душ. Подставляя тренированное тело тугим струйкам холодной воды, Иванов с удовлетворением и некоторым самодовольством подумал, что сейчас он в такой спортивной форме, что без труда обломал бы рога и черту, жаль только, не ходят жители преисподней в спортивный зал.

Он успел прямо на вечернюю молитву. За отлынивание от вечерней или утренней молитвы наряды лепили беспощадно, но сам Александр считал, что выглядит все это просто смешно и несправедливо.

Стоят полторы сотни здоровых крепких мужиков, готовых к любой самой жестокой драке, и обращаются к Богу с просьбой о помощи.

«Вознесись, Господи, силою Твоею; мы будем воспевать и прославлять Твое могущество!» Да Богу самому в пору помощи просить у таких бравых хлопцев!

Стоя в рядах молящихся, Александр видел, что солдаты к молениям относятся по-разному. Некоторые откровенно маялись, некоторые просто отбывали номер. Но были и такие, что молились, истово крестясь и напевая.

Научи меня, Господи, пути твоему,
и направь меня на стезю правды, ради врагов моих;
Не предавай меня на произвол врагам моим,
ибо восстали на меня свидетели лживые и дышат злобою...
Но я верую, что увижу благость Господа на земле живых... —

словно со стороны рядовой Александр Иванов услышал песнопения и даже поразился: красиво все-таки получалось. Протяжно, торжественно и грустно.

2

В нирванной было довольнолюдно.

Бармен Иванова знал и потому налил ему не обычного приторно-сладкого нектара, а греческой амброзии с добавлением капельки миртового еля. Напиток бодрил не хуже забытой уже «Метаксы», и Иванов, отхлебнув из бокала, совсем уж было завел с барменом беседу о жизни, но тут в нирванную вошли херувимы, возглавляемые двумя Ангелами, и начали проверять документы, придирчиво сверяя фотографии на документах с лицами присутствующих.

Дошла очередь и до Иванова. Александр протянул Ангелу свое удостоверение, Ангел всмотрелся в бумаги, вытянулся, по-строевому схлопнул звучно белые крылья и отдал Иванову честь, касаясь белой ладошкой нимба над головой. Херувимы вслед за ним тоже вытянулись, нервно переступая всеми шестью лапами.

В нирванной воцарилась тугая звенящая тишина, которая не прерывалась все время дальнейшей проверки и продолжалась даже тогда, когда святой патруль покинул заведение.

Все напряженно смотрели на Александра.

Какой-то праведник начал пробираться поближе к Иванову, на него зашикали, но праведник лишь огрызнулся:

— Да посмотреть я только хочу! Пусть он мне скажет, кто он такой? Пусть объяснит мне, почему ему Ангелы честь отдают?

— Ветеран он, — объяснил бармен.

— Чего ветеран? — не понял настырный праведник.

— Того самого, — сказал бармен. — Не понял, что ли?

— Врешь, — потрясенно сказал праведник. — А ну перекрестись! Перекрестись, слышишь? Разве ж кто-нибудь из них может быть здесь?

— Сам видишь, — сказал бармен и истово перекрестился.

И сразу все расслабились в нирванной. На Иванова теперь смотрели с нескрываемым уважением, и уже пошли предложения хлопнуть по стопочке нектара, а кто-то просил Александра рассказать обо всем, чему он был свидетелем. Иванов улыбался расслабленно и разводил руками. Не хотелось ему углубляться в воспоминания. Ничего приятного в прошлом не было. Впрочем, не стоило врать себе. Были в прошлом и приятные мгновения, которые хотелось остановить, но вот рассказывать о них...

3

Девушка была редкостной красоты, и фигуру ее не мог испортить даже армейский камуфляж. У нее были длинные золотистые волосы, на которых каким-то чудом держался берет. У девушки были синие глаза, точеный носик и пухлые губы в стиле à la Kim Bessinger.

Солдаты на нее отреагировали соответственно. Как может отреагировать на красивую женщину мужчина, живущий в замкнутом мужском коллективе? Вот-вот, именно так ребята отреагировали.

А эта красивая кукла хоть бы глазом повела. Стояла на КПП и ждала, словно это не на нее сейчас пялили глаза голодные мужики.

Только длинными ресницами хлопала и улыбалась. Улыбка у нее была лукавая и немного загадочная. Моне Лизе рядом с ней ловить нечего было.

— Иванов! — сказал лейтенант Городько и посмотрел на рядового недовольно. Видно было, что, будь его воля, лейтенант сейчас поручений никому бы не давал, все сделал бы сам, и с большим удовольствием. Но должность обязывала, и лейтенант приказал: — Проводи даму в штаб. Это офицер связи из американского корпуса.

Ребята на Саньку смотрели с завистью. Досталось же мужику!

Еще и познакомится по дороге. Может быть, даже стрелку сумеет американке набить. Городько потому назвал Иванова, что Александр английским владел и при необходимости с американкой мог объясниться вполне внятно. Другим бы на пальцах пришлось изъясняться.

— Следуйте за мной, — по-английски сказал Иванов, чувствуя, однако, что он сам за этой девушкой последовал бы хоть в преисподнюю, помани она его пальцем. А еще рассказывали, что у американцев красивых женщин не бывает, все толстые и уродливые. Брехуны!

Некоторое время они шли молча. Александр чувствовал себя неловко, и оттого смущался еще больше.

— Вы давно здесь? — спросил он девушку.

— Два месяца, — сказала она и, заодно посмотрев на рядового, сказала: — Меня зовут Линн. А тебя?

— Сашкой, — брякнул Иванов, покраснел от своей неловкости и поправился: — Александром то есть.

— Александер, — протяжно повторила американка. — Красиво. Ты меня подождешь в штабе?

— Если недолго, — сказал Иванов и снова стал недовольным собой и своими словами. Но что он мог еще сказать? И без того теперь его ребята задержают. Прощай спокойное дежурство! — Странно здесь, — сказал Александр. — Вам не кажется, Линн?

— Я привыкла, — рассеянно сказала девушка. — Ты тоже со временем привыкнешь, Александер.

— Мы до сих пор не знаем, для чего нас всех собрали здесь, — пожаловался Иванов, стараясь попасть в такт легким шагам девушки.

«Блин, — подумал он. — Прямо Зена — королева воинов. Но красивая».

Он еще раз искоса посмотрел на спутницу, чтобы убедиться в этом, и, встретившись взглядом с Линн, покраснел. Девушка улыбнулась и отвела глаза в сторону.

В штабе девушка пробыла недолго, но провожать ее вышел весь офицерский корпус. Глазели откровенно, а лейтенант Майский даже предложил девушке проводить ее до КПП.

— Не стоит, — отказалась девушка. — Меня Александр проводит.

Стоит ли говорить, что Саша был горд ее доверием. Обратное они шли неторопливо, дружелюбно болтая о разных пустяках, но уже вблизи КПП Линн неожиданно остановилась.

— Александр, — сказала она. — Я тебе нравлюсь?

От неожиданности Сашка не ответил, только кивнул, чувствуя, как жарко горят его щеки и уши. Линн с любопытством разглядывала его, потом приподнялась на цыпочки и коснулась его щеки холодными губами.

— Ты мне тоже сразу понравился, — сказала она. — Знаешь что? Приходи сегодня в десять к нашему тамбуру. Придешь?

— Приду, — хрипло сказал Иванов, слыша лишь яростный стук своего сердца. «Вот черт, — билась у него в голове одна и та же мысль. Вот черт, я ей понравился!»

На КПП Линн вежливо попрощалась с распушившим оперение лейтенантом, помахала рукой солдатам и снова лукаво глянула на Иванова.

— Я буду ждать, — тихо шепнула она, чтобы не услышали другие. — Александр! Я буду ждать!

4

В шестом часу дня Иванов вышел из нирванной.

Никуда ему больше не хотелось. В лес бы сейчас, с удочкой посидеть, тоскливо помечтал Александр. Но с удочками сидеть запрещалось. Нельзя было причинять боль живым существам. А рыба относилась именно к живым существам, пусть у нее кровь была и холодная.

В небесах мелькали белые диски. Народ собирался на дневное славословие. Иванову на луг не хотелось. Пусть лучше предупреждение оформят. Предупреждением больше, предупреждением меньше. Какая, собственно, разница?! Ему в этом Граде вообще находиться не полагалось, в Валгалле его место было, но именно туда Иванову не хотелось больше всего. Не много радости — ходить в живых Героях!

Но и здесь была тоска. Все было правильно, все по законам библейским, но жизнь от этого вкуснее не становилась. Пресной была жизнь, безрадостной, как бы эту радость ни пытались искусственно пробудить в праведниках. Все повторялось. Теперь Иванову было скучно и здесь. Скучно, тоскливо и одиноко.

Воспоминания о Линн были щемяще-сладки и печальны, оптимизма они Александру не прибавляли. Горечь утраты все еще жила в его душе, пусть уже и прошло столько лет. Впрочем, что Время? Оно не имеет никакого отношения к человеческой беде. Напрасно говорят, что оно сглаживает страдания. Воспоминания о ране причиняют не меньшую боль, чем она сама.

Домой не хотелось. Золотая мостовая мягко поддавалась ногам, над городом коромыслом повисла огромная семицветная Радуга, и купидоны сновали стайками, выискивая, в кого бы пустить стрелу влюбленности. Один из них, заметив грустного мужчину, зашарил пухлой ручкой в колчане, но Александр погрозил ему пальцем. Купидон взвизгнул от восторга, затрепетал крылышками, устремляясь в высоту, и оттуда, уже едва различимый и оттого чувствующий себя в безопасности, принялся корчить рожи и дразнить Иванова по-детски обидными словами.

Тоскливо было в этом городе счастья, прямо хоть в Ад просись.

Но некуда было проситься, разве что согласиться с Валгаллой и ее ежедневными затяжными пирами, когда теряешь счет дням и друзей начинаешь считать собутыльниками, а собутыльников — настоящими друзьями. Нет, в Валгаллу Иванову не хотелось.

Да и здесь особо идти было некуда. Разве что в лес, подглядывать на пару с медведем Гошей за звонкоголосыми русалками, плещущимися в лесном озере. Нечего сказать, веселенькое занятие для пережившего собственную смерть.

Иванов посидел у подножия Радуги, рассеянно наблюдая за купидонами, прошелся по центральной улице Града. Славословие уже закончилось, и на улицах было шумно. Трудно было представить, что людей вполне устраивала их неизменяемая и ровная вечная жизнь. И тем не менее это было именно так, даже если чего-то им и не хватало, то по поведению и настроению людей особой жажды ими перемен не было видно. Был третий час вечера, а на площади с огромным фонтаном плавали пузатые золотые рыбки, было шумно, шел концерт, в котором принимала участие усопшая попса. Удивительное дело, сколько уже времени прошло, обезьяну можно было научить сочинять вполне грамотные стихи, а здесь звучали все те же песни с идиотскими словами и мелодиями, которые при желании можно было извлекать из одной струны. А выступавших слушали, визжали восторженно подростки, делая пальцами правой руки победительную козу, многие танцевали. С другой стороны фонтана устраивали личные вернисажи многочисленных художники. Живопись была так себе — мягко говоря, средненького уровня, поражали лишь яркие фантастические краски, которые художникам доставляли с Седьмого Неба обожающие живопись эльфы.

На тенистой аллее выступали поэты. Александр заметил губастого Роберта Рождественского, который что-то обсуждал с Михаилом Светловым. Юрий Олеша и Гете, как обычно, собрали вокруг себя толпу женщин, и, напротив, Байрон стоял в окружении столь же чопорных мрачных джентльменов, на лошених мордах которых проступал застарелый порок. Лермонтова не было. Михаил Юрьевич или отправился язвительно острить в салон какой-нибудь очередной красотки, или же стрелялся на очередной дуэли, благо теперь это было безопасно. Пушкин предпочитал быть в обществе жены. После кончины он стал неожиданно примерным семьянином, истово ждал свою Натали и не раз прилюдно упрекал в

неправильном образе жизни беспутного Евтушенко или неразборчивого в связях Уильяма Шекспира.

Однако злые языки утверждали, что он охотно ездил в писательский клуб. У писателей, как говорят в Одессе, была своя бранжа. Обычно они собирались у Николая Некрасова и долгие ночи напролет резались в штосс, покер и баккару. Говорят, что постоянными членами клуба были отбывший наказание Маяковский и Фадеев, Эдгар По и Берроуз, Достоевский с Чернышевским и Арагоном заглядывали, а уж Дюма с Гюго и Сенкевичем от Некрасова не вылазили.

Иные скажут, что карты без выпивки все равно что священник без кадила. Не скажите! В картах и сопутствующем играм в них азарте сама по себе кроется необъяснимая прелесть. Кроме того, кто сказал, что писатели жили без выпивки? Она поступала к ним по непонятным замысловатым каналам, просто Ангелы, время от времени неожиданно проверявшие сигналы анонимов, делали это спустя рукава или попадали не вовремя.

Впрочем, подобное времяпрепровождение к грехам не относилось, лишь бы карты не передергивали да друг другу морды не били. Творчество здесь всячески поощрялось, запрещалась работа. Может, поэтому Ангелы особой активности не проявляли, тем более что в подобных салонах они всегда были жданными и почетными гостями. Чехов с Толстым компанию эту не жаловали, но по разным причинам.

Чехов интеллигентно проводил время с Буниным и Набоковым, а граф словно снова вспомнил молодость и весело проводил время с греческими и римскими поэтами. Анатолий Франс отбывал срок за свое «Восстание Ангелов», но говорят, что в местах лишения свободы вообще собралась теплая компания из богоборцев и циников, так что скучно в неведомо где расположенной небесной зоне, пожалуй, не было.

Потолкавшись среди творческих людей, Александр выбрался на луг, где стоял собор. Сейчас здесь никого не было, только хмурые язычники собирали мусор, оставшийся на траве от праведников, да две полупрозрачные от счастья души, взявшись за руки, медленно кружились в воздухе, и не понять было, влюбленные это были или просто голубые мутили небесную синеву.

Иванов прошел к храму и долго стоял, любуясь золотистыми куполами. Из созерцания его вырвал грубый голос. Иванов опустил глаза и увидел Ангела, но какого-то странного, с потрепанными грязными перьями на крыльях.

— Почему не креститесь? — сурово вопрошал Ангел. — Кто вы такой? Ваши документы, праведник!

Лучше бы он их не требовал. Увидев удостоверение, Ангел побледнел, обеими руками поправил покосившийся нимб и принялся торопливо приводить в порядок крылья.

— Прошу прощения! — жалко лепетал он. — Ошибочка вышла!

— Сгинь! — сказал Александр.

И Ангел сгинул, оставив после себя запах прокисшего нектара и ладана.

«Падший! — с легкой брезгливостью подумал Иванов. — Странно, я думал, что их уже вообще не осталось. А тут — на тебе, прямо у храма. И главное — не стесняется к праведникам лезть! Куда только Архангелы смотрят? Зачем столько херувимов держат?»

И, словно вторя его мыслям, на луг неведомо откуда высыпала странная бритоголовая толпа в белых балахонах и с нестройными криками «Харьте Кришну! Кришну Харьте!» закружилась среди опешивших язычников в бесовском хороводе. И это в христианском секторе! Прохлопали херувимы, совсем уже мышей не ловят!

5

Влюбленный всегда живет нетерпением.

Александр ощущал, как это нетерпение сжигает его. Ему хотелось снова увидеть Линн, и это желание не давало ему сидеть спокойно, он ходил по широкому тамбуру и даже посчитал заклепки в стене, а Линн все не было. В нем уже начала просыпаться обида и ревность, когда где-то глухо стукнула дверь и в металлическом пространстве бункера появи-

лась маленькая стройная фигурка в джинсах и светлой блузке. И в этом наряде Линн была обворожительна.

— Александе-ер, — лукаво поблескивая огромными глазами, сказала она. — Ты пришел, да? Ты еще не устал меня ждать, Александер?

Она, как днем, приподнялась на цыпочки, но теперь целовала Александра не в щеку, теперь она жадно искала его губы.

— Линн, — неловко обнимая девушку, сказал Александр. — А почему...

— Молчи, — сказала Линн. — Александер, молчи. Я сама все объясню.

Она объяснила все это позже, когда они уже лежали усталые и счастливые на разворошенной постели в комнате Линн.

— Понимаешь, — сказала Линн, прижимаясь щекой к его горячему предплечью, — всегда почему-то считают, что выбирают мужики. А я сама хочу выбирать, Александер. Порой так плятятся, что беременной от этих взглядов начинаешь себя чувствовать. А мне противно. Мало ли кому нравлюсь я, главное ведь в том, кто нравится мне, правда?

Сашка наклонился и нежно поцеловал девушку.

— Молчи, молчи, — зашептала она. — Только ничего не говори, ладно?

А Сашка и не хотел ничего говорить. Он был весь сумасшедший от счастья. Его прямо трясло всего от нежности и любви.

Потом они пили холодное пузырящееся шампанское из высоких бокалов. В своей Божновке Сашка такое только в кино видел, это потом, уже попав в училище, он немного обтерся и на человека стал похож.

— Завтра, говорят, Папа Римский и наш Патриарх приезжают, — неожиданно вспомнил Сашка.

Линн вздрогнула и поставила бокал с шампанским на столик около кровати.

— А вам уже объяснили все? — спросила она немного напряженно, и глаза у нее почему-то были влажными и виноватыми.

— Да ничего нам не объясняли! — Сашка тоже поставил бокал на столик. — Псалмы заучиваем и боевой подготовкой

занимаемся. Стоило ли через всю Европу ехать, чтобы под землей жить да Богу молиться? У нас и в России икон хватало!

Линн легла на спину, закидывая руки за голову. Грудь у нее была маленькая и твердая, она задорно смотрела на Александра маленьким коричневым соском.

Сашка потянулся к девушке, и Линн жадно ответила на его поцелуй.

— Завтра вам все объяснят, — загадочно сказала она и совсем уж неожиданно спросила: — У вас уже кого-нибудь инквизиция забирала?

— Особисты? — переспросил Сашка. — Троиخ забрали в течение недели. Говорят, у них у всех крестики особые были. На них Христос вниз головой распят был.

— Значит, вы уже чисты, — сказала Линн. — Все нормально, Александер. Все хорошо. — И снова потянулась, обнимая ее за шею. Простыня, покрывавшая ее тело, скользнула вниз, и Сашка, задыхаясь от нежности, принялся целовать ее маленькие груди и вздымающийся впалый живот.

— Александе-ер, — снова пропела Линн. Глаза ее улыбались. Обеими руками она гладила голову возлюбленного, пальцами ероша жесткий ежик его волос.

— Что ты сказала, Линн? — поднял голову Сашка.

— Ничего, — тихо засмеялась девушка. — Мне просто нравится твое имя.

Они снова сплелись на постели в тесных объятиях. Линн откинулась на подушки, жадно глядя в глаза Сашки. Губы ее дрожали, она приподнялась, крепко поцеловала Сашку и ослабленно опустилась на подушки.

— Сач-ка! — неожиданно прошептала она по-русски. — Сач-шенька, миль-ий, бери меня! Люби меня, Сач-ка!

6

Был шестой час вечера, когда в двери комнаты Иванова вежливо постучали. Александр только что закончил тренировку и был сейчас лишь в тренировочных брюках. Он то-ропливо накинул рубашку и открыл дверь.

На пороге стоял Ангел. Вообще-то все они были для Иванова на одно лицо, чему немало способствовали седые бородки и высокие лбы.

Но этого он бы различил и среди целой ангельской толпы. Потому что это был не просто Ангел, это был Элизар, не раз проверенный в деле, можно сказать, друг, если среди холодных и рассудительных Ангелов кто-то был способен на чувства.

— Входи, — спокойно сказал Иванов и посторонился, пропуская Ангела в коридор. — Только крылышками поменьше маши, не в чистом поле.

Элизар сложил крылья так, что они стали похожи на белый горб, прошел в комнату и с любопытством огляделся.

— Неплохо живешь, — сказал он. Голос у него был — в полную противоположность тонкому породистому лицу — сиплым и застуженным.

— Садись, — сказал Александр и поставил на стол два фужера. — Нектар, амброзию?

Ангел хмыкнул, полез в глубины своего хитона и водрузил на стол бутылку. Иванов глазам своим не поверил: на столе белела этикеткой самая настоящая «Столичная». При чем запотевшая от холода.

— М-да, — сказал Иванов и посмотрел Элизару в глаза. — По-настоящему сейчас лишь Ангелы и живут.

Элизар хрипловато засмеялся.

— Ангелы не живут, — поправил он. — Ангелы существуют.

— Ладно, — сказал Александр. — Видел я, как вы существуете. Ты мне, Элизар, не впаришь. Слава Богу, два года я с вами бок о бок... Так каким попутным ветром тебя сюда занесло? Только не говори, что ты по мне скучал, ладно?

— Не буду, не буду, — поднял вверх обе руки Ангел. — Так ты нальешь или мы и дальше на сухую разговаривать будем?

— Сейчас сгоношу что-нибудь из закусочки. — Иванов прошел на кухню. — Мы здесь тоже не на акридах сушеных живем.

— Да уж будка у тебя, — прохрипел Ангел. — Такую на акридах не отратишь.

Голос у Элизара был в свое время красивым. Таким красивым, что в певчие райские его заманивали, а вот выбрал Элизар другую стезю — пошел в Боевые Ангелы. Простыл он

на берегах Коцита и голос потерял там же. Но это было самой малой потерей, большинство там потеряли жизнь. Чего уж о голосе жалеть было!

Иванов вернулся в комнату. Элизар уже совсем освоился, мнемофон работал, водка была налита, и сам гость смотрелся скорее хозяином. И здесь эта белокрылая скотина преуспела, не гимн и не псалом звучал в комнате, гитара и грустный голос Димки Райского звучали, будя печальные и тревожные воспоминания о прошлом.

Ступени до райского трона круты,
но впускают нас в райские куши,
и будем завидовать мы с высоты
несчастьям и бедам живущих...

— А ты, Элизар, провокатор, — сказал Александр. — Заранее готовился?

— Разве к таким встречам готовятся? — спросил Ангел и поднял свой фужер. — Ну, будем?

Водка была ледяная и вместе с тем обжигала пищевод. Иванов уже и вкус ее забыл, а вот надо же, сподобил Господь!

Голодные Ангелы едят так же, как и люди. В желудке их пища изменяется, превращаясь в небесную субстанцию. И удивляться этому нечего. В конце концов, Авраам, принимая Ангелов под дубом Маврийским, угостил их хлебами, испеченными Саррой, подал им целого теленка, да и маслом с молоком Ангелы не пренебрегли. Александр смотрел, как неторопливо насыщается Элизар.

— Как живешь-можешь? — спросил Ангел. — Привык к райскому блаженству?

— Да разве это жизнь? — спросил Александр. — Так, существование. Я о загробной жизни лучше думал. А тут... — Он потерянно махнул рукой. — Здесь, наверное, только Благодати и хорошо.

— Чего ж в Валгалле не остался? — усмехнулся Ангел.

— Слушай, Элизар, — прищурился холодно Иванов. — Если бы мы с тобой вместе в Коците не мерзли, если бы взгляд Сатаны не пережили, я бы тебе за эти приколы давно бы уже крылья вместе с лопатками вывернул. Чего тебе надо?

— Ладно, — сказал Ангел. — Замнем, Саня. Это я больше по привычке. Наливай, давай еще по соточке примем. За боевое братство.

— Красиво поешь, — сказал Александр. — Мне этим в Валгалле все уши проели. За фронтовое братство, за павших товарищей. За что мы там только не пили.

Ангел закусывал вполне вещественно. Кто это сказал, что им лепестка розы достаточно? Судя по бутербродам с икрой, которые уминал Элизар, аппетит у ангелов был хороший, с таким аппетитом...

— Да, — усмехнулся Элизар. — Победители...

— Сколько мы уже не виделись? — спросил Александр, которому многозначительность Ангела действовала на нервы. — Лет сорок?

— Что ты, Саша! — Ангел замахал руками, и от этого произвольного движения крылья его разошлись и жестко, как по стеклу, заскрежетали перьями по полу. — Всего тридцать пять!

— Так ты ко мне прямо с Седьмого Неба? — продолжил расспросы Иванов.

— Нет, — усмехнулся в бородку Элизар. — Из Валгаллы.

Он посмотрел на товарища и, отвечая на невысказанный вопрос, сказал:

— Видел, видел. Просили привет тебе передать.

— Передал? — жестко спросил Александр и сузил глаза. — Может, ты из-за этого и прилетел — привет передать?

— Я больше на тебя посмотреть, — сообщил Элизар. — Все-таки тебе с непривычки срок приличный.

— Слушай, Элизар, — раздраженно сказал Иванов. — Что-то я тебя не пойму: приперся через треть столетия, водку приволок, приветами разбрасываешься, о фронтовом братстве заговорил... Похоже, что я тебе для чего-то нужен. Так ты давай выкладывай, у меня и с местными проблем хватает. Непонятно им, какого хрена меня в Град Небесный занесло, не злоумышляю чего? Ты тоже об этом? Успокойся, Элизар, ничего я не злоумышляю. Надоело мне все. Все, понимаешь?

Ангел хмыкнул, еще раз внимательно посмотрел на человека и потянулся к бутылке — разлить.

— Да, — непонятно сказал он. — Слаб человек духом своим!

7

Слаб человек духом своим.

Утром их всех построили на подземном плацу, и Александр Иванов, как и многие другие, впервые увидел, сколько их здесь собралось. На плацу стояли около трех тысяч бойцов, все серьезные крепкие ребята, без присущей молодому россиянину придури. Все словно чувствовали, что сегодня в их положении что-то прояснится, и терпеливо ждали, пока начальство о чем-то совещалось в отдалении. На приветствие генерала Рублева ответили охотно и яростно, рев трех тысяч луженых глоток, казалось, оглушал.

— Молодцы! — не удержался Рублев и жестом предложил стоящему рядом священнику занять место у микрофона.

— Братья! — сказал священник, и это нестандартное обращение сразу же вызвало невнятный гомон в рядах. — Братья! — повторил священник. — Все вы уже не раз задумывались, для каких целей собраны здесь. Все вы воины и должны знать цели нашего объединения и Союза. Братья! Каждый из вас не единожды открывал Библию и знает, что наступит день великой битвы за человечество. Но не знаете вы, что день этот близок! Да, братья, близко время смертельной битвы с Лукавым. Пришло время страшного Армагеддона! Вы, и никто другой, выбраны для того, чтобы отстоять людское достоинство в борьбе с врагом рода человеческого! Вы — тот оплот, на который уповает Господь! В союзе с Ангелами и воинами Валгаллы вам предстоит разрушить замыслы Сатаны и сделать мир действительно свободным и счастливым! Много войн пронеслось над Землей. Много человеческих жизней было растрачено напрасно. Но теперь нам предстоит

иное, нам всем предстоит стать щитом Земли, нам предстоит сердцами своими заслонить людей от адского порабощения и вечных мук. Во имя человечества! Вам надлежит стать над пропастью во ржи, и Господь будет жить в ваших душах, в ваших сердцах, в ваших мыслях и мышцах! Господь с вами, и поэтому вы не можете не победить!

Священник закашлялся.

Шеренги оцепенело смотрели на его расшитую золотом митру. Чего угодно ожидали солдаты, но только не этого. Принять участие в Армагеддоне? Да, это было действительно круто. И потому страшно.

Священник справился с кашлем, а заодно и с излишней патетикой.

Теперь его голос звучал буднично, как у диктора, сообщающего о погоде на завтра.

Сухо священник сообщил, что в ближайшее время следует ожидать вторжения сил Сатаны на Землю, перечислил примерное количество слуг Князя Тьмы, их возможное вооружение и военный потенциал.

— Во шпарит! — сказал за спиной у Иванова рядовой Майков. — И откуда им все это известно?

— Агентура работает! — не оборачиваясь, сказал лейтенант Городько. — У Бога и разведка работает по-божески, не иначе!

— Так что ж, они и в Аду работают? — не унимался Майков. — Кто же у них там пашет, если его черти расколоть не могут? Грешники, не иначе!

— Разговорчики в строю! — буркнул лейтенант. — Майков, два наряда вне очереди!

Рядовой Майков заткнулся. Два наряда от Городько — это было по-божески. Мог и еще хлеще наказать. Псалмы, например, после отбоя зубрить. Солдаты поражались, как церковные тексты в мозгах у священников задерживаются. Не иначе как Бог священникам помогал.

По-другому что-то запомнить было по общему мнению невозможно.

Между тем закончил свою краткую речь и генерал. Речь его была коротка и жестка, генерал призывал к бдительности, требовал овладеть необходимыми для предстоящей бит-

вы знаниями, в общем, нес в солдатский строй весь джентльменский набор военных Уставов и Наставлений. Поэтому слушали его, как обычно, — вполуха. И, разумеется, самое важное пропустили, а потому не обратили внимания, как одетые в черное особисты вывели на середину плаца троих парней в камуфляжной форме. Один из них точно был Акинеевым, но узнать его можно было лишь по очертаниям лица. Остальное выглядело непривычно и страшно. Акинеев и другие арестованные были босы, но это бросалось в глаза не сразу, потому что вместо ступней у всех троих были черные копыта. Головы арестованных обрамляли черные витые рога, и хвосты у них были длинные, как у ослов.

— Вы видите перед собой вражьи лазутчиков, обманно затесавшихся в наши ряды! — закричал генерал. — Выявлены они были лишь благодаря неустанному труду нашей славной инквизиции и помощи отдельных сознательных воинов! Арестованные уже признались, что ими осуществлялся шпионаж в пользу Князя Тьмы! Поэтому все трое решением военного трибунала приговорены к смертной казни. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит и будет исполнен прямо сейчас!

Генерал сделал жест особистам, и те шагнули за спины арестованных. Видно было, как страшно исказились клыкастые морды. Кто-то вдруг жутко завыл, а дальше произошло невероятное — стоящие на плацу пленники вдруг стали таять на глазах, словно состояли из медленно оседающего пара. Вскоре от троих осужденных остались на плацу дымящиеся лужицы, повторяющие очертания фигур.

— Ни фиги себе! — восторженно сказал из заднего ряда Майков. — Это из какой хренотени их положили, хотел бы я знать!

— Вот завербуют тебя эмиссары Князя, тогда и узнаешь, — сказал лейтенант Городько. — Святая вода на них так действует, дубина! Еще один наряд вне очереди!

— Это за тупость или за разговоры в строю? — поинтересовался рядовой Бекбулатов.

— Ему за тупость, — негромко объяснил лейтенант. — а тебе, Бекбулатов, за разговоры.

Многие представили себя на месте казненных и внутренне поехали в страхе. Слаб духом человек! Да и особисты оказались не простыми комитетчиками, а инквизиторами, что автоматически переводило их в абсолютно иную — астральную — плоскость. Где таких садистов подбирали? Не иначе — в монастырях.

8

Небеса были такими синими и прозрачными, что при желании, наверное, можно было увидеть далекие Небесные Чертоги и воронку Чистилища, но у Александра Иванова не было никакого желания вглядываться в синеву.

— Настохренело мне это сонное царство, — сказал Иванов. — Взорвать бы его к... — Александр все-таки сдержался и искоса посмотрел на Ангела, но Элизар на его святотатственные слова внимания не обратил — пощипывал редкую бородку и напряженно о чем-то думал.

— Да, не так мы представляли себе Победу, — сказал Ангел.

— Живем как в концлагере, — сказал Александр. — Херувимы по ночам на улицах дежурят. Якобы для того, чтобы нападение нечисти предотвратить. А на деле? На прошлой неделе иду по улице, а там херувимы выходца из мусульманского сектора задержали. Не знаю, что он в Граде делал, может, к знакомым приезжал по спецразрешению. Только херувимам на это спецразрешение плевать, они этого бедного мусульманина всеми шестью лапами каждый обрабатывал. Мужик съезжился, орет, я же в Битве участвовал! И ты знаешь, что они ему отвечали? Вам, говорят, свой сектор выделен, вот и не шастайте по христианским улицам. Вы же о своем Рае мечтали, гурии там, барашки для шашлыка гуляют, вот и живите у себя, чего по чужим пенатам шастаете? Мало ли, говорят, что воевали за общее дело! Битва тридцать лет назад закончилась, забывать пора.

— А ты что? — глянул Ангел.

— А что я? — пожал плечами Александр. — Влез, конечно! Показал им свою ксиву. Они как подпись Бога увидели, обгадились со страху. Но разве это правильно?

— Неправильно, конечно, — сказал Элизар. — Но Рай-то построен по человеческим представлениям. Все как вы хотели!

— Благими намерениями... — раздраженно буркнул Иванов. — Но ты мне скажи, зачем людей насильно заставлять славословиями заниматься? Ведь все от сердца должно идти. Когда свободу ограничивают, ничего хорошего не получается, Элизар.

Ангел остро глянул на шагающего рядом человека.

— Свобода, дружок, есть осознанная необходимость, — сказал он. — Сначала по принуждению, потом и сами дойдут.

— Не дойдут, — хмуро возразил Александр. — Сначала раздражаться будут, потом ненавидеть начнут. Любви из-под палки не бывает. Палка лишь подхалимов воспитывает.

— Ах, Саша, — вздохнул Ангел. — Если бы все это понимали.

— А ты как думаешь? — спросил Александр.

— Я-то думаю, как и ты, — хрипло сказал Элизар. — Мы-то думали, что все будет по-другому, раз нет Зла. Вот Зла вроде бы не существует, но это нам только кажется. Теперь Злом обернулось вчерашнее Добро.

— Тогда за что мы с тобой дрались?

— За это самое Добро, — вздохнул Элизар.

9

— Демоны опасны именно тем, что наступают в две волны, — сказал генерал Самсонов. — Первая волна идет с положительным зарядом, во второй линии атаки находятся демоны с отрицательным зарядом. После того, как достаточное количество демонов пройдет в первую линию атаки, между волнами демонов происходит разряд, который выжигает все, что находится между ними. Поэтому главная задача — вы-

бить демонов первой волны. Если с этой задачей вы не справитесь, всем подразделениям, которые окажутся в клещах, можно смело заказывать панихиду.

Он подошел к доске и набросал схему нападения демонов.

— А кто сказал, что демоны будут наступать именно так? — глянул из-за своего стола рыжий и веснушчатый Майков.

— Я сказал. — Генерал Самсонов положил мел и оглядел класс. — Я вам это говорю.

— В прошлую войну генералы тоже говорили, — недоверчиво сказал Майков. — До сих пор не могут подсчитать, сколько народу положили.

— Да ты поднимись, представься, — сказал генерал Самсонов.

Майков представился.

— Значит, ты мне не веришь? — с любопытством спросил генерал.

Рядовой Майков молчал.

— Правильно делаешь, рядовой. — Самсонов вернулся к столу. — Слова на веру воспринимать нельзя, даже если они исходят из уст генерала. Но именно так, рядовой, демоны действовали на Альтаире, так они действовали на планетах Денеба, и, к сожалению, там им Битву выиграть удалось.

— Значит, мы не первые? — спросил кто-то из задних рядов.

— Не первые, — сухо сказал генерал. — Битва Добра со Злом ведется во Вселенной вечно. Где-то силам Добра удается одержать победу, где-то побеждает Зло... Динамическое равновесие. Слышали такой термин? — Он оглядел настороженную аудиторию и снова вернулся к доске. — Вторую линию нападения составляют ифриты. Ну, с ними все ясно — огнеметчики. Вы должны знать, что пламя ифритом выбрасывается на тридцать метров, зная это, можно точно рассчитать зону поражения. В отличие от демонов святая вода на ифритов не действует. Иной менталитет, да и кремниевая структура тканей снижает эффективность воды до легких ожогов, которые ифритами не замечаются. В схватке с ифритами, как ни странно, хорошо помогают соляные растворы, а еще лучше — моча. — Самсонов обвел веселым

взглядом аудиторию и грубовато пошутил: — Теперь вам ясно, как справиться с противником. Главное, оказаться над ним, а не под ним.

Ну и джинны. Предполагается, что в бой с вами джинны вступать не будут, они пойдут в наступление на другом фланге. Но общие понятия тактики действий джиннов и их боевые свойства вам все-таки необходимо знать. Я доведу до вас общую картину, конкретно по каждому противнику с вами будут заниматься специалисты.

Поэтому я не буду останавливаться на многочисленных видах злобных фейри, у вас еще будет время более подробно ознакомиться с ними и узнать их уязвимые места.

Конечно, наиболее опасными противниками остаются черти. Выходцы из Ада злобны, хорошо обучены, в совершенстве владеют тактикой ближнего боя. В отличие от вас большинство из них имеют опыт боев.

Крепки у Сатаны и тылы. В оборонительном обеспечении у демонов Тьмы многочисленные виды драконов, василиски, дьявольские псы и иные представители нечисти. Их слишком много, чтобы я все перечислил во вступительной речи. Она предназначена для общего ознакомления, и не более того.

У Князя Тьмы очень сильная разведка и мощные диверсионные отряды, способные подолгу действовать в тылу у противника. Здесь, конечно, выделяются вампиры, волкодлаки, вервольфы, гремлины и гоблины, способные двигаться под землей.хлопот они нам доставят, и не раз, поэтому способы борьбы с ними вы должны знать, как «Отче наш».

Не надо сбрасывать со счетов и нашу пятую колонну. Формируется она из грешников. Без сомнения, примут участие в Битве отряды маршала де Рэ, эсэсовские подразделения, отребья Мэнсона, серийные убийцы всех стран, красные кхмеры и прочая нечисть. Так что в плен попадать я не рекомендую. По жилам душу вытащат, причем не в переносном смысле слова, а в прямом.

Если кто-нибудь из вас рассчитывает, что нам предстоит легкая загородная прогулка, то смею заверить его — бой будет страшным и кровавым. Вопросы есть?

— Разрешите? Рядовой Майков, — вскочил рыжий Димка. — А со стороны сил Добра нам помощь будет? Или нам стоит лишь на себя надеяться?

Генерал улыбнулся и поднял руку, выжидая, пока в аудитории не стихнет возбужденный гул.

— Разумеется, — сказал он. — Во-первых, Ангелы. Они хорошо обучены, участвовали в боях, их ведут в бой Архангелы, которые великолепно знают нашего противника. Во-вторых, все мы будем находиться под сенью Благодати. Ну и добрые духи на нашей стороне.

— Негусто, — не скрывая разочарования, протянул Майков под дружный одобрителный гул аудитории. — А сам Небесный Отец? Он примет участие в Битве?

— Никто не знает помыслов Господа, — резко и сухо сказал генерал. — Садитесь, рядовой.

И, словно устыдившись своей сухости, сказал:

— Бок о бок с нами будут сражаться великие воины Земли. Они уже идут из Валгаллы. После нашей победы и вам всем будет уготовано место среди Героев.

— А в случае поражения? — закричал с места рядовой Майков. Вел он себя, как Фома Неверующий, только персты в генеральские раны не втыкал, за пока еще полным отсутствием этих самых ран.

— В случае поражения... — Генерал значительно помолчал, остро оглядывая сидящих в аудитории. Шум голосов постепенно затихал, и вскоре в аудитории наступила напряженная тишина. — В случае поражения, — сказал генерал Самсонов, — нас всех ожидают страдания, потому что уже вся Земля превратится в еще один филиал Зла.

10

В шестом часу Элизар улетел, но Александр подозревал, что скоро увидит Ангела снова. Уж больно созвучны друг другу были их мысли. Перед отлетом Элизар долго мялся, отводя глаза в сторону, и словно хотел что-то сказать, да не

решался. Только когда они уже прощались, Элизар вдруг охватил его крепкими жесткими крылами и хрипло выдохнул в ухо Иванову:

— Линн просила...

— Не надо, — напрягся Александр. — Не надо, Элизар, ты ведь Боевой Ангел, а не сваха.

— Она просила передать. — Ангел крепко держал его обеими руками. — Ну, знаешь...

— Знаю, — жестко сказал Иванов, чувствуя, как леденеет его душа. — Не лезь не в свое дело, ладно? Тоже мне купидон выискался!

— Ты не прав. — Ангел отпустил человека и испытующе глянул ему в глаза. — Так нельзя, Александр.

Иванов тихонечко засмеялся.

— От кого я это слышу? — сказал он. — Ты же сам всегда поражался ненужности человеческой любви! Хорошо вам, бесплотным, половины проблем нет. Сразу видно, что лепили вас не по образу и подобию. Ладно, поговорили и хватит. И без того тошно.

— Но она еще любит тебя, — возразил Элизар. — И потом, мы не бесплотные, мы просто умеем сдерживать свои эмоции. В отличие от вас, людей.

— Оте-нате! — удивился Иванов. — Ну сдерживайтесь, сдерживайтесь. Может быть, помрете когда-нибудь от спермотоксикоза. А насчет Линн... Раньше ей нужно было думать, раньше, когда я уговаривал ее покинуть Валгаллу. Нет, этой амазонке хотелось остаться в кругу боевых друзей!

— Ты сам воин, Саша, — сказал Ангел.

— Вот поэтому мне и надоело в Валгалле. Всех скопом записали в Герои. От диверсанта до тыловой крысы. Знаешь, мне стало тошно, когда я увидел орден Боевой Святости на мундире полковника Старцева. Он-то и не нюхал того, что досталось нам. А разговоры в кабаках? Они же спились там, эти ветераны. И все оттого, что Небесный Отец поставил их в один ряд с Ангелами. Он и гордыню в Валгалле не пресекает. Как услышу, что кто-нибудь своими руками Вельзевула заломал, тошно становится. Он этого самого Вельзевула в

глаза не видел, а если бы увидел, то сразу бы обгадился. Герой нашего времени! — с нескрываемым презрением сказал Иванов. — Толку с того, что ему сам Архангел Михаил звезду на грудь прицепил. Не в орденах ведь дело было и не в свободе пьянствовать в Валгалле с такими же алкашами.

А он видел, как пьяный бес лоб в лоб «фантому» или «сухому»! На таран ведь идет! На верную смерть! Досталось ли ему голым идти среди ледяных торосов Коцита? А в глаза Сатане посмотреть? Задним числом мы все отчаянны и храбры!

— Ну, многим тоже несладко пришлось, — примирительно прохрипел Ангел. — В окопах сидеть, дружище, несладко было. Холодрыга адская, воши с указательный палец. Кусючие, суки! Справа евреи в окопах сидят, слева — мусульмане. Где-то в стороне немецкая гармошка пиликает. Немцев, я сам слышал, нечистая сила больше всего соблазняла. Как начнут с утра! Братья! Камрады по Освенциму и Бухенвальду, различия меж нами не столь уж и остры! Переходите на нашу сторону, исполним многовековую мечту ариев — развесим жидов и славян на Древе Познания! После этого евреи не выдерживали. Как начнут лупить из гранатометов, гранаты рвутся, святая вода в стороны, черти орут! Блин, преисподняя, да и только! А с нашими, помнишь, что они с нашими сделали? Помнишь, как их во Флегетон связанными кидали? Это у них называлось курочку жарить! — Ангел хотел еще что-то добавить, но осекся и испуганно посмотрел на товарища. Тот не заметил его испуга.

— Да, — сказал хмуро Иванов. — Всем досталось. Только потом почему-то в первые ряды не те полезли.

— А так всегда бывает, — с явным облегчением сказал Элизар. — Но я тебе хотел сказать о другом. Линн, она же тебя, дурака, по-прежнему любит...

— Толку нам теперь от нашей любви? — вздохнул Иванов.

Элизар еще раз обнял его, мощно распахнул крылья и унесся в звездные небеса. Александр посидел на пригорке, разглядывая звезды и безуспешно пытаясь найти Солнце, но созвездия были незнакомыми, после Армагеддона все изменилось, и небеса изменились тоже, и неизвестно было — где она, их отравленная и загубленная Земля?

И все-таки визит Ангела разбередил его душу. Что бы ни говорил Иванов, но Линн продолжала занимать в его сердце немалое место.

Линн... Глупая девчонка, возомнившая себя одной из валькирий...

11

О счастливой любви Александра Иванова знали во взводе все.

Эта любовь была светлым талисманом взвода, поэтому светлая зависть к влюбленным смешивалась в людях с желанием как-то помочь им. Отношения с заносчивыми американцами не складывались, поэтому каждый считал своим долгом помочь армейскому Ромео встречаться со своей Джульеттой. Даже лейтенант Городько смотрел на ночные походы Иванова сквозь пальцы. «Трахни от нашего имени эту Америку! — грубовато шутили солдаты. — Покажи этим мормонам, что христианство крепко и неутомимо!» Сашка эти приколы пропускал мимо ушей, он был счастлив, а счастливым ли обращать внимание на глупые чьи-то слова?

Впрочем, похоже было, что нечто подобное испытывали и американцы. Иначе чем было объяснить, что их с Линн ночами выпускали на поверхность именно через штатовский тамбур?

Они бродили по прохладной ночной пустыне, под яркими южными звездами, целовались, занимались любовью в уютной комнате Линн, болтали о житейских пустяках и постепенно познавали друг друга.

Линн была уроженкой маленького провинциального городка, которого и на карте, наверное, не было. Почти как Сашкина Божновка. И жизнь там была так же провинциальна и похожа на божновскую. У Линн было две сестры, и отец у нее был маклером. Что это за профессия такая была, Сашка представлял с трудом, но, видимо, неплохая работа у му-

жика была, если при трех дочерях жена его не работала. В шестнадцать лет Линн стала королевой красоты округа и даже попробовала свои силы на первенстве штата, но там от красоток требовалось одно, и желающих это получить было как мух на базаре, поэтому Линн от возможности обзавестись титулами отказалась и некоторое время помыкалась в поисках работы, но и там мужикам от нее нужно было одно, они даже были согласны, чтобы она вообще не работала. Но Линн это не устраивало, и она пошла в армию, где за приставания к офицеру можно было попасть под суд, а поскольку держалась она холодно и независимо, всем своим видом показывая, что мужики ее не интересуют, мужской персонал быстро отнес ее к воинствующим лесбиянкам и потерял к ней всякий интерес. Но смотреть все-таки смотрели. Как на герлс с обложки журнала для мужиков.

— Я как чувствовала, что тебя встречу, — говорила Линн. — Ты такой милый, Александер, такой мужественный! Мама будет в восторге, когда тебя увидит. А сестренки в тебя сразу влюбятся. Но ты смотри! — И она смешно грозила ему маленьким, но удивительно жестким кулачком.

В любви она была неутомима и изобретательна. К утру они уставали и лежали в жарком изнеможении рядом, едва касаясь друг друга.

Потому что близкое соприкосновение сразу рождало в обоих приступ дикого и необузданного желания.

Узнав о казни отступников в русской бригаде, Линн долго молчала, потом тихо сказала:

— А у нас инквизиция начальника штаба арестовала. Тоже сатанистом оказался. И его адъютант на Врага работал... Страшно, Александер, как они могли предать Бога?

— Они не только Бога предали, — сказал Сашка. — В первую очередь они предали людей.

— Ох, Александер. — Линн приподнялась на руке, заглядывая Сашке в глаза. — Но ведь им гореть в геенне огненной!

Сашка притянул Линн к себе и крепко поцеловал ее в припухшие губы.

— Спи, солнышко, — сказал он. — Никто не знает, что будет завтра.

Никто не знал, будет ли одержана победа в грядущей Битве. Всем им нужна была только победа, иначе любое сопротивление Злу было бессмысленным и опасным. Но Линн в его словах заинтересовало иное. Забравшись на грудь Сашки и упираясь в нее кулачками и твердыми грудками, она требовательно спросила:

— Как? Как ты меня назвал, Александр?

Сашка повторил все по-английски. Линн уткнула голову ему в грудь и, пряча счастливую улыбку, сказала:

— Са-чшка! Ты такой миль-ий!

Ну какое им было дело до предстоящей Битвы? Какое им было дело до близящихся сил Тьмы? Они были счастливы, и этим сказано все. Как говорил когда-то знаменитый одесский налетчик Бенья Крик, не будем размазывать манную кашу по тарелке. Остальное может представить себе даже самый недогадливый читатель. А представив, скорее всего даже и позавидует.

12

Элизар действительно вернулся через несколько дней. И вернулся не один. С ним был Архангел, и этот Архангел был женщиной, которую звали Зитой.

Иванов слышал о ней. Злые языки называли ее андрогинном, сочетавшим мужские и женские духовные начала, и утверждали, что ей неведомы желания. Может быть, но, глядя на нее, Александр испытывал восторг и тайное желание.

Она была прекрасна. У Архангела были огромные изумрудные глаза, в которых то и дело вспыхивали опасные золотые искры. Ее брови сходились суровой складкой, и прямо ото лба шла безупречная линия носа. Плотно сомкнутые губы придавали ее лицу надменное выражение. Нежный овал и удлиненные скулы придавали смуглолицей Зите невырази-

мое обаяние. Одета она была во что-то темное и бесформенное. Из-под этой бесформенности выглядывали длинные стройные ноги безукоризненной красоты.

Они находились на пригорке, поросшем земляникой. Пахло медом и грибами. Где-то далеко над Градом кружили Ангелы, кажущиеся крошечными из-за расстояния.

— Ты уверен в нем? — спросила Зита.

Элизар только кивнул. Он полагал, что слова и рекомендации здесь будут бессмысленными.

— Хорошо, — холодно сказала архангел Зита. — Под твою ответственность, Элизар.

— Послушайте, — нахмурился Александр. — Изъяснитесь яснее, мне надоело, когда решают за меня.

Зита повернулась к нему и улыбнулась. На этот раз улыбка ее была искренней.

— В том-то и дело, — сказала она. — Нам тоже надоело, что все решают за нас.

— Заговор? — нахмурился Иванов.

— Вас пугает это? — подняла брови Зита, и красивое холодное лицо ее стало недоверчивым и настороженным.

— Господи, — сказал Александр. — Неужели вы еще не настрелялись?

— Саша, не торопись, — сказал Элизар. — Принять решение никогда не поздно. Главное, чтобы это решение было верным.

Иванов сел на землю, широко расставив ноги, и посмотрел на лес за рекой.

— Плевал я на ваше бессмертие, — сказал он. — Черт бы вас всех побрал с вашими Добром и Злом.

Зита звонко засмеялась и повернулась к стоящему Элизару.

— Ты прав, — сказала она Ангелу. — Он наш.

— Да не ваш я, — сказал Александр. — Не ваш и не их. Я сам по себе. Надоело это деление. Как вы не поймете, что нет добрых и злых, все люди наподобие моряков. Жизнь похожа на тельняшку — черная полосочка чередуется с белой, в каждом рядом со скотиной живет неплохой добрый человек. Просто все зависит от обстоятельств. А вы возвели эти качества в философские понятия и меряете ими жизнь.

Элизар, внимательно наблюдавший за небом, потянулся и с резким хлопком развел крылья в стороны.

— Вы тут побеседуйте, — сказал он, — а я, пожалуй, немного разомнусь.

Мощно взмахнув крыльями, Элизар устремился в небо. Архангел и Иванов проводили его взглядами и посмотрели друг другу в глаза.

— Давайте говорить откровенно, — предложил Александр.

— Давайте, — сказала Зита. — Что вы хотели бы услышать?

— Прежде всего кто вы? И каковы ваши цели и задачи?

— В главное вы уже поверили, — сказала Зита. — Вы поверили, что можно быть недовольным и в Раю.

— Да уж, — сказал Александр Иванов. — В этой жизни мало райской прелести. На Земле было лучше.

— Я была на Земле, — сказала Зита. — Я долго жила во Франции.

— Вы человек? — удивился Александр.

— Я серафим. — Зита села рядом, разбросав крылья и вытягивая длинные стройные ноги с неожиданно маленькими ступнями. — Но я долго жила среди вас. Крылья легко спрятать. Или выдать их за горб. Горбатых жалеют, Александр. Это было нечто вроде вашей эмиграции. Мне не нравились порядки в нашем Раю.

— Неудивительно, — согласился Александр, тайно любуясь лицом Архангела. — Счастье, если его охраняют херувимы, становится своим антиподом.

— Вам здесь не нравится, — утвердительно сказала Зита.

— И здесь тоже. — Александр отвел глаза от ее ног, глядя в небо. — Мы дрались за победу Добра. Живых и мертвых, нас забрали на небеса и отвели нам Валгаллу. И что же? Нам дали свободу, но какую? Свободу пьянства и вечных сражений друг с другом. Не кажется ли вам, что это скорее напоминает земной Колизей, где небесные жители выступают зрителями, а мы всего лишь гладиаторы, призванные пощекотать их нервы. А этот город избранных? Небесные избранные напоминают земных политиков, херувимы ничем не отличимы от нашей милиции, пожалуй, они даже хуже, ведь

у нас силы порядка состояли из людей и охраняли людей, а здесь это делают небесные создания, которым люди глубоко чужды. Бить человека за то, что он оказался не в своем секторе? Это ли райское блаженство для избиваемого? Все поделено, и все зависит от настроения Его ипостасей. Мусульмане зависят от Аллаха, христиане от Эллохаима, иудеи от Яхве, буддисты от Будды, но все они зависят от одного существа, которого именуют справедливым и милосердным. Благодарю, все это мы проходили и на Земле!

Зита легко вскочила. Ее огромные глаза сияли восторгом.

— Я же говорила, что вы наш! — радостно сказала она и протянула Александру узкую и длинную ладошку. — Если бы вы знали, Александр, как я рада, что выслушала от вас эти упреки! Я сама считаю, что главное — убедить Ангелов, что они покроют себя славой, сбросив Небесного Отца. Вся беда в том, что Царствие Небесное представляет собой военную автократию, и на небесах не существует общественного мнения. Кроме того, возможные союзники из числа разувевшихся в торжестве справедливости праведников серьезно разобщены, а потому не представляют для небесных избранников особой опасности.

Александр отрицательно покачал головой.

— Боюсь, вы меня неправильно поняли, Зита, — сказал он. — Я недоволен небесным порядком, но это не значит, что я готов снова воевать за достижение чьих-то целей. В конце концов, Люцифер тоже когда-то был Архангелом, и все его козни сводились лишь к тому, чтобы занять место, уже занятое другим. А к чему стремитесь вы, Зита?

Архангел сжала протянутую руку в кулак.

— К разрушению стереотипов, — сказала она. — Вчерашнее Добро не должно стать завтрашним Злом. В этом вы со мной согласны?

Александр покачал головой.

— Слова, слова, — сказал он. — Я хочу знать конкретно, что вы предлагаете? Разогнать херувимов и небесных избранников? Прекратить славословия и осанны во славу Творца? Соединить небесные Грады молочными реками с кисельны-

ми берегами? Разрушить Валгаллу? Простите, но в это я не поверю. На место Творца обязательно приходит Властелин, который правит не в пример жестче.

Архангел расправила крылья, и теперь она выглядела как статуя — была такая же красивая и холодная.

— А если я скажу, что наша цель — вернуть людей на Землю? — спросила она. — Вернуть навсегда и дать им возможность самим определять свою жизнь без оглядки на прихоти Высших? Разве это не благородная цель — освободиться самим и сделать свободными других?

— Тогда я ваш, — сказал Иванов. — За это стоит еще раз отдать свою жизнь.

И протянул Архангелу руку.

13

Силы Тьмы прорастали в пустыне из невидимых мицелий Зла, становясь в ряды под прикрытием огнедышащих драконов и гарпий.

Вокруг облачно повисшей в небесах нечисти словно комары закружили истребители. Небо исполосовали белые стежки инверсионных следов, ракеты рвались среди драконов, но видимого ущерба им не причиняли, в то время как гарпии наносили удары по самолетам расчетливо и беспощадно. Спустя некоторое время пустыня была в чадающих кострах догорающих боевых машин. Но количество самолетов все увеличивалось, ракетные удары их становились все острее, и вот уже первые драконы, словно чудовищные аэростаты, с предсмертным воем понеслись к земле. Гарпии, неся потери, отступили под прикрытием драконов, но и здесь их настигали серебряные пули с изображением распятия. Однако нечисти было слишком много, чтобы первые потери могли привнести панику в ее ряды.

Между тем построение армии Князя Тьмы стремительно завершалось. С фотографической быстротой проявлялись на теле пустыни укрепления и редуты. Ифриты плавил песок, превращая его в высокопрочную кремниевую броню, неуязви-

мую для пуль и снарядов, даже если те и несли знаки святости. Гоблины и гномы рыли укрепления с неимоверной быстротой, и их тут же занимали бескрылые демоны, свиноподобные черти и прочая нечисть, пришедшая истребить род человеческий и одержать очередную победу над Добром.

Вельзевул сразу бросил своих демонов по левому флангу, но там стояли смертники из мусульманских кастратов и убоженных скопцов, которые за жизнь особо не держались и дрались с отчаянием и злобой обреченных. Демонам с трудом удалось пройти по выжженной кипящей земле около километра, кастраты и скопцы отбивались из окопов бутылками со святой водой, а когда положение стало совсем безнадежным, вызвали огонь на себя. Установки «Варфоломей» сделали свое дело — легион «Фельдкригс» приказал остальным демонам долго жить, рога и копыта после боя собирали по всей равнине, дымящейся от святой воды и серных изотопов.

Спустя час в бой вступил и православный корпус.

На стороне Ада дрались наемники, на которых священное оружие не действовало. Половина легиона состояла из негодяев всех времен и народов, призванных в ряды легиона прямо из адских котлов, вторую половину составляли проверенные в боях выходцы из СС, которых особо собирать не пришлось, в конце концов, и в Аду образца XX столетия уже был определенный порядок. Легионерами командовал немецкий фельдмаршал Кейтель, повешенный по приговору Нюрнбергского международного трибунала. Фельдмаршал был рад покинуть котел и отдохнуть от мучений, более того, перспектива вообще уйти от наказания в случае победы придала Кейтелю храбрости и ума.

Двумя клиньями при поддержке огнедышащих пеших драконов легион навалился на позиции православного корпуса. Ракетчики драконов остановили, но грешники уже вышли на расстояние, достаточное для рукопашной. Вывернутая наизнанку одежда и Библия в кармане были надежной защитой от злобных фейри, но совсем не спасали от атаки грешников. Здесь уже все решали сила и тренированность. Все смешалось в окопах. Драка была кровавой и яростной, в ней приняла участие и разведка. Александр Иванов в бою получил касательное ранение, его зацепил шпагой французский легионер в гвардейском мундире, но серебряная пуля в лоб, выпущенная из пистолета

Иванова, успокоила лягушатника уже навсегда и безо всякой надежды на новое воскресение. Кровавой ценой легионеры были отброшены на свои позиции, и в боевых действиях наступило некоторое затишье для того, чтобы противники оценили позиции и подсчитали потери.

Пространство между армиями дымилось. В небе продолжали бой с нечистью реактивные истребители, которым на помощь пришли Ангелы и одиннадцать светловолосых валькирий в рогатых шлемах и с огненными копьями в руках. Надо сказать, что копия разили слуг дьявола не хуже телеметрических ракет. Что за оружие было у Ангелов, сказать было трудно, но гарпии и драконы от него рассыпались на части прямо в воздухе. Однако и в воздухе бой явно шел на убыль.

Обменявшись ударами, армии принялись окапываться, и стало ясно, что одним днем Битва не закончится и предстоящая бойня будет кровавой и затяжной.

Ближе к вечеру над полем боя появилась Благодать. По ней стреляли, но Благодать невозмутимо шествовала по песку, собирая останки погибших воинов, которые отныне отправлялись в Валгаллу.

Независимо от исхода Битвы для погибших солдат она уже завершилась.

— Почему же нельзя вернуть их еще раз, ведь Битва еще не закончилась? — недоумевал Александр.

Вопрос этот волновал и других, но ответ ротного капеллана прозвучал странно.

— Господу нашему это неуютно, — сказал капеллан. — Силы Добра и Зла в каждой схватке используются только раз.

Господу неуютно! Слово не кровь лилась, а шахматная партия разыгрывалась.

14

Небеса были полны звезд.

Иванов сидел в кресле у окна, смотрел на звезды и жалел, что у него нет сигарет. Сейчас сигарета пришлась бы весьма кстати.

Дневные разговоры не давали ему покоя. Александр страстно желал и боялся поверить в них.

Вернуться на Землю! Пусть не домой, но на Землю. Вдохнуть запах степной травы, пройти по месту, где когда-то находилась Божновка, увидеть, как плывут над землей облака, искупаться в Медведице и посидеть с удочкой у темного омута, заросшего лилиями и кувшинками, посмотреть, как строят свой муравейник муравьи, увидеть, как планирует над мелководьем цапля, услышать тревожный свист сусликов в степи и знать, что это все не искусственное, что все настоящее — от малой травинки, приподнимающей камень в степи, до снежных вершин, упирающихся в сахарно-голубые небеса.

Ему показалось, что за время, проведенное в Валгалле и позже в Граде, он уже забыл, как выглядят земные пространства. Оказалось, что он ничего не забыл.

В первые дни пребывания в Валгалле им сказали, что никто и никогда больше не увидит дома, что вся Земля заражена ядами и радиоактивностью на долгие времена, но горе их утраты скрашивалось чувством Победы. Они выступили на стороне Добра, и Добро победило Зло. Отныне и навсегда не будет больше неправды и лжи, отныне и навсегда будут торжествовать справедливость и нравственность. Тот закон, что дал Господь созданному Им миру, наконец восторжествовал.

За одно это можно было заплатить любую цену.

И только спустя десятилетия, пожив в Валгалле, где царил вечный пир и вечная битва, краем глаза увидев порядки, царящие во Граде и на Седьмом Небе, где жили избранные, он начал испытывать сомнения — так ли уж хорошо жить в мире, лишенном первородного греха?

Ему возражали — разве это плохо, что *никто* из людей не нарушает закон? Хорошо, соглашался он, плохо лишь то, что закон не нарушает никто *из людей*. Остальные вели себя по отношению к закону довольно свободно. Да, никто из людей на нарушал закона, но похоже было, что закон этот был писан лишь для людей.

Что тебе надо? — говорили ему. Человечество сыто, избавилось от своих социальных язв и все счастливы. Да, сча-

стливы, соглашался он. Но разве от счастья они возглашают осанну и восхваляют Творца? Для чего же тогда невыходы к Храму объявляют нарушением, почему каждой вере уготован свой уголок и наказывается тот, кто пытается свою веру донести до еще не уверовавших? И зачем херувимы на улицах? Ну, это ясно, оворили ему. Херувимы нужны, чтобы зло не вернулось. Но разве, сторожа мир Добра, херувимы не творят Зло? Да ты философ, говорили ему. Спроси остальных, Может быть, они тоже не хотят навязанного им счастья? Им не нужно бессмертие? Не нужна сытость? Не нужна уверенность в завтрашнем дне? Может быть, они откажутся от херувимов, чтобы оказаться беззащитными перед внезапным нападением сил Зла? Нет, Александр, ты идиот, если думаешь, что возможен иной ответ. Ты же сам видишь, что даже писатели и поэты, эти инженеры человеческих душ, спокойно воспринимают данную нам реальность. Чего же хочешь ты? Пей, друг, ты заслужил свое право на вечный отдых. Так говорили ему в Валгалле.

Иванов смотрел на звезды.

То, что в Небесах были существа, недовольные установленными на них порядками, нисколько не удивило его. Гораздо более удивительным было бы всеобщее довольство и умиротворенность. Смущало одно — критерии Добра и Зла имели нечеткие очертания. Оказалось, что можно творить Зло во имя Добра, и Добро оказалось не всегда позитивным. Оказалось, что религии все-таки нетерпимы друг к другу, и для того чтобы достичь гармонии, потребовалось разобщить человечество на несколько обитаемых миров, а потому допускалось творить Зло во имя того, чтобы чужая нетерпимость и чужая вера в Добро не столкнулись в неодолимом противостоянии только потому, что это противостояние вновь вело к установлению Зла как философской категории, а следовательно, обещало неизбежность новой Битвы.

И вновь нахлынули воспоминания, и в этих воспоминаниях столкнулись в пустыне две армии, которым предстояло одержать победу или умереть, и между ними не могло быть перемирия, только война до уничтожения одной из сторон.

15

В окопе пахло свежей кровью.

Привалившись спиной к стене окопа, сидел Димка Чупиков из третьего взвода. Вместо кадыка у него была рваная рана, лицо и камуфляж залиты уже темнеющей кровью. Остальные выглядели еще хуже. Ну и ночка! Это был уже второй окоп, где орудовала нечисть.

— Волкодлаки, — пробормотал особист.

Был он в черном комбинезоне, и на поясе у него было странное оружие, нечто среднее между краскопультом и газовым пистолетом.

Иванов такой штуки никогда не видел и на занятиях по боевой подготовке пользоваться этим оружием никто не учил.

— Вы посматривайте, — сказал особист, присаживаясь на корточки перед очередным трупом и расстегивая покойному ворот. Вместо крестика на груди у мертвого была оплавленная, еще горячая капля. — Вон оно что. А я думал, почему они в горло целились, крестик все же. А его и нет, мигунцы поработали.

Он встал, сдирая с рук тонкие резиновые перчатки.

Сидящие на краю окопа валькирии вопросительно посмотрели на особиста, и тот кивнул.

— Забирайте, — сказал он. — Мы уже закончили.

Бойцы откровенно глазели на стройные длинные и голые ноги валькирий.

— Я же приказал вести наблюдение вокруг, — сказал особист. — Пацаны... Набрали вас на нашу голову.

Он сложил в планшетку жетоны погибших и огляделся.

— Городько, — позвал он лейтенанта. — Замену погибшим подготовили?

— Сейчас из резерва подтянутся, — сказал из темноты лейтенант.

— Давай быстрее, — приказал особист. — Мне их еще проинструктировать надо.

В темном небе что-то захлопало. Хлопанье это приближалось.

Казалось, что сотня просохших простынь шумно плескалась на ветру.

— Гарпии, — встревоженно сказал особист. — лейтенант, объяви боевую готовность, к нам гости пожаловали...

Он не договорил, потому что из темноты на окоп рванулось сразу десятка полтора оскаленных волчьих морд, и все сразу сплелось в жестокую кровавую схватку. Затрещали выстрелы, послышалось рычание и вой, крики, предсмертные вопли, хрип и матерщина. На Сашку бросился огромный серый волк с подпалинами на выпуклом лбу. На спине у него, вцепившись в шкуру крошечными лапками, сидело странное существо, напоминающее хорька или ласку. Крестик вдруг больно впился в тело, он обжигал, и Иванов понял, что это и есть тот самый мигунец, которого упоминал особист. Уклонившись от броска волкодлака, Иванов успел схватить мигунца за мягкий загривок, и мигунец вдруг завершал так пронзительно, что бой в окопе на несколько мгновений прекратился. Люди и волкодлаки уставились на мигунца, который сучил лапками и продолжал верещать.

Паузой воспользовался особист, успевший сорвать с пояса свое странное оружие. Окоп заполнился паром, жутко завывли волкодлаки, и через несколько секунд все кончилось — вместо зубастых хищников на дне окопа билось около десятка человеческих тел, с которых клочьями ползли волчьи шкуры.

— Бей их! — закричал особист отчаянно, но никого подгонять было не надо, ножи сделали свое дело и отомстили за погибших.

Особист осторожно приблизился к Иванову и перехватил у него мигунца. При виде особиста мигунец замолчал и обвис у него в руке, слабо подергивая лапками и вращая круглыми, как у лемура, глазами.

— Ловко ты его, — сказал особист. — Ничего не скажешь... Сам догадался или вычитал где?

— Машинально все вышло, — признался Иванов, чувствуя, как медленно покидает тело нервная дрожь.

Рядом опять захлопали крылья, заставив бойцов настороженно поднять глаза. К счастью, это прилетела валькирия.

Выглядела она жутковато. Левое бедро было исполосовано чудовищными когтями, лицо залито кровью, в прорехах молочно светились высокие соблазнительные груди. Молча оглядев солдат, валькирия подхватила сразу нескольких убитых и взмыла в темноту.

— Это гарпии ее так, — сказал кто-то из солдат.

— Да уж, — подхватил второй. — Бабы дерутся, мужикам делать нечего.

И в это время в окоп начали прыгать бойцы из резерва. Они еще не участвовали в боях, а потому с ужасом смотрели на окровавленные останки.

— Лейтенант, — сказал особист. — Ты все понял?

— Так точно, — выступил из темноты Городько.

— Вот и отлично. Значит, проинструктируешь их сам.

А этого... — Особист указал на Иванова. — Этого я с собой заберу.

Приказы начальников не обсуждаются.

— Держи. — Особист сунул Иванову плененного мигунца. — У тебя сидор есть? Смотри только, чтобы не сбежал.

— А он ничего не сделает? — осторожно поинтересовался Сашка.

— Теперь ничего, — сказал особист. — Я на него заклятие наложил.

Он усмехнулся, еще раз оглядел Иванова и сказал:

— Ну что, давай знакомиться, разведка? Майор Фролов. Лев Иванович меня зовут.

— Рядовой Иванов Александр, — представился и Сашка. — Только я не разведка, я из истребительной роты.

— Был из истребительной, — поправил его особист. — Теперь ты в разведке будешь служить. И никогда об этом не забывай, рядовой Иванов. Ты же десантник?

— Так точно, — сказал Иванов.

— Значит, и разведчик из тебя получится, — засмеялся особист. — У меня глаз наметанный, я до Святой инквизиции в ФСБ служил.

16

Земля была похожа на огромный мяч, сшитый из разноцветных лоскутов. Дымка облаков окружала ее, и при виде планеты Александр Иванов испытал чувства, доступные лишь страннику, который после долгих и томительных скитаний увидел вдруг дым из очага родного дома. Рядом с несущейся вокруг Солнца Землей светился желтый полумесяц Луны, остальная поверхность спутника лишь угадывалась в космическом мраке.

Пространство вблизи Земли было забито диковинными металлическими конструкциями, в которые по мере приближения превращались поблескивающие звездочки.

— Но нам объяснили, что после Битвы Земля стала необитаема, — пробормотал Александр, жадно разглядывая родную планету.

— Это доказывает лишь то, что мы говорили тебе правду, — отозвался Элизар.

Они сделали виток вокруг Земли. Не было сомнений, что она была населена. Прежних городов и селений не было, вместо них на поверхности высились странные уродливые сооружения, лишь отдаленно напоминающие небоскребы.

Александр слышал странную торжественную мелодию, которая доносилась неизвестно откуда, а быть может, это звучал сам окружающий их космос.

— Ты хочешь побывать внизу? — спросил Элизар и засмеялся, потому что сам вид Иванова не давал повода для иного толкования.

Они скользнули ниже и закружились по спирали, одновременно приближаясь к поверхности Земли. Еще задолго до приземления Александр увидел парящие в голубом пространстве точки и скорее сначала догадался, а потом понял, что они собой представляют, — в небе парили серафимы. Но только ли они?

— Нет, — сказал Элизар. — На Земле теперь живут серафимы и керубы. Разве Зита не рассказывала тебе?

— Почему?

Элизар замялся.

— Я не философ, — уклончиво сказал он. — Я боец. Я должен показать тебе правду, все остальное ты узнаешь от Зиты.

— Пока я знаю только вас двоих, — задумчиво сказал Александр.

— Ну, милый, — хмыкнул Ангел. — Многого требуешь от меня. Мы к этому шли без малого две тысячи лет, а ты и в Бессмертных-то ходишь недолго!

— Ты мне не доверяешь? — удивился Иванов.

— Я тебе доверяю, — сказал Элизар. — Но я тоже связан клятвами. Ты меня понимаешь?

— Нет, — покачал головой человек.

Ангел распахнул крылья так же естественно, как человек разводит руками, и ничего больше не сказал.

Под ними мелькали знакомые места.

— Опустись, — попросил Александр.

В его омуте, густо поросшем желтыми кувшинками и белыми лилиями, безмятежно переговариваясь друг с другом, ловили рыбу Ангел и Дьявол. Они были похожи друг на друга, различал их лишь цвет, а не разногласия и не философские понятия Добра и Зла. Александр ощутил ярость, но сдержался.

— Значит, вы вместе? — горько сказал он. — Вы и они.

— Серафимы, — уточнил Элизар. — Мы все — серафимы.

— Как мы были землянами, — согласился Иванов. — Лихо вы нас купили!

«Господи, — подумал он с тоской. — Подойти бы сейчас к обоим, начистить им рыла!»

Похоже было, что желание это ясно отразилось на его лице, и Ангел встревожился.

— Надеюсь, ты понимаешь, что это высший секрет серафимов? — тревожно спросил он. — Ты должен сдержаться, никто не должен знать о твоём пребывании здесь, иначе последствия будут очень трудно предсказать!

Человек тихо засмеялся.

— Послушай, — сказал он. — Но ведь вы так беспощадны были друг к другу, что я даже боюсь это вспоминать. Одно время я даже просыпался в поту после этих воспоминаний. Это все было притворством?

Ангел покачал головой.

— Не торопи время, — сказал он. — Тебе все объяснит Зита!

— Ты знаешь, что такое попугай? — ухмыльнулся Александр. — Впрочем, это не важно. Так вот, ты, как земной попугай, повторяешь только то, чему тебя научили. Разве ты не имеешь собственного мнения? Тогда берегись и не лезь в драку, тебя снова обманут, как обманывали уже не раз.

— Хочешь увидеть поселок, где ты жил? — спросил Элизар.

— Не стоит, — решил Александр. — Всегда грустно видеть, что твой дом принадлежит кому-то другому или его нет вообще. Летим отсюда, дружище.

17

Блицкриг не получился ни у одной из сторон.

Битва постепенно охватила всю Малую Азию, метастазами расплзаясь по Земле. словно черный осьминог она растекалась по планете, не щадя мирных жителей. Теперь уже Благодать не знала отдыха, ей приходилось трудиться круглые сутки. Валькирии тоже оставили военные действия, потери в армии Света были огромными, а что могут сделать двенадцать дев-воительниц, хоть и божественного происхождения?

— Мы проигрываем, — озабоченно сказал генерал Рублев, и его коллеги из НАТО и азиатских стран одобрительно закивали. — Нас теснят по всем линиям.

— Но где же обещанная помощь Ангелов? — спросил генерал Самсонов. — Помните, Патриарх и Папа Римский в один голос обещали, что мы не останемся одни. Уже вся Земля работает на войну, а помощи не видно. С нами только Ангелы из Воздушной поддержки, но их слишком мало, чтобы уйти от поражения. Отец Алексей, может быть, вы скажете нам что-то вразумительное?

Священник возвел глаза горе.

— Все в руках Господа! — звучно сказал он.

Но Бог, судя по всему, не торопился.

И тогда был задуман рейд в глубокий тыл Врага.

Диверсионная группа была сформирована из инквизиторов и Ангелов. Их было пятнадцать — девять людей и шесть Ангелов. Подбирались опытные, хотя священники ставили на первое место веру. Генерал Хедерман резонно заметил, что вера не сможет заменить навыков и тренированности; короткий поединок между верующими и знающими подтвердил правоту генерала. В число девяти вошел и Александр Иванов, который к тому времени уже зарекомендовал себя среди инквизиторов великолепным чистильщиком, которого боялись и вампиры, и оборотни, и даже гоблины, славящиеся своей неуязвимостью. Ходили слухи, что за его голову Врагом была назначена награда, слухи эти подтверждались показаниями пленных, но Иванов не гордился этим и особенно показаниям пленных не верил. Мало ли что можно наговорить под пыткой!

Но работал он по ночам вполне профессионально. Чего только стоили его окопы-ловушки, где сложили свои клыкастые головы знаменитые волкодлаки из группы «Черные Звезды»! Сам Сатана, говорят, объявил траур по погибшим! А засады с воздушной подстраховкой? Именно в такую засаду попал сам Дракула со своей кровавой группой. За эту успешную операцию командование сил Добра наградило Иванова орденом Прасковьи-Великомученицы, он был первым, удостоенным столь почетного знака отличия. Некоторые упрекали Александра в излишней жестокости. Не каждый выдерживал, когда при нем плененного демона начинали обливать святой водой. Да, это было больно, но давало прекрасный результат. Святые эмульгаторы или лампадное масло развязывали язык самым стойким, и благодаря этому светлая сторона не несла значительных потерь.

— Этот сможет, — задумчиво сказал генерал Самсонов, просматривая личное дело Иванова. — Этот у самого Сатаны душу найдет и вытянет. Лучшей кандидатуры я и представить не могу, братья!

В группу глубокого поиска вошел и рекомендатель Александра Лев Фролов, который к тому времени получил звание

полковника инквизиции и гордился своим учеником, как, наверное, в свое время гордился своими Христос.

— Сашка может то, что не может никто, — убежденно говорил Фролов. — Это, братцы мои, специалист от Бога. В средние века ему бы вообще цены не было! Представляете, он по запаху в окопе определяет, что там за нечисть была. Кто-нибудь еще на подобное способен?

Сам Александр ко включению его в группу глубокого поиска отнесся равнодушно. В конце концов, смерти он не боялся, знал, что Благодать или валькирии унесут его в Валгаллу. А боль — явление временное, если не сможешь стерпеть — поори! Ну а в случае поражения у всех был один конец — и у людей, и у Ангелов.

Зато Линн к самой идее подземного поиска отнеслась с нескрываемым страхом.

— Ты не вернешься, — тихо плакала она, обнимая Александра. — Из Ада еще никто не возвращался! Орфей не вернулся, а ведь ему боги помогали! Сашка, я не хочу тебя терять! Вы ведь не на экскурсию туда идете! Господи, но почему? Почему именно ты?

— Судьба, — философски сказал Иванов, обнимая любимую. — И хватит, Линн, не будем об этом. Кому суждено стореть, тот не утонет. Ты же знаешь, что всем нам суждено бессмертие!

— Если мы победим, — улыбалась сквозь слезы Линн. Куда делись ее решительность и отчаянность, все заслонила тревога за любимого человека.

— Конечно, мы победим, — улыбался в ответ Александр. — Ну кто же откажется от вечного счастья, моя дурочка?

Теперь они разговаривали на странной мешанине английских и русских слов — этаким сленге, рожденном любовью и нежностью!

Но главное было по-прежнему не в словах. Столько времени уже прошло, и ведь не мир — война вокруг бушевала, а жадность их друг к другу по-прежнему была неиссякаема и безудержна.

18

Александр требовал объяснений. Ярость и гнев бушевали в нем.

Он чувствовал себя обманутым и униженным после возвращения с Земли.

— Да как ты не поймешь, — сказала Зита. — Страшный суд, Армагеддон... Все это сказки для взрослых. Не было никакой Битвы Добра со Злом, просто ваша планета понадобилась для экспансии. Вот и разыграли беспрюгрышную карту. Ведь вы в эту схватку поверили, ваши священники не один год говорили о ее неизбежности.

— Значит, нас просто купили, как дураков? — медленно спросил Иванов, глядя на Архангела.

— Теперь вы живете в Небесных резервациях, а проигравшие живут в Подземных, — сказала Архангел, не глядя на человека. — Был бы другой исход, вы жили бы под землей, а ваши противники на небесах. В любом случае без проигрыша остались бы одни серафимы. Им Земля досталась бы так или иначе.

— А жертвы?

Зита выразительно вздохнула.

— Ну, полезли бы мы к вам без обмана, — сказала она. — Серафимы против землян. Драться вы умеете, жертв было бы куда больше, и планета бы досталась вся загаженная. А тут немного хитрости — и вы в основном дрались сами с собой. Достаточно было изучить ваши мифы, сказки и легенды и приготовить из них то варево, которое пришлось вам по вкусу.

— Значит, вы вообще не воевали? — хмуро спросил Иванов.

— Воевали, — сказала Архангел. — Только если бы мы воевали с вами, жертв было бы куда больше. С нашей стороны. А так немного внушения, наведенного со спутников, и все население поверило, что участвует в последней Битве. И результат неплохой — вы считаете себя победителями и живете в резервациях для победителей, остальные считают себя побежденными и смиряются с резервациями для побежденных.

— А как же воскресение погибших? — упрямо хмурился Александр.

— Небольшая золоченая пилюля победителям. — Зита закинула ногу на ногу, и, несмотря на раздражение, Александр отметил их совершенную красоту. — Иначе бы у вас появились сомнения. Там, где счет идет на миллиарды, тысячи и даже десятки тысяч ничего не решают.

— Но вы же сами говорили, — ухватился Иванов за невидимую соломинку, в прочность которой не верил. — Ты мне говорила, что жила во Франции?

— Я тогда работала в разведке, — объяснила Зита. — Такая была молодая дурочка, с идеалами и идеями. Ах, Париж, — мечтательно сказала она. — Я всегда с тоской вспоминала этот город. Наверное, это самое прекрасное место во Вселенной.

— А теперь вы живете без идей?

— Почему же? — удивилась Зита. — Идеи остались. А вот идеалы изменились. Остальное все правда.

— А Валгалла?

— Там собрано ваше наиболее активное население. Вольности им даны для того, чтобы никто не задумывался о судьбе Земли. Разумеется, древние Герои там живут для антуража.

— Гипнотическое внушение?

— Нет. На этот раз психообработка личности. Они сами должны отождествлять себя с древними Героями. Сами, а не окружающие. Интересно все вышло, правда?

— Вы — чудовища, — сказал Александр гневно. — Вы уничтожили нас фальшивым счастьем.

Зита внимательно посмотрела на него.

— Да, — согласилась она. — Серафимы действительно чудовища. Для вас, людей. Но это не главное наше преступление.

— Что? Что еще более гнусное вы могли сделать? — задохнулся от гнева Иванов.

Архангел Зита встала, прошлась по комнате и неожиданно распахнула свои огромные белые крылья. «Глупости, — подумал Александр. — Все про нее врут, нет у нее никаких двуполых начал. Обыкновенная баба, только с крыльями».

Зита перехватила его взгляд, и случилось неожиданное — она покраснела.

— Не смотрите на меня так, — жалобно сказала она. — Я боюсь вашего взгляда. Вы действительно находите меня красивой?

Теперь уже покраснел Иванов.

— Да, — сказал он смущенно. — Вы действительно очень красивы, Зита. Но вы не ответили на мой вопрос.

Ему показалось, что Архангел тяжело вздохнула.

— Я отвечу, — сказала она. — Только мой ответ будет вам неприятен, Александр. Вы помните свой рейд?

— Такое не забывается, — сказал Иванов. — Такое просто невозможно забыть, Зита.

Архангел заколебалась, потом решительно подняла голову. Губы ее были твердо сжаты, густые брови на лбу образовали глубокую складку, но даже сейчас она была прекрасна.

— Тогда вы уничтожили не Сатану, — сказала она. — Вы уничтожили Люцифера. Единственного серафима, который мог помочь вам тогда. Вы просто не знали. Он не был властелином Тьмы. И пленником тоже не был. Он был жертвой, приготовленной для укрепления человеческой веры в справедливость происходящего. Это был план Небесного Отца и избранных.

Иванов долго молчал.

— Но Элизар... — нерешительно сказал он.

— Элизар тогда еще ничего не знал, — жестко сказала Зита.

— Значит, этот взгляд... — Александр похолодел. — Он все понимал?

— Да, — уже мягче и с явным сочувствием сказала Архангел Зита.

Человек опустил голову.

Серафим, шурша крыльями, шагнула к нему и обняла. Тело Александра мелко дрожало.

— Успокойся, — тихо сказала Зита. — Успокойся, ведь все это было давно.

Иванов поднял на нее сухие яростные глаза.

Архангел Зита прижала его голову к своей груди, и Александр почувствовал, как быстро и стремительно бьются оба ее сердца.

— Ты ни в чем не виноват, — сказала она. — Слышишь, ты ни в чем не виноват!

Она наклонилась и заглянула ему в глаза.

— Хочешь поцеловать меня?

— Глядя на тебя, я всегда хотел большего, — горько улыбнулся человек, глядя в лукавые глаза Архангела.

Она засмеялась и принялась покрывать его лицо мелкими поцелуями. Губы у нее были мягкими и влажными. Неожиданно она отстранилась, лукаво глядя на Александра.

— Как ты думаешь, — нарочито озабоченно сказала она, — крылья не помешают мне лежать на спине?

19

Подземные лабиринты были мрачны и опасны. Во тьме среди пятен света от фонарей мелькали волосатые и злые лица кобольдов, но каменных обвалов кобольды пока не устраивали, ждали, когда противник заберется еще глубже. Все это происходило в нагнетающем страхе молчании, слышно было лишь дыхание людей и шорох осыпающихся под их ногами камешков. Тухло пахло сероводородом.

Они уже достаточно углубились в разветвленные лабиринты каменоломни, когда нечисть решила на нападение. Нападение было глупым и непродуманным — выскочил из-за поворота одуревший от одиночества и темноты упырь и без лишних мудрствований всадил клыки в шею ближайшего врага. На его беду жертвой оказался Ангел. Упырь взвизгнул обиженно, обхватил клыкастую морду уродливыми лапами и замер в перекрестье десятка фонарей. От него шел дым, шкура на упыре полезла клочьями, и сразу было видно, что эта нежить уже не жилец на белом свете. Поэтому и задерживаться никто не стал, двинулись дальше, оставив за собой распугивающий подземных обитателей истошный вой.

Узкие ходы подземелья постепенно расширялись, стали видны следы древней вырубки, и пласты угольно блестя в свете фонарей.

В редких еще нишах стояли какие-то скульптуры или идо-лы, но рассматривать их было некогда. Бой отвлечения, начатый на поверхности, долго продлиться не мог, и с его окончанием группу ждали тяжелые времена, поэтому надо было уйти на чужую территорию как можно дальше, чтобы избавиться от глаз пограничных соглядатаев и затруднить врагу поисковые мероприятия. Подземелье дохнуло на них прелостью асфодели, запахами кипящей смолы и выгорающей серы. Черной спокойной лентой катил свои воды Ахерон, и сначала они даже не поверили, что добрались до самого логова. Впрочем, это было сказано слишком громко. Им еще предстояло пересечь Ахерон, пройти все круги Ада, пересечь их рвы, наполненные страданиями и болью, и добраться до обжигающих морозных глубин Коцита, где находился Люцифер. Даже скованный льдами, он продолжал руководить силами Зла, и с каждой победой этих сил ледяные покровы ослабевали, обещая покоренному исполину волю. Им предстояло пройти по сотням лиц, вмороженных во льды озера, увидеть, как вечные черепа яростно грызут друг друга, услышать, как предавшие и проданные проклинаят свою участь.

— Привал, — сказал Фролов, — десять минут отдыха.

Он не знал, что будет разорван Тифоном, едва они ступят на противоположный берег Ахерона. Сосредоточенно пощипывая свою небольшую бородку, он что-то прикидывал и рассчитывал, еще не догадываясь, что всем его расчетам не суждено будет сбыться.

— Мрачное местечко, — сказал сержант Никитин, хмуро оглядываясь по сторонам. — Стоит повоевать, чтобы не провести здесь оставшуюся вечность.

Сержант Никитин тоже еще не знал, что бессмертия для него не будет, что тело его растворится в едких водах Коцита, так и не отпустив от себя души.

Два Ангела, вольно распутив крылья, стояли у черной воды и что-то оживленно обсуждали между собой. Ангелам этим суждено было погибнуть, попав под слезу Люцифера. Иванов даже не успел поговорить с ними и никогда не узнал их имен.

Ангел по имени Элизар поманил его к себе.

— Держись рядом, — сказал он. — Сдается мне, что Харона мы не дождемся.

— Тогда людей перенесут на ту сторону Ангелы, — сказал Александр.

— Поэтому и говорю тебе, — сказал Ангел, — держись рядом со мной.

И Александр с Элизаром держались вместе, пока их маленький отряд прорывался к страшной и заманчивой конечной цели своего путешествия. Они отбивались от Воркующих Ламий, которые, к ужасу Иванова, принимали облик Линн, спина к спине рубились со скарабеями из Пепельных Лесов, допрашивали пленных надзирателей девятого рва восьмого круга, не жалея на них святой воды, молились за безвозвратно погибших товарищей, которым не суждено было попасть в Валгаллу или на родное серафимам Седьмое Небо. Голыми они прошли ледяные торосы Коцита, потому что иначе пройти было нельзя. И когда они — стылые, темные от усталости и страданий, покрытые струпами подсыхающих ран — увидели вмерзшего в лед исполина, который более походил на шестикрылую и шестиглавую статую, нежели на живое существо, у них не было больше желаний, кроме одного — не дать Люциферу обрести силы и свободу.

Исполин был ужасен. И они были одни против него. Двое уцелевших ангелов безнадежно от них отстали.

— Пора заканчивать, — сказал Иванов хрипло, трогая Элизара рукой за трепещущее крыло. Ангел не мог говорить, он только сипел, показывая рукой на горло. Потом, осознав, что человек его не понимает, Ангел взял нож и, присев на корточки, принялся вычерчивать на льду слова, которые не мог произнести.

Александр снял с груди ладанку с изображением летучей мыши и достал предметы, которые могли уничтожить Князя Тьмы. Две монеты, два обола с век распятого Христа, которые, проплавив лед и соприкоснувшись с водой Коцита, должны были превратить место, где они находились, в действительный Ад, которого никогда бы не смог описать Данте.

— Юсталионис! — прочитал он написанное на льду Ангелом и пожал плечами: все правильно — око за око.

Наклонившись, он положил монеты на лед, и лед сразу же задымился, а монеты стали медленно, но заметно уходить в его ноздреватую зеленую плоть.

Люцифер открыл глаза. Боль и страдание были в его глазах, они медленно увлажнились, набухали влагой. Взгляд Люцифера был непереносим — столько в нем было человеческой тоски и вместе с тем прощающего понимания, что Александр отвернулся. Двое уцелевших Ангелов уже подтянулись и теперь сидели рядом с замороженной в лед фигурой, тяжело и надрывно дыша. Слеза катилась по темной щеке Люцифера, повисла на подбородке и тяжело рухнула на сидящих.

Короткий отчаянный крик послышался из поднявшегося облака пара.

Где-то наверху, в темном окне провала, многоголосо закричали бесы.

— Уходим! — крикнул Иванов, разрывая круги пара и пробиваясь к сидящему прямо на льду Элизару.

Тот покачал головой и сделал рукой жест — уходи один.

— А вот хрен из тебя великомученик получится, — зло прохрипел Иванов и наклонился, взваливая тело Ангела на свои плечи.

Сделав несколько шагов, он обернулся. Облако пара стояло над озером, и в дымных ползущих клубках его угадывалось шевеление и невнятное бормотание. Казалось, что обреченный на смерть исполин ползет следом за своими убийцами. Больше никого не было видно.

— Уходи один, — сказал Ангел. — Со мной ты не успеешь. Уходи...

«Черта с два! Десант своих не бросает!»

— Тяжела ты, птичка Божия! — усмехнулся Иванов, сгибаясь под тяжестью бессильного ангельского тела и понимая, что таким образом им далеко не уйти. Но бросить товарища было выше его сил. И дело было совсем не в вере и не в том, что надо было спасти товарища, просто они оставались вдвоем против этой дышащей, пронизывающей холодом равнины и без тяжести живой души у него на плечах Александр не сумел бы сделать лишнего шага, просто бы упал в первый попавшийся сугроб, оставив выбор Судьбе.

Но в ухо ему хрипло дышал Элизар, и Иванов продолжал идти, неизвестно для чего считая шаги.

А идти еще предстояло целую Вечность...

20

На контрольно-пропускном пункте Валгаллы сидели сучающие херувимы и дежурный Ангел. Херувимы обрадовались появлению человека, они долго и придирчиво изучали его ветеранское удостоверение, передавая его друг другу из лап в лапы. Подпись в удостоверении произвела на всех впечатление, но еще большее впечатление произвел внушительный орденский иконостас на его груди.

Утром во Граде, когда он начал злобно срывать награды со своей пятнистой формы, его удержала Зита.

— погоди, — сказала она. — Еще рано. Это же твой пропуск куда угодно.

И даже едва проснувшись, она была обворожительна. Особенно сейчас, когда на ней ничего не было. Как оказалось, крылья ей совсем не мешали. Даже тогда, когда она лежала на спине, отдаваясь нежным рукам и губам Александра.

— Ты решил возвращаться? — поняла она.

Александр повесил форму, достал из шкафа тяжелые десантные башмаки и принялся одеваться.

— Начнем с Валгаллы, — сказал он. — Я думаю, там осталось еще немало трезвомыслящих, которые придут в ярость, узнав, как нагло и бессовестно их обманули.

Архангел Зита помрачнела.

— Значит, ты увидишь ее? — спросила она и нервно засмеялась. — Вот уж никогда не думала, что буду способна на ревность. И кого я ревную! А главное — к кому! Дикость какая-то... Ты ее по-прежнему любишь, Саша?

— Н-не знаю, — с запинкой сказал Иванов и застегнул куртку.

— Значит, любишь, — с легкой грустью сказала Зита. — Ну, передавай ей привет. С нее не убудет, а у меня ты был

первым. С ума сойти! — Она прижала маленькие ладони к пылающим щекам. — Влюбиться в человека!

Она тревожно посмотрела на сосредоточенного Александра.

— Когда ты собираешься в путь?

— Сегодня, — сказал Александр. — Надеюсь, Элизар мне поможет?

— Я бы сама тебе помогла, — огорченно вздохнула Архангел Зита.

— Тебе нельзя, — сказал Иванов. — Твоя помощь вызовет ненужные подозрения. А Элизар все-таки товарищ, вместе из Коцита выбирались.

— Я знаю, — сказала Зита. — Он мне рассказывал, что ты его вынес из Коцита и что, кроме вас, оттуда никто больше не вышел...

Она легко подбежала к Александру и обняла его сзади мягкими теплыми руками.

— Может быть, останешься еще на день? — тихо спросила она. — Нет, ты не подумай, я совсем не ревную. Но ведь один день ничего не решает, правда?

«Решает, — подумал Иванов. — Каждый день убавляет во мне готовность идти до конца». Теперь, когда он узнал правду, нетерпение подстегивало его.

— Сегодня, — стараясь не смотреть на Зиту, сказал он.

— Я вызову Элизара, — потухшим голосом сказала Зита.

Александр наклонился и виновато поцеловал ее.

— Никогда не думал, что в ваших холодных и рассудительных душах кроется столько страсти, — сказал он. — Ты была прекрасна, Зита!

И увидел, как в огромных глазах Архангела зажглись изумрудные звезды.

Сейчас, когда херувимы возвращали ему удостоверение Почетного ветерана, он с нежностью вспомнил Архангела и с горечью вдруг осознал, что их прекрасная ночь никогда уже больше не повторится. Сердце его сжалось от горя и печали, но Александр прогнал воспоминания и печальные мысли прочь, ведь они расслабляли душу и лишали его воли.

На боевом плацу стоял в окружении двух валькирий Йоханн-лесоруб и метал в мишень топоры. При каждом удач-

ном попадании валькирии восторженно визжали. Они ничем не отличались от земных поклонниц чужого таланта.

Йоханн-лесоруб взгляделся в Иванова, узнал его и по-скандинавски медленно и обстоятельно улыбнулся ему.

У коттеджей Александр увидел знакомую стройную фигурку. Сердце его дрогнуло. Он остановился, глядя на женщину. Линн сделала несколько нерешительных шагов, остановилась, настороженно глядя на Иванова, словно хотела удостовериться, что это не дух и не видение, потом, радостно взвизгнув, бросилась к нему.

— Сашка приехал! — радостно кричала Линн. — Ребята, Сашка приехал!

Она с разбегу повисла на Иванове и жарко дохнула на него перегаром вчерашнего пиршества. Нет, она все еще была прежней Линн, победительницей, вечно празднующей однажды добытую победу. Жадными поцелуями она покрывала лицо Александра, и он, уже не чувствуя привычного нетерпеливого озноба тела и души, просто ждал, когда ее радость войдет в берега.

— Ты совсем приехал? — спросила Линн.

— По крайней мере надолго, — сказал Иванов, обнимая ее за плечи.

— Ну, — радостно сказала Линн. — Мы сегодня такой пир закатим!

— С пиром подождем, — сказал Иванов, чувствуя тоску от того, что ему предстоит разрушить радужные представления Линн и других обитателей Валгаллы о счастье. — Собери ребят, Линн... Позови Акима, Свенссона позови, Малинина с Брауном и Рафферти... Матусевича позови. Нам срочно надо поговорить.

Линн отстранилась, недоверчиво глядя на Иванова.

— О чем? — удивленно спросила она.

— О поле брани для павших героев, — сказал Александр, глядя на золотую точку Небесного Чертога, парящего в космической высоте. — О доблестях, о славе, и о героях, черт бы их всех побрал!

Содержание

Партактив в Иудее	5
Злая ласка звездной руки	137
Поле брани для павших	299

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя около 50 издательств и редакционно-издательских объединений, предлагает вашему вниманию более 10 000 названий книг самых разных видов и жанров. Мы выпускаем классические произведения и книги современных авторов. В наших каталогах — интеллектуальная проза, детективы, фантастика, любовные романы, книги для детей и подростков, учебники, справочники, энциклопедии, альбомы по искусству, научно-познавательные и прикладные издания, а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, Фридрих Незнанский, братья Стругацкие, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Книги издательской группы АСТ вы сможете заказать и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

ВЫСЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Вы также сможете приобрести книги группы АСТ по низким издательским ценам в наших фирменных магазинах:

- Звездный бульвар, д. 21, 1 этаж, тел. 232-19-05
- ул. Татарская, д. 14, тел. 959-20-95
- ул. Каретный ряд, д. 5/10, тел. 299-66-01, 299-65-84
- ул. Луганская, д. 7, тел. 322-28-22
- ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, тел. 306-18-97, 306-18-98
- Большой Факельный пер., д. 3, тел. 911-21-07
- Волгоградский проспект, д. 132, тел. 172-18-97
- Самаркандский бульвар, д. 17, тел. 372-40-01

мелкооптовые магазины

- 3-й Автозаводский пр-д, д. 4, тел. 275-37-42
- проспект Андропова, д. 13/32, тел. 117-62-00
- ул. Плеханова, д. 22, тел. 368-10-10
- Кутузовский проспект, д. 31, тел. 240-44-54, 249-86-60

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7 этаж.
Справки по телефону (095) 215-01-01, факс 215-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Синякин Сергей Николаевич

Злая ласка звездной руки

Сборник повестей

Художественный редактор О.Н. Адаскина

Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев

Компьютерная верстка: Р.В. Рыдалин

Технический редактор О.В. Панкрашина

Младший редактор А.С. Рычкова

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиеническое заключение
№ 77.99.11.953.П.002870.10.01 от 25.10.2001 г.

ООО «Издательство АСТ».
368560, Республика Дагестан, Каякентский район,
с. Новокаякент, ул. Новая, д. 20.

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU.

E-mail: astpub@aha.ru.

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 10.01.01.
РБ, 220013, Минск, ул. Кульман, д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.

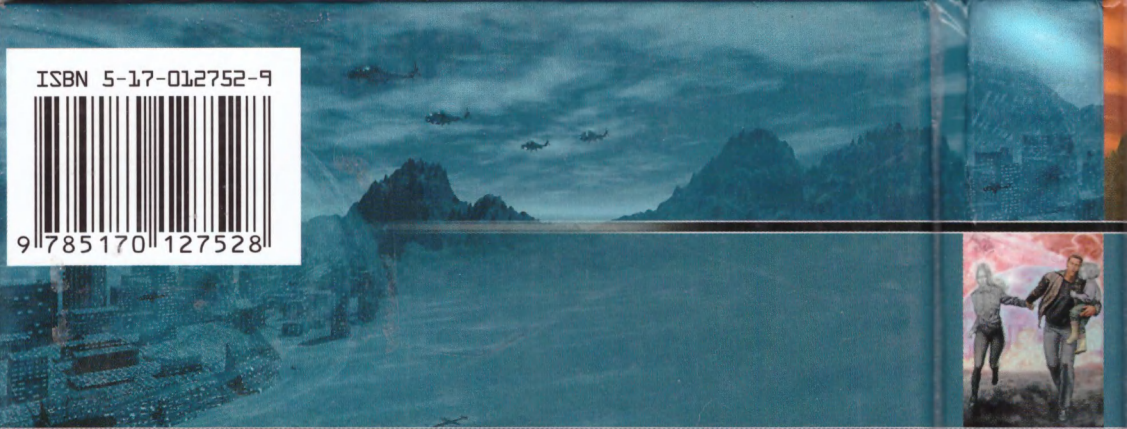
Республиканское унитарное предприятие
«Издательство «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

ISBN 5-17-012752-9

9 785170 127528

Невероятные события в славном городе Бузулуцке продолжают...

Местный партактив, оказавшись в Иудее две тысячи лет назад, пытается решить мировые проблемы бузулуцкими методами и изменить ход истории. Как вы думаете, что из этого выйдет?

Нечто странное и уму непостижимое произошло вдруг ни с того ни с сего в районном центре Михайловка. Опустилась с неба сфера и закрыла весь город... Что это? Козни нечистой силы, происки спецслужб, а может — долгожданный первый контакт с инопланетной расой? И каково это — испытать на собственной шкуре злую ласку звездной руки?..

Читайте новые повести Сергея Синякина!

ЗЛАЯ ЛАСКА
ЗВЕЗДНОЙ РУКИ

СЕРГЕЙ
СИНЯКИН

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й